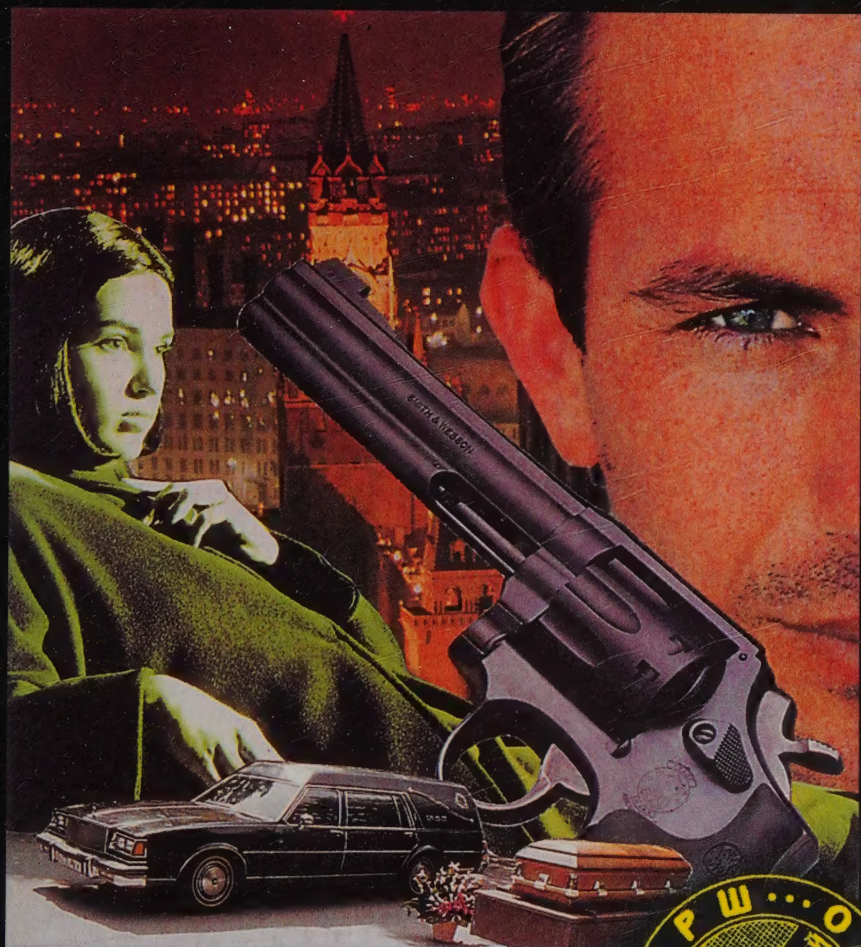
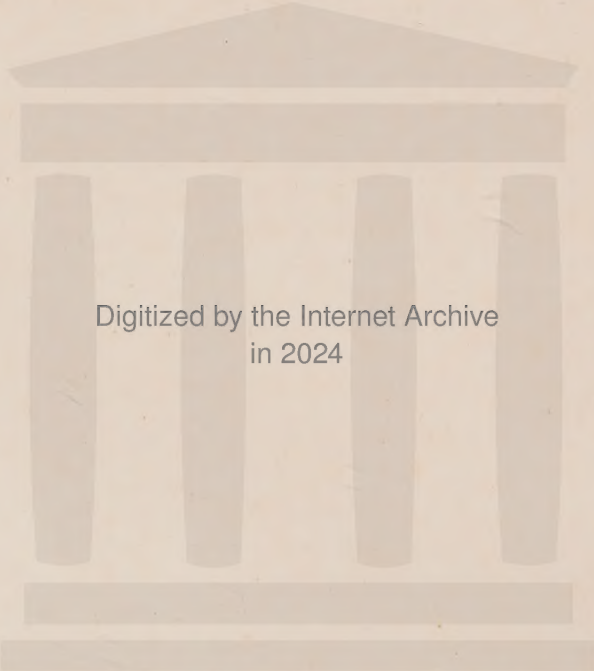

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Картель
правосудия*

Digitized by the Internet Archive
in 2024

МАРШ ТУРЕЦКОГО

МАРШ ТУРЕЦКОГО

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Картель правосудия

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
МОСКВА
1998

Серия основана в 1995 году

Художник *Марат Закиров*

Эта книга от начала до конца придумана автором. Конечно, в ней использованы некоторые подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако события, место действия и персонажи безусловно вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Фирма «Издательство АСТ».

ISBN 5-7390-0790-9 («Олимп»)

ISBN 5-237-00932-8 (ООО «Фирма «Издательство АСТ»)

© Copyright
by Friedrich Neznansky,
Germany, 1998
© «Олимп», 1998
© Оформление.
ООО «Фирма «Издательство АСТ»,
1998

Часть первая

ВРЕМЯ ЧИХАТЬ

«ВАЖНЯК» ТУРЕЦКИЙ

13 февраля, утро

Он готов был поступить как шекспировские герои, тем более что в мозги назойливо лезла классическая строчка: «В тесной комнатухе они расквитались по-крупному». Главное было — удержаться и не чихнуть. В носу уже чесалось не на шутку. Насморк мучил его уже почти неделю. Турецкий бесшумно ступил сначала на пятки, постепенно перенося вес тела на всю ступню. Итак, час расплаты настал. Хотя, если соответствовать истине, на часах было 11.17. Но от избытка чувств Турецкий готов был перевести их на ноль, учредив тем самым свой личный часовой пояс. Только бы не чихнуть.

«В тесной комнатухе...» Турецкий остановился за углом, затаил дыхание и оставался недвижим. Оружия он не доставал. Только бы не чихнуть. В

течение минуты у него не дрогнула ни одна мышца, и он не сомневался: Тот, за кем он охотился всю последнюю неделю, даже близко не подозревает, что они находятся на расстоянии вытянутой руки. А Турецкий почти чувствовал его запах. Ну что же, на этот раз с Ним будет покончено!

Вдруг и совсем не вовремя Турецкий припомнил, что подобный психофизический прием существует в спорте. В парных гонках на велотреке он называется «сюрпляс». Там речь идет не о рекордном времени, а единственно о том, кто придет к финишу первым. (Черт побери, как это нам близко, подумал Турецкий, облизнув высохшие губы.) И часто возникает совершенно поразительная картина: велосипедисты, потихоньку сбрасывая темп, вдруг останавливаются вообще и буквально прилипают к одному месту, не продвигаясь вперед ни на йоту, внимательно наблюдая друг за другом, на расстоянии буквально нескольких шагов! Они пытаются усыпить бдительность, но в то же время не пропустить рывка соперника! И могут простаивать так, в этой засаде в метре друг от друга, по пять минут, в то время как до финиша — просто рукой подать! Изюминка заключается в том, что стартовый рывок, так сказать, первоначальный импульс, может оказаться мощнее финишного спурта...

Только бы не чихнуть. Турецкий улыбнулся про себя. У него было давно забытое ощущение двух семерок в прикупе для мизера. У него было ощущение удачи. У него был кураж! Ну что ж, пора все расставить по своим местам. Этот гад позволил себе слишком много и теперь должен расплатиться. Он переступил черту. Он перешагнул Рубикон. Он перелез грань дозволенного, этот мерзкий, вонючий ублюдок! Об этом деле не знал никто, кроме них

двоих, оно не фигурировало ни в каких процессуальным бумагах, это было только между ними, и так оно и останется, черт возьми!

...А возможно, тот, кто первый придумал сюрпляс, просто насмотрелся вестернов, когда ленивый ковбой с мужественным, обветренным лицом тянется к своему кольту или «смит-и-вессону». Его рука вдруг замирает в сантиметре от кобуры, он, немного нервно шевеля пальцами, пристально вглядывается в лицо непримиримого врага, зеркально совершающего все те же телодвижения. И вот, они стоят так и стоят, на разных концах улицы, сверля друг друга взглядами, и именно это есть истинная дуэль, а последующая за этим стремительно-легкая вибрация воздуха и роковой выстрел — лишь логическая точка.

Только бы не чихнуть... И Турецкий молча вынырнул из-за угла, справедливо надеясь застать Его врасплох. И... судорожно глотнул воздух, еще не вполне понимая, что был в очередной раз обманут.

Не тут-то было. Противник уже почти скрывался из виду.

Турецкий, почувствовав, что сердце куда-то неудержимо проваливается, не застряв даже в пятках, отчаянно бросился наперерез, понимая, что если Тому удастся преодолеть последнее препятствие, то это — все, поминай как звали. Допустить же такой поворот событий было никак не возможно. Слишком уж долго он охотился за Ним, за этим мерзким, вонючим ублюдком!

И тут случилось непоправимое. Произошло то, от чего Турецкий просто оторопел, даже не сразу сообразив, насколько это было оскорбительно. Этот ублюдок... он... он нарушил правила игры. Он забрался на стену...

Огромный черный таракан быстро пересек ее и позорно удрал под плинтус. Да, под плинтус. От чего тот, кажется, еще больше отошел от стены. Причем даже со скрипом.

Турецкий был просто уничтожен. Он плюхнулся в свое кресло, сильно подозревая, что после такого фиаско вряд ли уже на что сегодня будет способен. Почти неделю он охотился за этим громадным черным насекомым, после того как оно, проявляя поразительные тактические качества, два дня подряд купалось в его черном кофе (две ложки Chibo, полторы — сахара на сто пятьдесят граммов воды, горячей, кипяченой, но не кипящей), едва лишь Турецкий выходил из кабинета, и удирало, оставляя по ходу движения характерные следы на обоях. И вот. *Vae victis... vae victoribus* — горе побежденным... горе победителям.

Турецкий с остервенением чихнул несколько раз подряд, но это не принесло ожидаемого облегчения. Насморк изводил его уже почти неделю. И по всем теоретическим выкладкам должен быть на исходе. Ан нет. Они боролись на равных: Турецкий, в отличие от тараканов, не применял запрещенных приемов: никаких капель, отваров, примочек! Знакомый доктор в ведомственной поликлинике (по слухам, личный врач самого Парламентария) пару дней назад объяснил ему, что сам собой насморк проходит за десять дней, а подгоняемый всяческими разными каплями — за семь-восемь. Так какая разница?!

— Отчего он вообще возникает? — чисто из вежливости поинтересовался тогда Турецкий, загнанный на медицинскую территорию исключительно усилиями любящей супруги Ирины Генриховны.

«Перегриппую, перегриппую. Как бы дочь не заразил!»

— Вот-вот, — неожиданно занервничал эскулап. — В самую точку.

— Что — в точку? — не понял Турецкий.

— Никто! Понимаете? Никто не может уразуметь, отчего он возникает, откуда берется, почему происходит, для чего существует! Причина — неизвестна. И это — просто чудовищно! Это — катастрофично! — Он вытащил смятый платок и промокнул моментально вспотевшее лицо и протер очки. — Это нелепо, но это факт! Ничтожнейшие сопли просто текут себе, и все тут! Но почему, почему?! — взвыл доктор. — Это как рак, это как СПИД. Причины возникновения — тоже неизвестны. А значит, и методы лечения — в совершеннейших потемках... Короче, — резюмировал он с полным отчаянием в голосе. — Это — ужасная болезнь. Она неизлечима. И когда-нибудь она приведет человечество к гибели.

— Есть разные болезни, друг Горацио, что и не снились нашим мудрецам, — съязвил Турецкий.

— Вот именно, именно, — оживился доктор. — Вот, например, ваш генеральный прокурор. Вот что с ним такое может быть?

— Генеральный болен, — хладнокровно ответил Турецкий, отметив про себя, что ничего иного он бы не смог сказать ни святой инквизиции, ни под пытками в гестапо, ни на допросе первой степени в ФБР. Возможно, просто потому, что это было правдой. Отсутствие генерального в последний месяц стало уже притчей во языцех.

— Болезнь генерального, по-видимому, довольно деликатного свойства. — Доктор запустил еще

один пробный шар. Но Турецкий только пожал плечами.

Из поликлиники он уехал с твердым решением даже близко не подходить к аптечным киоскам и на корню отверг все последующие атаки жены с целью домашнего самолечения.

И тем не менее пора было возвращаться к своим баранам. То есть к своим сафронам. Турецкий достал из шикарной зеленой кожаной папки (подарок секретарши, питавшей несомненную слабость к кожаным вещам) пару листов со своими каракулями. Из которых любой нормальный, далекий от почерковедческой экспертизы человек смог бы вычитать только одно слово: Сафронов. (Оно было жирно подчеркнуто два раза. Турецкий секунду подумал и подчеркнул еще раз.) Впрочем, гомо сапиенс, обладающий зачатками интуиции, после нечеловеческого напряжения, возможно, перевел бы и следующую фразу: «Начальник следственного отдела УВД Центрального административного округа». В общем-то это фигура. Конечно, не бог весть какой номенклатурный пост, но не стоит забывать, что ведь — в Центральном округе. Любая уголовщина, происходящая в пределах Бульварного, а тем более Садового кольца, приобретает сильное звучание. Ну а если речь идет о вещах более тонких, об «авторитетах», о заказных убийствах... Надо полагать, в сфере определенных вопросов этот человек может быть все-сильным. Он сам себе РУОП. Понятно, что далеко не на все «дела» он в состоянии повлиять, но как источник информации и как «стрелочник» может оказывать чрезвычайные услуги.

Что же есть реально на этого Е. П.? Только мертвый свидетель неизвестно чего, по фамилии... по фамилии Сагайдак, по званию старший лейтенант.

И поросшее мхом гипотетическое предположение, что сей достойный милицейский муж (Сафронов Е. П.) берет взятки. Причем, видимо, давно. И если да, то делает это регулярно и с удовольствием.

Старший лейтенант Сагайдак в то время был капитаном (как это?!), квалифицированным милицейским экспертом из Северо-Восточного округа и непосредственно с Е. П. либо под его чутким руководством никогда не трудился. Их пути пересеклись лишь однажды. Так в чем тут дело?

Турецкий полистал жиденькую папку...

Ага, в следующем. Сагайдак находился в составе оперативно-следственной группы, исследовавшей все то, что осталось после взрыва в 48-м троллейбусе. Занимался составлением диаграммы последствий взрыва. Фотографировал тела погибших. Проверял содержимое их сумок и карманов... Стоп-стоп-стоп! Если все вокруг разнесло в клочья, то как можно было понять, что где находилось до взрыва, в каких карманах и сумках?..

А на следующий день после взрыва, когда все средства массовой информации, как водится, завопили о «чеченском следе», мэр города пообещал крупную денежную награду за раскрытие преступления, установление мотивов и поимку организаторов и исполнителей теракта. Турецкий помнил, что это дело, как и многие другие, спустили на тормозах, ничего и никого не нашли. Как будто... Или нет?

Мертвый ныне свидетель по фамилии Сагайдак утверждал, что уже через два часа после выступления мэра в лабораторию окружного морга с толстым портфелем неожиданно прибыл полковник Сафронов Е. П. Он потряс воздух распоряжением замминистра МВД, выставил всех вон и засучив рукава

принялся за дело! А еще через час последовало полуофициальное заявление, что в клочьях одежды погибших были найдены другие клочья, которые удалось идентифицировать как обрывки писем и документов, принадлежащих лицам несомненно чеченской национальности! Фантастика... А вывод, соответственно следуя логике Сафронова Е. П., надо было делать такой. Террористы сами ехали в троллейбусе, но поскольку, пока что чеченский «патриотизм» еще не доходил до состояния камикадзе, то, значит, взрыв случился незапланированно. Допустим, кто-то выронил взрывчатку себе под ноги.

Сагайдак утверждает (вернее, утверждал), что Е. П. сфальсифицировал улики. И делал это на том основании, что... что... Турецкий поискал в деле эти самые основания и ничего не нашел. Да какие, к дьяволу, основания?! Он прекрасно понимал, что имел в виду Сагайдак. Они, эти основания, опытному криминалисту были не нужны. Он занимался останками погибших двое суток и все проверил и изучил досконально. Не было никакого «чеченского следа» в виде записок и документов. Не было, хоть ты тресни! Но произошла необъяснимая вещь. Первая, самая подробная, детальная опись вещдоков со всеми диаграммами взрыва мистическим образом исчезла. Что и дало замечательную возможность неутомимому Сафронову приобщить к делу свои ценные находки. Аплодисменты, дамы и господа.

Итак, закладка № 1. Чтобы получить доступ к «работе», Е. П. запасся личным распоряжением замминистра.

Если Сафронов нечист на руку и при этом сребролюбив, то вполне логично, что, презрев свои серые будничные дела, бумагомарательство и про-

чую милицейскую дребедень, он рванул раскрывать свеженькое преступление. А если по-другому? По-другому это называется служебным рвением.

У Турецкого зачесалось в носу.

Что же было дальше?... Сагайдак немедленно доложил по инстанции о своих наблюдениях. Была организована новая следственная группа, занявшаяся дополнительным расследованием (кусочки «исполнителей» ведь находились в морозильных камерах). Руководителем бригады оказался... сам Сафронов Е. П.! Ну ни фига себе... Вот тут-то он и прищучил не в меру ретивого капитана. Того понизили в звании, в должности, в зарплате и в чем только можно. Наверное, если бы Сафронов смог, он сделал бы Сагайдака ниже ростом и уменьшил суточную норму кислорода. Впрочем, вскоре это и произошло. Но, как пишут в скверных детективах, не будем забегать вперед. Турецкий чихнул.

Что касается взяточничества, то первые «сигналы» на Е. П. были еще шесть лет назад, в бытность его простым советским следователем. И — не подтвердились. Затем еще через два года. И — снова не подтвердились. Теперь появилась еще одна, косвенная, правда, улика.

Сегодня ночью на Каширском шоссе после недолгой перестрелки разбились две машины. Шестерка «Жигули», за рулем которой сидел Сагайдак, и темно-синий «БМВ 2022 МНО», с неопознанным пока что молодым человеком. Ровно по шесть пулевых отверстий в каждой машине. Оба водителя погибли. Свидетелей нет. Среди личных вещей неизвестного владельца иномарки был обнаружен конверт с 750 долларами и инициалами Сафронова. По заключению баллистической экспертизы, выстрелы производились из трех пистолетов. Значит, был еще

кто-то, покинувший поле брани, оставив на нем деньги, если он о них, конечно, знал. И на чьей он был стороне, этот третий? Может, на своей собственной?

Можно справедливо предположить, что Сагайдак выслеживал темно-синий «БМВ», а тот обнаружил слежку. Но ведь сей туманный факт свидетельствует лишь о том, что, возможно, вероятно, предположительно, ему собирались эти деньги за что-то вручить. И еще неизвестно, взял ли бы он их. А может быть, он занимал. В долг. Под проценты. С оформлением всех соответствующих бумаг. Или под честное слово. Или под залог. Кто знает?

По иронии судьбы оба факта компромата на Е. П. выяснились по схожему алгоритму. Вещдоки были обнаружены у людей, уже погибших в транспорте. Совпадение это или случайность, как говорит Меркулов?

Закладка № 2. Совсем не сыщик, а скорее эксперт-криминалист, то есть научный работник, капитан Сагайдак следил за Е. П. И уж наверняка — за людьми, входящими с Е. П. во внеслужебный и неформальный контакт.

Турецкий пытался рассуждать логично. Хорошо, допустим, Сафронов берет взятки. Ладно, пусть он действительно их берет. А кто, собственно, этого не делает? Тот, кому не предлагают. Логично? Очень логично. А еще кто не берет? Ну кто? «Я, — вдруг вспомнил Турецкий. — Я не беру. А почему, кстати сказать?»

Что есть взятка, если разобраться? Неформальная компенсация за неформальный подход к работе. Но с одним нюансом — компенсация, выданная авансом! Вот что удивительно. Да... Внутреннее рас-

следование — самая отвратительная вещь. После насморка.

Щелкнул репродуктор внутреннего телефона, и секретарша следственного отдела проворковала:

— Александр Борисович, информация на Сафронова уже у вас в компьютере.

Турецкий, не так давно прошедший компьютерный ликбез, тяжело вздохнул и, неловко ткнув пальцами, набрал несколько комбинаций на клавиатуре. Ввел личный код допуска, соответствующий уровню секретности запрошенной утром и только сейчас полученной информации...

Что касается ставшего уже привычным отсутствия генерального на трудовом посту, то тут действительно есть о чем задуматься. Чиновники подобного ранга бесследно не исчезают. А между тем никто не может авторитетно заявить (включая Костю Меркулова, как раз временно и исполняющего обязанности Генерального прокурора Российской Федерации!), что за последний месяц лично видел его, хотя бы в замочную скважину.

Хотя лично Турецкий от этого никакого вреда, кроме пользы, не чувствовал. Когда еще ему предоставится подобная свобода действий, как в то время, когда его ближайший кореш не без успеха изображает генпрокурора? Ну, может, разве когда Грязнов дотянет до министра МВД? Но это уже, наверное, будет в другой жизни. С другой стороны, как назло, никаких особых преимуществ из нынешней вседозволенности сделать пока не удалось. Взять хоть это дело с Сафроновым.

В правом верхнем углу экрана появилось четыре фотографии Сафронова Е. П. На одной он был в форме полковника милиции, на другой, несмотря на немалый живот, оказался увековечен в лихом

прыжке на теннисном корте, на третьей — прогуливался по Новому Арбату с коренастым ротвейлером на металлическом ошейнике с шипами, одна лишь мускулистая шея которого, видимо, навела ужас на шарахнувшихся в стороны прохожих, что и запечатлел неизвестный фотограф. А на последней оказался на каком-то светском рауте рядом с мэром города. Е. П. смотрел со всех снимков открыто, прямо, весело, даже несколько дерзко, вызываяще, что ли. Взгляд этот выражал, казалось, одну-единственную фразу: какого, собственно, хрена?! Его круглая лысая голова была посажена на короткой шее, под стать конституции собственной собаки. Большие уши, может, когда-то и оттопыривались, но щеки со временем настолько округлились, что это совершенно нивелировало допухость. Одним словом, вполне приятный нахальный мужичок-боровичок.

Итак, полковнику Сафронову Е. П. сорок пять лет, русский, женат во второй раз, от первого брака — двое детей, от второго — столько же. Е. П. прошел всю мыслимую должностную лестницу, начинал больше двадцати лет назад в подмосковном Звенигороде банальным постовым. «Легковые — налево, грузовые — направо, пешеходы — прямо», — мысленно скомандовал Турецкий. Так... В тридцать три года заочно закончил юридический институт. (Правда, работа в органах — занятие потомственное. Сафронов-старший доблестно трудился еще в ГПУ, потом, среди прочих славных кампаний, участвовал в «деле врачей» и прищучивании «безродных космополитов». Сейчас — на заслуженном отдыхе.) Во время проведения московской Олимпиады отличался особым рвением. В чем, черт возьми?! В толкании ядра? Так... С 1981 по 1985 год работал в различных криминалистических группах,

подчинявшихся непосредственно МВД, которые постоянно курировал нынешний заместитель министра. Отлично, эта связка становится ясна. С восьмьдесят пятого Е. П. — на оперативной работе. С 1990 года — в следственном отделе Центрального административного округа. Собран и целеустремлен в решениях конкретных задач, которые решает с уникальной, хм, так и написано... с уникальной быстротой. Сторонник силовых методов воздействия на подсудимых. Хм... Командировки в Таджикистан, Чечню. Принимал участие в планировании совместных операций с ФСБ. В своей нынешней должности пребывает чуть более двух лет. Е. П. имеет пять правительственных наград, и все — юбилейные. Но зато за последние полгода — личная благодарность мэра Лужкова за раскрытие «чеченского следа» по делу взрыва в троллейбусе на маршруте № 48... Ну еще бы! (Правда, никакой денежной награды.) И ведь никто не задастся вопросом: какое отношение имеет следователь из Центрального округа, пусть и самый основной, к взрыву возле метро «Алексеевская», пусть и на проспекте Мира?! Так...

Заломило голову. Турецкий потер виски.

На экране замигало: «Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы...»

Приложение № 1. Нажмите любую кнопку для продолжения».

Турецкий ткнул еще раз. Но следующая фраза вообще заставила его разинуть рот. Черным по белому (вернее, учитывая цвета экрана, зеленым по голубому) в справке на Е. П. значилось:

Пресс-релиз САГ «Аист»,
выполненный по стандартным критериям
и в иерархическо-анонимном порядке.
Бюллетень № 17-s.

Согласно последнему рейтинг-листу, составленному по N. Wolf-системе, оценивающему практический (результативный) профессионализм следователей всех уровней следственного аппарата Москвы, но за исключением следственного управления ФСБ (эксклюзивный код доступа разряда 9799 FG), полковник милиции Сафронов Е. П. занимает 7-е место с личным коэффициентом: 23195 (9-е — по итогам предыдущей недели).

Для ознакомления с Приложением № 2 нажмите любую кнопку...»

— Вот тебе и подарок от фирмы. — Турецкий помотал головой и снова глянул на дисплей. Да нет, конечно, ему не померещилось, все так и было. Рейтинг для следователей?! Вот именно... Как для шахматистов или теннисистов?! Да что же это такое, черт возьми?! Кому он мог понадобиться? То есть нет... но кто его делает?! И каким образом? Что это за N. Wolf-система? Что за загадочный САГ «Аист» со своим пресс-релизом?

«Для ознакомления с Приложением № 2 нажмите любую кнопку...»

— Ах да... — Турецкий машинально нажал кнопку.

«Для ознакомления с Бюллетенем № 18 введите эксклюзивный код доступа разряда 9799 FG)...»

Ну еще бы! До эфэсбэшников так просто не

доберешься. Турецкий без малейшей веры в успех ввел свой личный код допуска, подождал несколько секунд, но тут компьютер банально завис. Турецкий нажал три свои любимые кнопки: Ctrl и Alt+Del. Компьютер перезагрузился, и Турецкий повторил всю операцию снова, но и результат был тот же! Это могло значить следующее.

1. Возможно, у него есть код доступа к какой-то информации о ФСБ, о чем он, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ старший советник юстиции Турецкий А. Б., нет, лучше — А. Б. Турецкий, на пару с большим черным тараканом, сидя в своем идиотском кабинете на четвертом этаже 15-го дома по Большой Дмитровке, даже ни сном ни духом.

2. Компьютер мог тривиально давать сбой. Тем более под его, старшего советника юстиции, корявыми пальцами. Эффект присутствия мастера, знаете ли.

3. Сетевая информация, которой он сейчас пытался воспользоваться, является чем-то вроде бесплатной рекламы, как «Экстра М» или «Центр Плюс», которые щедро разбрасывают по почтовым ящикам.

4. А что, собственно, — 4?! Только то, что все три предыдущие пункта могли как исключать один другой, так и банально мирно сосуществовать.

— Соединяю с начальником МУРа, — снова раздался голосок секретарши.

— Привет, Слава. — Турецкий взял трубку. — Как дела?

— Жизнь безусловно кончена, — проскрипел Грязнов. — Но в остальном — все прекрасно. Что еще желаешь узнать?

— У меня плохие новости, — признался Турецкий.

— У тебя плохие новости? — занервничал Грязнов. — Я ненавижу плохие новости.

— Все не любят плохие новости, — резонно откликнулся Турецкий.

— Все — не любят, — подчеркнул Грязнов. — А я их — ненавижу!

— Ну так слушай. Мы все «под колпаком» у Мюллера. То есть, я хочу сказать, что всех столичных следователей взяли на учет и регулярно выставляют оценки. Как тебе это нравится?

— А родителей не вызывают? — с опаской поинтересовался Грязнов.

— Тебя что, это совсем не трогает?

— Ну почему же. Я вроде слышал об этой лабуде. Но и только. А кто ей занимается? И для кого? И потом, как «они» «это» подсчитывают?

— Пока что сам не пойму. Если будет свободное время в конце дня, приезжай, в моем сейфе для тебя найдется кое-что любопытное. Кроме того, посмотрим, какие баллы эти эксперты вшивые нам с тобой нарисовали.

— Мысль, — одобрил Грязнов. — Тогда до вечера.

— Подожди, это все?! Это же ты мне звонил, — напомнил Турецкий.

— Ах да. Ну ладно. Так вот. Меня отправили на пенсию.

— Вечного врио начальника МУРа?! — возмутился Турецкий. — Никогда не поверю.

— Придется. Я теперь семейными склоками занимаюсь. Буду отмазывать какого-то престарелого банкира от убийства собственной тещи-долгожительницы. — И, видимо заглянув в бумаги, он доба-

вил: — В целях сосредоточения оперативной работы в одном ведомстве.

— Ух ты! Скажи еще что-нибудь умное, — искренне попросил Турецкий.

— Как там ваш генеральный? — риторически брякнул Грязнов и повесил трубку.

А действительно, как генеральный? Генеральный — болен. Не долго думая, Турецкий снова протянул руку к телефону и набрал прямой номер Меркулова, который существовал лишь для немногих посвященных.

— Константин Дмитрич? Как здоровье? Ну, слава богу. В общем, крепись. Мне нужна санкция на прослушивание Е. П.

— Кого-кого? — удивился Меркулов.

— Ах да, — спохватился Турецкий, которым вдруг овладела страсть к сокращениям, — эта аббревиатура еще не стала достоянием общественности. Мне нужна санкция на прослушивание полковника Сафронова, занимающего должность НСО ЦАО МВД.

— Есть серьезные основания? Ты что, уже установил личность убийцы этого криминалиста? Сагай... дака?

— Да, — вдохновенно соврал Турецкий, надеясь, что скоро так и будет. — В этот момент он интуитивно, даже не отдавая себе отчета, дернул ногой и под его черным английско-турецким ботинком «Trasta» (сорок второй размер, триста семьдесят тысяч, пардон, рублей, на рынке «Динамо») хрустнул большой черный таракан, мерзкий, вонючий ублюдок, опрометчиво пересекавший комнату!

Час расплаты пробил. Враг был уничтожен. Турецкий удовлетворенно чихнул.

13 февраля, утро

Грязнов ошибался.

Престарелый банкир оказался энергичным мужчиной сорока двух лет. А его покойная теща была и того моложе: Валерия Ильинична Ширинбаева умерла в свой сорок первый день рождения. Что было неприятнее всего.

Собственно, Грязнову было на это плевать. Но впервые за последние полгода (что в отечественных ритмах смены чиновников просто эпическая протяженность) он получил абсолютно конкретную команду непосредственно из аппарата министра МВД — работать с этим делом лично и персонально в единственном числе. Естественно, оно находилось в ведении городской прокуратуры. Ну а задача МУРа была классической — вычислить и взять преступника.

Виктор Эммануилович Лозинский, президент «Артельбанка», производил на собеседника интенсивное впечатление. Примерно как гамма-лучи. (По-другому Грязнов назвать бы это не смог.) Среднего роста, стройный, худощавый, пожалуй, даже несколько сублильный, словом, как говорят американцы, ни капли лишнего жира. Чуть вытянутые, но правильные черты загорелого лица и пронзительные голубые глаза. Ни одного седого волоса в черной шевелюре, зато заметный шрам на лбу. Шерстяной пиджак в темно-зеленую клетку и синие джинсы сидели на нем свободно, но не болтались.

Грязнов любил наблюдать за тем, как посетители входят в кабинет начальника МУРа. Пусть даже и врио. Обычно люди неоправданно много суетятся,

придавая слишком большое внимание дверям. То посетители неловко поворачиваются задом к хозяину, чтобы поскорее их притворить. То бестолково пытаются закрыть двери у себя за спиной, неизбежно выворачивая руки. То забывают закрыть вовсе, а то нахально хлопают и сами же этого пугаются. Они спотыкаются на двух квадратных метрах и не знают, куда девать руки. Как будто только что с той стороны двери они кого-то придушили.

В общем, «покажи мне, как ты закрываешь дверь, и я скажу, кто ты».

Лозинский вошел в кабинет как-то незаметно, вдруг, и дверь за ним закрылась как-то сама. Он держал руки в карманах и не собирался их оттуда вынимать. И теперь Лозинский сидел на стуле совершенно прямо, но расслабленно, отлично владея своим скоординированным телом. Выглядел встревоженным, но не паникующим. Походил, пожалуй, на русского аристократа в Париже времен первой волны эмиграции. У тех была бездна достоинства и обаяния и дыры в карманах. А этот — процветающий банкир. Правда, прикончивший родную тещу. Возможно, прикончивший справедливости ради, уточнил про себя Грязнов.

Диалог с Лозинским напоминал партию в пинг-понг. Он давал ответы четкие и односложные. Подбрасывая лишь изредка ироничные детали, не составлявшие, впрочем, никого из участников событий в невыгодном свете. Казалось, он ждал от Грязнова помощи и полагал, что вправе на нее рассчитывать.

— Сколько лет вашей супруге?

— Двадцать один. Это... был и ее день рождения.

— О чем вы? — не понял Грязнов.

— Она родилась в день рождения своей матери.

— А теперь получается, и в день смерти? Хорошенькая память останется на всю оставшуюся жизнь. Как же она будет праздновать?

— Вы меня смущаете, — с каменным лицом сказал Лозинский. Он скрестил руки на груди, и на узком запястье левой Грязнов увидел запаянный в один корпус с браслетом хронограф Rolex стального цвета, на безымянном пальце правой — изящное обручальное кольцо. Настолько тонкое, что Грязнов невольно напряг зрение: уж не померещилось ли оно вообще?

— Чем занимается ваша жена?

— Спортом. Фигурным катанием.

— У вас есть дети?

— Сыну полтора года.

— Надеюсь, хоть он-то родился в другой день. Вы приехали с охраной?

— Простите?

Грязнов не стал повторять вопрос. Он остановил магнитофон в ящике стола. Чуть отмотал запись назад и нажал на «воспроизведение».

— Вы приехали с охраной? — глухо прозвучал на пленке его голос.

Лозинский оценил этот жест.

— У меня нет охраны, — спокойно сказал он.

— Вы действительно никого не боитесь?

— До вчерашнего дня так и было.

— Кому же нужно было убивать вашу тещу?

— Надо полагать, никому.

— То есть хотели убрать не ее, а вас? Лозинского Виктора Эммануиловича?

— Это вы сказали, а не я, — подчеркнул Лозинский.

— Но вы-то сами ее не убивали?

— Шутите?

— Да.

— Потрясающее чувство юмора. Не теряйте его, — посоветовал Лозинский.

Грязнову вдруг захотелось послать все к чертовой матери.

— Хорошо бы сейчас в лес, — неожиданно сказал он. — Завтра рвану-таки на охоту, решено. В Яковлевский лес!

— Вы не про Калужский, случайно, говорите? — поинтересовался Лозинский. — Ну надо же какое совпадение, я тоже люблю там постреливать!

— А вы любите рыбалку? Знаете что, если хотели прикончить именно вас, то, вполне возможно, попробуют снова. Возможно, даже тем же способом. Чем черт не шутит? Мой вам дружеский совет — устраивайте побольше банкетов. Авось тогда они себя обнаружат. Мы будем ловить гадов на живца, вот как мы сделаем, — подытожил Грязнов.

Лозинский слегка нахмурился. От этого движения шрам на лбу немного побагровел и резче выделился на загорелом лице.

— Значит, надо полагать, вы хотите просто подождать, пока меня прикончат? — переформулировал он.

— У меня в уме это выглядело гораздо лучше, — признался врио начальника МУРа. — Стройнее и гармоничнее, я бы сказал.

— И вы можете оставаться настолько безучастны?! А как же профессиональный долг и все такое?

— Послушайте, господин Ротшильд! У нас солидная организация, — вдруг зарычал Грязнов, стукнув кулаком по столу. — Разве вас не предупреждали там, наверху, когда вы обращались за помощью?! Мы торопимся лишь тогда, когда прячем за собой какое-нибудь дерьмо!

Лозинский опешил. Грязнов довольно улыбнулся:

— Я репетировал роль начальника. Ну как, ничего получается?

— Знаете... Для дополнительного эффекта я бы посоветовал использовать высокие лакированные сапоги, хлыст и немецкий акцент...

— Скажите откровенно, Виктор Эммануилович, в чем дело? Отметим в сторону родственные чувства, они тут ни при чем. Ведь вы чрезмерно для невинного человека обеспокоены этим делом.

— В свое время, когда наши доблестные компетентные органы относились к частному капиталу и предпринимательству, мягко говоря, предвзято, я, подстраховываясь, оформил на тещу некоторое имущество. Это, надо полагать, все объясняет, не правда ли?

— А конкретно, что вы на нее оформили? Облегчите душу, — посоветовал Грязнов. — Вы разве не знаете, что невысказанные мысли плохо влияют на простату?!

Лозинский вздохнул:

— Небольшой дом за городом.

— Действительно небольшой? — невинно поинтересовался Грязнов.

— Да, такой скромный особнячок.

— И все?

— Еще... несколько участков земли. Буквально пару штук.

— И где же именно?

— Да так, знаете ли, там и сям... А вы уже установили причину смерти моей тещи?

Грязнов подвинул к нему раскрытую папку:

— Вот акт судебно-медицинской экспертизы.

— Что-то не хочется читать. Не расскажете сами, буквально в двух словах?

— В составе алкоголя, обнаруженного в крови, оказался древесный спирт. Вы видели покойную в тот момент, когда ей стало плохо?

— Скорее, слышал. Когда проводили последних гостей, мой ребенок вдруг проснулся и закапризничал, две недели в месяц он живет... жил... проводил у бабушки. Теща, надо полагать, была изрядно навеселе. Она стала читать внуку «Трех поросят» и хрюкала так, что не выдержала аорта. О чем, кстати, моя жена не раз ее предупреждала.

— Почему же она не ходила к врачу? — искренне удивился Грязнов.

Лозинский махнул рукой:

— Проще было уговорить нашу кошку самостоятельно сбегать к ветеринару.

— А еще говорят, что женщины живут дольше мужчин.

— Я читал, что полторы сотни лет назад средняя продолжительность женской жизни была тридцать пять лет, — откликнулся Лозинский. — Так что...

— Так что она пережила свое? Вы это хотите сказать? Сколько было гостей на дне рождения?

— Надо полагать, человек пятнадцать. И между прочим это были гости тещи: праздновался только ее день рождения. Моя жена в этот раз ничего не отмечала. Она только вернулась с соревнований где-то в Германии. Упала там, подвернула ногу и была зла на весь белый свет.

— Припомните хорошенько. Среди гостей был кто-то новый, прежде не знакомый вам?

— По-моему, добрая половина.

— И как эти люди к вам попали?

— Их привела другая половина. Те, что знакомы.

Я, собственно, всего этого действия не видел, потому что появился только к финалу. Во дворе ее дома стояли четыре машины такси. Жена вызвала для гостей. Я как раз только приехал, поздно закончилось совещание на правлении банка. Было далеко за полночь.

— По показаниям вашей жены и других свидетелей — в час двадцать пять.

— Значит, так и было, — кивнул Лозинский. — Надо полагать, к этому времени все спиртное в доме закончилось. Все уже разъезжались по домам. Но шло бесконечное прощание в прихожей и на лестничной клетке. Как водится, родилось предложение опрокинуть на посошок. Кто-то из гостей сбегал в ближайший ларек и купил бутылку.

— Кто именно и в какой ларек? Это же ваше спасение, вы понимаете?

Лозинский пожал плечами:

— Возле дома ларьков десятка полтора. Но можно проверить, какой из них в это время работал. И по бутылке определить, в конце концов...

— Это уже сделали. Точно такой водки, — Грязнов заглянул в папку, — «Граф Орлановф Игорь Александрович»... хм, надо же, никогда не пробовал... нигде обнаружено не было.

Лозинский открыл рот и... ничего не сказал. Тонкая верхняя губа приподнималась, обнажая жемчужную нитку зубов. И собеседник, готовый было что-то услышать и сбитый с толку этим молчанием, поданным как самостоятельная реплика, сам уже торопился вступить в разговор, причем сказать что-то непременно приятное, остроумное. А Виктор Эммануилович Лозинский кивал и одобрительно смеялся. Позже Грязнов узнал, что знаменитое улыбочивое молчание Лозинского называют его

золотым фондом и стартовым капиталом. Но сейчас он с трудом подавил противное желание приятно пошутить и, незаметно включив в столе магнитофон, начал разговор подчеркнуто резко и сухо. Ах ты, Карнеги хренов.

— ...Но дело даже не в этом, — неохотно продолжил он. — Насколько я понимаю, «стременную» пила не одна ваша теща? И другие ведь тоже?

— Что, простите, она делала? — удивился Лозинский.

— Ну «стременную» же! — объяснил Грязнов. — То есть «на ход ноги», «на посошок», «подкаблучную» опрокидывала не одна она?

— А... Ну конечно.

— А вы?

— Я — нет.

— Вы что, вообще не пьете? — подозрительно спросил Грязнов.

— А это запрещено? — спросил Лозинский. — Я в любой момент могу начать.

— Так почему же остальные живы, а ваша теща — не совсем?! — Грязнов с победоносным видом откинулся на спинку кресла и с хрустом размял пальцы.

— Мне кажется... — пробормотал Лозинский, — надо полагать, именно это вы и должны выяснить в первую очередь... А может... может, это сделали марсиане? — неожиданно предположил он.

— Марсиане?! — оторопел Грязнов.

— Ну да, — оживился Лозинский, внимательно, однако, глядя на человека, которого ему рекомендовали как лучшего сыщика Москвы и области. — Ну да, надо полагать, марсиане. Это на них здорово похоже! Стругацких читали? У них там какая-то сверхпродвинутая цивилизация запросто укрощала

земных ученых, когда те в своих исследованиях затрагивали их интересы. Только делали они это на редкость бестолково. Ну, скажем, сидит себе человек дома, работает спокойно. И вдруг — бац! Во дворе из-под земли здоровенное дерево выскакивает! Ученый выглянул в окно и обомлел. Потому что понял — этот «прыщ» должен был вскочить у него под задницей! То есть инопланетяне элементарно промахнулись. Вы понимаете?

— Не совсем...

— Ну как же объяснить... Когда вы бьете комара, вы часто бьете мимо, просто мажете, сотрясаете атмосферу, так? И кстати, в это время он уже может находиться на расстоянии в пятьдесят два миллиарда парсеков, сравнительно с его собственными размерами, но в то же время — совсем рядом с вашей рукой, этим ужасным, гигантским, с его точки зрения, орудием возмездия. А представляете, с какой силой вы разрубаете воздух?! Ее, этой силы, может быть, хватит...

— ...чтобы одновременно прикончить всех насекомых в Бабушкинском районе, — закончил за него Грязнов.

— Почему именно в Бабушкинском? — заинтересовался Лозинский.

— Я там живу. Давайте, отмечу ваш пропуск...

Что же он имел в виду? Убивая дома таракана, я действительно в этот удар вкладываю силу, в миллион раз, пусть даже в пятьдесят два миллиона превышающую минимально необходимую. (И кстати, ведь ничего не могу с этим поделать!) Если целили в Лозинского (а смешно даже предположить, что кому-то мешала заурядная «детская» тренерша по фигурному катанию), то возможны два варианта. Недостаточно резко наведенный прицел, как у

«марсиан», либо совсем наоборот — плановая обработка пространства вокруг банкира. Как превентивные точечные удары. Вроде бомбежки баз чеченских террористов... Чушь какая-то... Почему я делаю работу следователя, а не свою собственную? Почему, допустим, не Турецкий занимается этим делом? А хорошо бы сейчас в лес... «Надо полагать!». Тыфу ты...

Как только Лозинский ушел, Грязнов немедленно набрал номер Турецкого:

— Слышишь, Сашка, представь себе, что ты бьешь комара. И промахиваешься... Представляешь?

— Извини. Честно говоря, — сознался Турецкий, — я не бью комаров. У нас по всему дому Ирка понатыкала в розетки «Фумитокс».

КАТЯ МАСЛЕННИКОВА

8 февраля, утро

Сквозь сон она почувствовала, как на лоб и ресницы падает что-то прохладное и пушистое, что через мгновение превращается в маленькие капельки. Она увидела себя на берегу океана. Бриз доносит к ней брызги прибоя. Из воды манит ее к себе смеющийся Эльдар, а ветер, почему-то обжигаяще холодный, шевелит ее прическу.

Катя попыталась спрятаться поглубже под одеяло, но капельки теперь катились по ее волосам. Она приоткрыла глаза.

Эльдар стоял у кровати и посыпал ее... снегом. Через открытое настежь окно в комнату врвался

промозглый ветер и привычный шум утренних московских улиц.

— Вставай, красавица, проснись. Открывай давай сомкнуты негой взоры. — Он чмокнул ее в ухо и стер капельки со щеки.

— Отстань, злодей. — Катя швырнула в него тапком. Эльдар ловко увернулся и, схватив с подоконника приготовленный заранее снежок, запустил им в Катю. Она ответила вторым тапком, потом подушкой, еще подушкой, книгой, пультом от телевизора, и, когда под рукой уже не осталось ничего, кроме жутко дорогого и легко бьющегося ночника, перестрелка прекратилась и наступило перемирие.

О том, чтобы поваляться еще немного в постели, не могло быть и речи, ибо Эльдар оказался гораздо более метким и красные шелковые простыни сплошь побагровели от влаги.

— Откуда снег? — Катя выскочила из-под одеяла и с наслаждением закуталась в, слава богу, сухой еще халат.

— Дык с неба, вестимо. — Эльдар стоял у окна босиком в одних плавках. Высокий, мускулистый, поджарый, классический последний герой боевика, только «рожей не вышел» — лицо было типично русское. И на этом типично русском лице играла широкая, открытая, ехидная улыбка.

— Назаров! Наддай солидности. Сорок лет человеку, а ведешь себя как мальчишка, — фыркнула Катя.

— Эх, наша юность боевая, Сталин нашей юности полет, — мягким баритоном пропел Эльдар, прижав руку к сердцу.

Катю передернуло:

— Не произноси при мне этого слова.

— Какого? «Сталин»?

— Нет, «юность».

Для нее слово «юность» теперь ассоциировалось отнюдь не с состоянием души и даже не с возрастом. «Юность» — это фирма, и этой фирме должно срочно вернуть кредит.

Мысль о том, что кредит необходимо возвращать, а денег нет, как будто часовой дежурила у ее кровати каждую ночь и в момент пробуждения набрасывалась на нее с возрастающей день ото дня силой. Правда, кредиторы пока что не напоминали о себе. Но надеяться на то, что о ней забыли, вряд ли приходится. Кредиторы — они и в Африке кредиторы, а уж в Москве — они кредиторы втройне.

— Катюш, все у тебя получится. — Эльдар обнял ее за плечи и поцеловал еще мокрые от снега волосы. — Дал Бог день — даст Бог и деньги.

— Твоими бы устами.... — Катя осторожно освободилась из его объятий и убежала в ванную.

Она и сама прекрасно понимала, что неразрешимых проблем не существует. Есть только люди, не умеющие их решать. Себя она к их числу причислять не желала. В свои двадцать шесть лет Масленникова уже многого добилась от жизни и не собиралась останавливаться на достигнутом. Катя владела небольшим ресторанчиком на Арбате. Рестораном, в котором можно вкусно поесть под хорошую музыку. Конечно, в ближайшие годы ей не грозило причисление к первой десятке столичных нуворишей, но на обеспечение независимости и в жизни, и в бизнесе пока хватало.

— Дорогая моя Катерина Ивановна, а не махнуть ли нам за город? Последний снег все-таки, — мечтательно спросил Эльдар через дверь.

— У меня работа, — безапелляционно заявила Катя, выходя из ванной и на ходу вытирая воло-

сы. — И потом, откуда тебе знать, последний это снег или нет. Это тебе, жрецу искусства, лишь бы побездельничать. А у меня ра-бо-та.

— Ошибаешься. Жрецы как раз у тебя в ресторане и засели. Только и делают, что жрут, а когда не жрут, то кушают. А я — художник нот... и рыцарь слова. И в данный момент остро нуждаюсь в энергетике лесов, полей и рек. Короче, поехали. Никуда твоя работа не денется.

— Не могу.

— Но хочешь же. По глазам вижу, хочешь. Поехали.

— Нет.

— Поехали.

— Нет.

— А я говорю, да! — Эльдар завалил Катю на кровать и обрушился сверху. — На работу все равно не пущу. Давай хоть в поля съездим.

Катя некоторое время посопротивлялась, скорее для виду. Мысль выбраться на природу была довольно заманчивой. Она бросила взгляд на запыленное пианино, которое почти в идеально чистой квартире выглядело анклавом городской свалки, и сказала:

— Да...

Толщина слоя пыли на пианино строго зависела от отношений Кати к текущему спутнику жизни. Каждая обида и крупная ссора обычно выливалась в то, что Катя садилась за инструмент и играла один отрывок из сборника сонат Бетховена. Сонат в книжке было двенадцать. С последними аккордами последнего произведения великого немецкого композитора любовная связь обрывалась.

С Эльдаром они уже год вместе, а сыграна только вторая соната.

Он ворвался в ее жизнь совершенно неожиданно. Увидел на улице и пошел следом, по дороге скупил у какого-то кавказца целое ведро гвоздик и, догнав Катю, встал перед ней на одно колено прямо на снег:

— Девушка, позвольте подарить вам скромный букет, от чистого сердца.

А потом пригласил в ресторан. В ее собственный ресторан, о чем ничуть не подозревал, и они сидели за столиком, он держал ее руки в своих, а ее официанты и повара по очереди выглядывали из кухни посмотреть на нового ухажера хозяйки. Он оказался певцом, а Катя как раз подыскивала себе музыкантов для вечерней программы, и он скромно предложил свои услуги.

Пел он, правда, неплохо. Шансон, немного лагерной тоски, но ничего вульгарного. В общем, публика была в восторге. После закрытия они выпивали по бокалу шампанского и съедали свой не то завтрак, не то ужин.

А потом он перевез свой немногочисленный скарб в эту квартиру на проспекте Мира. И Катя получила возможность слушать его пение в любое время суток.

— ...Но позвонить на работу я должна. — Она попыталась высвободиться.

С довольной ухмылкой на лице, лишь чуть-чуть привстав, Эльдар подал ей трубку. И Кате ничего другого не оставалось, как разговаривать со своим управляющим, лежа на сырой кровати.

— Соснин слушает. — Юра Соснин был, как всегда, безукоризненно вежлив.

— Здравствуй, Юрочка. Масленникова. Я буду попозже.

— Понял, — Соснин не стал задавать лишних

вопросов, видимо отчетливо слыша в трубке чужое сопение.

— Нужно съездить к Гараняну, переговорить о поставках кьянти. Он в прошлый раз обещал мне новый договор и пятипроцентную скидку как постоянному клиенту. Особая вежливость ему противопоказана — он скряга и хам. Будешь его развязно любить с порога, брызгать слюной и поздравлять с переходом наших отношений на качественно новый уровень. Главное, не дать пойти на попятную. Вопросы есть?

— Катя, я нашел покупателя на наши машины и взамен подходящий небольшой фургон в аренду, но нужно решать поскорее. Тебя это устраивает?

— Я подумаю. — Катя снова вспомнила о долге и поморщилась: дай бог, чтобы денег, которые дадут за микроавтобусы, хватило на покрытие процентов.

— Тогда у меня все.

— Я рассчитываю на тебя. — Катя нажала отбой и добавила: — Мальчик мой.

— Знаешь, а я передумал. — Эльдар просто светился от удовольствия. — Что мы там за городом не видели? Грязь, слякоть. Снег наверняка растаял. По-моему, нам и тут хорошо.

— Вот хам, а? Завалил девушку в лужу и еще философствует.

Эльдар долгим поцелуем оборвал поток недовольства в свой адрес.

— Не шуми... — шепнул он ей на ухо и устроился рядом на мокром ложе.

— Ты еще плохо представляешь себе, что такое шум...

И в этот момент, как бы иллюстрируя, что же такое есть шум на самом деле, входная дверь с гро-

хотом распахнулась и в квартиру ввалились трое здоровенных жлобов в кожанках и... с бейсбольными битами.

Катя происходила из семьи потомственных юристов, ее дед был судьей, отец был судьей, мать была адвокатом. Но мама умерла при родах, и отец не мог надышаться на единственную дочурку, потакал ей во всем и в результате, когда она заявила, что юристом быть не хочет, настаивать не стал. В итоге она поступила в финансовый институт и после второго курса окончательно утвердилась во мнении, что взгляды на жизнь у нее с отцом диаметрально противоположны. На самом деле Катя выяснила это еще подростком, хотя Иван Сергеевич внушал взрослеющей дочери уважение. Родитель умел добиваться своей цели, сохраняя при этом незыблемой суровую «правильность», как называла ее Катя. Он безусловно заслуживал почтения, но так жить было нельзя. И само собой, в девятнадцать лет она начала жить не так.

«Не так» заключалось в переводе на заочное отделение и вступлении на тернистый путь бизнеса по-русски. Первым спутником-поводырем был Виктор или Витюля, как его звали еще в детском саду и, наверное, напишут на гробовой доске. Они учились на одном курсе, но Витюля, отслуживший в армии, как тогда казалось Кате, был гораздо опытнее. Витюлин папаша подвизался на должности зампреда райисполкома и был вовсе не из породы большевиков-ленинцев с кристальной совестью и пустыми карманами. С легкой руки папашы и начался их с Витюлей совместный бизнес. Занялись торговлей компьютерами. Почему выбор пал имен-

но на компьютеры, для Кати осталось загадкой. Но папаша сказал: именно это сегодня самое актуальное — и уладил в лучшем виде все формальные и неформальные нюансы. Он же обеспечил первые заказы. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Кате, как любимой женщине генерального директора Витюли, отводилась в этом деле двойная роль: лица фирмы и офицера для особо важных поручений. С лицом проблем не возникало с самого начала. Зато возникали с отцом. Катин родитель к тому моменту работал в Бауманском районном суде, имел безупречную репутацию, и ему прочили блестящую карьеру, по меньшей мере не последнее место в Верховном суде. Он считал, что посредническая деятельность, на деле являющаяся обыкновенной спекуляцией, — неудачный выбор для молодой неглупой девушки.

Тогда в знак протеста они с Витюлей сняли квартиру.

Рамки первой леди фирмы она переросла примерно за год. В универмаге «Московский», рядом с отделом компьютерных игр, открытым их конторой, арендовала уже сама некоторое количество квадратных метров для торговли мягкими детскими игрушками. Средства теперь позволяли. Вскоре они позволили обзавестись торговыми точками в Конькове и еще одним — в универмаге. Потом еще, еще и еще. И открыть свою фирму. И наконец, купить собственную квартиру. И кстати, вовремя: ее верный партнер стал тяготиться моногамией.

В это время в поле зрения появился ресторан. Он стяжал более чем дурную славу. За год потерял двух владельцев убитыми, третьего — осужденным за незаконное хранение оружия и нанесение телесных повреждений средней тяжести. Историю ресто-

рана Кате назидательно поведал отец, пытаясь отговорить ее от рискованного шага.

В это время последний хозяин злачного заведения был так оскорблен нелестным отзывом арбатско-уличного скрипача, по ошибке заглянувшего перекусить, о достоинствах ресторанного оркестра, что, желая восстановить поруганную честь, немедленно достал пистолет (на который, надо отдать ему должное, имел-таки разрешение) и прицельно ранил недоброжелателя в мягкие ткани. Прибывший через два часа усиленный наряд милиции с удивлением обнаружил только упившегося в стельку владельца заведения, пострадавший же мистическим образом исчез. Арбатские сплетники утверждали, что у музыканта усохло простреленное причинное место и скрипач вынужден был прибегнуть к услугам пластического хирурга, пересадившего соответствующие ткани с живота туда, где они оказались нужнее.

Завсегдатаи утратили интерес к ресторану и переехали в другой, лучше отвечающий их высоким требованиям к солидности и отсутствию «атаса». Персонал бесследно исчез. Катя сообразила: момент ковать железо наступил. Но в одиночку ей не поднять ресторан с нуля. Пришлось преодолеть прогрессирующую неприязнь к давешнему любимому. Он согласился вложить сорок процентов, но утруждать себя проникновением в детали отказался, его это больше не интересовало — не тот масштаб. От него это и не требовалось. Через восемь месяцев Катя, к обоюдному удовольствию, выкупила его долю. С тех пор они не виделись. Опять-таки к общему удовлетворению. Ресторан — целиком ее заслуга. Без соавторов. Конечно, с помощниками, но главная — она, и только она, безоговорочно.

Дела шли неплохо, дурная репутация этого местечка постепенно забылась. Однажды и отец пришел сюда, сел за столик в уголке и заказал скромную чашку кофе. Сидел, потягивал горячую ароматную жидкость, осматривался, а потом заглянул к Кате в кабинет.

— Знаешь, а мне нравится. Хорошо у тебя.

...Кредит ей понадобился для расширения. За стенкой прозябал магазинчик, выходящий в проулок. Катя давно положила на него глаз, и существовал даже принципиальный договор о его покупке в середине следующего года. Но накануне последнего аккорда народных гуляний, посвященных 850-летию столицы, владелец вожденной площади вечером зашел к Кате. Она распоряжалась на кухне, зал был переполнен, официанты валились с ног от усталости. Сосед схватил ее за руку и заорал на ухо, пытаясь перекричать шум на кухне: «Или завтра, или никогда! Ни дня я здесь больше не останусь». Видимо, что-то сильно обидело человека. Или кто-то. Или просто надоела ему эта страна.

Из никогда и завтра она, разумеется, выбрала завтра.

Но необходимых двухсот тысяч **наличными** у нее не было. Недостающие восемьдесят сроком на три месяца под двадцать пять процентов предоставил Катин знакомый, Яков Бенедиктович, семидесятилетний крепыш славянской наружности, но исключительно национальной предприимчивости и хода мыслей. Всю жизнь он искал занятие, к которому лежала бы душа, но удавалось пристроить только тело. Учитывая последнее увлечение, привлекавшее его деятельную натуру — оптовую торговлю ита-

льянскими винами, Яков Бенедиктович нашел в Катином предложении свой интерес. В счет частичного погашения долга они договорились в октябре провести в ее ресторане шикарную презентацию. Она предполагала три дня дегустации «Cianti», «Barolo» и «Pino Grigio del Veneto», а потом шикарный банкет для иностранных партнеров. Все вместе тянуло на сорок тысяч долларов. Условия кредита Катя сочла не благотворительными, но льготными. В частности, при взаимном согласии сторон она имела право на месячную отсрочку с минимальным увеличением процента.

Яков Бенедиктович скончался от инфаркта через три недели после заключения сделки в своем рабочем кабинете. Сгорел на работе. После ряда хитроумных превращений его фирма со всеми потрохами, и Катиным долгом среди них, отошла к АОО «Юность». Соглашение о проведении презентации было расторгнуто, и Катя оказалась в чрезвычайно сложной ситуации.

Двое громил по стойке «смирно» с битами наперевес встали по обе стороны двери в спальню, а третий отправился осматривать квартиру. Все делалось молча, медленно и со значением. Катя посильнее запахла халатик и так и осталась сидеть на постели. Эльдар медленно поднялся.

— Ну, привет, пацаны. У вас проблемы? Трудности? Плановая облава? Кто-то хочет пригласить меня спеть для своей крутой тусовки?

«Пацаны» не реагировали.

— Может, вы квартиру перепутали? — Он направился к двери, но блондинистый парень с расплю-

щенным носом и чрезвычайно близко посаженными васильковыми глазами жестом остановил его.

В этот момент в спальню легкой уверенной походкой вошел худощавый, довольно высокий мужчина. Не торопясь снял пальто и аккуратно уложил его на стул. Черный костюм элегантного покроя сидел на нем безукоризненно, правда, слева под мышкой бросалась в глаза небольшая выпуклость, причиной которой являлась наплечная кобура. Его туалет не содержал цепей и перстней — неотъемлемой части имиджа определенной части «новых русских», но золотые запонки и золотая же булавка, удерживающая умопомрачительный, ручной работы галстук, свидетельствовали о высоком и постоянном доходе. В длинных тонких пальцах с холеными ногтями прищелец держал сигарету. Лицо его изобиловало морщинами (хотя лет ему было не более сорока) и выражало полное превосходство над окружающими.

Он слегка, как давней знакомой, кивнул Кате, а Эльдара не удостоил и взглядом. Делавший обход прыщавый «пацан» без печати интеллекта на лице почтительно доложил:

— Все чисто, шеф. Мы одни.

— Спасибо, Иван. — Шеф жестом позволил своим людям расслабиться, и двое у двери приняли стойку «вольно», то есть позволили себе опереться о косяк и опустить биты.

— Послушайте, кто вы такой и что вам здесь нужно? Кто дал вам право вламываться в мою квартиру?

— Позвольте представиться. Кротков, директор небезызвестной вам фирмы «Юность». Причем, знаете, что интересно — это мое настоящее имя. Ехал мимо, дай, думаю, загляну, поинтересуюсь, как там мои финансы себя чувствуют. — Он поис-

кал глазами пепельницу и, не найдя, сбросил пепел прямо на запыленную крышку пианино. — Если не ошибаюсь, сегодня истекает срок нашего договора, и, чтобы избавить вас от необходимости лично тащиться через всю Москву с такими деньгами (неспокойно нынче на Москве, знаете ли), вот заехал лично.

— Но мы же договорились о недельной отсрочке... — начала Катя. Она действительно разговаривала с человеком, который занял место Якова Бенедиктовича, и он согласился на ее условия.

— Договариваться надо было со мной. Лично. Я, Екатерина Ивановна, предпочитаю очные беседы, лицом к лицу, так сказать. И поскольку договор у вас состоялся неизвестно с кем, считаю себя вправе считать его недействительным.

— У меня нет сейчас таких денег...

— Вы это серьезно? — Кротков язвительно усмехнулся. — Что, вообще ни капельки?

— Я смогу вернуть вам деньги только через неделю. — Катя чувствовала себя неловко полуодетой в присутствии посторонних мужчин.

— Разве я когда-нибудь где-нибудь говорил, что занимаюсь благотворительностью? — Кротков обернулся к «пацанам» у двери, те синхронно покачали головами из стороны в сторону. — Я не меценат, госпожа Масленникова, поэтому я готов обсуждать отсрочку, только имея в виду тройную процентную ставку за каждый лишний день. Впрочем, возможно, часть этой дополнительной суммы я соглашусь взять натурой...

Эльдар рванулся вперед. Скользящим ударом правой он сбил с ног прыщавого и безынтеллектуального Ивана, а левой схватил за волосы Кроткова и рванул назад.

— Будь скромней! — И, прежде чем «пацаны» у двери успели среагировать, он нанес пару коротких точных ударов в нос непрошеного гостя. Но уже через несколько секунд Эльдар был плотно зажат в цепких стальных объятиях громил. Причем «пацаны» сохраняли удивительное хладнокровие. Они не бросились избивать обидчика своего шефа, просто стояли с бесстрастными лицами и спокойно ждали дальнейших указаний. Эльдар тихо ругался. Кротков, запрокинув голову, вытер с подбородка струйки крови и осторожно пощупал переносицу. Провинившийся Иван слетал на кухню и, судя по звукам, разгромив половину холодильника, притащил тарелку колотого льда.

— Успокойте этого Шаляпина. — Кротков выбрал льдинку побольше и приложил к переносице. Профессиональным движением заклеив Эльдару рот, парни скотчем припеленали его к стулу и стали по обе стороны, поигрывая дубинками.

— Вы, Екатерина Ивановна, наверняка наслышаны, как поступают наши банкиры, когда им не возвращают кредит? Ждут день-два и зовут мафию. А мы вот никого звать не будем. — Голос Кроткова звучал до отвращения проникновенно. — Я и есть мафия.

Ему удалось, наконец, остановить кровотечение.

— Сеня, объясни девушке популярно, что с ней будет, если кто-то посмеет прикарманить мои кровно заработанные денежки, которые я по доброте душевной от чистого, можно сказать, сердца оторвал от себя, радея о ее благе.

— А что... — Парень с расплюснутым носом и васильковыми глазами улыбнулся и даже порозовел от гордости за то, что ему дали слово. — Засадим маслину в башку, и все дела.

— Если вдруг вы не в курсе, рассказываю: мас-

лина в башке — это смертельно. Сеня, развлеки пока нашего неуравновешенного друга. Мы с дамой побеседуем тет-а-тет. — Кротков схватил Катю за руку и бесцеремонно поволок в соседнюю комнату.

Катя не разделяла взглядов Иосифа Бродского, говорившего, что мир был создан для мебели, и потому мебели в ее гостиной было немного — мягкий уголок, огромный светлый ковер с геометрическим рисунком, телевизор и музыкальный центр. Это была гостиная человека, который любит простор и свободу.

Кротков с приветливой улыбкой плюхнулся на диван, не забыв при этом расстегнуть пуговицу пиджака. Катя присела напротив.

— Значит, так. Ты будешь хорошей девочкой, и я забуду о неучтивости твоего друга, договорились? — Он встал, застегнулся и прошелся по комнате. Снова расстегнулся и присел рядом. — Ты же будешь со мной ласкова?

Катя отрицательно покачала головой.

Его приветливая улыбка тут же превратилась в холодную гримасу. Кротков поднялся, снова не преминув застегнуться, взял Катю за подбородок и, наклонившись, посмотрел ей в глаза.

— Ты понимаешь, что я могу сейчас раздеть тебя, трахнуть во все отверстия, потом пойти попить кофейку, вернуться и проделать то же самое еще сорок восемь раз? И никто мне слова плохого не скажет. — Он опять-таки расстегнулся и сел. Катю словно приковала к себе эта проклятая пуговица, она не могла думать ни о чем другом.

— Ну что ты смотришь на меня, как рыба на водолаза? — Кротков медленно впадал в бешенство. Спокойствие Кати его раздражало. Он вскочил и ударил Катю по лицу. Пуговица осталась расстегнутой. Катя улыбнулась, не почувствовав боли.

— Значит, так, у тебя есть пять дней на решение этой проблемы. А чтобы появился дополнительный стимул, мы захватим твоего дружка с собой. Если не успеешь, получишь в подарок пальчик своего Шалыпина, потом его талантливый язычок, потом голову, потом мы спалим к чертовой бабушке твой ресторан, а потом займемся тобой лично. — Кротков стремительно вышел из комнаты, так и не вспомнив о пуговице.

Катя осталась сидеть, уронив голову на руки. За стеной «пацаны» отдирали от стула мычащего Эльдара, он сопротивлялся, и его, в конце концов, просто вынесли из квартиры. Затем хлопнула входная дверь, и все стихло.

Катя бросилась к окну. Эльдара запихивали в темно-серый «БМВ». Номер! Нужно запомнить номер... Но клубы дыма из выхлопной трубы скрыли от нее и без того заляпанный грязью задний номерной знак. Катя в сердцах ударила кулаком ни в чем не повинный подоконник. Единственная деталь, по которой она могла бы отличить машину Кроткова и компании в автомобильном потоке, — это заднее стекло, покрытое сеточкой трещин. Да мало ли разбитых стекол в Москве...

Катя оглядела комнату. На пыльной поверхности пианино кто-то пальцем написал «5 дней».

ГРЯЗНОВ

13 февраля, вечер

Грязнов развернул свою «Ниву» цвета нечистой морской волны и в очередной раз подумал, стоит или нет главному сыщику столицы мыть свою ста-

ренькую машину. Тачку. Тачилу. А? Это «А?» он перенял у одного мексиканского пастуха, научившего его многим занимательным штуковинам. Грязнов любил проводить свой отпуск в экзотической местности, и последние полгода он был влюблен в Мексику.

Он возвращался с Варварки ни с чем. Знаменитый разрекламированный магазин «Кольчуга» «только для настоящих мужчин» на поверку оказался жидковат. А так или иначе нужно было срочно обзаводиться новым ружьем для предстоящего удовольствия для настоящего мужчины. (А зануда, хотя и лучший друг, Турецкий ничего в этом суровом деле не понимает.) Старенький, но верный винчестер переехал на своем джипе не слишком трезвый компаньон по давешней охоте. Собственно, срочных дел больше-то и не было, если не считать проблемы с банкиром Лозинским. Что-то подсказывало Грязнову (наверное, чудовищный опыт, что же еще?), что это дельце — крохотное начало грядущих гигантских неприятностей. Какого лешего пусть запутанное, но вполне «гражданское» дело вешают на уголовный розыск?!

Кстати о леших. Тем более в преддверии грядущих проблем грех было отказываться от заманчивого предложения, полученного от хорошего знакомого, егеря Мишки Колчанова. На самом деле Колчанова звали Мефодием, но это дела не меняло.

Тут Грязнов спохватился. Конечно, надо было позвонить Мишке! Только не Колчанову (тот на своей заимке никаких средств связи не признает), а Зельдовичу, тоже яростному и блестящему охотнику, а в быту — скромному начальнику отдела вооружений и средств активной обороны МВД России, ведь именно он-то и переехал грязновскую винтов-

ку своим трактором. Черт возьми! Когда ты дотягиваешь до такого возраста, что твои однокашники становятся большими перцами в самых разных отраслях родного ментовского дела, то начинаешь изредка предполагать, что многие вещи имеют смысл. Не все так плохо, как хотелось бы!

Грязнов вытащил из бардачка мобильник «Ericsson» (подарок племянника Дениса) и набрал номер Зельдовича. И тот — удивительное дело! — через пятнадцать гудков включил-таки свой «Ericsson» (Грязнов хорошо помнил, что их аппараты, как партия и Ленин — близнецы-братья).

— Здорово Славка! — с ходу брякнул Зельдович. — Как я догадался? Только один человек может так трезвонить, одновременно судорожно защищаясь от определителя номера.

— Мой телефон — 795-17-11, — хмуро продиктовал Грязнов.

— Да помню я, — отмахнулся Зельдович. — Ну и что?

— Ничего. «Кольчугу» знаешь на Варварке?

— Дерьмо. Пустой магазин. Поезжай лучше на Галушкина, если ищешь винтовку. Знаю, знаю, это будет за мой счет! Там по нечетной стороне, где-то после Ярославской улицы, в торце девятиэтажки, в подвале есть такой скромненький магазинчик, не помню, как называется...

— Где?! — поразился Грязнов. — На ВДНХ?! Я же там живу рядом, на Енисейской улице! Да нету там ни черта.

— Поезжай, поезжай, заодно получше узнаешь родные края.

Грязнов кинул «Ericsson» обратно в бардачок и, не доезжая до родного дома, свернул как раз направо, проехал с тыла гостиницы «Космос», еще раз

свернул направо — на улицу Бориса Галушкина и стал методично прочесывать следующий квартал... Так, магазин стройматериалов, комиссионка, булочная, швейная мастерская, ага, нечетные дома — слева... детский сад... Странно, что Зельдович не запомнил название магазина, это совсем не его стиль.

Вот ведь жизнь дурацкая настала с этими мобильными телефонами и прочими ультрамодными средствами связи. С другой стороны, конечно, милиция и раньше этим не была обижена, но все равно, в случае необходимой консультации, по личному ли поводу, по государственному, ты брал ноги в руки и ехал общаться с человеком лично. А это, извините, как говаривал знакомый зек по кличке Боцман, совсем другой коленкор... Цветочный магазин... прачечная... стоп! Э-э-э... гм... хм... да-ааа...

Грязнов буквально оторопел. Похлопал глазами. И расхохотался. В торце девятиэтажки на цокольном уровне красовалась вывеска скромного магазинчика «Не Помню Как Называется». Именно так и сказал, как всегда точный, Зельдович.

Матерый продавец с родимым пятном на шее вежливо, но равнодушно глянул его разрешение на приобретение огнестрельного оружия, и всего за три минуты Грязнов стал обладателем нового карабина «Центрион». После чего проверял его еще минут сорок. И с этим ничего нельзя было поделать: он всегда сперва приобретал барахло, а уж затем, при эксплуатации, выяснял, что оно никуда не годится. Эта незаурядная привычка, по словам Сашки Турецкого, где-нибудь на Западе считалась бы респектабельной приметой солидного человека, но в условиях совка, постсовка и постпостсовка выглядела форменным разгильдяйством.

— У вас не будет десяти тысяч, то есть червонца? — чисто по-советски попросил продавец с родимым пятном на шее. — У меня нет сдачи. Давайте мне червончик, а я вам пятерку, ага?

Грязнов махнул рукой, что было еще одним форменным разгильдяйством, — не мог он позволить при своей зарплате швыряться пятерками. С другой стороны, не мог он позволить себе и покупать новые винчестеры. Однако же.

Интерьер заведения отличался, пожалуй, только отсутствием неперенной репродукции «Охотников на привале». Но хозяин этого магазинчика знал толк в оружии. Грязнов невольно засмотрелся на витрину с номерными охотничьими ножами. Рядом лежали знакомые ему ножи: стандартный «Самсонов-93» с глубоким «кровостоком», кривоватый нескладной нож «Тигр» с готической гравировкой оскаленного хищника на широком зеркальном лезвии; орнаментальные «Русский Север» и «Сапсан» и бесспорный немецкий фаворит «Zolingen» за двести баксов, и впечатляющий «King-2», и конечно же популярная «Аляска» с пустой металлической ручкой и завинчивающимся тыльником, для хранения набора для выживания, — всего-навсего за семьдесят грин, выражаясь финансовым сленгом племянника Дениса. Пижонская вещь. Увлечение такими мальчишескими в общем-то игрушками осталось для Грязнова в прошлом. Грязнов давно уже пользовался скромным тесаком, изготовленным на заказ одним кавказским умельцем. Он был выкован, а не отштампован, в чем, собственно, и заключается преимущество любого ножа, выполненного мастером. Всякое видывал бывалый муровец и на прилавках, и на «малинах», но тут его воображение бук-

важно поразил незнакомый прежде охотничий клинок «Jalisco».

— Мексиканский, — обронил продавец, заметив интерес покупателя, и достал нож с витрины.

Если судить по ярлыку, он был, как и все, — «нескладной и общего назначения». Упор, смахивающий на большой палец, и тыльник были бронзовыми, ручка же — из наборной кожи, а вот голубое лезвие походило на зубатку в разрезе. Но пила — зазубренная часть — доходила только до середины клинка, длина которого (что самое впечатляющее!) составляла никак не меньше пятнадцати сантиметров. Значит, нож был метательный. Грязнов представил себе, как такой «снаряд» может торчать в чем-то или в ком-то, и содрогнулся. Он побросал его из руки в руку, вернул и заметил, что на хищном лезвии клинка длинная царапина.

— Так и цена же, — сказал продавец, — в полтора раза от кондиционных

Грязнов вышел на улицу и забрался в «Ниву». Кондиционный нож стоил пятьдесят два доллара. И это была почему-то знакомая цифра... Как это — знакомая, что за чушь?! У начальника МУРа все цифры знакомые.

Не успел Грязнов завести двигатель, как выскочил продавец с родимым пятном на шее, неожиданно экспрессивно размахивая руками:

— Вы же не забрали сдачу! Вот возьмите хотя бы лотерейный билет, — и засунул разноцветный клочок бумаги в открытое окно.

«Jalisco», «Jalisco»... Что-то это слово ему напоминало... Грязнов вдруг вспомнил, что именно, и довольно ухмыльнулся. Ну конечно!

Грязнов выпрыгнул из машины и весело забежал в гастроном, удачно расположенный в том же доме.

Через пять минут, весьма довольный собой, он рванул на бывшую Пушкинскую улицу, а теперь — Большую Дмитровку.

ЭЛЬДАР НАЗАРОВ

8 февраля, ночь

Назарова привезли на склад. Судя по запахам, здесь хранили гнилые овощи еще при социализме, но с тех пор они успели окончательно разложиться, освободив место для хранения автомобильных масел и смазок. О новом ассортименте, как и о старом, можно было только догадываться, полагаясь на обоняние.

Повязку с глаз Эльдару сняли в подсобном помещении. Но без нее лучше видно не стало. Его запихнули в каморку со склизкими кафельными полами, приложились напоследок по почкам и заперли железную решетчатую дверь. Волоча за собой кресло-качалку, появился Иван, он включил свет.

— Давай, Ваняй, — напутствовал его один из новых знакомых Назарова. «Ваняй» прозвучало как «воняй». Посмеявшись собственной шутке, бугай выдал длиннейшую тираду о том, каким экзекуциям следует подвергнуть пленника, не содержащую, что удивительно, ни единого нематерного слова.

Эльдар с Ваняем остались в помещении вдвоем, разделенные железной перегородкой. Половина Эльдара оказалась совмещенным санузлом гостиничного типа. В том месте, где подразумевался душ, отросток водопроводной трубы был забит позелевшей от тины деревянной пробкой, пропускавшей на свободу лишь тонкую струйку коричневой

жидкости. Стены буквально источали влагу. Из мебели имелись ведро и швабра.

Эльдар пнул в угол половую тряпку, в лучшие свои годы служившую тельняшкой, перевернул вверх дном ведро и оседлал его.

— Встать, сука! — гаркнул Ваняй и развернулся с креслом лицом к Назарову. В ушах у него торчали наушники. Прыщи, покрывавшие его физиономию, из бледно-розовых превратились в темно-фиолетовые.

Заклученный никак не реагировал.

— Я кому сказал встать?! — Он вытащил из одного кармана пистолет, из другого — глушитель, свинтил их вместе, положил палец на курок, прищурил глаз и прицелился Назарову в голову. Эльдар тоже прищурил глаз и неожиданно прицельно плюнул метров на пять с лишним охраннику прямо в лицо.

— Боцман! — заорал парень, отшвырнув в сторону плеер. На вопль появился старик бомжистого вида, возрастом от шестидесяти до ста лет. — Где ты лазишь, старый козел? Выноси свое хреново барахло на хрен!

— Слезай с мостика, молокосос, — огрызнулся дед, тем не менее собираясь выполнить руководящее указание.

Ваняй подошел к решетке и выстрелил Назарову между ног. Пуля порвала брюки, но большего вреда не причинила.

— Садись в угол, руки за голову! — Эльдар медленно, насколько это возможно, отошел в угол и отвернулся, сложив руки за спиной. Не успел Боцман с ведром удалиться восвояси, Иван позвал его снова: — Эй, адмирал, тащи шланг!

На сей раз старик повиновался с демонстратив-

ной неохотой. Он бросил шланг в ноги разошедшемуся «начальнику» и прошипел:

— Еще раз пырхнешь, сопляк, оторву яйца, а пушку твою засуну в задницу.

Ваняй не стал расходовать нервную энергию на подавление бунта на корабле. Он включил воду и минут пять окатывал Эльдара, принимавшего гидропроцедуру с твердостью античного стойка, так как укрыться все равно было негде.

— А я, в натуре, оборву тебе все, что висит, — пообещал Эльдар своему надзирателю, когда тому надоело поливать. Потом он разделся до трусов и стал делать согревающие упражнения — температура воды тянула градусов на десять, не больше.

Молодой дежурил до вечера. В десять часов его сменил Боцман. Эльдар к этому времени основательно посинел. Слава богу, старик, очевидно, не испытывал к нему неприязни. Он принес телогрейку, клеенку на пол, матрас, чай и полбуханки ржаного хлеба.

— За что срок мотал? — спросил он, указывая слегка трясущимся пальцем на татуировку на груди Эльдара.

— За Федор Михалыча, царство ему небесное.

— Не врубился. За кого?

— За Достоевского...

Когда-то Эльдар был сыном московских окраин. Его район был заселен исключительно пролетариями, или люмпенами, кому как нравилось. Детишки там всегда выросли на несколько лет раньше своих центрально-городских сверстников. В дружной компании, любившей проводить время в несветских развлечениях, Назаров, более известный как Назарбек или просто Бек, выделялся повышенной склонностью к хулиганству, даже по здешним мер-

кам. А также, что удивительно, некоторой тягой к поэзии.

Двое братьев и сестра — все были намного старше Эльдара. Основной и единственный педагогический принцип, не без успеха практиковавшийся в семье: не вступать в чужие дела. Дай бог со своими разобраться. Единственной примечательностью дома Назаровых являлась библиотека, оставшаяся от деда. Но, кроме младшего отпрыска, все демонстрировали полнейшее к ней равнодушие.

В пятнадцать лет он влюбился в музработницу местного Дома культуры, попал в хор, где стремительно сделал «карьеру» солиста вторым голосом. И все же любовь к прекрасному не довела его до добра. Незадолго до отправки в армию Эльдар с приятелями по доброй старой традиции вкушали портвейн в скверике возле гастронома. Может, все и кончилось бы мирно, сообразно месту и обстоятельствам, конечно, но налетел ливень и разогнал молодежь по домам. Дома у Назарова под действием «Трех семерок» и плохой погоды обострилась душевная рана. Нанесена она была не руководительницей хора, не ответившей на чувства, — ту рану давно залечили многочисленные поклонницы, рожившиеся вокруг первого на квартале парня с гитарой. Объектом ненависти Назарова служила старая карга — продавщица винно-водочного отдела Алена Ивановна Проценко. Совсем недавно она отказывалась продавать несовершеннолетним тогда еще друзьям спиртное по государственной цене. Требовала на лапу и позволяла себе оскорбительные замечания. Приходилось терпеть. Сегодня пошла на новую уловку — спрятала товар под прилавок.

— Ждите до завтра, а невтерпеж — езжайте в центр, сосунки, скатертью дорога, как раз к завтра-

му и доберетесь. — Они опять, как всегда, проглотили «сосунков», долго униженно упрашивали и, наконец, получили свое, доплатив сверху.

На способ мщения Эльдара натолкнуло имя обидчицы, да и фамилия была хороша. Он взял топор, засунул в мешок, запасся драным черным чулком и заявился к злосчастной Алене Ивановне. Та жила в допотопном деревянном доме с печным отоплением. Испытывая высокое эстетическое наслаждение и с трудом сдерживая душивший его хохот, Эльдар постучал в дверь:

— Телеграмма.

Не ожидавшая подвоха, продавщица впустила лжепочтальона с топором и чулком на голове. От ужаса она села на пол и зачем-то схватила сапожную щетку.

— Принеси таз! — рявкнул Эльдар.

Алена Ивановна на карачках, не выпуская из рук сапожной щетки, отправилась в ванную, достала с антресоли таз, опять стала на четвереньки и выполняла в прихожую.

— Поставь сюда, — Эльдар показал на пол возле трюмо, — а сама влезай на тумбу, чтоб голова точно над ним свисала. Ишь, грязищу развела! Упадет башка на пол — вся вымажется, кто мне за нее потом настоящую цену даст? — Он потряс мешком под носом Алены Ивановны. Она в полном оцепенении забралась на эшафот.

— Закрывай глаза и считай до десяти. — Эльдар стащил чулок и, пряча топор в мешок, стал тихонько, чтоб продавщица не слышала, открывать дверь. Ее вывернуло в таз. Назаров сам почувствовал, что его тошнит. На него накатил легкий приступ ужаса. Толком не затолкав топор на место, он шагнул за

порог. За дверью стоял участковый, живший в соседнем подъезде.

Милиционера вызвала древняя, почти выжившая из ума старушка — соседка продавщицы, часто биваемая последней за нездоровое пристрастие к подглядыванию, подслушиванию и написанию доносов. Эльдар загремел на четыре года за злостное хулиганство.

В зоне ему повезло — повстречал земляка со своей улицы, совершавшего уже третью ходку, нашли общие знакомые, вор взял парня к себе в «семью». Татуировку Эльдару он и сделал, вообще он делал их всем желающим, был настоящий ас.

...Боцман принес себе табуретку, расстелил на ней газету, выставил бутылку «Финляндии», стопку, луковицу, половину ржаной буханки, насыпал соли, начал нарезать колбасу. Нож не желал слушаться его, старику приходилось прикладывать видимые усилия, чтобы совладать с норовистым инструментом. Тем не менее в действиях чувствовалась размеренность и основательность, не свойственная беспробудным запойным пьяницам и окончательно спившимся забулдыгам. Эльдар прекрасно понимал язык ритуальных, наполовину неосознанных жестов, сопровождающих столь интимный процесс, как свидание с бутылкой.

— Про тебя можно научный трактат писать: «Традиционные и современные способы употребления водки в России».

Но Боцман тут же разрушил атмосферу таинства: сорвал пробку, плеснул в стопку граммов пятьдесят и, скривившись, проглотил залпом. Постепенно старик расправил плечи, ощутив уверенность если не в завтрашнем дне, то по крайней мере в настоя-

щем моменте, и нож, почувствовав твердость в сжимающей его руке, стал заметно послушнее.

— Про меня целую энциклопедию написать можно, — сказал он с гордостью. — «Тысяча и одна дурацкая ошибка в жизни и как их избежать». Вот, например, знаешь, за что я сел? За то, что случайно увидел одну партийную задницу. Я был механиком на сухогрузе во Владивостоке, ходил в загранку, еще в те времена полмира видел, как Сенкевич. Нынешним, которые запросто на какие-нибудь Канары на выходные гоняют, все равно до меня, как до Киева раком. Понятно тебе? — Он справился с колбасой, отрезал ломоть хлеба, присыпав солью, порубил луковицу на кружочки, налил с чувством собственного достоинства и поднял стопку. — С Богом. Тебе не предлагаю — задержанным не положено. — Бочман крикнул и поторопился вернуться к своему повествованию, не потрудившись убедиться, что его слушают: очевидно, с благодарной аудиторией у него были проблемы. — В Сингапуре в борделе, значит, мне сделали татуировку на хрене — вроде фирменный знак, принадлежность к элитному клубу. погоди, а ты хоть раз за всю жизнь в заграничном борделе был? Ладно, потом, слушай дальше: они мне целую книгу показали с образцами татуировок, с пояснениями, что какая означает. Когда плыли домой, в душе случайно гляжу: у первого помощника, он был у нас парторгом, на заднице татуировка, которая по рангу положена гомикам. Понял, конечно, гад, что я смекнул, что к чему, но виду не подал. Только причаляли во Владике — ко мне таможенники, давай вещи трусить, нашли под подкладкой порнуху и тысячу баксов. Ясно, не мои. Я свои зелененькие до последнего цента истратил на магнитофоны и те после случая в душе уступил

корешу авансом за полцены, лишь бы чистым вернуться: первый-то наш сука был редкая, мог вообще за борт спихнуть, представься случай! Если бы сам все до ниточки перетряхнул, может, и вывернулся в тот раз, а потом и сам мог парторга подловить, у всех рыльце было б в пушку, а так накрутили мне пять лет.

После срока хотел его найти, приехал во Владивосток, а он, оказывается, в предыдущем рейсе в Сингапуре сбежал — не вернулся на корабль, не стал меня дожидаться, а может, совок его затрахал.

Боцман пил маленькими порциями по двадцать граммов; смачно закусывая, и по всем прикидкам мог оставаться в бодрствующем состоянии, продолжая бенефис в разговорном жанре, еще в течение долгих часов. Эльдар наблюдал за ним во время рассказа и пытался решить для себя: удастся ли склонить этого Синдбада на свою сторону? Перспектива провести несколько дней в клетке под охраной двух придурков не так угнетала, как мысль, что Катя должна расшибаться в лепешку, вытаскивая его отсюда. У Назарова была своя система жизненных ценностей. В каждом деле определяющим он полагал мужское начало и насчет эмансипации имел вполне однозначное — отрицательное — мнение. Эльдар мог еще с трудом представить, как сестрица Аленушка выручает из беды неразумное дитя, но чтобы молодая девка спасала его — здорового мужика, такого он вообразить не мог. Надо выбираться отсюда, причем старик — единственная реальная возможность. Дверь запиралась на болт. Ни Боцман, ни Иван с собой ключ не носили, он лежал на полке у противоположной стены, куда его швырнул молодой псих после инцидента с ведром. Имелся какой-то шанс скрутить бестолкового

Ваня, если он приблизится к решетке, отобрать у него пушку и заставить деда отпереть дверь, но недоносок, несмотря на несомненную глупость, осторожен, и застать его врасплох маловероятно. А пытаться захватить в заложники Боцмана бессмысленно — для Ваня его ценность равна нулю или вовсе отрицательна. Итак, оставался единственный выход — наставить старого моряка на путь истинный или подкупить, как получится.

ТУРЕЦКИЙ

13 февраля, вечер

По телевизору показывали очередное заседание в Беловежской Пуще. Встречались руководители Украины и Казахстана.

«Ностальгия по СССР достигла своего пика на межгосударственном уровне. Действительно, Россия является правопреемницей Союза по всем ключевым позициям. И возможно, именно «благодаря» этим ее привилегиям наступила полная атрофия в отношениях с содружеством СНГ...» — комментировал писклявый человек в студии.

— Костя, ты что-нибудь понимаешь? Ты же государственный человек, ты должен понимать. Объясни мне, ради бога, что значит эта абракадабра?! — взмолился Турецкий. Они сидели в его, Турецкого, кабинете и смотрели программу «Сегодня» на канале НТВ.

— Имеется в виду, что нашим боссам глубоко начхать на... — Меркулов невольно посмотрел по сторонам, потом на телефон Турецкого, пребываю-

щий в состоянии глубокого анабиоза на краешке рабочего стола.

У Турецкого, как на грех, тут же зачесалось в носу. Ну и ну. Если уж зам генерального прокурора опасается прослушивания в собственном здании... Турецкий вдруг вспомнил, с каким воодушевлением отправлялся полгода назад в Египет Шура Боровик, закадычный друг его хулиганского детства, ныне видный русский археолог. Там, в Египте, в очередном тайнике очередной пирамиды очередная международная экспедиция раскопала какие-то очередные древние дощечки с текстами. Что за тексты — никто понять не мог. Пригласили на симпозиум кучу специалистов из разных стран. Боровика — в том числе. Ученые мужи бились над старинной тайнописью пять месяцев. Шура внес свой посильный вклад. Наконец, тексты перевели, прочитали, а там оказались — одни доносы. Доносы... Третий век до нашей эры! Ничего никогда не меняется.

Турецкий чихнул несколько раз подряд.

— Ты только посмотри! Широкоскулый президент братается с Главным Хохлом, — умилился Меркулов.

«Забавно, что именно президент Казахстана, а не России — истинный лидер «четверки» или сейчас, скорее, «тройки»... — вещал писклявый человек в студии на канале НТВ. — Парадоксально, но факт: сфера отношений СНГ — единственная, в которой российский Президент начинает соглашаться с левой оппозицией российской же Государственной Думы. Ведь у простых граждан сильны интеграционные настроения. И сейчас не важно, что эта идея утопична...»

— Любопытно, — сквозь зубы пробормотал

Меркулов и выключил телевизор. Снял очки в тонкой роговой оправе и задумчиво потер переносицу.

— Страшно подумать, — ухмыльнулся Турецкий, — что движением нашей жизни управляют люди, не имеющие никакого понятия о законах физики... Так я могу считать, что уже получил разрешение на подслушивание Сафронова? — безо всякого перехода от высокой политики ляпнул он.

— Что-то мне подсказывает, что рано или поздно, — Меркулов кивнул на телефонный аппарат, — он зазвонит.

Телефон проснулся и зазвонил. Турецкому стало нехорошо, но трубку брать он не стал.

— Что у тебя нового по Сафронову? — спросил Меркулов.

— Я допросил двоих сотрудников следственного отдела Центрального округа и еще двоих, работавших там прежде. Информации — ноль. Стучать нынче, знаешь ли, никто не желает. Нужно начинать подслушивать разговоры Сафронова, иначе толку не будет.

— В принципе я могу тебе выдать санкцию на прослушивание даже Президента. Почему бы и нет. У него ведь нету депутатской неприкосновенности. Но что толку? Что умного можно услышать по телефону? Люди не доверяют ему свои секреты. Не рассчитывай, что поймашь Сафронова на слове и сможешь предъявить этот факт как веское доказательство взяточничества. Я даю тебе санкцию только для стимулирования расследования. Я буду у себя, но это не значит, что ты можешь меня дергать до появления первых результатов. Привет супруге.

Телефон на столе продолжал трезвонить. Турецкий нехотя снял трубку и услышал вкрадчивый грязновский голос:

— Але, это прачечная?

— Приезжай, заждались уже.

Дверь открылась, и ввалился Грязнов, пряча во внутренний карман куртки мобильный телефон. Внешний карман тоже подозрительно оттопыривался.

— Ну и как жизнь, Вячеслав? — поинтересовался Меркулов. — Как дело банкира?

— Полный «висяк».

— Не расстраивайся, Вячеслав, зато у тебя теперь есть личный банкир, — Меркулов, выходя из кабинета, похлопал Грязнова по плечу.

— Ага, личный, совсем ручной, практически карманный... Да, — вспомнил Грязнов, вытаскивая какой-то листок. — Я получил твое отдельное требование.

— Я отправил тебе этот факс сегодня утром, — ужаснулся Турецкий. — Это же срочный запрос по поводу личности погибшего водителя «БМВ»?!

— Я приехал не из-за этого факса. А из-за того, который ты посылал месяц назад.

Турецкий вздохнул. Он прекрасно знал, что Слава сделает все, что от него зависит, максимально быстро и качественно, но это потребует определенной компенсации. Немного издевательств и бутылки хорошего коньяка.

В сейфе, правда, еще оставалось две трети «Юбилейного».

После первой рюмки Турецкий демонстрировал Грязнову «подарок от фирмы» — «Приложение № 1», свидетельствующее о седьмом месте полковника Сафронова в загадочном рейтинге московских сыскарей. После второй выяснилось, что для ознакомления с Приложением № 2 нужно нажать любую кнопку. После третьей и последней («Юби-

лейный» был ликвидирован), что следующий «Бюллетень № 18» требует эксклюзивного кода доступа разряда 9799 FG.

— Славутич, на что это, по-твоему, похоже? — Турецкий с остервенением закурил.

— Трудно сказать. «Секретчики» обычно выпячивают свои тайны наружу. Прячутся в толпе, так сказать. Маскируются под обыденную действительность. — И Слава Грязнов жестом профессионального фокусника вытащил из кармана бутылку с красно-коричневой этикеткой «Tequila Anejo Jalisco», в которой заманчиво плескалась жидкость бледно-соломенного цвета.

— Аглицкие буквы — это, конечно, какое-то ключевое слово. Скажем, «фагот». Или «фигура». А цифры... Ты пил когда-нибудь прежде текилу? Ну... вот тебе вариант. 97 и 99 — временной диапазон действия. Три года.

— Ты издеваешься? — возмутился Турецкий, открывая бутылку. Ему уже было все равно. — Действия чего?!

— А что тебе интуиция подсказывает?.. Между прочим, текилу иногда добавляют в виски и коньяк, а также в коктейль «Маргарита», о чем можешь сразу забыть. Так что у нас все получается строго по правилам. Сполосни стаканы, пора радикально увеличить дозу.

Интуиция не подсказывала ничего. Турецкий раз за разом жал свои любимые кнопки. Ctrl и Alt+Del. Ctrl и Alt+Del.

— Что это? — Слава ткнул пальцем в какой-то листок бумаги, валявшийся на столе. — Из твоего почтового ящика?

— Естественно. Счет за телефон, междугородные переговоры. Ирка просила оплатить сегодня.

— Да нет, вот это что? — Грязнов помахал квитанцией у приятеля перед носом. — Перед номером твоего телефона, видишь?

Чьей-то размашистой рукой карандашом там были начертаны две буквы: «FG».

— Текила обычно хороша до трех лет, — проронил Грязнов, тем временем с видом знатока исследуя этикетку.

— Е-мое! — взвыл Турецкий. — Код доступа! Ах ты ж мексиканец хренов! Мой код доступа — это мой домашний телефон?!

— Давай вводи его, — распорядился азартный Слава, потирая руки. — Заталкивай. Вставляй. Запихивай. Засунь им по самые помидоры.

Они выпили, и Турецкий лихорадочно застучал по клавишам. И наконец, вдавил кнопку «enter». На экране тут же запрыгала знакомая фраза: «Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы...»

Едва не стукнувшись лбами и выпучив глаза, друзья прочитали следующее:

«Только для служебного пользования

Пресс-релиз САГ «Аист»,
выполненный по стандартным критериям
и в иерархическо-анонимном порядке.
Бюллетень № 18-т

Согласно последнему рейтинг-листу, составленному по N. Wolf-системе, оценивающему практический (результативный) профессиональный уровень следователей всех ступеней Генеральной и Московской городской прокуратуры, следственного комитета МВД, но за исключением следственного

управления ФСБ (эксклюзивный код доступа разряда — не менее 9497 FG):

Старший советник юстиции Турецкий А. Б. занимает 17-ю позицию с личным коэффициентом: 21407 (19-е — по итогам предыдущей недели)».

Слегка потрясенные, они выпили еще. Турецкий поморщился:

— Это же похоже на кактус. Что за дрянь пьем?

— Не кактус. Текилу делают из голубой агавы, которая водится в мексиканских пустынях. Лучшие сорта производят в штате Джалиско. А надпись «анејо» означает трехлетнюю выдержку, больше которой, кстати сказать, не бывает. Давай еще раз, и ты поймешь, что я прав.

Они снова налили и опорожнили стаканы.

Турецкий почувствовал ровный и сильный вкус на нёбе. Наверное, агавы? И мысли его немедленно приняли новое направление.

— Черт возьми! А почему этот Сафронов занимает седьмое место, а я — семнадцатое?! Почему это? — Возмущенный Турецкий закрыл файл со своей фамилией и снова уставился на «Бюллетень» с Сафроновым.

— Кстати, ты Меркулову об этом что-нибудь... нет?

Турецкий покачал головой.

— Тогда, чтобы без лишнего шума, быстренько сбрось на дискету, отвезем моему Денису, пусть его ребята поколдуют. А я дам команду своим орлам, пусть ставят «жучок» на Сафронова.

В этот момент текст на экране начал... растворяться. Только от некоторых букв и цифр остались лишь отдельные черточки и точки. Приятели не поверили своим глазам. Турецкий рванулся было

переписывать файл на дискету, но — поздно. Экран мигнул, и в его центре черточки и точки стали сливаться в общую фигуру. Пока не образовали смачный кукиш.

— Мать их за ногу. Как они тебя сделали, — посочувствовал Грязнов. — Ну перепиши тогда хотя бы ту телегу, что на тебя накатали.

Турецкий, вздохнув, снова открыл «свой» файл, но сделать ничего не успел. Все повторилось до мельчайших нюансов, таких, например, как заусеницы на пальцах, образующих дулю. Текст опять растворился, а его остаток трансформировался в кукиш.

Грязнов потрясенно молчал. В этой критической ситуации они были просто вынуждены выпить два раза подряд. Снять стресс. Содержимое бутылки стремительно сокращалось.

Турецкий со злостью стукнул себя по колену:

— Я конечно, «чайник», но и такой посуды достаточно, чтобы понять, что использовать тексты можно было только один раз. При повторном открытии они самоуничтожаются.

— Но это все равно, как если бы человек говорил голосом, не записывающимся на диктофон.

— Нет, это как если бы во второй раз он отказался от своих показаний.

— На ФСБ это очень похоже. А ты вообще пытался проверить по своим каналам, что это еще за САГ «Аист»?

— Ты уверен, что текила хорошо накладывается на коньяк? — вопросом на вопрос ответил Турецкий.

— Очень действенно, — пообещал Грязнов.

— Ладно... Нету такого САГ «Аист»... Значит, «ключ» мне подбросили в почтовый ящик... Но

зачем?.. Нет, все-таки объясни, почему у меня рейтинг ниже?! Почему он вообще только семнадцать?

— Тут другое интересно, — уклонился Грязнов, разливая неизвестно в который раз. — За прошедшую неделю у вас обоих рейтинг поднялся на две позиции. Это, может быть, конечно, и совпадение, но... А как вообще складываются рейтинги?

— Зависит от того, кто, как и с кем сыграл... то есть... не знаю, как они это делают. В спорте вообще-то считают не слишком сложно. В общий лист вносятся все участники соревнований определенного ранга. За каждый выигрыш спортсмен получает какой-то процент рейтинга проигравшего ему соперника. А соперник соответственно столько же теряет. За проигрыш разным соперникам теряется разный процент. Кроме того, могут быть специальные надбавки, так сказать, индексация за уровень соревнования, если ты в нем победил, конечно.

— А когда еще очки рейтинга теряются?

— Дай сообразить... — Турецкий помотал головой, пытаясь разогнать сгущающийся туман. — Наверное, при неучастии в соревновании — теряются. Да, точно, при отсутствии объективной причины.

— Значит, чтобы определить рейтинг сыщика, нужен рейтинг преступника, с которым он вступил в единоборство, верно?

— Да ты рехнулся, это же невозможная вещь, как это определить?! И кто это сделает?! А потом, о каком единоборстве может идти речь?! Тут же миллион иррациональных факторов вступает в силу. Пока получишь одно идиотское разрешение на прослушивание — уже поседешь. А седой следовательно — это уже совсем другой следователь. Э-э-э, да что говорить. — Турецкий махнул очередную дозу «агавы».

— Перестань трясти землю, — вдруг тихим и неуверенным голосом попросил Грязнов.

Турецкий удивился, но возражать не стал, кто знает, может быть, он что-то такое и совершал. Тем более что тут Грязнов вдруг сказал совершенно трезво и четко:

— Ты говоришь, что рейтинг нельзя рассчитать, потому что нельзя рассчитать его у преступника, тем более — кстати! — у потенциального преступника. Это все верно. Но, может быть, рейтинг существует как раз для таких случаев, как у тебя сейчас — при внутреннем расследовании? Преступник известен заранее. Он — свой парень в доску. В рейтинг.

— Ерунда, — запальчиво возразил Турецкий, явственно ощутив, как пространство начинает искривляться. И повинувшись непонятному порыву, одним стремительным движением налил в свой стакан и выпил, не давая опомниться собутыльнику. — Д-даже если я нахожусь на последнем месте, то получается... то получается, что в системе подсчета задействованы как минимум семнадцать человек. Это уже немало для внутренних расследований, которые могут одновременно вестись в настоящий момент. Кроме того, откуда это известно САГ «Аисту»? Твоя гипотеза возможна только при допущении тотальной утечки информации.

— А ты считаешь — это исключено?

— Да, — уверенно начал было Турецкий, но вспомнил, как странно вел себя Костя Меркулов. — Да... я так считаю... Не перебивай. Вспомни лучше, как там было написано? «Аист» оценивает профессиональный уровень следователей всех ступеней системы Генеральной прокуратуры, следственного комитета МВД...

— Двух из трех существующих ведомств — всех, но за исключением ФСБ. — Грязнов икнул, разлил остаток текилы, и приятели прикончили «Anejo Jalisco». Грязнов грустно посмотрел через пустую бутылку на своего приятеля и понял, что вряд ли сегодня куда-то уедет.

— Вот именно! То есть оценивается куча народу. Это может быть несколько тысяч человек. Не могут же все они находиться по разные стороны внутреннего расследования. Но может быть другое! Может быть, действительно есть утечка информации, а этот гребанный рейтинг — чепуха на постном масле, которую выдумал господин Сафронофф, просто чтобы подействовать мне на нервы. Так вот, герр полковник, — вдруг заорал Турецкий почему-то в потолок, — т-так в-вот...

Что именно сам он докричал «герру Сафроноффу», Турецкий дослушать не смог, потому что в его личном варианте немедленно рухнул потолок. А может быть, тот, другой Турецкий, которого он наблюдал как бы со стороны, что-то и докричал. А почему я вообще решил, что я Турецкий, подумал Турецкий. Может быть, Грязнов завтра все расскажет. Если только он не провалился при землетрясении.

КАТЯ

11 февраля, утро

Катя остановила машину у офиса Кроткова, располагавшегося в бывшем здании ЦК ВЛКСМ. «Дипломат» с деньгами лежал на сиденье рядом.

Глядя в зеркальце, осторожно, стараясь не раз-

рушить причудливую башню, в которую были собраны ее волосы, нажала кнопку «record». Диктофон в высокой прическе был абсолютно незаметен. Вот и пригодился.

Две недели назад у Кати был день рождения, и, зная, как она любит всякие «аудиопримочки», Эльдар потащил ее в «Global USA» выбирать подарок. Они долго изводили продавца, пытаясь оценить звучание. В конце концов, Катя остановилась на аудиосистеме «Hi-End от Bow Technologies», и вместе с покупкой ей вручили лотерейный билет. В лотею ей обычно не везло, и безо всякого энтузиазма она стерла монеткой слой фольги, ожидая увидеть надпись типа «Без выигрыша», но под серебристой пленкой появились цифры — \$100. Продавец поздравил ее с удачей и объяснил, что она может выбрать в их магазине любой товар по стоимости не превышающий сто долларов. За выигранную сумму можно было выбрать разве что будильник или аудиоплеер. Катя выбрала диктофон. Абсолютно белый, по размеру не больше пачки сигарет, с такими же белыми причудливой формы кнопочками, вещь, казалось бы, абсолютно бесполезную. И стоил он несколько больше выигранной суммы, но ее это не смутило. Диктофончик ей настолько понравился, что она доплатила недостающие десять долларов. Эльдар еще пошутил, что ей теперь нужна еще зажигалка-фотоаппарат, и можно выходить на шпионскую охоту.

Теперь этот диктофон поможет ей добыть доказательства того, что Кротков занимается рэкетом, да еще и похищением людей. Слишком уж много он на себя берет. Но нести диктофон в сумочке или прятать его на себе было довольно опасно, ибо кто знает, что придет в голову этому психу на этот раз,

вдруг он опять полезет обниматься или, еще чего доброго, прикажет обыскать ее. И потому Катя придумала трюк с прической.

В дверях дорогу ей преградил коротко стриженный крепыш в костюме и при галстукe, на груди его болталась пластиковая табличка с крупной надписью «Security» и цветной фотографией.

— Что вы хотите? — предельно вежливо спросил он каким-то механическим голосом.

— Я в фирму-«Юность».

Охранник извлек из нагрудного кармана телефон внутренней связи и, не сводя неподвижного взгляда с Кати, сообщил неизвестно кому:

— Спуститесь, к вам пришли, — и уже обращаясь к ней: — Подождите минуту, — и все это, не меняя выражения лица. К его облику, несомненно, больше подошел бы диверсионный камуфляж, костюм сидел на нем, как чехол на танке.

Минута истекла, и рядом с охранником вырос блондинистый Сеня с расплюснутым носом и на этот раз тоже в костюме, более дорогом, но сидящем еще хуже, чем на охраннике.

— Пра-ашу, — сказал Сеня, и представитель «Security» отступил ровно настолько, чтобы Катя смогла пройти, не задев его плечом.

Они прошли по звонкому паркету, оставшемуся, видимо, с былых комсомольских времен, и Сеня услужливо распахнул перед ней черную звуконепропускаемую дверь.

Катя оказалась в приемной, обставленной светлой офисной мебелью. Секретарша, маленькая брюнетка с пышными формами, отвлеклась от экрана компьютера и взглянула на незнакомую посетительницу. За долю секунды выяснив характерные объе-

мы, рост и вес и убедившись, что в сравнении с посетительницей она не проигрывает, так как они являются полной противоположностью друг другу, приветливо улыбнулась:

— Василий Петрович вас ждет.

Кабинет был просторен и шикарно обставлен: темно-серый кожаный гарнитур, огромный стол, заставленный разнообразными канцелярскими при-бамбасами. Кротков восседал в вертящемся кресле и лениво курил. В собственном кабинете он чувствовал себя полноправным хозяином и потому позволил себе снять пиджак и слегка распустить узел дорогого светло-серого, усеянного серебряными искрами галстука. Сеня бережно принял чемоданчик с деньгами и, осторожно положив его на стол, помог Кате раздеться.

Кротков нажал кнопку на столе, и секретарша вкатила в кабинет столик с кофе и пирожными.

— Угощайтесь, пожалуйста, — радушно предложил Кротков и, только когда секретарша, покачивая бедрами, покинула кабинет, открыл «дипломат». Едва взглянув на его содержимое, он тут же убрал деньги в сейф.

— Я рад, что вы вели себя разумно и не заставили нас прибегать к более радикальным мерам. — Он загасил сигарету и тут же зажег новую. Пепельница была переполнена, но воздух в кабинете оставался довольно свежим, благодаря кондиционеру, который тихонько убаюкивающе урчал за окном.

— Где Эльдар? — спросила Катя. Ей было неприятно находиться в обществе Кроткова, хотелось побыстрее покинуть этот кабинет.

— Маэстро чувствует себя хорошо и велел кланяться. — Кротков был сама любезность.

— Что значит — кланяться? Вы получили деньги и должны его отпустить.

— Я, госпожа Масленникова, никому ничего не должен. Вы его получите, когда я сочту нужным, — делая ударение на слове «я», ответил Кротков, — а пока он останется у нас. На мой взгляд, настала пора перевести наши деловые отношения на качественно новый уровень.

Немного склонив голову набок, он задумчиво посмотрел на кофейник, и Сеня, видимо обладавший телепатическими способностями, тут же наполнил его чашку. Кротков медленно, маленькими глотками выпил свой кофе и только потом продолжил:

— Я подумываю о взаимовыгодном партнерстве во владении вашим уютным ресторанчиком. Короче говоря, отныне, если вам еще дорого с таким трудом взлелеянное вами детище, прекрасный, на мой взгляд, образчик предприятия общественного питания, вы будете делиться с нами, ну, скажем, сорока девятью процентами прибыли. И в качестве первого взноса через три дня принесете мне пятьдесят тысяч долларов.

Катя не находила слов, пораженная его наглостью. Она открыла сумочку, и Сеня тут же вырос рядом, заглядывая через плечо. Убедившись, что оружия в сумочке нет и Катя в приступе гнева не собирается убивать его шефа, он ретировался на свое обычное место, к двери. Катя достала пачку сигарет и зажигалку, и Сене пришлось вернуться, чтобы помочь ей прикурить.

Катя курила мало и редко, только в моменты крайнего возбуждения. Сделав одну затяжку, она раздавила сигарету в пепельнице.

— Я хочу видеть Эльдара.

— Боюсь, свидание при свечах не состоится, но чтобы вы не забивали свою прекрасную головку тревожными мыслями, сегодня утром мы запечатали мужественный лик вашего возлюбленного, с помощью, увы, примитивного «Полароида». Конечно, для него, привыкшего к софитам, это было немного оскорбительно, и потому он не успел войти в образ и явить нам свою так любимую многочисленными фанатами улыбку.

Кротков протянул Кате моментальный снимок. На фотографии Эльдар держал в руках газету, так что она закрывала нижнюю половину его лица, но зато можно было разобрать дату. Газета была сегодняшняя. Значит, по крайней мере, сегодня утром Эльдар был еще жив. Но его взгляд... Катя достаточно хорошо знала Эльдара, он мог улыбаться, даже хохотать или, наоборот, стискивать зубы и играть желваками на скулах, и все это было только маской, его подлинное настроение отражали глаза, а сейчас его взгляд не выражал абсолютно ничего, как у сомнамбулы. Кате это не понравилось. Она хотела спрятать фотографию в сумочку (еще одно доказательство для милиции), но Кротков отобрал снимок:

— Сожалею, но отдать не могу. Уж очень хочется сохранить что-то на память о вашем талантливом друге. И хочется, знаете ли, поделиться затаенным: быть может, при расставании я преодолею природную робость и попрошу украсить фото автографом.

Помня о диктофоне, Катя попробовала разговаривать Кроткова. Раз уж она рискует, то нужно хотя бы постараться, чтобы запись была как можно более информативной.

— Где вы его держите? Там хотя бы тепло? Вы

знаете, что у него больные почки? — Катя понимала, что ее вопросы звучат глупо, но, может быть, Кротков проговорится. И по какой-то незначительной детали можно будет вычислить, где Эльдар, а значит, и освободить его.

Но Кротков не проговорился, он расценил ее реакцию по-своему. Она испугалась, а это именно то, чего он и добивался. Бойтся — значит, будет платить. Главное, не перегнуть палку, а то еще помчится, куда не следует, и все испортит.

— Вы еще спросите, что он кушает и вовремя ли ложится баиньки. Разве я или вот Сеня похожи на садистов, способных мучить невинных людей просто так, из любви к искусству? Если вы будете вести себя правильно, ничего с ним не произойдет. И хочу предупредить: никакой дурацкой милиции, это только наше сугубо личное, семейное дело — ваше и мое, и не нужно впутывать сюда посторонних, иначе я не отвечаю за последствия.

Катя согласно кивнула, продолжая играть роль испуганной девочки, что было не слишком сложно, поскольку она действительно была здорово напугана. Кротков поднялся и подал Кате шубу, давая понять, что аудиенция закончена:

— Сейчас вам пора домой — ведь предстоит много-о-оое сделать. Что касается связи, милочка. Нашу следующую встречу хотелось бы провести в неформальной обстановке, так что приходить сюда больше не следует. Встретимся в субботу в двенадцать, у ресторана «Ореховый». Вы же не против, верно?

Катя пожала плечами и направилась к выходу. Кротков вернулся в свое кресло:

— До встречи. И берегите себя.

9 февраля, день

— Послушай-ка, ангел-хранитель, как тебя звать по батюшке, не Боцманом же? — спросил Эльдар.

— Можешь Палычем, да только ее, родимой, — он кивнул в сторону бутылки «Финляндии», — все равно не получишь, сказано мне было строго: «Нельзя!»

— Кем же это, позволь, Палыч, полюбопытствовать, тебе строго наказано? Уж не нашим ли юным другом, прыщавым Ваней-шлангистом? Он тут, похоже, большой начальник. — Сказано было, пожалуйста, слишком ехидно, но старый моряк уже не мог уловить нюансов в голосе.

— Не умничай! Я здесь начальник! Соображаешь? Я! Палыч. — Он хватил стопку как бы в подтверждение своих слов. — Знаешь, кто тебя ко мне привез?

— Какой-то Кротков, — процедил Эльдар пренебрежительно.

— Кротков тебе не какой-то! И он, между прочим, меня уважает, всегда по отчеству: «Есть ли проблемы, Палыч? Я вам доверяю...» Хотя жук еще тот. — Он с сожалением посмотрел на почти опустевшую бутылку. — А Ваняй думает, будто Сам его ценит. — Палыч разгорячился и в сердцах сплюнул. — При первой надобности он этого сопляка бросит на амбразуру, а тот ничего и не поймет, пока пулю не схватит. Зачем еще такие желторотые дебилы нужны, спрашивается? Старый вор — он дерьмовое дело за три версты пупком чует. А скорей наш Ванька-дурачок нарвется сам и загремит под фанфары, шеф его вытаскивать не станет, нынче паца-

ны не в космонавты рвутся, только свистни — набегут, хрен прогонишь. Ну а на зоне, сам знаешь, таким в один день рога обламывают. — Боцман улыбнулся зажмурившись, наверное, представляя себе радостную картину Иванова унижения. Затем прикончил, наконец, бутылку и уставился на стену, о чем-то размышляя. Палыч безусловно пытался разрешить дилемму: пропустить еще шкалик и предстать утром пред чьи-то ясны очи в неприглядном виде или прервать выпивку в самом ее апогее. Второй вариант Эльдара не устраивал: если старик упьется до положения риз, толку от него не добьешься.

— Палыч! Кончай заливать. Говоришь, меня к тебе привезли? А на кой я тебе нужен? Может, твоё хобби людям байки рассказывать, а чтоб не сбежали, недослушав, запирают их на замок? Или, скажем, ты за какую-то идею работаешь? А может, озолотил тебя Кротков, шестисотый «мерседес» подарил, за свой стол на почетное место усадил, в адмиралы произвел и поставил своим флотом командовать?

Старик, не ожидавший такого поворота в разговоре, озадаченно молчал.

— Он же тебя в грязи подобрал, на миллиметр приподнял, даже обмыться не дал, а ты ему уже готов ботинки лизать, как щенок. Говоришь, полмира объездил, жизнь повидал? Ванька-сопляк во внуки тебе, Палыч, годится, а посылает по матери и погоняет, как салагу, а ты рад стараться услужить. — Эльдар решил выдержать паузу: старческий маразм, укрепленный «Финляндией», замедлял восприятие Боцманом окружающей действительности. Но тот ответил сразу и почти без хмеля в голосе:

— Все ты верно базаришь, как тебя?

— Эльдар.

— Но не все знаешь. Я раньше в коляске возил безногого афганца, он в переходе христарадничал, их целая орава на ту же контору работает. Кто как в эту компанию угодил, не знаю, но есть там стоящие мужики, хоть и в некомплекте. Некоторые бежали, один, дурачинушка, к ментам за правдой подался, другой революцию устроил. Беглецов всех скоро вернули на место или прикончили. Понял, Эльдар? — Говорил Палыч скороговоркой, как будто боялся не успеть. — Миллион ты мне не предложишь, чтоб я куда-нибудь в джунгли к папуасам мотнул или на собственный атолл, а в любом другого месте они меня завтра достанут. И в лучшем случае урекают быстро, только куда им торопиться?

Эльдар улегся на сырой матрас и отвернулся от собеседника. Рассчитывать на помощь экс-моряка Палыча в побеге не приходилось: он, видать, уже много лет ходит с полными штанами и хозяев боится больше смерти. Остается надеяться на случай или на то, что Катя сможет уладить дела с Кротковым, но, исходя из услышанного сегодня, вряд ли он так просто оставит ее в покое.

С утра, как и предполагалось, произошла смена караула. Ваня, качаясь в кресле, прослушал одну кассету, потом начал проявлять признаки раздражения. Надо полагать, должность вертухая не соответствовала его представлениям о роли собственной личности в истории.

— Эй, Боцман! Я отвалю часа на два, смотри, чтоб все было как положено, приду — проверю.

Палыч аж позеленел от злости, ночной разговор все-таки расшевелил остатки гордости в его забитой душе. Он приблизился к обидчику с перекошенным лицом, словно не в силах выговорить ничего в ответ

на оскорбительное предложение, и неожиданно ударил его коленом в промежность. Ваняй скорчился, тогда дед взял табуретку и огрел его по спине.

— Будешь сидеть, пока я не разрешу выйти. Всосал? — Не дождавшись ответа, Палыч покинул поле брани, поспешно унося лавры победителя.

У Эльдара под воздействием житейских коллизий последних суток и по причине отсутствия первой степени свободы (передвижения) случился творческий экстаз.

— Палыч! Скорей неси ручку и бумагу! — крикнул он в явное нарушение правил. Боцман прибежал в абсолютном недоумении, с глазами навывкате.

— У тебя что, крыша съехала, парень? Жалобу прокурору писать собрался?

— Неси скорей, сейчас слова забуду!

— Какие, блин, слова?

— Да ты хоть знаешь, кто я? Я музыкант, я поэт, дурья твоя башка, Эльдар Назаров, слышал? — Вопрос был задан без особой надежды на утвердительный ответ, но старику имя действительно оказалось знакомо. Лицо его расплылось в глупой улыбке, и он рысью бросился за письменным прибором. Но Назарову не отдал: решил сам принять участие в сотворении шедевра. Эльдар провозгласил:

— Значит, пиши! Мальчик Ваня тра-та та-та та-та та...

Мальчик Ваня вынимает финский нож,
Что ж ты лезешь на рожон,
Эх, пижон...

— Тра-та та-та та-та та, — задумчиво произнес Боцман... — Мальчик Ваня пропадает ни за грош!

— Ага, ни за грош, — прогнусавил Назаров на-

распев, также задумчиво. — Точно, ни за грош. Гитара есть? Сейчас музыку сочинять будем.

— Где ж я тебе гитару возьму? Ты не в подсобке магазина «Мелодия», а... — Палыч осекся и бросил колющий взгляд на Ваня. Тот наблюдал за творческим процессом с явной злобой. Возможно, он и сам не отказался бы поучаствовать, но натянутые после вчерашнего отношения с Эльдаром и скользкая тема предполагаемой песни отрезали все пути к сближению.

— На кожаной флейте играй, Моцарт! Вон у Боцмана одолжи. У него знаменитый инструмент, с фирменным знаком. Небось уже хвалился? — Ваня расхохотался гаденьким фальцетом.

— Вань, хочешь анекдот расскажу? — спросил Назаров. — Лев Толстой очень любил играть на балалайке, но не умел. Бывало, пишет роман «Война и мир», а сам думает: «Тень-дер-день-тер-тер-день-день-день». Или: «Брам-пам-дам-дарарам-пам-пам».

И за неимением настоящей он принялся перебирать аккорды на воображаемой гитаре, беззвучно открывая рот, с невероятным напряжением на лице, покачиваясь в такт никому, кроме него, не слышной мелодии.

— Первая строка: ля минор, ре минор, ми мажор, ля минор. Вторая — тоже. Потом: ля сэпт, ре минор ми мажор, пижон — ля минор. — Палыч, записав, изобразил работу мысли, подражая Назарову, брынькал на виртуальной гитаре, пытаясь воскресить в памяти блатной квадрат.

На этот раз Иван хохотал до слез, как ребенок, всхлипывая и колотя себя кулаком по колену.

— Ну ты конь, Боцман!

Палыч, не обращая внимания на реплику моло-

дого коллеги, сгонял к себе и притащил из анналов чекушку и две стопки.

— За шлягер! — сказал он, наливая Назарову, и повернулся к Ваняю: — Э-э, а: несение караульной службы является выполнением боевой задачи в мирное время и требует от военнослужащего выдержки, бдительности и инициативы... — Палыч опрокинул рюмку, а Ваняй прыгнул на него сзади и огрел пистолетом по голове.

— Ты зачем старика ударил, Шаляпин? Нехорошо руки распускать. Придется доложить начальству и режим усилить. — Он вынес тело Палыча. Спустя час приехали давешние знакомые.

— Старик совсем охренел и допился, — жаловался Иван, — пришлось в репу съездить, нянчился с этим вот, водкой его угощал, а он его схватил и об решетку — хрясь!

— Ладно, с Боцманом без тебя разберемся. А ты куда смотрел, когда он его об дверь звезданул?

— Да если б не я — вообще убил бы...

«Пацаны» вкололи Эльдару нечто сильнодействующее, от чего он отключился и потерял счет времени. Единственное, в чем он был почти уверен: его ширяли неоднократно, по крайней мере остался смутный образ Ваняя со шприцем.

КАТЯ

11 февраля, день

Она медленно шла по Большой Якиманке, сосредоточенно размышляя, с серьезным риском угодить под машину.

Ну, хорошо, у нее теперь есть доказательство

того, что Эльдар похищен, и в милиции ее вряд ли примут за истеричку, которую бросил любовник, а она по этому поводу решила поставить всех на уши. Однако, с другой стороны, что будет, если Кротков узнает об этом телодвижении? Эльдару определенно не поздоровится. К тому же он и сам, наверное, был бы против вмешательства органов. Где же выход? Шантажировать Кроткова пленкой в надежде, что он испугается, отпустит Эльдара и забудет обо всем? Глупо. Это открытое объявление войны, проигравший которой известен заранее...

Или попросить отца? Если родитель со всеми своими связями и влиянием бросится ей помогать, то возможно, что проблему удастся быстро урегулировать. Таких денег у отца, конечно, нет, но Кротков, сообразив, откуда ветер дует, сразу станет скромнее и сговорчивее. Только беда в том, что отец терпеть не может Эльдара. И что гораздо важнее, он никогда и ни при каких обстоятельствах не использовал свое служебное положение в личных целях и не станет этого делать впредь. А бросить ее в беде он тоже не сможет, значит, будет опять корчиться в моральных муках...

Вдруг у нее возникло навязчивое ощущение какого-то зуда в затылке. Ощущение, которое появляется, когда кто-то пристально, не прекращая, сверлит взглядом твою спину.

Катя выглядела весьма эффектно — высокая, стройная молодая женщина в оранжевой лисьей шубе, по воротнику которой рассыпались ее светлые волосы. Встречные мужчины оборачивались ей вслед и провожали долгими восхищенными взглядами, в которых, впрочем, сквозило удивление: почему она ходит пешком, а, скажем, не летает. Но это обычное явление, и она давно привыкла к такой

реакции. Сейчас же было что-то иное. За ней следили.

«Пленка!» — запрыгало вдруг у нее в голове. А если они каким-то образом узнали и теперь охотятся за ней?! Первым импульсом было желание бежать со всех ног подальше отсюда. Катя взяла себя в руки, постаралась успокоиться и, лишь немного ускорив шаг, попробовала смешаться с толпой. Но взгляд «не отставал».

Она остановилась у витрины. Достала зеркальце и, делая вид, что придирчиво анализирует свой макияж, попробовала окончательно определиться с причиной своего беспокойства.

Никто не выстрелил в нее из пистолета с глушителем, никто не подошел и не окликнул, никто не затащил в припаркованную у тротуара машину. Вот козлы. Она предоставила им полную возможность это сделать, но никто ею почему-то не пожелал воспользоваться. Очевидно, никто и не собирался ее убирать или похищать. По крайней мере, пока не собирался. Может, показалось... Переволновалась, трусиха, и навоображала бог знает чего?

Но нет. Метрах в пяти позади нее мужчина в зеленом кашемировом пальто тоже остановился и, отвернувшись, принялся хлопать себя по карманам, довольно натурально имитируя человека, который вдруг вспомнил что-то невероятно важное. Его лицо показалось ей смутно знакомым, но она не успела как следует рассмотреть. Значит, за ней все-таки следят. Но знают ли они о пленке или просто не хотят оставлять без присмотра — вот вопрос вопросов!

Катя покрепче сжала сумочку с драгоценной ношей и медленно пошла дальше, делая вид, что полностью погружена в свои мысли. Зашла в не-

большой салон авангардного искусства и минуты три рассматривала выставленные там картины, представляющие весьма сомнительную художественную ценность. Катя переложила диктофон во внутренний карман и продолжила осмотр вернисажа. Ее интересовали не столько произведения искусства (надо сказать, редкая чушь), сколько тонированное стекло витрины, почти непрозрачное со стороны улицы. Тип в зеленом пальто был рядом. Он с самым серьезным видом разглядывал соседнюю витрину и опять стоял вполоборота.

Дойдя до следующего угла, Катя повернула направо и вдруг увидела, как из остановившегося такси вылезает толстенная бабища, до зубов нагруженная разнообразными пакетиками и сверточками. Катя придержала дверцу, намереваясь тут же занять ее место и хоть попытаться уйти от хвоста. А бабища копалась и копалась, роняя и подбирая свои пакетики. Когда, наконец, путь был свободен, чья-то тяжелая рука легла на Катину плечо. Она обреченно оглянулась.

— Катька? Масленникова? А я все гадаю, ты или не ты. — Преследователь широко улыбался.

— Володя? — Катя взглядела в его лицо. В располневшем, раздавшемся в плечах, слишком тщательно выбритом мужике с трудом угадывался ее когда-то худющий и застенчивый одноклассник Вовка Долгов.

— Так вы садитесь или нет? — Таксист был крайне недоволен.

— Нет-нет. Спасибо большое, посзжайте. — Катя с трудом разомкнула пальцы, все еще удерживавшие дверцу машины.

— Что за народ пошел. То еду, то не еду. А кто

мне за простой заплатит? — Не переставая бурчать, шофер клацал счетчиком.

— Не ворчи, шеф. — Володя бросил на сиденье десяти тысячную бумажку. — Не видишь, людям поговорить надо. — Он взял Катю под руку. — Ну, какая ты стала, Катерина, просто топ-модель, честное слово. У меня тут офис рядом. — Он неопределенно махнул рукой, указывая куда-то на противоположную сторону улицы. — Стою я, это, курю, в окно смотрю. Глядь, вроде ты. Ну, я хватать пальто и за тобой. Неудобно сразу за полу дергать — вдруг обознался. Вот и пошел следом, следы распознавал.

Начинало темнеть, пошел мелкий колючий снежок. Они медленно двигались в плотном людском потоке, то и дело подталкиваемые вечно спешащими куда-то москвичами. Володя болтал не переставая. Что-то об армии, о том, как его турнули из института, о бизнесе и своей роли в нем. Катя слушала вполуха, даже не пытаясь вникнуть в подробности. Изредка кивала и хмыкала, не заботясь о том, к месту ли. Но Володя, казалось, не обращал внимания. Его несло. От былой застенчивости не осталось и следа.

Изложив конспективно все произошедшее с ним за последние десять лет, он теперь ждал того же от Кати. А ее совершенно не тянуло на разговоры. Что-то похолодевшее и сжавшееся в комок у нее внутри постепенно теплело и распрямлялось. Она почувствовала, что смертельно устала и хочет сейчас одного — вернуться домой и влезть в горячую ванну. И еще — жутко жалела, что в целях конспирации и запутывания следов решила оставить машину на автостоянке.

Чтобы не показаться совсем уж невежливой, Катя записала Долгову номер телефона:

— Позвони как-нибудь. Встретимся, потрещим...

— Нет, но выглядишь ты потрясно. Хоть скажи, замужем или нет, а то я уже в соискатели записываюсь.

— Извини, все места заняты.

— Жаль, — искренне огорчился Володя. — Проводить тебя?

— Нет, спасибо, недалеко.

Долгов попрощался и скрылся в подземном переходе. Но не прошла она и двадцати метров, как снова пришлось остановиться.

— Катя! — Сложив рупором ладони и перекрывая шум движения, Володя орал с противоположной стороны улицы. — Слушай! У нас же в этом году десять лет окончания школы, придешь?

Катя энергично закивала головой.

ТУРЕЦКИЙ

14 февраля

Турецкий стеснялся своей секретарши. И на то были свои причины. При некоторой натяжке она годилась Турецкому в матери. Пятидесятипятiletняя Изида Сигизмундовна была «рождественским подарком» зама генерального прокурора (К. Меркулова) «важняку» Генпрокуратуры (А. Турецкому), который со всеми ее молоденькими (и не очень) предшественницами нажил кучу неприятностей. Вообще-то секретарш у «важняков» нет, но ввиду загрузки последнего времени Меркулов выделил Турецкому один кадр из резерва канцелярии Генпрокуратуры.

Изида Сигизмундовна отличалась удивительным девичьим голосом. Она курила не трубку и не «травку», а нормальные сигареты «Голуаз». Она не пила

в рабочее время, и, видимо, вне его тоже. Она не вязала бесконечных носков для нескончаемых внуков. Она четко отвечала на поставленные вопросы, касались ли они кометы Галлея или сокращения поголовья крокодилов в устье Амазонки. И самое потрясающее — она никогда не обсуждала вчерашнюю серию «Санта-Барбары»! Методом исключения оставалось только одно занятие — она работала. Первое время Турецкого это здорово выбивало из колеи. Но когда Изида Сигизмундовна навела идеальный порядок в делопроизводстве и наладила безупречный конвейер необходимой оперативной информации, он несколько пересмотрел взгляды на жизнь и на проблемы эмансипации в частности.

Единственной ее страстью оказались безжалостно и молниеносно раскалываемые кроссворды. Турецкому пришлось около трех недель внимательно следить за секретаршей, чтобы заметить эту маленькую слабость.

Почему-то общественным мнением было решено, что эта чуть полная шатенка с россыпью веснушек на носу и немного великоватыми ушами сильно смахивает на Агату Кристи (если только кто-то видел, как выглядела знаменитая писательница), и потому за спиной Изида Сигизмундовна прозывалась «мисс Марпл». Оставалось лишь тайной, где Меркулов раскопал такое чудо.

Так вот, Турецкий стеснялся своей секретарши, когда оказывался в ситуации подобно этой. Продолжая сжимать в руке пустой стакан и лежа на чем-то жестком (на полу? на столе? Турецкий боялся открывать глаза), он услышал, как где-то рядом хлопнула дверь. Очевидно, «мисс Марпл» пришла на работу. Очевидно, начался новый рабочий день. Сейчас она зайдет навести порядок в кабинете шефа

и увидит его самого в совершенно непотребном виде. Окончательное падение авторитета.

Турецкий предпринял чудовищное усилие, чтобы приподнять одно веко, и на секунду задумался: правое оно или левое? Так ничего и не решив, он открыл и второй глаз. Было темновато. Стол, на котором он возлежал (или это все-таки пол?) почему-то подпрыгнул. Или ему показалось? Турецкий смутно припомнил, что намерении у них с Грязновым все вроде бы закончилось не то землетрясением, не то... Он осмотрелся. Что за черт? Все явственно подпрыгивало, и в то же время за окном стремительно проносились темные пятна деревьев. Турецкий на всякий случай прочистил горло.

— Ну наконец-то, дядя Саша, — бодро произнес молодой и хорошо знакомый мужской голос. — Давно уже ждем-с вашей реанимации-с.

Наконец до Турецкого дошло. Это был Денис, племянник Грязнова, он сидел за рулем собственного джипа скромной марки «форд». А сам Турецкий возлежал на заднем сиденье его джипа скромной марки «форд». А раз так, то... Секундочку!

Турецкий окончательно пришел в себя и заорал:

— Какого черта? Ты что, меня украл?!

— Дядя Саша, успокойтесь, — хладнокровно сообщил Денис. — Я только выполняю приказ своего руководящего родственника, а вашего ближайшего друга.

— Какой, к лешему, приказ?! Останови немедленно!

— Именно, — не отрывая взгляда от дороги, с искренним восхищением отреагировал Денис. — Именно так! Точно! Как раз — к лешему. Как раз туда мы и едем.

— Что?!

— Охотиться. На кабана. У моего дядьки под Калугой знакомый классный егерь есть, Мишка Колчанов. Уже ждет нас.

— Да вы сдурели! Какая охота! У меня же работа, срочное дело! Останови, я кому сказал?!

— Дядя Саша, успокойтесь, ради бога. Какая может быть работа в выходные?

— В выходные?!

— Конечно. Да не волнуйтесь. Семью вашу предупредили, Ирина Генриховна не возражала, даже приветствовала, можно сказать.

Турецкий, наконец, сдался:

— Могу себе представить... Сейчас... у нас что? Вечер пятницы?

— Субботнее утро.

Турецкий глянул в окно. Действительно, рассветало. Под колесами похрустывал свежий, целинный еще снежок.

— А где сам-то, дядя твой замечательный?

— Сзади.

— В багажнике?! — ужаснулся Турецкий.

Денис укоризненно глянул в зеркальце заднего обзора: — Ну какой же здесь багажник? Сзади он едет. Хмель за рулем прогоняет.

КАТЯ

11 февраля, день

В РУОПе, на Огарева, 6, хмурый, с красными глазами и огромными волосатыми руками капитан Лихачев вот уже десять минут изучал Катино заявление о похищении Эльдара. Создавалось впечатле-

ние, что он или не умеет читать вовсе, или читает между строк.

Кабинет его выглядел весьма заурядно, чтобы не сказать типично: тесный, с обшарпанными голыми стенами, кое-где прикрытыми старыми глянцевыми календарями, выдавшим виды канцелярским столом и несколькими раздолбанными стульями.

— Ну, рассказывайте, — он отложил исписанные листки и, подперев подбородок руками, устало посмотрел на Катю.

— Там же все написано.

— А я хочу еще раз послушать. — Видимо, он все-таки не умел читать.

Катя медленно и внятно изложила свою историю, стараясь не перегружать ее эмоциями. Капитан закурил и, откинувшись в кресле, разглядывал посетительницу из-под приспущенных век. Пожалуй, надежная барышня. Такая не станет визжать и бухаться в обморок при виде царапины. И говорит хорошо, толково говорит, по сути.

— Вот пленка, — закончила свой рассказ Катя и протянула руоповцу диктофон. В его огромной ладони он казался совершенно несерьезным. Лихачев нажал кнопку «play», из динамика вырывался только невнятный шелест. Он сделал погромче и поднес диктофон прямо к уху.

— Так тут же нет ничего. — Капитан разочарованно уставился на Катю.

— Перемотайте немного. Я его еще в машине включила.

Нужное место действительно было найдено.

— В принципе все ясно. — Лихачев осторожно поставил диктофон на край стола. — Только я не понял из заявления, этот Назаров, он вам кто, муж?

— Нет, он мне не муж, пока, по крайней мере, —

и продолжила про себя: «И я рискую овдоветь, не выйдя замуж».

— Значит, так и запишем, сожитель. — Капитан сделал пометку на последней странице заявления. Катю немного покорибило от такой формулировки. Впрочем, хоть калачом называй, только в печь не ставь.

— Фотография у вас имеется?

Собираясь в милицию, Катя подумала, что наверняка понадобится снимок. Но, к удивлению, она обнаружила, что ничего подходящего у нее нет. Эльдар не любил фотографироваться, и она смогла найти только два снимка. На первой они вдвоем на набережной Москвы-реки, недалеко от Красной площади, дурачатся — Эльдар держит ее на руках и делает вид, что собирается бросить в воду. (Сукин сын, после щелчка фотографа ведь и бросил!) Нет, этот снимок слишком личный, да и лицо Эльдара немного не в фокусе. На второй фотографии Эльдар уже один в зоопарке на Красной Пресне, на фоне клетки с обезьянами, и улыбка у него жутко дурацкая, как и у тех, что позади него. Но не афишу же нести в милицию. Для РУОПа пришлось выбрать зоопарк.

Лихачев долго изучал фотографию, то поднося ее к глазам, то с расстояния вытянутой руки.

— Где-то я уже видел этого парня. Только вот где? Он никогда не проходил по нашим делам?

— Он известный певец. И видеть вы его могли по телевизору. Или на концерте. — Она постаралась увести руоповца от давнего, но все же уголовного прошлого Эльдара. Забавно, что совсем рядом со входом в РУОП на афишной тумбе висела и его афиша. Эльдар в кепке, с гитарой и огромная надпись поперек: «Деньги — тлен» (сейчас он, возмож-

но, уже изменил свое мнение на сей счет), так что капитан каждый день по дороге на работу мог видеть его лицо, да только вряд ли замечал.

— Да? И о чем поет? — Он положил снимок на стол и накрыл своей волосатой ручищей, словно экстрасенс, пытающийся определить характер и судьбу человека по фотографии.

— О жизни.

— Что вижу, то пою... — задумчиво прокомментировал Лихачев — Акын, значит. А, вспомнил. Певец свободы и тоски. И по нашим делам он, однако, тоже проходил, насколько я понимаю.

— Это было очень давно. — Кате было неприятно оттого, что не удалось избежать этой темы.

— Давно-то давно, а сколько волка ни корми, все равно в лес... — глубокомысленно изрек руоповец.

— Что вы хотите этим сказать?

Он, не торопясь, прикурил, обошел стол и, присев на самый краешек, навис над Катей. Теперь ей приходилось смотреть снизу вверх, что создавало физический и психологический дискомфорт.

— А вы не задумывались о том, что Назаров может оказаться в сговоре с этим Кротковым и они на пару вымогают у вас деньги?

— Эльдар увидел Кроткова впервые в то утро в моей квартире.

— И из чего это следует? Из того, что он затеял драку? Но он же артист, мог сыграть вполне натурально. Но даже если они и не были знакомы прежде, кто мешал им найти общий язык позднее?

Катя отодвинулась вместе со стулом, уходя из зоны давления.

— Если он в юности и совершал ошибки, то это не дает вам права навешивать на него ярлык уголовника-рецидивиста. Во-первых, Эльдар достаточно

популярен и может заработать деньги менее экстравагантным, нежели собственное похищение, способом. Во-вторых, несмотря на судимость в прошлом, он все-таки имеет право на защиту. Или нет?

Лихачев замахал на Катю руками.

— Что вы меня агитируете за советскую власть. Я разве сказал, что отказываюсь вам помочь? — Он вернулся на свое место. — Я всего лишь выясняю все обстоятельства дела, обдумываю версии.

На самом деле Кротков со своей группировкой уже порядком засветился в оперативных сводках. Только каждый раз ему удавалось отвертеться. То за недоказанностью, то среди свидетелей вспыхивала повальная эпидемия амнезии, то сами жертвы рэкета (а именно по этому делу чаще всего он и светился), до смерти перепуганные его братвой, вдруг забирали заявление, уверяя, что все перепутали и ничего такого не было. Но с поличным взять гада до сих пор не получалось. Вот и думал капитан: стоящее ли дело, не пустышку ли тянет? Получалось, что шанс есть. И пленка — доказательство весомое, и дамочка не из пугливых попалась.

— Хорошо, сейчас отправляйтесь домой и до назначенного дня постарайтесь вести себя как обычно. За час до свидания с Кротковым подъезжайте к бензоколонке на Шипиловской улице — это недалеко от ресторана, там обговорим детали операции.

— Но я не смогу достать деньги за два дня.

— Об этом мы позаботимся. — Капитан встал, давая понять, что разговор окончен. — Кстати, скажите откровенно, если смогли бы собрать деньги, пришли бы к нам или заплатили бы молча?

Катя ответила, почти не задумываясь:

— Пришла бы все равно.

Лихачев удовлетворенно хмыкнул.

Иван Сергеевич Уткин не видел свою бывшую жену больше двадцати лет и даже ничего не знал о ней. Но однажды декабрьским вечером 1995 года Лариса появилась в его квартире, не позвонив, не написав, не предупредив.

Открыв дверь, Иван Сергеевич даже не сразу понял, кто посетил его в ранний час воскресенья. Лариса сильно изменилась, располнела, волосы перекрасила в темно-рыжий цвет. Косметика, в которой она раньше не нуждалась, теперь лежала на лице толстым слоем, но не могла скрыть морщин и темных обвисших кругов под глазами, когда-то небесно-голубые глаза поблекли, уголки губ опущены. Но держалась с тем же достоинством, что и двадцать лет назад.

Она сбросила ему на руки кожаное пальто, отороченное черно-бурой лисой, и по-хозяйски обошла квартиру.

— Ты неплохо устроился. — Она заглянула в ванную, зашла на кухню. — Не женился? Увидела вот тебя по телевизору, большим человеком стал. Решила навестить.

Уткин молча ходил следом.

— Ты хоть бы чаю предложил, на улице метет...

— Конечно, — он поставил чайник и порылся в холодильнике. — Ты голодна?

— В меру. Давай лучше выпьем чего-нибудь, столько лет не виделись, надо отметить.

Уткин принес бутылку сухого вина, вывернул пробку и наполнил бокалы. Все это он проделывал на автопилоте, так и не стряхнув с себя оцепенение, вызванное столь неожиданным явлением бывшей пассии. Он даже не предполагал, что встреча может

быть ему настолько неприятна; хотелось побыстрее отделаться от незваной гостьи.

— Почему не шампанское? — капризно скривилась Лариса. — Разве повод не достаточно торжественный? Возвращение первой любви... или блудной жены, это уж как тебе больше нравится. Такое надо праздновать с размахом, с помпой.

— Что значит возвращение? — не понял Уткин.

— Возвращение, — она обратилась взором к своему маникюру, — это когда приезжаешь обратно, вновь появляешься, снова обращаешься к чему-либо прежнему... Кстати, у тебя чайник закипел.

Иван Сергеевич налил чаю и закурил:

— Ты надолго в Москву?

— Навсегда. Намоталась я по белу свету, надоело. Так что мы часто будем теперь видеться. Мужа своего прогнала...

— Какого по счету, если не секрет? — язвительно осведомился Уткин.

— Представь себе, единственного, — не менее язвительно отпарировала Лариса. — Что-то сдается мне, ты не слишком рад моему появлению.

— Ты удивительно проницательна.

— И ты больше абсолютно никаких чувств ко мне не испытываешь? Ведь тогда мы оба были молоды и оба по-своему неправы... Или ты так не считаешь?

Уткин пожал плечами, его взгляды на жизнь с тех пор мало изменились, как, впрочем, очевидно, и ее.

Едва пригубив из своего бокала и не притронувшись к чаю, она отправилась во второй обход квартиры и на письменном столе в кабинете Уткина обнаружила Катину фотографию.

— Кстати, я хочу видеть дочь.

— Это исключено, — категорически возразил Иван Сергеевич.

— Почему? — Лариса удивленно взглянула на него. — Ты думаешь, я ей не понравлюсь?

— Нет, я так не думаю, — Уткин смутился, — но, видишь ли, Катя уверена, что ты умерла, когда рожала ее...

— Это ты сам придумал? — саркастически усмехнулась Лариса. — Почему же в этом доме нет иконостаса с портретом матери-мученицы? Я что-то вообще не вижу своих фотографий.

— В альбоме... — хмуро кивнул Уткин в сторону книжного шкафа. Она стащила с полки толстый семейный альбом и удобно устроилась в кресле.

Лариса медленно листала страницы. В альбоме были в основном Катины снимки, и, разглядывая изображения дочери, она вдруг загрустила и, как показалось, Уткину даже прослезилась.

Иван Сергеевич мучительно соображал, как от нее отделаться. Конечно, Катя уже взрослая и, наверное, все поймет правильно, но мать, какая бы она ни была, всегда остается матерью, и его тогдашние мотивы для разрыва с Ларисой могут сегодня показаться дочери недостаточными, надуманными, мелочными и глупыми.

— Я хочу ее видеть. — Лариса захлопнула альбом и решительно поднялась.

— Я уже сказал, что это невозможно. — Уткин протестующе замотал головой. — Она считает тебя святой, так зачем разрушать это представление? Ты думаешь, она бросится тебе на шею и не спросит, где ты была все эти годы?

— Я так понимаю, что с тобой она не живет. — Лариса пропустила его протест мимо ушей. — Она замужем? Хотя нет, я же не видела ее свадебных

фотографий. Значит, ей осточертела папочкина опека и она свила собственное гнездышко. Чем она занимается? Конечно, юриспруденцией?

Иван Сергеевич почувствовал непродолимое желание выпить. Он сходил на кухню и глотнул еще вина, хотя сейчас ему явно требовалось кое-что покрепче, но он вообще не пил и ничего крепче кофе в доме не держал. И эту бутылку принесла Катя, когда приходила в первый раз с Эльдаром. Семейного ужина тогда как-то не получилось — не сошлись характерами с первых слов, вот и стояла неприкаянная в пустом баре.

— Ты же помнишь, я очень настойчива. Если ее адрес не дашь мне ты, отыщу сама.

— Делай что хочешь, во всяком случае, на мою помощь лучше не рассчитывай. — Он вышел в прихожую и снял с вешалки Ларисино пальто. — Твой визит и так затянулся, у меня много дел. Извини за прохладный прием, до свидания.

— Ты меня выгоняешь? — возмутилась она. — Да, я вижу, у тебя не только волос поубавилось — сердце у тебя тоже облысело! — (Уткин вспомнил: это выражение было из ее обширного адвокатского репертуара). — Нет, я так просто не уйду, не надеюсь. — Она бросилась к письменному столу и принялась перерывать блокноты и записные книжки. — Мне нужен ее адрес и телефон.

Взбешенный Уткин схватил Ларису за руку, отодрал от стола и поволок вон из квартиры. У выхода из подъезда он вручил ей пальто и сумочку и обратился к охраннику:

— Видите эту женщину? Если она еще раз появится в доме, у вас будут большие неприятности. То же передайте и своим сменщикам, все ясно?

Охранник, которому Лариса сказала, что она сестра Уткина, виновато кивал головой.

— Ты обо мне еще услышишь. — Лариса, гордо вскинув голову, вышла, хлопнув дверью. Но на улице тут же поскользнулась и грохнулась на землю.

Прошла неделя. Лариса больше не появлялась и не звонила. Звонила Катя, но о появлении матери не обмолвилась и словом, либо Лариса ее еще не отыскала, либо просто выжидала удобного момента для воссоединения с дочерью.

Было первое воскресенье нового года, Уткин собирался поработать с утра с бумагами, а после обеда сосед по площадке пригласил его на лыжную прогулку.

Сварив кофе, Иван Сергеевич вдруг обнаружил, что у него кончились сигареты, а нового блока «Мальборо», который каждую неделю покупала ему домработница, почему-то не оказалось в кухонном шкафу. Работать без сигарет Уткин не привык и потому отправился в магазин за углом. Он купил сигареты и прошелся немного по скверику, расположенному в ста метрах от дома.

Когда он вернулся домой, первое, что он увидел, было Ларисино кожаное пальто на вешалке в прихожей. Им снова овладело бешенство: как она посмела явиться сюда снова и откуда у нее ключ?!

К сожалению, ответов на свои закономерные вопросы Иван Сергеевич получить не смог.

Когда он вошел на кухню, Лариса лежала на полу, ее некогда нежную шею тугим узлом перетягивал его собственный галстук. Сиреневый с голубыми ромбами. Лариса была мертва. В квартире повсюду присутствовали следы борьбы, мебель оказалась сдвинута, посуда на кухне разбита.

Не веря своим глазам, Уткин осмотрел тело Ла-

рисы — пульс не прощупывался, лицо посинело и покрылось мелкой сеточкой подкожных кровоизлияний, глаза почти вылезли из орбит. Она, несомненно, была удушена, причем всего несколько минут назад: тело еще не остыло.

Уткин бросился к телефону, плохо соображая, кого нужно вызывать в первую очередь: «скорую» или милицию... И в этот момент раздался стук в дверь.

Уткин в полнейшей прострации пошел открывать и, когда увидел на пороге соседа, даже не подумал, стоит ли впускать кого-либо в квартиру. Тот лучезарно улыбался, демонстрируя свои малоэстетичные зубы. Уткин совсем некстати подумал, что минюст здорово подходит для роли Дуремара в «Золотом ключике».

— Привет, ты что такой бледный? Стряслось что-нибудь? Тут такой грохот стоял, я решил, ты с лыжами прямо в квартире тренируешься. — Он вошел внутрь и прямо с порога заметил ногу в сапожке на шпильке, торчащую из двери на кухню. — А, семейные войны, пойду посмотрю, может, даме нужна помощь...

Уткин попытался удержать его, но тот уже достиг места происшествия и замер, открыв от изумления рот.

— За что ты ее так? — Он поковырял тело носком ботинка.

— Это не я, — еле слышно выговорил Уткин.

— А кто?

— Не знаю, — он снова взялся за телефон.

— А кто знает? — Сосед не отставал. — Эй, погоди, ты куда это звонишь?

— В милицию. — Уткин набрал 02 и тупо слушал короткие гудки, доносящиеся из трубки.

— Да погоди ты, никуда твоя милиция не денется. Тут надо сперва самим разобраться. — Он махнул рукой в сторону тела. — Она тебе кто?

— Мать моей дочери.

— Круто сказано. В смысле — бывшая жена? — Он проделал свой коронный жест — ввернул воображаемую лампочку.

— Нет.

— А кто? — не унимался незванный гость. — И оставь ты, наконец, в покое телефон.

— Я вышел в магазин, вернулся, она уже была мертва, я ее не видел и с ней не разговаривал. — Уткин положил трубку и вытер о брюки вспотевшую ладонь.

— Кто-нибудь тебя в магазине запомнил?

— Конечно.

— А потом ты сразу пошел домой?

— Нет... я гулял.

— Гулял?! — возмущенно переспросил сосед. — Он гулял! А во время твоего гуляния тебя кто-нибудь видел?

— Не знаю.

— Итак, что мы имеем. — Он принялся загибать длинные тонкие пальцы. — Время смерти устанавливается с точностью, скажем, до получаса, а ты, по твоим словам, отсутствовал сколько?

— Минут тридцать пять — сорок.

— Женщина убита в твоей квартире, задушена твоим галстуком, всюду следы борьбы. И это не просто женщина, а твоя бывшая любовница, и у тебя нет твердого алиби. Я ничего не упустил?

Уткин устало пожал плечами.

— Ты хочешь остаток своих дней провести в тюрьме за преступление, которого, по твоим словам, не совершал? — Сосед оседлал табуретку и ус-

тавился на Уткина профессиональным взглядом удава.

Тот снова пожал плечами:

— А что подумает о тебе дочь, я уж не говорю о твоей карьере...

— Это бессмысленный разговор, может, ей и стоило умереть, но я ее не убивал, я звоню в милицию, и пусть они разбираются. — Иван Сергеевич уже не мог препираться и снова набрал 02.

Сосед отобрал у него трубку:

— Дай лучше я позвоню. Пойди выпей валерьянки и отдохни... Да, жаль, лыжи на сегодня придется отменить.

Через пять минут действительно приехала бригада ребят в штатском. Никаких фотоаппаратов и оборудования для дактилоскопии и прочих криминалистических хитростей при них не было. Труп погрузили на носилки и вынесли, а после «оперативники» вместо обычных для такого случая вопросов и процедур принялись молча... убирать квартиру. Мебель была расставлена по местам, ковры тщательно вычищены, всю кухню промыли каким-то раствором с запахом не то сероводорода, не то можжевельника. С вешалки исчезло Ларисино пальто и сумочка. Протерли все, к чему она могла прикасаться, даже альбом с фотографиями не забыли.

«Интересно, они знали про него или это просто классные профессионалы?» — подумал Уткин, но тут же забыл об этом, какое это теперь имеет значение.

Через полчаса квартира сияла. Сосед, выпроводив «оперативников», вернулся к Уткину.

— Ну что, может, все-таки пойдем на лыжах пробегаем? — спросил он вполне жизнерадостно.

— Кто были эти молодцы? — Иван Сергеевич

медленно приходил в себя и осознавал, что кто-то его подставил, и если бы не сосед, то на его жизни впору было ставить жирный-прежирный крест. Только... не сам ли сосед и организовал весь этот спектакль с трупом в главной роли? Уж очень гладко все у него вышло. Тогда...

Сосед пропустил его вопрос мимо ушей.

— Ладно, отдыхай, заслужил. — Он дружески похлопал Ивана Сергеевича по плечу и уже у выхода обернулся и коротко хохотнул:

— Только скажи, за что ты ее все-таки?

Уткин тоже не удостоил его ответом.

Больше о Ларисе Иван Сергеевич ничего не слышал, где и кто ее похоронил, не знал, хотя даже если бы знал, вряд ли стал бы ходить на ее могилу.

12 февраля

В 10.55 Катя припарковалась у бензоколонки. В одиннадцать капитан Лихачев в старой, знавшей лучшие времена кожанке и лыжной шапочке открыл левую дверцу машины:

— Здравствуйте, барышня. Как настроение?

Катя неопределенно пожала плечами. На самом деле ей, конечно, было страшно, но признаваться в собственной слабости она не собиралась. Капитан устроился рядом с ней, а на заднее сиденье уселся его спутник лет тридцати в хлопчатобумажной спортивной куртке. Он поставил себе на колени вместительную спортивную сумку, которую заботливо поддерживал обеими руками.

— Это Федор, он вас потом радиофицирует, — представил спутника Лихачев. Федор приветливо кивнул.

Капитан подышал на озябшие руки и пристально посмотрел на Катю.

— Слушайте внимательно. Ровно в двенадцать подъедете к ресторану. Припаркуетесь, но не будете выходить из машины. Когда они к вам подойдут, требуйте показать Назарова, мотивируя тем, что хотите убедиться, все ли с ним в порядке. Мы будем рядом, — он говорил медленно, обычным будничным голосом, стараясь внушить Кате, что для него и его людей это заурядная операция, каких было уже не меньше тысячи и которые в подавляющем большинстве завершались успешно. — Потом подойдете к их машине и передадите деньги из рук в руки Кроткову. Скажете: «Здесь ровно шестьдесят тысяч». Запомнили?

Катя возмутилась:

— Вы меня держите за дауна?

— В момент передачи денег мы их и возьмем. Как только Кротков получит сумку, тут же падайте на землю и постарайтесь уложить рядом Назарова.

— А если они не привезут Эльдара? — Несмотря на уверенность капитана, Катя все еще нервничала.

— Все равно будем брать. Даже тем более! Сомнительно, чтобы они вас с такими деньгами отпустили.

— Хорошенькое дело, — подпрыгнула Катя. — И каков же шанс у Эльдара после этого остаться в живых?!

Капитан досадливо поморщился.

— Будем надеяться на лучшее, — отрезал он. — А сейчас Федор укомплектует вас электроникой.

Федор бережно извлек из металлической коробки крошечного «жучка» и приколот его к воротнику Катиной шубы:

— Устройство включается на звук голоса. Дальность действия до полутора километров.

— В этой сумке деньги. — Лихачев подал сумку Кате. — Вернее, не деньги, а имитация, кукла, короче говоря. Ровно шестьдесят пачек.

— А если они будут пересчитывать? — испуганно спросила она.

— Не успеют. Мы их раньше возьмем.

ТУРЕЦКИЙ И КОМПАНИЯ

14 февраля, день

Они кружили и кружили по перелескам, разъезжались и встречались с грязновской «Нивой», вылезали на мороз размять ноги и, шурясь, разглядывали безжизненные как будто пространства. На Турецкого напялили общеупотребительные валенки и полущубок.

Качка и лютый холод часам к трем дня сделали свое дело, и лица бравых охотников к концу дня приобрели землистый оттенок. А стекла машин, напротив, немного оттаяли на солнце.

Наконец обе машины разом остановились надолго — у опушки со столбом. Слава выдал своему приятелю ведомственный «калашников»:

— Ставь его на одиночный выстрел.

Турецкий, с невольной завистью глянув на снаряжение своих спутников, критически осмотрел свое.

След кабана нашли быстро, причем крупного. Но опытному егерю Колчанову что-то явно не давало покоя. Он убежал глубоко в лес и, вернувшись, сообщил:

— Волки. Трое и один. Утром зашли.

— А как же кабан? — удивился Турецкий.

На него замахали руками: ты что, дескать, не понимаешь, нельзя упускать такой случай, тем более рядом заповедник, есть серьезная опасность, что «серые» уйдут туда «резать» живность.

— А волки дорог разве не боятся?

— Они и по дороге любят прямо идти.

Денис, Мишка Колчанов и Турецкий рванули на джипе вокруг леска обрезать зверю путь. Грязнов на своей «Ниве» остался ждать у опушки.

— Ну как, Сашка, — весело закричал им вслед Грязнов, — уже почувствовал кайф?

Турецкий нехотя разлепил губы:

— Почувствовал. Охота — пуще неволи.

Остановились. Колчанов стал расставлять своих спутников «на номера». Турецкий был прикреплен к гигантской осине в полтора обхвата. Денис пошел в загон, в овраг.

Сам Колчанов остался у замерзшего русла ручья и ракиты. Время от времени он давал по радиопередатчику команду, и охотники добросовестно по очереди издавали длинные воинственные крики. Волк должен был подняться.

Турецкий подумал и засек время.

Морозец стоял градусов пятнадцать. Колчанов по егерской привычке считал куропаток...

Прошло ровно три часа. Валенки были мокрые насквозь. Турецкий подумал, что, кажется, заболевает.

Никакой волк на них так и не вышел. Колчанов честно взял вину на себя, предположив, где именно волк прошел сквозь их стройные ряды. А может

быть, вообще не поднялся на крики и залег. Пора было разряжать ружья.

Турецкий подумал, что, вопреки байкам, охотники, оказывается, довольно честный народ. И совсем не завиральный.

Вечером закоренелый холостяк Слава ловко поджарил свежее мясо. Денис не слишком умело сварил картошку. Остальные скромно достали из сумок копченое сало, соленые огурцы, серый крестьянский хлеб и литр водки на троих, так чтобы разговестись.

Приняв «на грудь» сто пятьдесят «зубровки», егерь Колчанов просвещал своих гостей:

— Все знают, что во главе стаи стоит вожак. И очень мало кто — что это вовсе не самец, а матерая сука. Потому как у волков — матриархат. А вот ейный муж, суки, значит, — это уже авторитет номер два. А рядовые члены стаи — это уже их щенки, переярки (это которые от прошлого года) и прибылые (только молодняк). Вся эта свора каждый божий день патрулирует свою территорию, проходя в поисках жратвы до ста километров. Не слабо? А чего мелочиться. Матерый волчина запросто завалит самого крупного лося. И знаете, как он это делает?

— Известно как, — заявил Грязнов. — На всех картинках это рисуют. Вцепляется волк животному в шею или в ногу и висит себе потихонечку.

— Ни фиги подобного. Примерившись хорошенько, намертво вцепляется клыками, значит, в это самое место. В промежность то есть. Упирается всеми четырьмя лапами и вырывает оттудова кусман мяса. И все. Лосю хана.

Еще через сто пятьдесят Колчанов довольно смачно продолжал:

— Это был здоровенный лосина, мать его. А лосина, это, я вам скажу, не лососина. И что вы думаете? Слава Аллаху, я с не наветренной стороны его пас, было время прицелиться. И — бах! — с одного выстрела завалил сохатого. Здоровенный — жуткое дело. Ну, отрезал я от него одну ляжку, завалил себе на плечо, иду дальше. Километров пять протопал, вдруг хруст. Выглядываю из-за куста — сохатый. Срываю винтовку и, почти не успевая прицелиться — бах! — не поверите, тоже с одного выстрела завалил другого сохатого. Подхожу к нему, глядь, а он — еще больше первого. Что же делать-то?! Отрезаю и от этого ляжку и заваливаю себе на другое плечо. Тяжело — страшное дело. Ну топаю, значит, кое-как дальше... Черт, во рту пересохло. Налейте махануть, мужики. — Он опрокинул в себя полстакана и зажмурился. Ловко подхватил двумя пальцами кусок горячего мяса и отправил его вслед за водкой.

Остальные, затаив дыхание, слушали эти охотничьи подвиги и звуки проваливающегося куска кабанятины.

Наконец рассказчик удовлетворенно отрыгнул, запил это дело холодной водой и слегка обвел присутствующих осоловелым взглядом:

— Так на чем я остановился?

— Дак ведь, — взволнованно подсказал Денис, — две ляжки у вас на плечах!

Остальные присутствующие подтверждающе закивали.

— А... две ляжки, да? Да-да-да, — спохватился бывалый охотник. — Значит, гляжу я — две ляжки у меня на плечах. Ну, и тут я ей как засадил!

...В восемь утра на ногах были уже все, кроме Колчанова, которому дали отоспаться после ратных подвигов.

Грязнов с племянником решили устроить гонки на своих машинах через заснеженное двухкилометровое поле до давешнего столба у опушки, куда, на воображаемую финишную прямую, в качестве арбитра послали Турецкого. И сам не зная зачем, забросив «калашников» за спину, он потопал к опушке.

Отмахал с полчаса, но не дошел еще до столба метров тридцати, как услышал далеко позади рев моторов. Нетерпеливые родственники, не прогрев как следует двигатели, уже взяли старт. Денис на своем «форде» сделал это легко и красиво, а вот у Славы сразу же что-то не заладилось. Впрочем, племянник держался великодушно и не разгонялся слишком быстро. С другой стороны, на таком поле больше восьмидесяти километров в час, даже при всем желании, сделать было нельзя.

Вдруг что-то случилось.

— Ружья, мужики! Ружья!!! — где-то далеко взвыл оставленный не у дел Колчанов.

Турецкий повернулся назад и увидел поразительную картину. Прямо на него по полю, галопом, неся волк. Справа рядом с ним мчался джип, оттесняя волка к лесу, чтобы отвести его от Турецкого. А метрах в пятидесяти позади, но слева от волка, еще только разгонялась грязновская «Нива», из которой тем не менее уже бесперебойно палил Слава.

И все мимо.

Турецкий успел подумать, что, наверное, за всю свою жизнь, включая детско-юношескую стрельбу в тирах ДОСААФ, Грязнов еще никогда так не мазал.

Волк приближался, как в кино, рваными монтажными кусками.

Турецкий снял с ремня «калашников» и взвел затвор.

Джип отогнал-таки волка в сторону от Турецкого, но зато теперь сам летел прямо на него.

«А вдруг Денис — это оборотень?» — Несколько не вовремя родилась у Турецкого безумная мысль.

Турецкий вдумчиво прицелился и соединил мушку и прорезь прицела. Серо-бурая шерсть настоящего волка, пойманная в его прицел, шла ходунном, переливаясь волнами.

Турецкий плавно нажал на курок.

Но волк вел себя не плавно. Скаля зубы и оглядываясь, он вдруг резко развернулся, и меткая пуля Турецкого прошила бензобак «Нивы», наконец-то прилично разогнавшейся параллельным курсом. Никто не успел понять, что произошло.

— Прыгай, Слава, прыгай! — отчаянно завопил Турецкий, но вряд ли кто-то его услышал.

Грязнов в азарте погони заложил крутой вираж, но не удержался и вылетел из кабины. Его «Нива» пролетела еще с десятков метров и неожиданно (но только не для «снайпера» Турецкого) взорвалась. Новое охотничье ружье осталось в машине.

Волк на мгновение остановился поглядеть на это невероятное зрелище.

Турецкий ожесточенно дергал заклинивший затвор «калашникова».

Грязнов, едва придя в себя, уже ковылял к Турецкому, доставая на бегу нож, но был непоправимо далеко.

В это мгновение джип, управляемый Денисом, уклоняясь от Турецкого, которого иначе он должен был неминуемо сбить, влетел в столб у опушки.

Теперь волк и человек с заклинившим автоматом остались один на один.

Земля за последние ночи промерзла настолько, что удержала столб в себе, и для джипа это оказалось хуже всего.

Хищник оттолкнулся задними лапами и взвился в прыжке.

Загипнотизированный Турецкий увидел летящие на него желтые глаза.

Он вспомнил: «...намертво вцепляется клыками в промежность и, уперевшись всеми четырьмя лапами, вырывает оттуда кусок мяса. Все...»

Со стороны опушки раздался сухой хлопок.

Волк все еще был в воздухе, но падал, повинаясь уже только силе притяжения.

Волк был убит в воздухе. И упал на Турецкого уже мертвым.

Подбежавший Грязнов оттащил его в сторону и поставил своего друга на ноги. В этом ему помог еще один новый охотник, похоже, спасший жизнь всей честной компании. Грязнов поднял на него глаза и увидел на лбу шрам, а за приподнятой верхней губой знакомую улыбку.

Это был Лозинский.

Обалдевший от всего на свете Турецкий чихнул несколько раз подряд.

КАТЯ

12 февраля

Ровно в 12.00 Катя была у ресторана «Ореховый». Расторопный Сеня тут же подлетел и попытался распахнуть перед ней дверцу. В стоящем не-

подаlecky сером «БМВ» опустилось левое переднее стекло, и Кротков приветственно помахал ей рукой. Сквозь тонированные стекла на заднем сиденье смутно угадывались трое, один из которых вполне мог быть Эльдаром. А мог и не быть.

— Я никуда не пойду, пока не увижу Эльдара, — сказала Катя, искренне поразившись тому, насколько твердо и уверенно прозвучал ее голос.

Сеня, кивнув, молча испарился. Задняя дверца «БМВ» открылась, и из машины неуверенно выбрался Эльдар. Он был бледен и небрит. В Катину сторону даже не взглянул, опершись на дверцу, принялся ковырять асфальт носком ботинка и, казалось, был полностью поглощен этим занятием.

Катя вышла из машины и медленно направилась к «БМВ». Никаких признаков милиции в природе не наблюдалось. Только дворник у входа в ресторан усиленно трудился. И еще работал «дворник» на лобовом стекле «БМВ». Первый из двух, не видя реальной перспективы в том, чтобы убирать беспрерывно идущий снег, щедро присыпал его песком, изготавливая огромный слоеный пирог — слой песка, слой снега и так далее, рискуя за день поднять уровень тротуара сантиметров на сорок.

Катя прошла примерно половину расстояния между машинами, когда из «БМВ» вылез Кротков и, широко улыбаясь, пошел ей навстречу:

— Здравствуйте, Екатерина Ивановна. Я рад, что вы смогли почтить нас своим присутствием.

— Вот деньги, — не отвечая на приветствие, произнесла Катя и протянула ему сумку. — Здесь ровно... — начала она условную фразу и осеклась. Кротков остановился в трех шагах и досадливо махнул рукой:

— Что вы так сразу, деньги... Пойдемте, поси-

дим, выпьем шампанского за счастливое освобождение вашего возлюбленного и наше дальнейшее плодотворное сотрудничество.

— Знаете, как раз сегодня мне что-то не хочется шампанского, — отказалась Катя, лихорадочно соображая, просчитал ли капитан Лихачев такой поворот событий. — Забирайте.

— Да будет вам... — Кротков отвернулся и пошел ко входу, где вышколенный швейцар уже распахивал перед ним дверь, одновременно сгибаясь в почтительном поклоне. Сеня потащил Эльдара туда же, и Кате ничего другого не оставалось, как идти следом.

Передача не состоялась, деньги остались у нее, и брать Кроткова было не на чем. Она беспомощно оглянулась, но рядом по-прежнему никого не было.

Кротков поджидал ее в вестибюле. Он уже разделся и перед огромным зеркалом тщательно центрировал крошечный узел своего очередного умопомрачительного (наверняка от единственного в своем роде кутюрье) галстука.

— Позвольте вашу шубку, — подлетел к Кате кто-то невыносимо услужливый.

Катя с тоской взглянула на дверь. Никто не торопился ей на помощь. Все пошло не так, как было задумано. Что толку теперь от этого «жучка»? Пока они добегут, будет уже поздно. И Катя сбросила шубу на руки гардеробщику.

Кротков взял ее под локоть, но сумку она продолжала нести сама. Официант провел их к столику, за которым уже сидели Сеня и Эльдар. Причем Эльдар, безвольно перевесив руку через спинку стула, уставился куда-то в пространство и Катю, кажется, даже не узнавал. Да Эльдар ли это вообще?!

Она подошла к нему и повернула лицо к себе.

Взгляд не сфокусировался. Он определенно не осознал, где он и что с ним происходит.

— Что вы с ним сделали?

— Не волнуйтесь. — Кротков махнул рукой. — У нашего маэстро был творческий кризис, плавно перетекший в криз. Пришлось оказать квалифицированную медицинскую помощь. Я вас уверяю, через пару часов он будет как огурчик.

Подали шампанское «Ив Роше». Кротков поднял бокал:

— Разрешите выпить за вас, дорогая Екатерина Ивановна, за вашу красоту и прекрасные деловые качества, совершенно неотделимые друг от друга.

Катя проигнорировала возможность произнести ответный тост и молча пригубила из своего бокала. В зале было пусто, кроме их столика, только за одним еще, держась за руки, ворковали влюбленные.

Официант уже принес закуски, а Кротков так и не заикнулся о деньгах. Хотя, может, это и к лучшему. Пока он будет тут пировать, может быть, руоповцы сумеют сориентироваться и как-то перегруппироваться. Катя вяло ковыряла в тарелке свой любимый креветочный салат, но так и не отправила в рот ни кусочка.

За горячим (жаркое из телятины, фаршированное вишней) Кротков разошелся и принялся расписывать Кате радужные перспективы их дальнейшего совместного бизнеса. А ей было отнюдь не до радужных перспектив, от напряжения се потрясывало. Она украдкой поглядывала на часы, ожидая, что с минуты на минуту ворвется милиция, но прошло уже почти полчаса, а в зале не появилось ни одного нового посетителя.

Сеня не пил, находясь при исполнении, и только

проводил жадным взором рюмки и рюмочки, которые залихватски вливал в себя его шеф. Наконец, отведав десерт, Кротков блаженно откинулся на стуле и закурил.

— Что ж, теперь можно и о делах поговорить. — Запрокинув голову, он пускал к потолку аккуратные колечки дыма.

Катя вытащила из-под стула сумку и поставила на красшек стола. Говорить или не нужно условную фразу? Кто ее теперь услышит, «жучок» то остался в гардеробе. Но, как говорится, кашу маслом не испортишь.

— Здесь ровно шестьдесят тысяч.

— Сеня, проверь, — вяло распорядился Кротков.

Сеня расстегнул «молнию» и одобрительно хмыкнул, увидев пухленькие зеленые пачки. Закрыв глаза, он сунул руку в сумку и наугад выдернул одну. Ногтем скovyрнув обертку, он раскрыл пачку веером, на его лице появилось выражение оскорбленной добродетели, васильковые глаза широко распахнулись и, начав фразу образцом ненормативной лексики, он с возмущением попытался закончить ее уже литературно:

— ...Босс, так это же...

Кротков на мгновение отвлекся от наблюдения за расплывающимися под потолком колечками, чтобы узнать, что же так возмутило Сеню. И в этот момент, схватив со стола к счастью небуванную вовремя десертную тарелочку с великолепным произведением кулинарного искусства, которого она так и не отведала, Катя уверенно приложила ее к наглой физиономии Кроткова. Сеня замер, возмущение на его лице уступило место удивлению. Не дожидаясь, пока он придет в себя, Катя вскочила и

опрокинула столик. Остатки сервировки вместе со скатертью накрыли удивленного Сеню, опрокинувшегося вместе со стулом.

Когда Катя опомнилась, влюбленные с наручниками уже оседлали отплевывавшегося Кроткова. А в зал вбегали парни в камуфляже и дворник с автоматом.

Эльдар продолжал сидеть, не обращая внимания ни на что.

ГРЯЗНОВ

16 февраля, день

В Москву они возвращались уже на машине Лозинского. «Нива» сгорела безвозвратно, а джип Дениса требовал основательного ремонта. Его довели до Калуги и пока что оставили там, в первом попавшемся автосервисе.

— Скажите, а вы когда-нибудь прежде стреляли во что-нибудь? — поинтересовался Лозинский у Турецкого.

— Да, — простодушно ответил тот. — Когда служил в армии. В моего соседа, когда он забрал у меня одеяло. — Изрядно устав от всех недавних перипетий, Турецкий снова задремал, автоматически отметив про себя, что физиономия Лозинского выглядит явно знакомой. А чертова простуда никак не проходит.

— Ваш приятель шутник, — оценил Лозинский.

— Да, — с легкой душой согласился Грязнов. — Если только не забирать у него одеяло, — и после

паузы добавил: — Вот уж не думал, что вы такой завзятый охотник.

— Надо же как-то бороться с волками, — серьезно сказал Лозинский.

— И не страшно это делать одному? — просто-душно спросил Денис.

— Волков бояться, — засмеялся Лозинский, — сами знаете. А в России они живут повсеместно. Ну, разве за исключением Сахалина и, надо полагать, кое-каких арктических областей.

— Неужели их так много? — Грязнов внимательно следил за президентом «Артельбанка», лихо рулившим своим комфортабельным «вольво-кросскантри». Эта темно-синяя машина, которую Лозинский перед началом так и не состоявшейся охоты оставил в мотеле на трассе, вызвала всеобщее восхищение. Огромный багажник делал ее вместительнее Денисова джипа. Впрочем, что было о нем вспоминать...

— В последнее время поголовье волков растет бешеными темпами. Десять лет назад их было двадцать тысяч, сегодня — уже тридцать пять.

— Вроде не так уж и много.

— Это как считать. В среднем одна стая (а это от пяти до пятнадцати волков) «владеет» сектором в двадцать — тридцать тысяч гектаров. Значит, по самым скромным подсчетам волки обжили уже шестьсот тысяч квадратных километров.

— Я смотрю, вы крупный специалист по хищникам.

— Да, это довольно любопытно... Поголовье волков растет сообразно числу катаклизмов и неурядиц в стране. Их количество возросло после обеих Отечественных войн и Октябрьской револю-

ции. То есть в те времена, когда следить за ними государству было некогда. Раньше излишки отстреливали с самолетов. Теперь же не хватает денег даже на патроны лесничим.

— А охотники что же? — спросил Денис. — Для них ведь пристрелить волка довольно почетно, разве нет?

— Надо полагать, отсутствует материальный интерес. Вознаграждение за убитого волка — сумма не больше сорока долларов. Да и та, надо полагать, не выплачивается. А волчья шкура — это так, приз для охотника-альтруиста.

— Я смотрю, вы крупный специалист по хищникам, — занудно повторил Грязнов.

Лозинский засмеялся.

— У этой машины, — он похлопал по рулю, — характер спокойный и рассудительный, как у меня. Но если что не так, она может сделать сто десять километров в час за девять секунд из состояния покоя. И на этой же скорости запросто может повернуть на сто десять — сто двадцать градусов. Впечатляет, не правда ли? Люди на такое не способны. А вот отдельные хищники...

— Знаете, — скрипнул зубами Грязнов, — после того как мой лучший друг расстрелял мою любимую машину, меня впечатляют любые четыре колеса. Тем более с багажником, куда удалось затолкать эту мертвую собаку Баскервилей.

Лозинский снова молча засмеялся. И Грязнов в очередной раз невольно почувствовал симпатию к странному человеку. И был весьма этим недоволен. Значит, нет нынче материального интереса в отстреле волков...

РАКИТСКАЯ

13 февраля, раннее утро

В 7.30 адвокат Алла Ракитская вошла в полутемный кинозал, расположенный на втором этаже великолепного трехэтажного загородного особняка. И особняк, и кинозал, рассчитанный на одного зрителя, принадлежали главе домодедовской группировки Сенатору, и Ракитскую он вызвал за город в восемь утра отнюдь не для совместного просмотра очередного блок-бастера.

Сенатор всегда смотрел фильмы в гордом одиночестве, но, должно быть, случилось что-то экстраординарное — рядом с креслом хозяина стоял еще один стул. Сенатор, не отвлекаясь от экрана, жестом пригласил Ракитскую садиться. Однако, пока фильм не закончился, он не произнес ни слова.

Сенатор был заядлым киноманом и одновременно очень богатым человеком, а потому мог позволить себе относиться с пренебрежением к восьми-миллиметровому кино и тем более к видео. В его доме был оборудован настоящий стереокинозал — «театр в одной коробке», или, как теперь говорили, «домашний кинотеатр», он лично приобрел в Англии, когда в России еще и не слышали о таком. В абсолютно пустой комнате был установлен видеопроектор, экран, изготовленный из специальной ткани, который отражает только лучи проектора и поэтому окружающее освещение никоим образом не влияет на качество изображения, колонки для фронтальных и боковых каналов и многоканальный усилитель с процессом окружающего звучания, позволяющим имитировать «живой» звук.

Но настоящие, крутые стереофильмы, на кото-

рые только и стоит тратить время в таком домашнем кинотеатре, пишутся в новом формате DVD, и пока во всем мире не наберется и пятисот таких. Впрочем, большинство из них у Сенатора были. И как человек последовательный, имея такую технику, он, естественно, не желал мириться с гнусавыми голосами, тупо, без выражения переводящими реплики голливудских звезд. Сенатор нашел хорошего переводчика и двух неплохих, но малооплачиваемых молодых актеров, которые дублировали все новинки его фильмотеки.

Любимым актером Сенатора был Томми Ли Джонс. Сенатор находил, что между ними много общего, и это общее он всячески культивировал и развивал. Внешне они действительно походили друг на друга: черные жесткие волосы, глубоко посаженные глаза под нависающими сросшимися бровями, волевой подбородок, глубокие морщины от крыльев носа к уголкам рта, высокий лоб и большие залысины. Даже форма ушей у них была одинаковой. И еще оба родились в сорок шестом году. Конечно, никакого Гарвардского университета, да и вообще никакого университета Сенатор не заканчивал, но зато он, по собственному мнению, был так же целеустремлен, непоколебим и последователен, как и большинство героев, сыгранных Томми Ли. Его не смущало, что его кумир в большинстве своем играет всяких там фэбээровцев, судебных исполнителей и прочих представителей официальной власти, с которой у Сенатора всегда были проблемы. Сенатор тоже обладал властью, пусть и не официальной, но реальной и в иерархии этой власти стоял гораздо выше героев Джонса.

Сейчас он (в девятый уже раз) смотрел «Людей в

черном». Смотрел не от нечего делать, а потому, что под фильм лучше думалось, а подумать было о чем.

На экране гигантский жук пожирал обожаемого Томми Ли Джонса, и пока прочие герои проводили незначительные отвлекающие маневры, отважный Томми Ли отчаянно боролся с отвратительной инопланетной дрянью изнутри.

Вчера у Сенатора был праздник — пятилетие его «коронации». Собрались лучшие (по его мнению) люди столицы. Мэр, конечно, не присутствовал, но в актерах, известных спортсменах, фотомоделях и прочем бомонде недостатка не было. Ну и разумеется, пришла солнцевская, балашихинская и прочая братва. Не говоря уже о своей, домодедовской.

С вертолетов разбрасывали цветы и ассигнации, из фонтана во дворе вместо воды была струя коньяка, и весь вечер играл специально привезенный из Англии джаз. Сенатор слышал, что отечественный джаз даже как будто лучше, но тут дело было не в качестве, а в марке. Сенатор хотел именно такого торжества, пьянки в загородных саунах ему осточертели, ибо при всем внешнем лоске от них за версту разило дешевым бардаком. И праздник удался на славу, хотя, надо признать, что дела группировки в последнее время шли не так уж хорошо.

После отмены государственной монополии на торговлю и производство спиртного в России Сенатор неплохо себя чувствовал в качестве бутлегера, и около сорока процентов подпольной водки, распродаваемой в Москве и области, вырабатывалось на его заводиках. Спирт из Турции, Канады, Штатов и Украины шел через российско-грузинскую границу, грузины за транзит спирта получали свои десять центов за литр, и все были довольны. Но пропуск-

ные пункты Верхний Ларс и Нижний Зарамаг прикрыла Федеральная пограничная служба.

На сходке Сенатор и другие авторитеты приговорили к смерти руководство Кавказского особого погранокруга, но пока спирт все еще сливается в терминалы в Поты, Хашури и Гори. А Сенатор теряет деньги, и с каждым днем его положение все ухудшается, ибо другие источники дохода не столь щедры.

И вот вчера во время юбилея ему сообщили еще одну плохую новость — РУОП арестовал Кроткова и четверых его ребят. Что это — простое совпадение или кто-то, желающий подмять его под себя, планомерно давит его бизнес и сдает властям его людей? Кротков, конечно, не был незаменимым, но и разбрасываться людьми Сенатор не привык. По этому поводу он и вызвал Ракитскую, которая, кроме чрезвычайно эффектной внешности, обладала и другими полезными достоинствами.

Силу Сенатора определяли в первую очередь «быки» и «торпеды», обеспечивавшие его права без суда и арбитража, умевшие вламываться в квартиры и офисы, ходить на стволы, ставить к стенке, короче, умевшие «разбираться по-своему». А именно это умение и заставляет других с тобой считаться, вовремя платить и блюсти щепетильность в сделках. Но он никогда не пренебрегал услугами чиновников и дипломированных юристов, которые тоже могут решать проблемы по-своему. И иногда такой подход может оказаться более эффективным, нежели привычные методы.

У Сенатора уже была возможность убедиться в этом, когда год назад РУОП повязал его бригаду прямо во Внуковском аэропорту. «Гоп-стопники» чистили «бобров», то есть богатых пассажиров, при-

летающих в Москву. Та же Ракитская сумела вытащить ребят прямо из зала суда. Как она это делала, Сенатора не интересовало. Он платил деньги и получал конкретный результат. А платил он хорошо, щедро платил. Имелся у Сенатора и свой карманный депутат в Мосдуме, но в данном случае Ракитская по профилю подходила больше.

Задумчиво глядя на бегущие по экрану бесконечные титры, Сенатор цедил водку со льдом.

Ракитская закурила и грациозно прошла по залу. Ей уже миновало сорок, но выглядела она лет на десять моложе. Бежевые твидовые брюки а-ля Марлен Дитрих, двубортный синий пиджак и тонкая шифоновая блуза на полтона светлее пиджака создавали иллюзию строгого делового костюма и при этом подчеркивали ее шарм и утонченный вкус, черные волосы, собранные на затылке в причудливую ракушку, оставляли открытой лебединую шею. Но Сенатор смотрел сквозь нее абсолютно равнодушно. Нет, он был еще не в том возрасте, когда женщины, да и то не всякие, могут доставлять только эстетическое наслаждение, но так уж сложилось, что их отношения носили чисто деловой характер.

— Я уже знаю, твои парни попали в переделку.

Сенатор вышел из оцепенения:

— Кроткова надо вытащить. И побыстрее.

Ракитская усмехнулась:

— Постараюсь. Хотя ты мог бы мне и позвонить, а не заставлять тащиться сюда в такую рань.

Сенатор не обратил внимания на ее реплику.

— Узнай, кто его сдал. Это все.

— Да, сэр. — Ракитская, отвесив легкий поклон, покинула комнату, размышляя, действительно ли Сенатор, потеряв своего первого заместителя по рэ-

кету, уже овладел собой, или он просто опять вошел в образ Томми Ли откуда-нибудь из «Беглеца» или «Клиента».

ТУРЕЦКИЙ

18 февраля, день

Зарплата старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ вместе со всеми эфемерными премиальными, надбавками и индексациями упиралась в невысокий потолок, который, пользуясь выражением Грязнова, «в переводе на нормальный зеленый хруст» не превышал пятьсот долларов США. Но и тогда Ирина, жена Турецкого, презрительно называла индексацию конденсацией: дескать, слишком много было пара, а превратилось это все, как обычно, в воду.

В свое время от бывших «клиентов», а ныне весьма процветающих бизнесменов и уважаемых меценатов и культуртрегеров Турецкий получил парочку приличных предложений преподавательской деятельности в частных учебных заведениях и все-речь заколебался. Но всезнающий Меркулов отсоветовал, тонко намекнув о спонтанной возможности анонимки, которую не задумываясь накатают доброжелатели — «...Мыслимось ли дело — совмещение работы на столь ответственном посту и откровенно коммерческой деятельности?!». И потом уже никому ничего не докажешь. Тьфу ты. Турецкий тогда с досадой махнул на это дело рукой и продолжал существовать в прежнем рабочем режиме, изредка разбавляемом внеплановыми лекциями в ведомственных учебных академиях, частными

консультациями и конфиденциальными советами. И как выяснилось, не прогадал.

Полгода назад, летом девяносто седьмого, в Генеральную прокуратуру пришло официальное приглашение прочесть эксклюзивный (без права повтора!) курс совмещенных лекций на юридическом и психологическом факультетах персонально на имя старшего советника юстиции Турецкого А. Б.

И вот уже три последних месяца раз в неделю он ездил на Ленинские горы. Составление программы далось гораздо труднее, чем он предполагал, и Ирка, профессиональный педагог (хотя и музыкальный), не уставала оттачивать свое остроумие по этому поводу. После первого же месяца занятий Турецкий понял совершенно удивительную для себя вещь. Эти лекции были для него лично ничуть не менее важны, нежели для будущих юристов и психологов. Тем более что с нынешним-то положением вещей еще бабушка надвое сказала, станут ли они однажды работать по специальности. Впрочем, время от времени на лекциях появлялся начинающий пинкертон Дениска Грязнов, вечный племянник вечного врио начальника МУРа.

Хаос текущей работы, непрерывный поток новых «висячих» нераскрываемых дел, неожиданное прекращение уже почти расследованных старых абсолютно не давали передохнуть, но в то же время и не создавали систематического процесса расследования. А дискретность наслаивавшихся друг на друга проблем была настолько абсурдна, что временами Турецкий начинал чувствовать себя персонажем Кафки. Пресловутая преподавательская деятельность давала возможность поддерживать, а временами и поднимать планку профессионального концептуального мышления.

Тот же Слава Грязнов, постоянно жалующийся, что основная головная боль — какую бумагу куда и в какой момент отправлять, не без зависти язвил, что «Саня преподает турецкий язык». Турецкий действительно пытался говорить своим личным языком, стараясь почти не оперировать профессионально-конъюнктурными примерами. Расследовать повседневную, а не криминальную жизнь оказалось ничуть не менее интересно.

Турецкий чихнул несколько раз подряд и что-то посчитал в уме. Он расположился поудобнее и обвел взглядом БНЗ — большой наклонный зал, заполненный почти на треть, — недурственный показатель посещаемости.

— Даже при самом беглом знакомстве с работой следователя бросается в глаза, что это деятельность прежде всего познавательная. Во многом она сходна с работой ученого. То есть следователь — всегда исследователь. К ведущим свойствам следственных способностей относятся познавательные (эвристические) качества — творческое мышление, которое предполагает творческое воображение, развитую интуицию, аналитическое мышление, острую наблюдательность, продуктивную память, самостоятельность, гибкость и критичность ума. Таким образом, творческое мышление — ядро следственных способностей...

Давайте сегодня подумаем об идеальных следователях и банальных преступлениях. То есть отчасти о ситуации, к которой надо стремиться. Как вы, возможно, догадались, я говорю о детективной литературе, иногда совершенно не имеющей отношения к реальным вещам, а иногда все-таки причудливо преломляющей действительную жизнь.

Пятьдесят — шестьдесят лет назад знаменитый

автор «черных детективов» Реймонд Чандлер утверждал, что школа современного (ему и тогда) детектива вернула убийство (как максимальную форму преступления детективного романа) тому разряду людей, которые совершают его по определенным причинам, а не просто для того, чтобы снабдить сюжет трупом, и совершают теми орудиями, что у них под рукой, не прибегая к дуэльным пистолетам ручной работы, кураре и тропическим рыбкам. То есть подчеркнутый реализм этих историй отчасти списывался из окружающей действительности... — Турецкий обратил внимание, что по рядам к нему плывет записка. В этом, конечно, не скрывалось ничего удивительного, хотя все же обычно уже давно привыкшая к нему аудитория задавала свои вопросы вслух. — Но я как раз думаю, что мы вполне вправе называть так называемые жесткие романы чувствительными. Их постоянные темы вам прекрасно известны — одиночество в большом городе и мучительные терзания человека с душой, который имеет дело с самой мерзкой частью продажного общества. В результате... — Турецкий развернул наконец записку и изумленно впился в нее: «В результате чувствительный следователь, вроде г-на Турецкого, вынужден предстать даже худшим циником, чем он есть, чтобы защитить себя от неизбежного разочарования в своей главной мечте. Постоянный язвительный цинизм якобы защита от собственной неподкупности».

Турецкому стало нехорошо. Это была следующая фраза сегодняшней лекции, кроме вставки «вроде г-на Турецкого», слово в слово записанная в его собственном конспекте лекции... Это же... невозможно?! Или у него амнезия и он забыл, что сам себе написал записку и пустил ее через зал?! Бред,

не может быть... Значит... Значит... что? Ирка прочитала конспект и пришла на лекцию поиздеваться? Турецкий торопливо снял очки и принялся пристально разглядывать зал... Нет, жены тут как будто не было... Да и не ее это почерк... Значит, нужно брать за аксиому худшее. И Дениса, как назло, здесь сегодня нет, возится парень со своим джипом после злосчастной охоты.

Чтобы выиграть время, Турецкий прочитал все-таки эту фразу, хорошо представляя, как смеется над ним респондент, приславший записку.

— В чем скрывается первое коренное отличие литературного детектива от жизненных криминальных ситуаций? Литературный следователь не просто преуспевает в своем расследовании, он к тому же единственный персонаж, способный преуспеть! Заметьте, что еще в противопоставлении Шерлока Холмса и инспектора Лестрейда была задана концепция, которую разрабатывают и поныне: в этой паре подразумевается весьма контрастное противопоставление блестящего интеллекта и индивидуализма — с одной стороны, и вялости ума и регламентации — с другой.

— И какое же это имеет отношение к нам? — спросили из зала.

— Резонный вопрос. Поскольку мы ведем речь о государственных системах расследования, то придется признать, что и без того несчастый блестящий интеллект (если уж он вообще имеет место) поневоле сочетается в одном и том же лице с вялостью ума и регламентацией. Вот вам характерный пример последнего. Федеральное бюро расследований разослало по всей стране четыре фотографии опасного преступника в фас, профиль слева-справа и сзади. Как вы думаете, сколько времени после этого пона-

добилось американским полицейским? Первая ответная телеграмма пришла уже через несколько часов. Бравый провинциальный шериф откликнулся таким образом: «Я получил фотографии и арестовал всех четырех человек».

Студенты откровенно заржали.

— Итак, предпримем следующий шаг и оторвемся от литературных ситуаций не без помощи их создателей. В начале двадцатого века Артур Конан Дойл избавился от своего порядком надоевшего детища — отправил Холмса на пенсию, разводить пчел. А сам, вооруженный опытом своего персонажа, принялся за расследование загадочных преступлений. Само собой, интерес общества к этому событию оказался весьма пристальным. Но успехи Конан Дойла на криминалистическом поприще оказались гораздо более скромными, чем на литературном. В деле об убийстве на птицеферме в Кроуборо он не продвинулся дальше заключения, что преступник — левша и ботинки его подбиты гвоздями; в то же время полиция почти сразу установила и задержала преступника. В чем тут дело?

В литературной ситуации с любым «великим» сыщиком от читателя ждут, что он пренебрежет очевидной истиной, — ведь любой другой умный человек, основываясь на тех же собранных данных, абсолютно закономерно извлечет из них совершенно другой, но ничуть не менее логически обоснованный набор фактов! Который может свидетельствовать о чем угодно, начиная с того, что убийцей является автор, и заканчивая тезисом, что преступления не происходило вовсе.

— Так какое все-таки это имеет отношение к жизни? — снова поинтересовался зал.

— Прямо противоположное. В реальной жизни

следователь, не являясь, естественно, суперменом, становится не фатальным, неотвратимым вершителем судеб преступного мира, а скорее своеобразным свидетелем расследования, подобно тому, как существуют свидетели преступления. В современном расследовании задействовано такое количество разнообразных движущих сил как «за», так и «против», что отдельно взятый следователь обычно даже не в состоянии с ними ознакомиться. И как правило, оказывается перед дилеммой: либо заняться бухгалтером этих сил, либо, простите мне это выражение, просто забить на них и решать свою локальную задачу в рамках расследования конкретного дела.

— Кажется, нас учат более решительно вмешиваться в противоправные действия...

— Верно, — с тяжелым сердцем согласился Турецкий и два раза чихнул, тут же что-то подсчитывая в уме. — Но вас учат не управлять криминальными процессами — я пока что ничего не слышал о колледжах мафии, — а умению последовательно отслеживать их...

Турецкий заметил, что к нему снова плывет записка, и внутренне сжался. Достал из портфеля пластиковую бутылку «Боржоми» и хорошенько отхлебнул. Спокойней, Турецкий, записки не взрываются.

— На чем я остановился? Ага, дилемма сыщика... А перед тем? Да, у следователя на руках есть некий набор фактов. И здесь он упирается в очень серьезный момент — необходимости определенных догматов, оперируя которыми можно будет сдвинуться с нулевой отметки и начать поиск преступника. Итак, что же такое преступление? И что такое преступность? «Преступность — это разновидность поведения человека; борьба с ней — попытка изме-

нить умы и души людей». Тридцать один год назад американская президентская комиссия по обеспечению соблюдения законов — заметьте, в самом ее названии кроется небольшая тавтология, что характерно для криминалистической лексики, — подарила цивилизации вот это одно из самых коротких и емких определений преступности.

В этот момент Турецкий развернул свежую записку: «Борьба с преступностью — проблема, скорее, статистическая». Ага! Это уже было кое-что новенькое.

— Борьба с преступностью — попытка изменить умы и души людей, — медленно повторил Турецкий, вставая и разминая затекшие ноги. — Разные умы. Разные души. Разных людей. И естественно, везде это делается по-разному. Например, в Японии в полицию обращаются по самым разным житейским поводам. Спрашивают дорогу, обращаются за разъяснением закона, просто изливают душу! Издержавшиеся граждане могут попросить денег в долг, чтобы добраться до дома. Для этой цели в будках есть специальный ящик с мелочью, которая выдается без лишних формальностей. Процент возврата при этом очень высок — около восьмидесяти процентов! Так вот я спрашиваю вас, кто-нибудь обращается с подобными вопросами и просьбами к нашим стражам закона?

В зале раздался откровенный смех.

— Вот именно, — грустно резюмировал Турецкий. — В Стране восходящего солнца дети, играющие на улице, часто приносят в полицию свои маленькие находки. Для их поощрения (!) заведены там карточки, в которые вписываются данные ребенка и наименование найденной вещи. Как вы думаете, зачем это делается?

— Чтобы вернуть владельцу, — немедленно последовал из зала естественный ответ.

— Само собой. Но карточки непосредственно предназначены для родителей, на них заранее отпечатан текст, который просит похвалить ребенка. Обладание такой карточкой для любого пацана — весьма престижно. Ну и конечно, время от времени какой-нибудь несмышлениш притаскивает в полицию вещь из собственного дома — чтобы официальным образом быть отмеченным. Возможно ли это адаптировать у нас? — снова риторически спросил Турецкий, чтобы дать себе время прочесть доставленную записку.

В ней была следующая четкая каллиграфия: «Ув. г-н Турецкий! Все дело в том, что восточный человек больше ориентирован на общество — быть как все, а западный — на личный успех. Поэтому в наказание восточного мальчика скорее выставят за порог или удалят на какое-то время из семьи, а западного — напротив, не пустят гулять, заставят сидеть дома. А вот каков наш человек, восточный или западный, и соответственно каким должен быть к нему подход — не знает никто. Как вы полагаете?» Турецкий нервно смял записку (это снова был его следующий тезис и опять слово в слово, за исключением персонального обращения) и продолжил:

— Каждая профессия требует от своего работника определенных психофизических качеств, необходимых для успешной деятельности. Конечно, от космонавта их требуется значительно больше, нежели, допустим, от ассенизатора. Но и успех правоохранительной деятельности во многом определяется психофизическими свойствами личности. Правда, с другой стороны, роль полицейского, милиционера, следователя в современном обществе растворена и

дифференцирована. Действительно, всего просто не упомнишь: прокуратуры, уголовные розыски, спецназы, ОМОНЫ, РУОПы... А что же преступник? Действительно ли он интегрирован и консолидирован? Воспользуемся старым добрым правилом: прием худшее за аксиому. — Турецкий внутренне ужаснулся собственным словам. — Допустим, что не существует иной преступности, кроме организованной.

В наших с вами исследованиях гораздо важнее постараться постичь суть организованной преступности, чем дать ей формулировку. И все же, поскольку десятки и сотни таких формулировок существуют или еще появятся, а половину из них вам уже пришлось встретить в учебниках и благополучно забыть, я хочу предложить определение, которое дал Нью-Йоркский объединенный законодательный комитет по преступности. — Турецкий достал из нагрудного кармана очки, которые ему не слишком-то были нужны, что ничуть не помешало приобрести шведскую оправу к моменту начала преподавательской деятельности.

— Итак. «Организованная преступность — это:

1) постоянный тайный заговор в целях приобретения богатства и влияния;

2) с применением незаконных методов экономического и физического принуждения;

3) с помощью коррупции общественных структур и частных лиц в условиях системы свободного предпринимательства».

Турецкий посмотрел на часы:

— Предлагаю вам об этих тезисах подумать самостоятельно.

Он допил боржоми и стал надевать пальто.

Обескураженные студенты исчезали из аудитории, как летучий газ. Остался лишь горбоносый мужчина средних лет, не замедливший присоединиться к спускающемуся по лестнице Турецкому. Высокий и статный, он производил сильное впечатление. Правда, говорил немного гнусаво и носил шейный платок вместо галстука, а короткая рыжая борода основательно скрывала черты лица.

— Если бы я знал, что вы так быстро прервете лекцию, успел бы написать что-нибудь еще. — Он кивнул на записки в руках Турецкого.

— Что это значит?!

— О, не принимайте близко к сердцу. Просто полемика с вашим тезисом о невозможности всеохватного расследования, сосредоточенного в руках одного индивидуума... Похоже, вам придется со мной поговорить.

— Я могу арестовать вас, — прошипел Турецкий, сузив глаза, — за противоправное проникновение в мою квартиру.

— Не можете. И не захотите. Давайте присядем, — незнакомец махнул рукой в сторону оживленного студенческого кафе. — Там нам не помешают... Хотите кофе, нет? А я возьму. Да, забыл представиться: майор Резво, к вашим услугам.

— Идиотская фамилия. И звание дурацкое, даже если не вранье.

— Федеральная служба безопасности, — скромно уточнил майор Резво. — Я понимаю, перед таким человеком, как вы, размахивать корочкой просто глупо.

— ФСБ? Неужто САГ «Аист»? — прищурился Турецкий. — Значит, это ваши проделки с телефонной квитанцией?

— Не совсем. Ведь вы имеете в виду «эксклюзив-

ный код доступа»? — проявил компетентность майор Резво. — Но дело не в том. Не надо долгих вступлений. Я уполномочен пригласить вас к сотрудничеству с нашим ведомством.

— ФСБ?

— С нашим ведомством, — повторил майор.

— Идите к черту.

— Вы не поняли. Вас никто не заставляет уходить из Генеральной прокуратуры. Брр-р-р! Отвратительный кофе, — прогнусавил майор, поправляя шейный платок. — Работать со мной вы можете неформально, согласитесь, что для человека вашего калибра перекалывание бумажек в Генпрокуратуре — это...

Что-то, возможно, пресловутое профессиональное чутье подсказывало Турецкому, что этот фарс не такая уж явная чушь, какой кажется. Получить предложение от ФСБ в студенческом кафе МГУ?! А почему бы и нет. ФСБ, ну надо же... Турецкий вспомнил, как больше пятнадцати лет назад, в пору своего дебюта в городской прокуратуре, он придумал подходящий термин для обозначения работников КГБ — гэбье. Гэбье... Хорошее слово. Надо срочно поменять дома все замки.

— Скажите, а это очень больно? — поинтересовался Турецкий.

— Что? — не понял майор Резво.

— Ну, когда делают лоботомию?..

— Меня никогда еще так не оскорбляли, — добродушно удивился майор.

— Добрые слова я оставляю для надгробной речи.

— Помните свою лекцию? — И майор вдохновенно процитировал: — «Чувствительный следователь, вроде г-на Турецкого, вынужден предстать даже худшим циником, чем он есть, чтобы защитить

себя от неизбежного разочарования в своей главной мечте. Постоянный язвительный цинизм — якобы защита от собственной неподкупности». Так как же мы поступим с вами? Как с японским мальчиком или как с европейским? Заставим сидеть дома или удалим из семьи?

— Проваливайте, — тихо зарычал Турецкий. Он чихнул несколько раз подряд и неожиданно вздохнул. Майор Резво учтиво поинтересовался причиной этого вздоха.

— Насморк замучил, — хмуро отвечивал Турецкий, не мог же он признаться, что с утра это был уже пятьдесят седьмой чих.

— Насморк, говорите? А вам не приходило в голову, что это аллергия?

— На что? — хмыкнул Турецкий.

— В том-то и дело — на что! На всю вашу жизнь, банальную и бесполезную.

— Это все фигня. Слышали много раз. Старые песни.

— Старые песни о главном, — возразил майор. — Вам представляется уникальный шанс.

— Вы что, не понимаете?! Я же ясно сказал — нет. «Нет» — это значит «нет». А по-другому — только в Кремле.

«Так предложения о работе не делаются. А как делаются? А черт его знает...» Турецкий этого уже не помнил. Действительно ли им заинтересовалось ФСБ? И что это за «майор» с идиотской фамилией? Нужно немедленно навести о нем справки.

Что это вообще за прощупывание? Скорее — провокация. С чем она может быть связана? С делом Сафронова? Маловероятно, чтобы такая но-

минально значительная фигура имела к ним непосредственное отношение. На ФСБ работают люди более незаметные. Но ведь прислали же они мне этот идиотский «рейтинг», а зачем? Стоп! Откуда может быть утечка? Я получил команду работать Сафронова непосредственно от Кости. Опосредованно эту фамилию слышала секретарша. Так, а Слава? Нет, Грязнову я ничего не говорил до самого появления «рейтинга»... И после рейтинга тоже никаких имен не называл... Черт побери! Разбившиеся машины на Каширском шоссе! Ну конечно. Ведь на конверте с баксами значился Сафронов. Значит, нужно немедленно установить цепочку людей, которые видели фамилию начальника следственного отдела ЦАО ГУВД.

Хотя нет, на конверте были только инициалы «С. Е. П.», что полностью совпадает с «Сафроновым Евгением Павловичем». А поскольку один из двух погибших был Сагайдак, накатавший на Сафронова донос, то слишком велика вероятность, что и конверт предназначался Сафронову. Но откуда об этом могли знать эксперты-криминалисты, которые осматривали расстрелянные машины?! Голова кругом идет... Пора начинать допрашивать Сафронова. Самое время.

Войдя в собственный кабинет, Турецкий обнаружил свою замечательную секретаршу, измеряющую что-то на стене. Во рту у нее торчал гвоздь.

— А это еще что такое? — На столе лежала большая картонная коробка.

— Приезжал господин Лозинский, оставил для вас подарок. Выразил надежду, что вам это будет полезно.

Турецкий немедленно распотрошил коробку и, к своему изумлению, достал оттуда мишень и набор

маленьких дротиков — это был набор для игры в дартс.

— В чувстве юмора сукину сыну не откажешь, — не мог не признать он.

— Повесить на стену? — «Мисс Марпл», кажется, совершенно серьезно хотела заставить своего шефа поупражняться в метании этих стрел.

— Пожалуй, — задумчиво пробормотал Турецкий. — И все же где я видел этого Робин Гуда?

— Он не Робин Гуд, — «мисс Марпл» выбирала на стене подходящее место для мишени. — Он космонавт.

— Космонавт?!

— Ну, если хотите, как говорят американцы, астронавт.

— С чего вы взяли эту чушь?

Она пожала плечами и лихо вколотила в стену гвоздь.

— Я просто помню эту фамилию — Лозинский. В восьмидесятые годы он поставил рекорд пребывания на орбите.

— Ну хорошо, допустим, был космонавт с такой фамилией. Но почему вы вообразили, что этот банкир —...Он тогда, наверно, должен быть Героем Советского Союза?! И потом, откуда вы знаете его в лицо? В этой Богом забытой стране космонавтов было далеко за полста!

— Все так и есть, Александр Борисович, — мягко подтвердила Изида Сигизмундовна, повесила мишень и, как всякий уважающий себя художник, отошла полюбоваться на свою работу. — Понимаете... — тут она замялась, — в журнале «Наука и жизнь» всегда печатались «кроссворды с фрагментами». То есть с рисунками и фотографиями.

13 февраля, утро

— Алла! — он вынырнул из толпы, стремительно заполнявшей павильон Международного бизнес-центра на Красной Пресне, и приветливо помахал ей рукой. Здесь проходила выставка «Охрана, безопасность, связь». (Это был тот же человек, который через шесть дней пришлет Турецкому записки на лекции и будет беседовать с ним в студенческом кафе, только рыжей бороды пока что нет.) Ракитская позвонила подполковнику Бойко (это были его настоящие звание и фамилия) в министерство, и он предложил встретиться на выставке.

— Вы очаровательны, великолепны и неотразимы. — Подполковник окинул взглядом ее стройную фигуру, небрежно распахнутый песцовый полушубок, мини-юбку, не скрывающую от любопытных взоров точеные ножки, галантно поцеловал ручку дамы и движением фокусника извлек из-за спины розовый бутон. Несмотря на то что они не слишком хорошо знали друг друга и их тоже связывали только дела, подполковник в отличие от Сенатора не скупился на комплименты. Он говорил немного гнусаво или, как он сам это характеризовал, с легким французским прононсом. В дорогом костюме, безупречно белой, хрустящей, как новая ассигнация, рубашке с шейным платком вместо галстука он походил скорее на иностранного гостя, которого привел на выставку жгучий интерес к новинкам российской технической мысли, нежели на милицейского служаку. Впрочем, высокий и статный, он принадлежал к такому сорту мужчин, которым одинаково

к лицу как военная форма, так и смокинг или обычный деловой костюм.

В павильоне, разделенном перегородками на секции, было шумно, посетители хаотично сновали между стендами, и никто ни на кого не обращал внимания. Подполковник взял даму под руку, и они влились в поток любопытствующих.

— Я снова хочу попросить вас о помощи. — С тех пор как она стала вести дела Сенатора, Ракитская обращалась к подполковнику уже дважды, и каждый раз они разыгрывали одну и ту же сцену: дама просит кавалера о помощи и защите от посягательства на честь ее друзей, и благородный кавалер приходит ей на помощь, не забывая при этом о гонораре (надо сказать, довольно высоком). Сегодня, не мудрствуя лукаво, она придерживалась того же сценария. В конце концов, у каждого свои причуды. Он мог бы, конечно, заключить с ней пари на определенную сумму о том, что, скажем, через неделю Кротков выйдет из тюрьмы, и выиграть его или банально принять заказ по телефону, а деньги получить с курьерской доставкой. Какая разница, был бы результат.

— Для дамы я готов на любые жертвы. — Подполковник учтиво склонил голову, он тоже назубок знал свою роль. Он был аристократичен до крайности: гордый благородный профиль (анфас, разумеется, тоже), непослушные, но тщательно уложенные волосы, холеные руки. И последний штрих: запах туалетной воды «Прощай, оружие!», что несколько диссонировало с тематикой выставки. Впрочем, мужчина должен пахнуть мужчиной, где бы он ни находился.

— Видите ли, так случилось, что один хороший человек попал в беду.

Подполковника кто-то окликнул, и он, сменив галантную улыбку на дружескую, приветливо помахал знакомому рукой.

— Хороший человек, говорите? — Он вновь вернул на лицо выражение внимательно-ироничное, с легким налетом восхищения. Выражение, которое наилучшим образом соответствует беседе с красивой и неглупой дамой.

— Поверьте мне, очень хороший. Человек кристальной честности и высоких моральных устоев. Бывший вожак молодежи... — На самом деле она знала о Кроткове немного, но раз Сенатора он устраивал, то, значит, по определению не мог быть хорошим человеком в общепринятом смысле этого слова.

Они остановились у стенда с бронежилетами и бронешлемами.

— Видите, это пенитенциарный бронежилет «Комфорт AS-270» из волокна кевлар. Обеспечивает защиту от режущих и колющих ударов и при этом весит не более полутора килограммов. — Подполковник, видимо, был докой в этом вопросе и читал лекцию с полным знанием дела. — А это «Комфорт AS-288» — защита от огнестрельного и холодного оружия, а толщина менее восьми миллиметров. Великолепные образцы, не правда ли?

— Конечно. Жизнь можно уберечь, наняв телохранителей или купив такой вот жилет, а вот как, скажите, уберечь честь и достоинство? Тут никакой бронежилет не поможет, — откликнулась Ракитская, возвращая подполковника к занимавшему ее вопросу.

— Да-да, оклеветанный и безвинно страдающий хороший человек... Что, бывший главарь каких-нибудь кожаных затылков?

— Нет, бывший комсомольский работник, а ныне бизнесмен.

— Русо бизнесмено, облик морале, — с улыбкой перефразировал подполковник известное изречение. — И что же случилось с вашим хорошим человеком?

— Он арестован.

Они остановились у огромного стенда, демонстрирующего новинки систем контроля доступа. Основная масса посетителей толпилась у стендов с новинками вооружений и средств персональной защиты, а здесь было практически безлюдно. Сияющий представитель германской фирмы «Галленшутц», рассматривая Ракитскую и ее спутника как потенциальных клиентов, на чистейшем русском языке начал заученную наизусть лекцию:

— Перед вами электромагнитные защелки и замки, контакты и другие аксессуары производства Германии.

— И что инкриминируют нашему хорошему человеку не в меру усердные стражи порядка? — наклонившись к самому уху дамы, тихо спросил подполковник, при этом не сводя серьезного заинтересованного взгляда с распинаящегося гида.

— Вымогательство и похищение взрослых людей, — ответила она также шепотом.

— Терминалы контроля доступа для бесконтактных карточек и магнитных карточек; корпуса терминалов офисные или наружные вандалоустойчивые.

— Идиоты, — прокомментировал подполковник действия своих коллег, задержавших Кроткова. — А он, конечно, чист, как ангел? Впрочем, вопрос, безусловно, риторический. Разве стали бы вы просить за отъявленного негодяя?

Гид, принимая интимную беседу своих посетителей за обсуждение достоинств товаров его фирмы, воодушевился и увлек их к экрану компьютера, управляющего всей этой сложной системой кодовых замков, паролей и прочих примочек.

— Интерфейс оператора на русском языке сервер типа MS Windows NT Server 4.0.

Пока он клацал «мышкой», демонстрируя неисчерпаемые возможности рекламируемого программного обеспечения, какой-то парень, тоже с виду напоминающий гида, подошел к пресловутому вандалоустойчивому терминалу и выставил на него обыкновенную стеклянную литровую банку, наполненную прозрачной жидкостью и накрытую тонкой пластмассовой крышкой. Причем поставил он ее вверх ногами и спокойно без паники удалился. Местный гид этого просто не заметил. Подполковник со своей спутницей тоже не придали этому особого значения, принимая за очередной рекламный трюк.

— Да, дураков у нас еще хватает. — Подполковник говорил уже в полный голос. — Знаете, эта проблема в России вечная. Между прочим, еще задолго до Гоголя об этом вслух заявлял Петр Первый, и на днях исполняется двести семьдесят пять лет с момента подписания Петром закона «О дураках и дурах». Так вот этим законом он запрещал оным вступать в брак, дабы не распространять семя дурости в народе русском. Жаль, что мы в отличие от тех же англичан меняем законы, как перчатки. Представляете, насколько легче жить было бы нам, если бы наши предки свято исполняли сие царское повеление?

За несколько минут таинственная жидкость

разъела крышку и полилась внутрь терминала, а заодно стала капать на пол, оставляя на линолеуме аккуратные дымящиеся дырочки. Вандалоустойчивое устройство стало чадить и разрушаться на глазах самым варварским способом.

Представитель фирмы производителя, наконец почуяв неладное, обернулся, и выражение его лица ясно говорило, что рекламой здесь и не пахнет. Физиономия его вытянулась, челюсть слегка отвисла.

Запах и дым заметили, кто-то крикнул: «Бомба!», кто-то опроверг: «Пожар!», и началось столпотворение. Одни хотели поближе посмотреть на происходящее, другие — наоборот, поскорее покинуть павильон.

Появился охранник с огнетушителем, он снял уже опустевшую банку и направил струю порошка на источник вони, но дым не исчез, он просто пошел низом через другие незасыпанные щели и отверстия.

— Пойдемте, — предложил подполковник, — Здесь становится слишком шумно.

Но выбраться теперь было не так-то просто, они оказались в центре событий, и их окружало плотное кольцо любителей острых ощущений.

А в это время паренек, устроивший переполох, заканчивал свою беседу с другим гидом, который демонстрировал ему новый тульский крупнокалиберный пистолет с увеличенным магазином и удлиненным стволом. Воспользовавшись моментом, когда все в едином порыве отвлеклись на мини-катаклизм, парень ловко извлек из кармана прекрасно выполненный макет тульской новинки и, положив

его на прилавок, скрылся в толпе с настоящим образом.

Гид, не глядя, сгреб новинку с прилавка, не ощутив привычной металлической тяжести, смачно чертыхнулся и врезался в толпу, высматривая вора. Но того уже и след простыл.

Наконец, Ракитская со своим спутником смогли пробиться к выходу, но выйти оказалось гораздо труднее, чем войти. На дверях двое охранников с металлоискателями проверяли каждого посетителя, и это могло занять неизвестно сколько времени.

Подполковник, предъявив документ и коротко переговорив с охраной, вывел даму на свежий воздух, а по дороге рассказал ей, что они оказались свидетелями банальной кражи.

— Вы не находите, что на контрасте с этим примером ясно видны преимущества организованной преступности. Уважающие себя люди оружие покупают или если уж крадут, так по-крупному, не заменяясь на один пистолетик, с которым тебя заметет первый встречный милиционер.

— Абсолютно с вами согласна, но как же все-таки насчет моей просьбы? — Ракитской хотелось наконец услышать определенный ответ, эта беседа начала ее утомлять.

— Хорошо. — Подполковник вышел из роли и закончил беседу уже в деловом стиле: — Исходя из того, кто и за что взял вашего хорошего человека, я не могу пока дать вам положительный обнадеживающий ответ. Но в самые кратчайшие сроки я проконсультируюсь там, — он поднял глаза к потолку, вряд ли имея в виду Господа Бога, — и незамедлительно сообщу вам их решение. Детали и сумму обговорим позднее, если, конечно, я получу «добро». А я его получу.

ТУРЕЦКИЙ

19 февраля, вечер

— Ну так кто убил Сагайдака? — спросил Меркулов, специально для этого спустившись в кабинет своего подчиненного.

Турецкий скромно промолчал.

Меркулов, умница, тут же все сообразил, ни слова не говоря, набрал номер Грязнова и, как только тот сказал «алло», передал трубку Турецкому. Волей-неволей тому пришлось разговаривать.

— Слава, есть новости по моей каширской аварии? Только я тебя прошу, никаких имен по телефону...

— Ты называешь это аварией?! — немедленно взорвался Слава. — После того как они всадили друг в друга по обойме?

— Не придирайся. Твои орлы уже установили личность парня из «БМВ»? Только по телефону...

— Хрена лысого они установили, — злорадно отрезал Грязнов. — Нету такого человека.

— То есть как?

— Саня, почему я должен заниматься этой мурой? Не иначе меркуловские штучки. Верно, Константин Дмитрич? — закинул пробный шар Грязнов, справедливо предполагая, что зам генерального находится рядом. — А вы знаете, что никаких документов в машине и в одежде убитого обнаружено не было? Ни паспорта, ни прав, ни даже комсомольского или партийного билета! Так какого черта ты, Саня, от меня ждешь?

— По вашей картотеке он не проходит?

— Исключено. Парень чист и холоден, как месяц ясный. — Когда Грязнов начинал выражаться об-

разно, это был верный признак, что он зол чрезвычайно. И в первую очередь на самого себя. — Но что самое поразительное — эта машина нигде не зарегистрирована. Ну нету такой тачки в Москве, хоть ты тресни, и номера эти...

— 2022 МНО, — подсказал Турецкий и чихнул.

— Липа номера! Мои орлы ее уже разобрали было на части, думали, самопал, собрана из ворованных деталей, нет, тачка родная, цельная, как яйцо!

— Надо проверить через таможню. Проходила же она растаможку, все-таки?

— Я уже отправил запрос, но чую, что это дохлый номер. Концы можно будет найти только в Германии, на заводе-изготовителе или посреднике, если он был. Да только кто нам там такую информацию выдаст?! Они свои экономические секреты лучше берегут, чем мы государственную тайну.

— Но неужели эксперты городской милиции ничего не смогли найти? А индпошив одежды?

— Барахло на нем все было рыночное, концов не найдешь. Выглядело как обычный бандитский прикид. А вот пушка, которая была при нем, немного светится. Стандартный табельный «макаров», в розыске не находится.

— Ага, — потер руки Турецкий. — И уже установили, чей это пистолет?

— Да, — хмуро брякнул Грязнов. — Твой.

Грязнов приехал через полтора часа. Секретарша Турецкого принесла кофе.

— Вся эта история меня ничуть не удивляет, — признался Меркулов. — В этом городе полно психов без паспорта.

— Не надо так говорить. Мы не психи, — обиделся Турецкий. — Этот город всего лишь становится эксцентричен. Верно, Изида Сигизмундовна? — Секретарша все поняла и плотнее прикрыла за собой дверь.

— Лихо его вывели из игры, — посочувствовал Грязнов.

— Какой игры?! Его просто подставили, — возразил Меркулов. — С кем не бывает.

— Послушайте, — возмутился Турецкий. — Хватит говорить обо мне в третьем лице. Я еще жив.

Собеседники, как по команде, посмотрели на него, словно оценивая: действительно жив?

— У тебя есть какие-то соображения по этому поводу? Как это могло произойти? Где ты держал пистолет? Там? — Грязнов мотнул головой в сторону сейфа.

— Нет, дома.

— Ну, слава богу, по крайней мере, его сперли не отсюда. Не придется искать здесь «жучков» и прочей дряни. Расскажи подробнее.

— Да чего рассказывать?! У меня дома в спальне есть маленький сейф.

— А сколько ключей?

— Два.

— И где же они хранятся? Сколько можно из тебя выуживать? Ты что, не можешь сам все рассказать сразу?

— Один всегда у меня, — Турецкий продемонстрировал связку ключей, — а второй — ...тоже у меня.

— ?!

— Ну, дома он, какая разница, что вы прицепились?

— Как это какая разница?! Кто-то забрался к

тебе домой, выудил пистолет, потом уколошил им твоего подследственного, и ты говоришь — какая разница?! Ты думаешь, кто-нибудь из нас, я или Костя, когда-нибудь терял личное оружие?!

— Только, ради бога, не надо о высоких материях! — Турецкий думал в это время о «эфэсбэшном майоре Резво», побывавшем у него дома. Лекция, материалы которой он легко цитировал, в письменном виде была окончательно зафиксирована меньше недели назад. Значит...

Но волновать друзей этой информацией пока не стоило. Тем более что предварительная проверка установила полное отсутствие подобного человека в штате ФСБ, что и требовалось доказать.

Турецкий открыл ящик стола, вынул дротики дартса и стал швырять один за другим в мишень на стене, укрепленную заботливой рукой Изиды Сигизмундовны. Остальные молча наблюдали за его телодвижениями.

— «БМВ», пусть и новенький, — в паузе между бросками процедил Турецкий, явно провоцируя приятеля перескочить на любимую (и больную — после давешней охоты) автомобильную тему. — Бандитская ли это тачка?

— Не надо нас, маленьких, дурить, — с готовностью возразил Грязнов. — Изначально бандитская машина — это «мерс». И кстати, применительно к ним желательно говорить «мерседес», с ударением на среднем слоге. Между прочим, припомню, что кос-кто из моих «клиентов» пребывал в полной уверенности, что это чистокровная испанская машина.

— Почему они вообще так полюбили «мерседесы», Вячеслав? — спросил Меркулов.

— Известное дело, по принципу «главное — это

большое вложение денег». И так продолжалось несколько лет. В криминальную историю России время это, наверно, войдет как «период шестисотых «мерседесов». А потом началось расслаивание. Бандюки пересели на джипы и на «БМВ».

— Если разобраться, Вячеслав, — ехидно вставил заместитель генерального прокурора, — МВД — это всего лишь продолжение «БМВ». Следи за аббревиатурой.

Грязнов задумался, очевидно соображая, какую бы иномарку прилепить к словосочетанию «Генеральная прокуратура», потом махнул рукой:

— Ладно, язвите сколько влезет. Значит, так. Всего машин «БМВ» существует четыре серии. Основных из них три. Это: «тройка» — автомобиль среднего класса; «пятерка» — полусреднего и отчасти представительская тачка и «семерка» — чисто представительская. «Бээмвуха» хороша демократичностью цен. Если крутые новые модели сравнимы в этом плане с «мерсом», то в нормальном состоянии «тройку» восемьдесят четвертого года можно купить за три тысячи зеленых.

Но последний год братва вообще стала западать на спортивные авто, на «ягуары», «порше», «мустанги», те же «мерседесы» — SLS, SLK.

— А как же «вольво»? — спросил Турецкий, смутно припоминая роскошную машину Лозинского.

— «Вольво» самая дорогая машина в техническом обслуживании. И у бандитов она считается эстетской. А вообще-то сегодня самая классная тачка — «мерс-ягуар». Короче говоря, сейчас либеральные времена и этикет позволяет «пацанам» кататься на чем угодно. Табу осталось только одно —

каждый нормальный бандит обязан иметь «мерс», пусть даже на нем и не ездит.

— Вячеслав, — лениво осведомился Меркулов, — знаешь анекдот, как «новый русский» едет на шестисотом «мерседесе» и в него врезается «Запорожец»?

— Штук пятнадцать, — подтвердил Грязнов.

— Ну так слушай другой. Едет «новый русский» на шестисотом «мерседесе» и вдруг в него кто-то врезается сзади. Он выскакивает, а там — другой шестисотый «мерседес». Тогда «новый русский» возмущенно говорит: «Не понял, в натуре, а где «Запорожец»?

ГРЯЗНОВ

19 февраля, вечер

У Грязнова были все основания хмуриться. Он боялся спугнуть удачу. В кои-то веки оперативно сработали межведомственные связи, что давало возможность сделать крохотный шаг по делу Лозинского. Короче говоря, выяснилось, что сегодня утром ребята из РУОПа накрыли по своим делам гоп-компанию, распивавшую уникальную водку «Граф Орлановф Игорь Александрович», ту самую, коей отравили незабвенную тещу банкира (и космонавта, если верить чудо-секретарше Турецкого, а верить этой бабе явно стоит). Компания баловалась водярой в каком-то кабаке в Орехово-Борисове, и это был если не явный след, то хотя бы зацепка.

Все дело в том, что самая тщательная проверка выяснила, что упомянутый напиток не только не продавался в коммерческих палатках возле дома

тещи Лозинского, но и в принципе отсутствовал в столичной торговле на протяжении последних шести лет! Откуда взялась тогда эта бутылка на дне рождения тещи Лозинского, было одному Аллаху известно. Ситуация усугублялась еще и тем, что пока тещу Лозинского увезла «неотложка» и никто не подозревал ее злодейского отравления, наводящая в квартире марафет домработница Липа (Олимпиада Степановна Кукина, 1949 г. р.) благополучно выбросила ее (бутылку, не тещу) в мусоропровод, поскольку бутылки такого объема (1 литр) и замысловатой формы в ближайших пунктах стеклотары не принимались.

Грязнов прочитал бумагу, пришедшую от начальника отделения милиции.

«Врио начальника МУРа
полковнику милиции Грязнову В. И.

РАПОРТ

Оперуполномоченному отделения милиции старшему лейтенанту Каменцу было поручено установить, кто именно и каким транспортом вывозит мусор из элитного многоэтажного дома по проспекту Маршала Жукова, 20. Выяснилось, что мусор вывозится на соответствующие свалки в 49 километрах на северо-запад от станции метро «Пионерская». Поскольку оперуполномоченный старший лейтенант Каменец других заданий не получал, то потребовалось дополнительное письменное указание, санкционирующее непосредственное обнаружение обозначенной спиртосодержащей емкости. Справившись со вновь поставленной оперативно-розыскной задачей, старший лейтенант Каменец ус-

тановил, что через сутки после пребывания на свалке весь мусор отправляется на мусороперерабатывающий комбинат № 2.

Начальник отделения милиции
Хорошево-Мневники
майор милиции *В. В. Таран*

Ну и ну. Таким образом, пока эти идиоты писали свои бесконечные рапорты, бутылку вместе с прочим дерьмом благополучно расплавили в печке, вместо того чтобы по этикетке или с помощью химэкспертизы попытаться хоть за что-то зацепиться в этом дохлом деле. Хотя не исключено, конечно, что она уже давно несколько лет пустая просто валялась где-нибудь в кладовой, терпеливо ожидая своей новой жизни. И дождалась.

Грязнов уже знал, что рууповским расследованием занимался его старый знакомец капитан Лихачев, и, дабы лишний раз не светиться, попросил его в качестве личной услуги снова направить кого-нибудь из своих людей в кабак, где произошла заварушка, дабы прояснить так сильно волнующий его лично деликатный алкогольный вопрос. Лихачев не возражал, почему бы и нет.

И через полтора часа уже примчавшийся в Региональное управление по делам организованной преступности на Шаболовке Грязнов знал, что в ресторане «Ореховый» с 1991 года существует огромный запас водки «Граф Орланофф Игорь Александрович», впрочем, все же уничтожаемый медленно, но верно. Все накладные в норме. Ценный напиток хранится согласно установленным санитарным нормам, а его химический состав отвечает соответствующим требованиям ГОСТа, несмотря на то что пос-

ледние регулярно меняются. Документация опять же в полном порядке.

Поскольку эксперты из Антимонопольного комитета авторитетно заявили, что в настоящий момент подобной водки в Москве нет, а в ресторане «Ореховый» на вынос не торговали, то из всего этого следовал лишь туманный вывод, что искать следует внутри обозначенного значного заведения. Стоило, пожалуй, добавить, что владельцем «Орехового» являлся девяностодвухлетний К. П. Лимонадов, совершенно выживший из ума, — фигура, конечно, подставная и замечательная единственно тем, что является двоюродным дядей известного авторитета по кличке Сенатор. Натяжка? Едва ли.

Значит, не миновать тотального опроса всего персонала «Орехового», хотя уже после первого из них остальные служащие будут оповещены о характере вопросов и проконсультируются у... стоп! Грязнов прервал этот поток сознания в нужном месте. У кого они проконсультируются, как себя вести? Черт его знает, товарищ полковник. Значит, варианта два. Либо вызвать всех служащих ресторана (а это, надо полагать, десятка полтора человек, не меньше!) на допросы одновременно к разным оперативникам — ничего себе работка, — либо допросить всего одного или нескольких из тех, кто явно имеет, что называется, доступ к «телу», и хорошенько напугать, с тем чтобы после они побежали к пресловутому «телу» плакаться в жилетку. Да, но ведь они и так уже смертельно напуганы этой руоповской облавой. Что же предпринять?

Капитан Лихачев смотрел на Грязнова своими традиционно красными глазами. Лихачев не был альбиносом, но жизнь заставила.

— Гена, не в службу, а дружбу, дай мне допро-

свить менеджера и кого-нибудь из официантов, — попросил Грязнов.

— Да ради бога, я вам только благодарен буду, товарищ полковник, помощь как-никак все-таки!

— Отлично, еще один вопрос. Эти орлы, которых ты накрыл, они сами-то к ресторану отношение имеют?

— Вроде бы нет, хотя трудно сказать — за ними рэкст. Но дело в том, что они, кажется, заседали на «своей территории», — это же домодедовская группировка. Приходилось вам слышать?

— Понятно. А Сенатор ей кто будет, домодедовской группировке?

Лихачев удовлетворенно хмыкнул:

— Сенатор ей будет папа крестный. Но я вам так скажу: легче поймать колибри в пределах Садового кольца, чем пообщаться с Сенатором. — Лихачев смотрел на муровского шефа с некоторым удивлением, и, хотя ему, конечно, не было известно, что именно тот ищет (бутылку водки, черт возьми?!), на широкой физиономии капитана без труда читалось осуждение: это же надо такой мурой заниматься... Хотя кому же заниматься мурой, как не МУРу?

Грязнов почему-то вспомнил, как пару лет назад, копая совершенно непролазное дело о заказных убийствах банкиров, Сашка Турецкий вдруг признался: «Азбучная истина — получая в производство дело, следователь должен составить план расследования. И от этого никуда не уйти. Но, исходя из собственных задач, поставленных самым категорическим образом, я могу сформулировать свою цель однозначно. Найти преступника? Раскрыть преступление? Нет, я обязан как можно скорее от этого дела отделаться. А потом готов глядеть, кто первый кинет в меня камень».

БОЙКО

14 февраля, утро

Помощник замминистра подполковник Бойко пришел к своему непосредственному начальнику. Невысокий, с крючковатым носом и тонким бледным лицом, заместитель министра внутренних дел пребывал в мрачной задумчивости и сосредоточенно чертил что-то незаточенным карандашом на полированной поверхности стола. Его глаза, обычно исполненные какой-то скрытой печали и тайны, сегодня были колючими и злыми, а это однозначно свидетельствовало, что зам был не в духе.

— Очередной заказ. Я подготовил все материалы, — осторожно начал подполковник и положил на стол шефа справку по делу Кроткова и предварительный расчет финансовых и прочих затрат. — Теперь нужно только дать ведомственную команду перебросить дело в соответствующий следственный отдел УВД.

Замминистра бегло просмотрел бумаги.

— Кредитоспособность проверяли? — Шеф отпихнул папку и снова вернулся к своим чертежам.

— Домодедовская группировка, — вско сообщил Бойко.

Зам удовлетворенно хмыкнул:

— Комментарии излишни.

— У меня все, — закончил подполковник, собираясь уходить, но замминистра порывисто поднялся с кресла и жестом остановил подчиненного. Ему нужно было выплеснуть на кого-то накопившуюся отрицательную энергию (слишком часто в последнее время он слышал от других членов совета директоров обвинения в некомпетентности и нерастороп-

ности в адрес своих людей, и это его нервировало и угнетало).

Бойко пришлось сыграть роль громоотвода.

— Поговорим о другом, — начал зам, насупившись и играя желваками на скулах. — Дело о превышении полномочий сотрудниками сто восьмого отделения, которое по нашему ведомству курировали вы и которое удалось спасти только на этапе рассмотрения в Верховном суде, что предпринято для того, чтобы такое безобразие не повторилось впредь. Вы можете дать мне твердую гарантию, что ваши люди не облажаются по новой?

— Но я делаю все возможное... — начал было оправдываться Бойко. «Черт, угораздило же явиться в такой неподходящий момент».

Зам только досадливо махнул рукой:

— Чтобы выбраться из ямы, нужно хотя бы не копать ее вглубь. У нас каждый третий рядовой работник милиции в той или иной форме берет взятки или нарушает процессуальный кодекс. И каждый при этом гребет под себя.

Электронные часы на руке Бойко пикнули, извещая хозяина о том, что уже одиннадцать часов утра. «Eleven o'clock», — подумал подполковник и, абстрагируясь от зуда начальника, занялся английским. В школе и институте он учил французский, а в последнее время почувствовал острую необходимость в английском. И по этому поводу завел себе правило: каждый раз с пискom часов он пытался вспомнить английские названия всех предметов и явлений, которые в данный момент его окружали. «Стол — table, кресла — armchairs, окна — windows, жалюзи — venetian blind, шкафы — bookcase, начальник — superior...»

— Нужно организовываться на местах. Нужно собирать людей в единый кулак... — Замминистра несло, хоть жечь глаголом и не было его призванием, сегодня он разошелся не на шутку. — Кто, скажите, будет доверять совету директоров, который выполняет обязательства перед клиентами через раз, а?

Подполковник внимал молча с выражением полного покаяния на лице, по опыту зная, что гроза кратковременна и шеф сам успокоится, как только озвучит свои мрачные мысли. «Замминистра — *vise minister*, хмурый — *sullen*, мрачный — *gloomy*. Надо посмотреть в словаре, как будет по-английски «брюзжать» и «читать нотации».

После пятиминутного гневного монолога зам наконец иссяк, устало осел в кресло и впал в меланхолическую задумчивость, которая теперь могла длиться часами. Бойко осторожно поднялся и, стараясь не шуметь, чтобы не навлечь на себя еще один поток раздражения шефа, тихонько покинул кабинет.

ТУРЕЦКИЙ

19—20 февраля

Было уже слишком поздно, и ужинать он не стал. Турецкий чмокнул спящую дочь Ниночку и тихонько пропел:

Нинка, как картинка, с фразером гребет,
Сеня, дай мне финку, я пойду вперед
И поинтересуюсь, что это за кент.
Ноги пусть рисует,
Нинка, это ж мент, я знаю...

Ирина устало поморщилась: она слышала эти строчки в исполнении мужа уже раз пятьдесят:

— Послушайте, господин следователь. Мы вас

совсем не видим. Ваше лицо уже стало пропадать с семейных фотографий...

Турецкий, раздеваясь, искоса поглядывал на нее. Он подумал, что ее неброская красота скрывается в непрестанных изменениях — в улыбках, полуулыбках, целой гамме взглядов, ослепительном смехе алых губ, обнажающих ровные белые зубы, в красноречивых изгибах этих губ, в мимолетном движении бровей, в едва заметных волнах настроя, пробегающих по этому то вызывающе чувственному, то иронически-холодному лицу.

Ирина лежала на кровати и механически нажимала кнопки пульта. Телевизионные программы мелькали, не задерживаясь больше пяти секунд. Вот проскочил Андрей Вознесенский, с которым беседовали в студии каких-то ночных новостей. Ирина не останавливалась, и через полминуты Вознесенский промелькнул снова с привычным платком под воротником рубашки, на которой был привычный клетчатый пиджак... Что-то привлекло внимание Турецкого. Ах да!

— Ирка, — он толкнул жену. — Тебе нравится, когда мужики носят косынки на шее? Не слишком ли кокетливо?

Жена почему-то вздрогнула и посмотрела на него расширенными зрачками.

Турецкий пожал плечами и повернулся на другой бок.

— Президент России, — вдруг сказал комментатор программы «Время», — поздравил наших спортсменов с их блестящим выступлением на зимних Олимпийских играх в Нагано и подчеркнул...

У психологов есть такой прием: если им нужно, чтобы мысли человека приняли вполне конкретное тематическое направление, они говорят прямо проти-

воположное в категорической форме. Например, они говорят: «Ни в коем случае не думайте о кошках!» И все, вы попались. Теперь вы будете очень стараться не думать о кошках, только не о кошках, о чем угодно, только бы не о кошках, — но думать только о них! Так не этого ли самого добивался пресловутый «майор Резво»?! Похоже, он хотел заставить думать только о ФСБ... Значит, он отвлекал его от чего-то более существенного. От чего же? От дела Сафронова?

— Я надеюсь, — сказал Президент с экрана телевизора, — что отечественная школа хоккея будет и дальше, понимаешь... и глубже... и впредь...

...Ни в коем случае не думать о кошках. То есть о ФСБ... А о чем же тогда думать?.. Не забыть бы завтра обследовать сейф... или лучше подождать криминалистов... о чем же думать... ах да, о Сафронове думать...

Президент вдруг сказал:

— Ладно, хрен с ними, с этими олимпийцами, понимаешь. А это еще тут кто такой понимаешь? А, Турецкий А. Б.

Турецкий растерянно оглянулся на жену. Но Ирки рядом почему-то не было. Собственно, ничего уже рядом не было. То есть много чего было, но все не то! Турецкий вдруг обнаружил себя возлежащим на кровати в Георгиевском зале Кремля.

— То есть А. Б. Турецкий, — гнул свое Президент, размахивая каким-то промасленным свертком. — А и Б сидели на трубе... — Он всунул Турецкому в руки сверток и растворился в следующем сне. Турецкий развернул бумагу — там лежала жареная рыба. Он, не задумываясь, откусил, но вкуса почувствовать не успел... или не запомнил...

Утром Турецкий посмотрел на дочь, талантливо имитирующую крепкий сон, и отдельно произнес:

— Значит, так. Десять баранов, девять баранов, восемь... семь... шесть... пять... — Он успел сходить на балкон и вернуться с лейкой для цветов, которую стал угрожающе наклонять над «спящей» Ниночкой. — ...Пять баранов. Четыре... — он помялся и наклонил лейку сильнее, — баранов...

Дочка захохотала и, избегая принудительных водных процедур, убежала в туалет:

— Все ты путаешь, папка! Нельзя так говорить, так говорить не разрешается — четыре баранов!

Он снова преодолел искушение немедленно заглянуть в сейф, дабы не стереть отпечатки пальцев, если они там действительно были. И на всякий случай проверил наличие запасных ключей в черной шкатулке каслинского литья, где хранились различные семейные документы. Турецкий не видел ключей с тех пор, как положил сюда, и сказать теперь, перскладывал ли их кто-нибудь с места на место, было затруднительно. Может, Ирка? А может, и нет.

— Что у нас на завтрак, дарлинг? Есть что-нибудь горячее? — заорал бреющийся Турецкий, перекрывая шум воды, закипающего чайника и включенного радио. Он собирался заодно компенсировать пропущенный ужин.

— Я вчера запекла рыбу в пергаменте, кажется, получилось впечатляюще, — похвасталась жена. Собираясь на работу, она рылась в своих бесчисленных нотах. — Разогрей сам, хорошо?

Рыбу?! Турецкий чихнул, порезался и тупо устался в зеркало.

В это мгновение прорезался телефон. Турецкий сомнамбулически двинулся к нему, на ходу вытирая пену с лица («Жиллетт гель» с добавкой алоэ).

— Саня, привет. — Это звонил Грязнов, и, по-видимому, в данный момент он пребывал в не меньшей растерянности, чем его приятель. — Саня, — робко сказал он, — у тебя есть последний «Спорт-экспресс»?

— Ты из-за этого с утра трезвонишь?! — разозлился Турецкий, все еще будучи не в состоянии выбросить рыбу из головы. «Рыба гниет с головы», — совсем некстати родился каламбур.

— Саня, ты понимаешь, — пробормотал смущенный Грязнов, — тут такое дело. Не в службу, а в дружбу, посмотри газету. На моей жирное пятно и дырка на самом интересном месте, так что я не уверен...

Турецкий, чертыхаясь, набросил куртку и вышел на лестничную клетку. Ну, Ирка, куда она смотрит, почта не вынималась дней пять. Турецкий распотрошил ящик, забитый газетами, квитанциями бог знает за что, бесполезными рекламными проспектами. «Спорт-экспресс» присутствовал. Ждал как миленький своего часа. Турецкий даже зажмурился, предвкушая знакомое удовольствие погружения в спортивные баталии и статистику. Он снова взял трубку:

— Ты еще ждешь?

— Да, открой предпоследнюю страницу...

— Слушай, Славка, — сказал Турецкий, чихая и быстро просматривая газету. — Ты думаешь, насчет хоккея — это правда? Думаешь, они действительно к нам приедут?

— Н-не знаю, почему бы и нет... Ну что, ты нашел? — Славу явно клевал жареный петух.

— Да что нашел-то? Ты же не сказал, что искать.

— Таблицу розыгрыша видишь на предпоследней странице?

— Это... «Общероссийский хоккейный заем»?

— Да-да-да! Теперь смотри двадцать восьмую строчку сверху.

— Ты хочешь, чтобы я считал двадцать восемь газетных строчек?!

— Я сегодня же подарю тебе калькулятор, считай скорее! Кстати, пока не забыл, к которому часу прислать криминалистов сейф посмотреть? Я уже выпросил для тебя лучшие кадры в ЭКУ!

— Давай через час, чтобы Ирка успела на работу отвалить и чтобы я потом не опоздал.

Турецкий долго пыхтел, водя пальцем по газетному листу, сбиваясь, матерясь про себя и одновременно увлажняя физиономию кремом после бритья. В результате у него тоже образовалось в этом месте жирное пятно, но и оно не помешало прочесть номер:

— 9425690. Ну и что, это день твоего рождения?

— А дальше по строчке, что там написано? — совсем уж заискивающим голосом попросил Слава.

— Серия КП. Потом — «Бонус. Автомобиль «BMW728i». Ну, чего ты молчишь? Да, тут еще — «возможность получения приза в денежном эквиваленте».

— Я выиграл эту тачку, — тупо произнес Слава, как бы пробуя слова на вкус. — Я выиграл эту тачку... Хрен им «в денежном эквиваленте»!

ДВОЕ

14 февраля

В промозглую и унылую погоду в обыкновенных адидасовских спортивных костюмах они обновили лыжню в выбеленном зимой подмосковном редколесье в Завидове. Чуть впереди и чуть сзади парочки

любителей зимних видов спорта, непрерывно вертя головами и утопая по щиколотку в снегу, двигались два телохранителя. Они были без формы и спортивного инвентаря, зато в бронежилетах и с оружием.

По влажному липкому снегу идти было чертовски трудно. Заместителю министра внутренних дел приходилось все время догонять долговязого, худого, похожего на журавля партнера, который широко шагал длинными ногами. От этого замминистра потел и злился.

— Да постой же, давай, наконец, поговорим, — в конце концов не выдержал он.

Долговязый остановился, он совершенно не устал, дышал ровно, лицо покраснелось, глаза блестели. Лыжная шапочка чудом держалась на макушке, едва прикрывая его небогатую седеющую шевелюру. Длинное, под стать фигуре, лицо, большой нос с крупными раздувающимися ноздрями, близко посаженные глаза, кустистые брови, кривые редкие зубы и большие уши. Для замминистра до сих пор оставалось загадкой, как человек с такой внешностью может занимать столь высокий пост, что предполагает появление его физиономии в газетах и на экране телевизора. Вот его шеф, министр внутренних дел, например, имел вполне благообразную внешность. А этот... Замминистра не мог отделаться от стойкого ощущения, что долговязый напоминает ему Дуремара из сказки о золотом ключике.

— Не брюзжи, смотри, красота кругом. Зима, — долговязый Дуремар с блаженной улыбкой обвел взглядом окрестный пейзаж, тыча в пространство лыжной палкой. — Как много в этом звуке... — Голос его скрипел, как замерзшее дерево на ветру.

Зам скептически оглядел чахлые сосенки, согнувшиеся под тяжестью сырого снега.

— Какого черта ты вытащил меня на эту дурацкую прогулку, нельзя было разве в доме поговорить по-человечески? Мне через час надо быть в министерстве, а ты поэта из себя корчишь.

— Как бы тебе не простудиться, — покачал головой Дуремар и махнул телохранителю. Тот заботливо набросил на плечи зама свою куртку.

— Накопилось много дел. — Зам отстегнул лыжи и ступил в глубокий снег, колени мелко дрожали — давно он не проводил над собой подобных физкультурных опытов. — Надо бы рассмотреть на нашем совете директоров. Иначе зачем мы его с таким трудом создавали?!

— А мы с тобой на сегодня и есть совет. «Третье ведомство» болеет, а казначею нашему вообще не до того. Так что как мы решим, так и будет. Давай по порядку.

— Во-первых, проблемы с нашим Фондом помощи заключенным. Мы замыкаемся в столице, а где-нибудь в провинции имеются многие и многие, кому настала пора поделиться доходами.

— Там уже процесс пошел. — Дуремар нетерпеливо переступал с ноги на ногу, его нервировали медлительность и обстоятельность. — Дальше.

— Потом проблемы с казахской таможней. Кроме того, поступили новые заказы.

— Обойдемся без «третьего ведомства»?

— Гарантировать не могу, но на первый взгляд все тривиально.

— Тогда вперед. — Дуремар поправил крепления и собрался продолжить пробежку. — Только если опять будут проблемы, ты уж не стесняйся...

Зама передернуло: стоит один раз оступиться,

всю жизнь попрекать будут. Но он промолчал, не хотелось с утра ввязываться в бесполезные дискуссии.

Часом позже он позвонил Бойко и дал «добро».

ТУРЕЦКИЙ

20 февраля, утро

Через пятьдесят минут, когда Турецкий оставался дома уже один, приехали Грязнов и лучшие экспертные кадры: откровенно некрасивая женщина лет тридцати пяти и тщедушный очкарик, ее ровесник. Турецкий попросил их работать как можно быстрее и протянул ключи от сейфа. Очкарик внимательно осмотрел их, затем замки и покачал головой:

— Отмычку подобрать невозможно. Открывали ключом. Значит, если где-то и есть отпечатки пальцев, то только на ключах. — Он взял ключ в платок и сверхаккуратно открыл сейф. Заглянул туда и вопросительно посмотрел на хозяина. Турецкий заглянул и отшатнулся.

— Ну что там? — Грязнов нетерпеливо полез посмотреть. Теперь настал его черед разинуть рот. В совершенно пустом сейфе лежал мексиканский охотничий нож «Jalisco». Тот самый, которым Грязнов любовался в магазинчике «Не Помню Как Называется». Метательный клинок длиной в пятнадцать сантиметров. Черт возьми, как он сюда попал?!

— Охотничьи ножи номерные, можно выяснить, кому он принадлежит, — пробормотал Грязнов, стараясь не смотреть на Турецкого. Он отчего-то чувствовал себя виноватым.

Эксперты сняли с ножа следы пальцев и передали нож Грязнову. Тот, в свою очередь, осмотрел его со всех сторон и снова открыл рот. На хищном лезвии этого клинка была длинная царапина. У врио начальника МУРа потемнело в глазах. Он понял, что на ноже наверняка есть только его отпечатки. Спасибо хоть им никого не зарезали.

В дверь позвонили, и хмурый Турецкий отправился открывать, Грязнов поплелся за ним.

— Смотри, что я нашел, — пробормотал Турецкий, открывая дверь, имея в виду Меркулова, стоящего на площадке. Не снимая роскошного кашемирового пальто, он прошел в комнату. Грязнов едва успел спрятать неприятную находку.

Меркулов протер запотевшие очки, едва глянув на боевых приятелей непроницаемо серыми холодными глазами.

— Саша, не хотелось говорить это по телефону. Мне пришлось принять решение, альтернативы которому нет. Пойми меня верно. Я отстраняю тебя от дела Сафронова.

— Я ждал этого, — усмехнулся Турецкий. — И кто же будет теперь его вести?

— Никто. Пока что. Считай, что «дела» не существует. Хотя если они так быстро среагировали...

— Кто «они»? — живо спросил Грязнов.

— Вот это как раз самое интересное. Так вот, если они так быстро среагировали, устроив тебе, Саша, эту проблему, то возможно, что дело даже не в Сафронове, а в тебе. И еще. Нам почему-то передали дело Лозинского. Он подозревается в убийстве своей тещи. Дело, конечно, не в теще, а в том, что это крупнейший финансовый магнат. Возьми с него подписку о невыезде. Надеюсь, Вячеслав, — Мерку-

лов кивнул на Грязнова, — тебе поможет с ним разобраться. Голова раскалывается...

Грязнов выпучил глаза. Турецкий развел руками. Сказать было нечего.

— Выпить хочешь?

— К сожалению, рабочий день только начался. И генеральный вызывает. Надо быть в форме, — Меркулов вышел в переднюю. — Аспирин есть у тебя?

— Генеральный?! — Грязнов даже подпрыгнул. — А где он?

Турецкий вернулся из кухни с облаткой аспирина.

— Генеральный нездоров, — заученно отмазался Меркулов и хлопнул входной дверью.

Турецкий выглянул в окно. Две служебные машины, Грязнова и Меркулова, — две черные «Волги» — стояли рядом у его подъезда, наводя трепет на соседей. Ничего, скоро Слава переседет на «БМВ».

— Ваш генеральный похож на Бэтмена, — честно высказался Грязнов. — Такой же неуловимый сукин сын. — Или нет, скорее на Джо, из анекдота. — Он включил запищавший мобильник, явно обрадовался возможности избежать неприятной темы охотничьего ножа. Но выслушал сообщение довольно хмуро.

Эксперты для сравнения сняли отпечатки пальцев с обеих рук Турецкого и с чашки, которой пользовалась его жена. И поинтересовались, не желает ли господин Турецкий посодействовать в составлении фоторобота

— Какой фоторобот? — удивился Саша. — Вы что, сдурели, вы считаете, он тут при мне шуровал,

а я, значит, наблюдал из-под кровати, запоминал черты лица?!

Криминалисты пожали плечами и уехали вместе с обескураженным Грязновым. Но от Турецкого не укрылось, что тот внимательно наблюдал за ним во время последней фразы, терпеливо ожидая, когда же наконец Сашка Турецкий проболтается о своих подозрениях. Вот ведь нюх у старой ищейки! Рассказать, что ли, о встрече в МГУ с «майором Резво»? Турецкий чихнул пару раз. Нет, пока что нечего рассказывать...

САФРОНОВ

15 февраля, утро

Начальник следственного отдела УВД Центрального административного округа Москвы всегда лечил простуду «Посольской» с молотым перцем и аутотренингом, мысленно приговаривая на карлсоновский манер: «Я, старый, больной человек». На самом деле Сафронов был не стар, хотя и не молод, конечно, и в свои пятьдесят с небольшим страдал только от некоторой тучности и вызванной ею одышки, и из многих же опробованных им формул аутотренинга эта оказалась самой эффективной. Аналогичное средство (но без перца!) помогало от головной боли.

На текущий момент основной головной болью было дело инвалидов. Нищенствующим калекам предстояла сегодня смена «крыши», а Сафронов обеспечивал операцию по линии правоохранительных органов. В его епархии такие акции происходили гораздо чаще, чем на сопредельных территориях

со стабильным криминальным устройством. Он же имел дело с феодальной раздробленностью, а каждому школьнику известно: никого она еще не доводила до добра ~~и~~ ни в одном учебнике не найти рецепта, как ее грамотно эксплуатировать и постоянно поддерживать в рабочем состоянии. Раздробленность, доставшаяся Евгению Павловичу, усугублялась тем, что уделы были не территориальными, а отраслевыми и «князья» со своими «дружинами» толклись на небольшом пятачке на виду у большого сафроновского начальства.

А большому начальству по долгу службы полагалось докладывать самому большому, как продвигается борьба с преступностью по всей России, а в момент, когда происходило это таинство, власти, ее предержащие, могли видеть из окон кабинетов его, Евгения Павловича Сафронова, уголья. Хотя, конечно, видели они совершенно разные вещи: из высоких кабинетов хорошо заметны горизонты, а из его — ноги. Они как раз Сафронова и кормили: ему следовало везде поспевать, чтобы проблемы у представителей разных течений в братве не разрешались сами собой; только ограниченный романтик может поверить, будто анархия — мать порядка. При анархии никто не работает на перспективу: какой толк, все суетятся, кто хочет чего-нибудь заполучить, а заполучив — не упустить, все друг друга стараются обогнать. От беготни, при сафроновской комплекции, с ним частенько случалась простуда, и он обращался к помощи испытанного зелья — «Посольской» с перцем.

Но самое неприятное, что кроме забот по «размирению» различных группировок, за которые он получал приличные деньги, причем от всех сразу, ему еще приходилось выполнять и служебные обя-

занности, за которые ему платили гроши. Скупое начальство требовало результатов в борьбе с преступностью, а щедрая преступность требовала их отсутствия. И бедный Евгений Павлович, не желавший лишаться ни должности, ни дохода, балансировал на тонком канате между Сциллой и Харибдой под перекрестным огнем.

Он спрятал в стол целительную жидкость и, забросив в рот пару подушечек «Стиморола», дабы отбить запах «лекарства», вернулся к новому делу, которое сегодня навесили на его следственный отдел. Дело как дело, обыкновенное — вымогательство, у него уже штук двадцать таких в работе. И что с ним творить прикажете? Сафронов бегло просмотрел материалы. Основной фигурант какой-то Кротков — фамилия вроде незнакомая, вещдоки рупопцы собрали. Слегка подрихтовать, подчистить, и можно передавать в суд, и начальству радость — вот, мол, не дремлем, бдим о народном спокойствии.

Приняв решение, Сафронов вызвал следователя Осетрова.

— Вот тебе еще одно дело, — он протянул подчиненному папку.

Капитан Осетров — жилистый брюнет тридцати лет — был самым дисциплинированным подчиненным. Дисциплинированным в том смысле, что всегда смотрел в рот начальнику, не был строптивым и капризным, не задавал лишних вопросов и в точности следовал инструкциям. Пожалуй, был несколько туповат, но для определенных поручений его способностей вполне хватало, даже с избытком, и Сафронов любил давать определенные поручения именно ему. Единственное требование — инструкции должны быть очень детальными, ибо экспромтами Осетров владел слабо.

Капитан Осетров был... кореец. Самый настоящий кореец, несмотря на свою фамилию. У него были почти черные узкие раскосые глаза, жесткие щеки, выглядевшие такими же мускулистыми, как и его руки, и улыбка-капкан: единственное, что доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие, так это чужие неприятности. Относительно Осетрова у его начальника всегда существовала стандартная присказка: «Ким, Ен, Пак съели всех собак». Правда, Осетров утверждал, что в жизни не пробовал ни одной.

— Евгений Павлович, — как на базаре, взмолился Осетров, — куда же мне еще? У меня и так семь штук уже, в сейф не помещаются.

Сопrotивлялся он не потому, что надеялся отделаться от очередного дела, а так, для порядка, чтобы не выглядеть совсем уж безропотным. По горьковатому запаху мяты, носящемуся в кабинете, он сделал простой вывод: Сафронов опять поправлял здоровье, и, как показывал опыт, решения, которые принимались шефом в состоянии «выздоровления», оспаривать было бесполезно, так как шеф считал их единственно верными.

— Я распоряжусь, тебе еще один сейф поставят, — Сафронов выкатился из-за стола на своих коротеньких ножках и отечески похлопал лейтенанта по плечу. Поглаживая лысину, он засмеялся, и его глаза, утонув в щеках, стали даже уже, чем у подчиненного. — Бери, бери, дело простое, прозрачное. Доказательств хватает. Главный обвиняемый арестован, соучастники его тоже, оформишь за неделю.

В министерском кабинете полковник Сафронов почувствовал себя немного неуверенно. В первую очередь потому, что даже не догадывался, зачем был

вызван на ковер. (Хотя это был, скорее, коврик.) Причиной могло послужить или слабое качество следствия в следотделе УВД, или его личная деятельность, не совсем совместимая с высоким званием работника милиции, или еще бог знает что. На всякий пожарный он захватил с собой пухлую папку с разнообразными документами, убедительно доказывавшими, что бардак в его епархии обусловлен нехваткой людей, средств, техники и т. п., и т. д., и пр., короче, чем угодно, только не его, Сафронова, некомпетентностью или нежеланием работать. Он давно уже сидел на краешке стула и прижимал спасительную папку к животу, а хозяин кабинета, казалось, не торопился начинать разговор.

Тем временем младший по званию, но зато сотрудник министерства, курирующий столичную милицию, подполковник Бойко внимательно изучал посетителя. «Из тех, у кого на лице написано: взяточник и вор. Но как говорили классики, не верь глазам своим», — думал он. Раньше их пути не пересекались, но ходили упорные слухи, что Сафронов не чист на руку, а дыма без огня не бывает.

Подполковник просчитывал в уме варианты, на чем поймать субчика. Хотя по личному опыту Бойко знал, что наемники, как таковые, — люди не слишком надежные. Чтобы человек старался как следует, нужно, чтобы он боялся. Главное, Бойко должен непременно заставить этого жирного борова сотрудничать. Для того чтобы на этот раз все прошло без сучка и задоринки, ему нужен Сафронов, и никто другой. Заниматься рядовыми следователями лично — утомительно, и это не дает абсолютной гарантии, при условии, что начальник следственного отдела вне игры. Напротив, покупая Сафронова, Бойко тем самым приобретает всю машину со всеми

ее винтиками и потрохами. Потомив визитера многозначительным молчанием, он решил произвести разведку боем:

— Евгений Павлович, что бы вы ответили, если бы я попросил вас уделить особо пристальное внимание одному уголовному делу, расследуемому сейчас вашими подчиненными?

«Проверка на вшивость» — так расценил туманный намек начальства Сафронов и, ни секунды не колеблясь, ответил:

— Как только поступит приказ из следственного комитета или из самого министерства, соответствующие меры будут незамедлительно приняты.

— Вы не совсем понимаете. Речь идет о моей личной просьбе. Э-э-э... в обход, так сказать, Уголовно-процессуального кодекса, — продолжал тонко намекать хозяин кабинета.

Сафронов укоризненно посмотрел на собеседника и сложил бантиком пухлые губки:

— Нет, я не смогу выполнить такое поручение. Я честный человек и честно исполняю свой долг.

Это фраза произвела на Бойко неизгладимое впечатление. Он встал из-за стола и опустил на огромном окне жалюзи. «Врет и не краснеет — это хорошо. Наш человек». Подполковник закурил и откинулся в кресле, прикрыв глаза. С одной стороны, он всем своим видом давал понять, что разговор окончен, но, с другой, Сафронова не отпускал, и тот неуверенно ерзал на стуле и взволнованно сопел, не зная, уходить или нет. Прошла минута. Две. Три. Пять...

Пауза невероятно затягивалась.

Наконец Сафронов не выдержал и, с трудом выдавливая из себя слова, хрипловато спросил:

— Могу я узнать, о чем, собственно, вы собирались меня попросить?

— Вы ставите меня в сложное положение, — тонко улыбнулся Бойко. — Я безусловно раскрою вам все карты, но только если мы с вами будем сотрудничать.

— А как я могу быть уверен, что моя профессиональная честь работника милиции при этом останется незапятнанной? — оперировал штампованными фразами посетитель.

Опять двадцать пять, посчитал про себя Бойко. Сафронов упорно лез в бутылку, хотя горлышко ее для него явно было маловато. Следующим средством убеждения был избран элегантный шантаж.

— Дорогой Евгений Павлович. По долгу службы я познакомился с кое-какими подробностями вашей биографии. Может быть, я не знаю всего, но и того, что известно, вполне достаточно, чтобы доставить вам кучу неприятностей. Я не хотел бы этого делать. Я вообще не люблю причинять зло людям. Но если вы откажетесь, боюсь, я буду просто вынужден предать огласке некоторые факты.

Сафронов взопреп. Что именно раскопала эта министерская сволочь? Впрочем, какое это имеет значение? На мелочи Сафронов никогда не разменивался, а значит, даже если подполковник вытащит на свет божий один-единственный кусочек того дерьма, в котором он погряз по самые уши, этого будет вполне достаточно, чтобы следующее их свидание, если таковое вообще состоится, проходило за надежными стенами «Лефортова». Хотя с другой стороны, если Бойко и так может его засадить, зачем ему устраивать этот спектакль? Одно из двух: или у подполковника Бойко ни хрена нет и он пытается его спровоцировать, или он тоже не ангел

и ему действительно нужно профессиональное содействие Сафронова, ну, скажем, в развале какого-нибудь неприятного дельца. В том, что речь идет именно о развале, многоопытный Сафронов не сомневался: когда начальство требует результатов, это делается совсем не так. Вызвали бы, пропесочили безо всякой дипломатии...

— Как насчет «чеченского следа»? Помните взрыв в троллейбусе сорок восьмого маршрута? Лихо вы его тогда раскололи...

Сафронов что-то невнятно пробормотал.

— А знаете, что в этой истории самое интересное? Я недавно просматривал кое-какое дело, связанное с хищением уникального типографского оборудования для изготовления документов. И ведь это дельце тоже проходило через вас, не правда ли, любезный Евгений Палыч?

— Я согласен, — быстро сказал Сафронов.

— На что? На обнародование фактов? — произнес Бойко, чтобы окончательно добить собеседника. Ведь он фактически взял его голыми руками, не имея ничего, кроме слухов и предположений. В папке, в которую он заглядывал, лежала программа телевидения.

Сафронов замотал головой и замычал что-то нечленораздельное.

Итак, лед тронулся. Политика кнута дала свои результаты, пора было скармливать этому таракану пряник.

— Оставим в стороне моральные аспекты. Я предлагаю вам сугубо товарно-денежные отношения.

Сафронов облегченно вздохнул и, поудобнее разместившись на жестковатом стуле, отложил бесполезную папку и весь обратился в слух.

— Я со своей стороны обязуюсь забыть о ваших неприглядных поступках, но только в том случае, если вы выполните мое строго конфиденциальное поручение.

— Вы, кажется, говорили товарно-денежные... — делая упор на слове «денежные», начал Сафронов, снова почувствовав себя неуютно.

Бойко усмехнулся. Полный поворот на сто восемьдесят градусов. Сафронов уже забыл, что он честный человек. Пламя алчности билось в клетках заплывших жиром глазниц.

— Разумеется, — успокоил подполковник, — ваш карман не будет забыт. Никто не забыт и ничто не забыто. А теперь о деле. Оно о вымогательстве, основным обвиняемым по которому проходит некто Кротков...

Сафронов уныло кивнул.

— И ваша задача убедительно доказать (или доказательно убедить), что Кротков честный, законопослушный гражданин, — закончил Бойко. Но Сафронов явно не проявил энтузиазма, и подполковник был вынужден несколько смягчить свои требования. — Ну, или в крайнем случае, что в его действиях не имеется состава преступления.

Сафронов тут же согласно понимающе замотал головой, а потом слегка, как робкий школьник на уроке у строгой учительницы, поднял руку:

— Я тоже хотел вас попросить. Может быть... поскольку сотрудничаем, вы замолвите наверху пару слов на наш счет, я имею в виду следственный отдел? Знаете, как у нас, всего не хватает, некомплект... недобор...

«Вот босяк», — восхищенно подумал Бойко, но оставил эту просьбу без ответа:

— План мероприятий и свои соображения по

поводу перспективы этого дела представите мне завтра же.

Сафронов немедленно встал.

— И не разочаровывайте меня, — на прощание попросил Бойко, и прозвучало это довольно угрожающе.

ТУРЕЦКИЙ

21 февраля, утро

Ну, Грязнов, ну и жук, ну и автолюбитель. Ну выдал...

Пялиться в окно можно было до бесконечности. Тем более что времени до встречи с Лозинским оставалось еще предостаточно. В телефонном разговоре банкир уговорил его встретиться в бассейне ЦСКА в 14.30, мотивируя это постоянным ощущением слежки за собой. И он очень не хотел бы «дезаурировать свои отношения с Генеральной прокуратурой».

— Какие отношения, — удивился Турецкий. — Вы обвиняетесь в преступлении, а я веду следствие по этому делу.

— Вот это я и не хотел бы афишировать, с вашего великодушного разрешения, конечно.

— Так, может быть, и телефон ваш прослушивают? — невинно поинтересовался Турецкий.

— Надо полагать. — Банкир не понял юмора и дал отбой.

Турецкий вздохнул, положил перед собой чистый лист бумаги, свинтил колпачок ручки с вечным пером и тщательно вывел:

«Пути устранения зависти — повышение самооценки...»

После этого он провел вертикальную линию, такую ровную, что даже удивился и невольно залюбовался ею, но вовремя сообразил, что специально, хотя и подсознательно отвлекается на всякую ерунду. Но ведь лучший способ сосредоточения в таких случаях — отвлечься на полную катушку, вкусить искушение до конца. Сделать вид, что так и было задумано. Тогда «ерунда» перестанет быть привлекательной. Господи, что за чушь...

Турецкий написал на левой стороне листа пять своих недостатков.

Теперь нужно было переформулировать их так, чтобы они выглядели привлекательно. Он подумал и напротив «Я нерешителен» написал: «Я осторожен». Напротив «Авантюристичен» нацарапал: «Склонен к неожиданным для противника решениям»... Турецкий грустно размышлял о том, какова степень случайности в факте выигрыша автомобиля «БМВ» через два дня после приобретения лотерейного билета. Слава утверждал, что получил лотерею на сдачу в оружейном магазине на улице Бориса Галушкина, том самом магазине, где, между прочим, продавался и нож, близнец которого они обнаружили в сейфе Турецкого. Вероятно, это была наглая демонстрация силы. Смотрите, дескать, мы вас подмазываем новенькой машиной, а чтобы вы не сомневались в неслучайности этого замечательного факта, демонстрируем ножичек из того же источника. Пистолет — проблема его собственная, «БМВ» — проблема ли? — Грязнова, нож — вообще не пришей рукав. Их дружная ментовская компания оказалась повязана. Но удивительное дело — повязана так, что это было известно только им самим,

словно загадочный недоброжелатель предупреждал: ребята, вот видите, как я с вами аккуратно и деликатно, лучше не зарывайтесь и отойдите с дороги, а то переседу. Все это напоминает массивованную арт-подготовку. Пожалуй, времени играть в слова больше не осталось, нужно немедленно изобрести какую-то тактику, вынуждающую загадочного противника наконец обнаружить себя...

Это меланхолическо-созерцательное настроение разрушил звонок Грязнова, который предложил встретиться, не откладывая в долгий ящик, и посулил с этой целью прислать за Турецким машину:

— Ты знаешь «Мирамар», мексиканский бар на Чистых прудах?

— Это напротив аптеки, кажется? — проявил Турецкий недюжинную эрудицию.

— Да, только не перепутай, ресторан слева, бар — справа.

В ожидании приятеля Грязнов коротал время хорошим бокалом «Туборга» и беседой со знакомой молоденькой барменшей.

— Ты меня заразил, — коротко проинформировал он Турецкого, едва тот вошел внутрь.

Барменша игриво поинтересовалась:

— Чем это он мог вас заразить, кроме насморка, Вячеслав Иванович? Или, может, вы оба сменили ориентацию? — Грязнов отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

— Я получил отбой от дела банкира-космонавта.

— И очень хорошо, — вздохнул Турецкий. — Тебе же оно не нравилось.

— Не было еще такого дела, которое бы мне понравилось. Но я там успел кое за что зацепиться.

— Знакомая ситуация, — усмехнулся Турецкий.

— Саня, ты пойми, вся эта лажа, весь это псев-

докомпромат на нас с тобой не от фонаря же взялся — пистолеты, ножи, машины...

— Наверное, кто-то ждал, пока мы дойдем до определенной черты в своих расследованиях, он просто позволил нам это сделать, а потом вывалит нам на головы всю эту дрянь. И что нам с ней делать?

— Я оставляю себе машину, а ты — нож и пистолет, — великодушно распорядился Грязнов.

— Это совсем разные вещи. Твоя машина — возможно, взятка, а пистолет — и так мой.

— Это тоже может быть взяткой. Взятка всего лишь вид шантажа. Но этот «кто-то», как ты говоришь, даже не подозревает, что новая машина на самом деле — компенсация за мою «Ниву».

— Какой результат дал допрос служащих ресторана?

— А такой, что посреди разговора с менеджером позвонил мой замминистра и потребовал «немедленно прекратить работать на Лозинского».

— Что значит — на Лозинского? — не понял Саша. — Ведь МУР занимается только установлением и розыском убийц.

— Вот именно! Это я его дословно процитировал. Они там наверху все с ума посходили, считают, что работать можно только на кого-то и против. А вот если просто по факту преступления, то это уже здорово подозрительно. Ну и конечно, исключительно из чувства противоречия и глубокой привязанности лично к замминистру я вдруг подумал, что Лозинский, в сущности, неплохой мужик...

— Опять же волка прикончил, — ввернул Турецкий, приканчивая свой «Туборг».

— Вот именно. И почему бы мне не помочь ему теперь разобраться с тещей и ее барахлом?! Как

частное лицо имею право. Я Лозинскому уже подсказал нанять моего племянника. Не переживай, это было до того, как тебе передали это дело.

— Ты шутишь. При чем тут Денис?!

— Лозинский считает, что за ним следят. Есть прямой резон выяснить, кто это делает. А Денис заодно поможет собрать информацию и о самом Лозинском. Фактически можно считать, что банкир нанял его следить за ним самим. Как же иначе обнаружить хвост?!

— Допустим. А что за барахло-то у его тещи, из-за чего весь сыр-бор?

— А ты сам не хочешь узнать? Все равно же съездишь к нему, пообщаешься.

— Это называется принцип Тома Сойера, ты знаешь об этом? «Повышение значимости собственного дела». Помнишь, его заставили красить забор, а он умудрился увлечь этим всех своих приятелей, да так, что они ему за это еще и платили.

— Ну, — смущенно признался Слава. — Я ведь от тебя ничего за это не требую.

«Господину Лозинскому,
на околоземную орбиту

Многоуважаемый г-н Лозинский!

Спешу принести Вам свои самые искренние соболезнования в связи с безвременной кончиной Вашей тещи. Она была человеком удивительным, Вы-то это знали хорошо, как никто иной, всецело полагаясь на щепетильность и порядочность матери Вашей юной супруги, когда щедро отписали ей некоторую часть своего недвижимого имущества. Но вот ведь незадача, некоторая часть ее биографии оказалась спрятана от Вашего пронизательного ока.

Любопытный нюанс заключается в том, что помимо любящей дочери у В. И. Ширинбаевой есть еще один прямой наследник, ее старший сын, не спешащий предъявить свои права исключительно по причине врожденной болезни, а также из безусловной сердечной деликатности.

Со всегалактическим приветом,

Ваш преданный поклонник».

Турецкий перечитал дважды письмо, полученное банкиром сегодня утром, но это не помогло. Они сидели в раздевалке бассейна ЦСКА. Лозинский, продемонстрировав письмо, отплавав предварительно свои пять километров, ушел в душ и вернулся лишь спустя четверть часа, когда у Турецкого иссяк запас терпения. Несмотря на изощренные водные процедуры, банкир был довольно бледен и, растираясь огромным махровым полотенцем, судорожно пытался восстановить нормальное кровообращение.

У Валерии Ильиничны Ширинбаевой, кроме дочери (жены банкира Лозинского), был еще один ребенок, первенец Владлен, страдавший болезнью Дауна. Юная Ширинбаева возилась с ним полгода, после чего не выдержала и сдала в соответствующее лечебное заведение. Уникальный случай: через десять месяцев у мальчика стали пропадать симптомы ужасной болезни, но, к ужасу воспрянувшей было духом родительницы, еще через полгода амбулаторного наблюдения болезнь разгорелась снова и приняла клинический характер.

Ничего удивительного, что В. И. Ширинбаева скрыла от дочки существование старшего брата и постепенно перестала навещать его сама. И уж тем более ничего не подозревал хитрющий Виктор Эм-

мануилович Лозинский, переписывая на тещу некоторое свое имущество, какую яму себе роет.

Но вот ведь загадка: кто же таинственный покровитель двадцатитрехлетнего дауна Владлена Ширинбаева, благодетельствовавший своей опекой? Покровитель, владеющий информацией о недвижимости Лозинского—Ширинбаевой. Покровитель, сумевший оформить свое опекунство еще при живой матери, не лишенной, кстати, родительских прав.

Турецкий немедленно обратился по этому вопросу к Аснису, начальнику гражданско-судебного отдела Генпрокуратуры. Тот думал недолго и дал неутешительный ответ:

— Александр Борисович, это довольно скользкий юридический момент. Впрочем, как и любые имущественные склоки. Но, в общем, кратко можно резюмировать так: постороннее лицо может получить право опеки при наличии матери несовершеннолетнего (или в данном случае недееспособного и неменяемого инвалида), даже и не лишенной родительских прав, если она не содержит своего ребенка. Так что с точки зрения права все чисто. Не слишком мудрено?

— Гм...

Замысловатая цепочка выстроилась следующим образом. Барахло Лозинского последовательно переходило к его теще, затем к ее ребенку, но по дороге задерживалось у опекуна последнего. Итак: Лозинский — Ширинбаева-теща — Ширинбаев-сын — опекун Х.

Ну конечно, Ширинбасву не лишали прав, чтобы после ее смерти соответственно не лишиться наследства от нее.

Только теперь Турецкий сообразил, во что вля-

пался и с чем именно придется столкнуться его следствию, — необходимо было обыскать все психушки города: двенадцать психиатрических и две психоневрологические. Из них четыре отпадали сразу, поскольку находились откровенно за городом — № 2 им. Кебрикова (жаль, что не Чебрикова), № 5 в Чеховском районе, 22-я в Химках и в Люблино. Дальше существенный момент — прямой наследник покойной В. И. Ширинбаевой должен быть непременно старше жены Лозинского, значит, тем более он — совершеннолетний. Несмотря на своего опскуна (если таковой действительно существует), он должен лежать уже во взрослой клинике, то есть можно смело вычесть три детские больницы — № 6 — это та, что в Донском проезде, — № 18 и № 32. А заодно и № 8 — специализированную клинику невротозов им. Соловьева, — там молодому дауну делать нечего. И в областной его тоже нет — там держат народ со всей России, только не из Москвы. Остается восемь психушек, каждая из которых дорого стоит. Пытаться официальным путем, размахивая корочкой Генпрокуратуры, выяснить, в какой именно находится Ширинбаев, бесполезно. В лучшем случае можно найти его однофамильца, вероятность чего в отечественных психушках, кстати сказать, всегда достаточно велика. Уж больно много там народу.

Турецкому приходилось и прежде посещать подобные богоугодные заведения, но объезд трех больниц за день (четыре других он повесил на оперативников Грязнова) дался непросто.

...Психиатрическая больница имени Гиляровского (так сказать, «Москва и москвичи»), дислоцировавшаяся на улице Матросская тишина, 20, превзошла все ожидания. Контраст отдельных помеще-

ний для содержания различных контингентов больных был невероятным. От фактически лагерных барачков до индивидуальных роскошных апартаментов.

После двух предыдущих психушек надежд на легальный способ добычи информации уже не было никаких, и Турецкий для разнообразия представился агентом страховой компании заместителю главврача клиники по кадрам и хозяйчасти — матерый рыжий дядька лет пятидесяти стремительно поглощал обед, судя по всему, из «Макдональдса» возле метро «Сокольники». Типичный отставник или бывший вохровец чувствовал себя в этой должности на месте и напоминал сонного буль-терьера. С таким субчиком главное было выбрать нужную тактику.

— Видите ли, возникла незаурядная ситуация. Умерла мать моего клиента, и, по условиям контракта, наша компания обязана выплатить соответствующие компенсационные суммы, — Турецкий внутренне содрогнулся, — всем инстанциям, последовательно содержавшим моего клиента.

— Ничего не понимаю, — сознался «буль-терьер», проглатывая остатки гамбургера. — Вы говорите о деньгах? Разве мы кому-то что-то должны?!

— Напротив, это ваша больница получит некоторую сумму...

— О... И что для этого нужно?

— Соответствующие документы моего клиента: история болезни и прочее.

«Буль-терьер» завелся с полуоборота и умчался искать бумаги.

Турецкий вспомнил один из знаменитых законов Мерфи: искомый объект всегда лежит в стопке последним. И почему он спланировал свои поиски

так, что эта больница оказалась последней? Почему не поставил ее в начало списка? Хотя нет, он вспомнил, что в приложении к закону говорится: невозможно ускорить поиски путем переворачивания стопки, поскольку искомый объект при любых условиях лежит последним.

Через двадцать шесть минут ожесточенных поисков выяснилось, что больной В. К. Ширинбаев, находившийся в стационаре клиники им. Гиляровского на протяжении последних пяти лет (то есть с момента достижения совершеннолетия), с ведома и по настоянию своего опекуна две недели назад был перевезен в частную клинику с соблюдением всех необходимых требований.

Турецкий рассчитывал в первую очередь раздобыть копию свидетельства об установлении опеки, — в историю болезни многолетнего стационарного больного психушки неминуемо подшивают все относящиеся к нему бумаги, — но здесь его постигла неудача. «Буль-терьер» сам был шокирован, если такое слово к нему подходило: история болезни мистическим образом исчезла.

— А можно найти его лечащего врача или хотя бы персонал, который присутствовал, когда забирали Ширинбаева? — Турецкий уже начинал терять терпение. — Мне необходимо знать, где находится мой клиент и непременно переговорить с его опекуном. Боюсь, — он внутренне ухмыльнулся, — без этого мы не сможем организовать решение всех финансовых вопросов. Утром, знаете ли, стулья, вечером — деньги.

«Буль-терьер» занервничал и обещал всенепременно разобраться с загадочным исчезновением больного и сразу же связаться со страховым агентом, как, кстати, его фамилия?

— Персидский Борис Александрович, — глазом не моргнув представился Турецкий и оставил свой домашний телефон.

— Какое совпадение, — искренне обрадовался «буль-терьер», — у меня кот такой же.

Выходя из административного корпуса, он обратил внимание на знакомую как будто высокую фигуру мужчины в пальто, выходящего из черной служебной «Волги». Ба, да это же Уткин, сам председатель Верховного суда! А что это он тут делает, интересно? Впрочем, мало ли у людей проблем со своим здоровьем. И со здоровьем родственников. И родственников родственников.

Близко знакомы они никогда не были, так, сталкивались пару раз на межведомственных заседаниях. Уткин скользнул взглядом по Турецкому и рассеянно кивнул.

Часть вторая

ЖЕНСКАЯ УЧАСТЬ

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТУРЕЦКАЯ

22 февраля, утро

Мы едем на метро, и мама на меня сердится. А зачем сердиться, я никому ничего не скажу. У меня теперь женская солидарность началась. Мне ведь уже пять лет. А солидарность — это когда люди все вместе против кого-то дружат. Раньше я этого не знала, а однажды папа хотел повести нас с мамой в цирк, а мы в один голос начали кричать, что в цирк не хотим, а хотим в зоопарк. И тогда он сказал, что у нас женская солидарность.

Я все уже давно поняла. Что с мамой что-то неправильное случилось. Папа не замечал, а я заметила. Раньше мама никогда дома на пианино не играла, только если праздник или когда я просила спеть мне песенку, а теперь каждый вечер садится и играет что-то грустное, а глаза у нее добрые, феевские (в мультике про Золушку у феи были такие же).

А когда я прошу поиграть со мной, как будто не слышит и говорит все время что-то невпопад.

А вчера мама принесла цветы и поставила их в спальне. А раньше всегда на стол ставила. А когда папа спросил, кто ей их подарил, сказала, что мальчик один, которого она музыке учит, только я думаю, что это не мальчик, а кто-то другой.

Я очень люблю смотреть по телевизору всякие сериалы и вообще кино про любовь. Там так красиво целуются, а потом смотрят друг на друга, как будто им кого-то жалко. Это потому, что у них любовь.

У нас в детском садике уже четыре любви, и у меня тоже любовь, то есть не у меня. Один мальчик, Артемка, он меня любит. Когда я куклу в грязь уронила, он ее своей варежкой вытер, и еще он говорит, что я красивая. А я еще не знаю, люблю его или нет. Потому что он глупый и не знает, откуда он взялся на самом деле. Он говорит, что его сделали в космосе на космической фабрике из космических деталей и всех людей вообще из космоса привозят. А потом они попадают в роддомы, и там родители их покупают. А это все неправда.

Сегодня я была у бабушки, то есть у папиной мамы, сидела на подоконнике и смотрела на улицу, когда мама придет. А бабушка уговаривала меня есть манную кашу, чтобы узнать, что нарисовано на дне тарелки, только я и так знала. Когда бабушка отвернулась, чтобы кашу наливать, я подсмотрела, там заяц синий и морковка у него желтая, а каша противная и скользкая. А потом я убежала от каши на подоконник и увидела, как машина приехала и какой-то дядька вышел, а потом мама вышла, и дядька ей поцеловал руку. А она посмотрела вверх

и увидела меня в окне, и дядька тоже посмотрел, а потом уехал.

— Бабуля, а когда руку целуют, это что?

— Да кто ж теперь, деточка, руки целует? Это раньше было. Когда мужчина за девушкой ухаживал, он ей руки целовал и цветы дарил.

— А если не раньше, а сейчас?

— Значит, человек хороший, культурный и, значит, женщина ему нравится.

Значит, папа, наверное, нехороший и некультурный, раз он маме руку не целует все время, вот мама и нашла себе хорошего.

— Бабуля, а это любовь, да?

— Может, и любовь, а ты почему спрашиваешь? А тут как раз зашла мама, и мы поехали домой на метро. И я сказала маме:

— Я про твою любовь теперь знаю.

А она рассердилась и говорит:

— Что ты выдумываешь? Какая любовь?

А сама покраснела и отвернулась. Наверное, испугалась, что я папе скажу и он ее заругает. А я не скажу, потому что я на него обиделась.

Я уже умею читать, и вчера читала сказку про царя Салтана, мама говорит, что это сложная сказка, но я уже большая и все понимаю. Например, Салтан был на самом деле турецкий султан и, когда приехал к нам в Россию жену искать, просто назвался Салтаном, чтобы не думали, что он иностранный шпион. И еще я много другого разного понимаю. Но там было написано, что царица молодая, дела вдаль не отлагая, в тот же вечер понесла... А потом у нее ребеночек родился. Мне бабушка говорила, что дети от любви бывают и когда Бог даст, а оказывается, еще что-то куда-то нести нужно. Интерес-

но, что и куда? И тогда я у папы спросила, а он засмеялся и говорит:

— Подрастешь, поймешь.

Я уже почти взрослая, а он со мной как с младенчиком. И тут я на него обиделась и теперь с ним дружить не буду. Если бы мой папа был Пушкин, а не Турецкий, он бы мне все объяснил и сказки бы каждый вечер рассказывал. А мой папа умеет только бандитов ловить. Где же он был, когда Пушкина на дуэли убивали?

И это хорошо, что у мамы любовь. Пусть она теперь это что-то, про что мне папа не стал говорить, отнесет, и тогда у меня будет братик или сестричка. А у мамы будет два мужа, один родной, а другой двоюродный.

Ой, какой грустный дядя стоит в переходе на кольцевую станцию! То есть он не стоит, потому что у него стоять не на чем. Он на такой маленькой подставочке на колесиках сидит. А мама по дороге ему денежку в шапку положила. Вот.

БОМЖ

Январь—февраль

Безногий Кирилл Ковалевский, за глаза прозванный Чечен, конечности потерял не на той войне (в Чечне отделался контузией), отморозил их по пьянке: шел, упал, очнулся: вместо гипса — гангрена. Родственников не было, приятели по обществу и коллеги (он работал слесарем на авторемзаводе) собрали денег, сколько смогли, а смогли не много, через Фонд ветеранов как бы договорились о льготном, внеочередном протезировании, и Кова-

левский из своего Владимира отправился в Москву. Очередь за протезами оказалась умопомрачительной, а реализация льгот подразумевала, как водится, обивание порогов со своей очередью перед каждым. Тут требовалось минимум две пары ног и три глотки. Давить на сочувствие бессмысленно: кругом инвалиды, кругом ветераны.

Кирилл начал понемногу втягиваться в жутковатый быт протезной очереди, устроился жить за скромную плату в прачечной при травматологии, на пропитание в больничной столовой зарабатывал, пересчитывая и складывая белье. Во время очередной «переклички» столкнулся с вербовщиком, предлагавшим инвалидам работу на протезном заводе, условия выгодные: зарплата двести пятьдесят долларов в месяц, место в заводском общежитии и питание за счет завода. Ковалевский согласился не раздумывая, нашелся и еще один желающий без ноги, с изуродованным лицом, лет тридцати, хотя точно определить возраст его было затруднительно.

Приехали на квартиру вербовщика, неподалеку от завода, он взял документы и отправился трудоустраивать новобранцев. Через некоторое время вернулся с новостью:

— Производство частично сворачивается, неплатежи, предприятие на грани банкротства, новых сотрудников временно не принимают. Но есть возможность хорошо заработать, собирая милостыню в переходе или в метро. — И доброхот взялся расписывать преимущества профессии нищего: деньги приносите домой, а в конце месяца получаете все те же двести пятьдесят баксов, за полгода сможете одеться-обуться, поднакопить деньжат. Жить будете здесь, бесплатно, кушать тоже. У меня кроме вас

двоих живет еще четверо, никто не жалуется, все довольны.

— Гони документы назад, гнида, и вези туда, откуда забрал! — сказал напарник Ковалевского. — И не вздумай финтить: только свистну своим хлопцам — они в момент тебя на перо посадят. — Со щекастого лица хозяина квартиры слезла, казалось, намертво приклеенная елейная улыбка.

— На понт берешь, фраер дешевый? — Он пнул одноногого в грудь и повалил на пол. В это время в квартиру вошел бритоголовый амбал и принял и в без того неравной схватке сторону здоровых и богатых. Вместе с хозяином квартиры они методично отделали безногого, пока тот не перестал шевелиться, Кириллу тоже досталось по первое число.

Вечером он заключил договор на два месяца, получил от жены хозяина сто граммов, пару сосисок с чаем и завалился спать на полу на драном матрасе, в компании еще четырех вернувшихся с промысла безногих. С утра его заставили облачиться в камуфляж с чужого плеча и вывезли к станции метро «Пушкинская», вручив табличку: «Помогите собрать деньги на протез». Один из коллег располагался невдалеке, на противоположной стороне Тверской. Подавали невероятно щедро, за день Кирилл собрал, по его подсчетам, около сотни долларов — почти половину своего месячного заработка. Жена хозяина крутилась все время рядом и каждый час забирала выручку. В девять вечера Ковалевского привезли домой вместе с остальными, не хватало только вчерашнего знакомого.

Он проработал полтора месяца и кассу теперь, как пользующийся доверием, сдавал дважды в день. Однажды хотел обратиться за помощью к милиционеру, но вовремя засек, как тот разговаривает с

«хозяином». В тот же день Кириллу повезло еще раз: мимо проходил пацан с батончиком «Баунти», играя складным ножом на кнопке. Кирилла осенило, он тут же сторговал у малолетки то и другое и тщательно спрятал оружие в шоколадный батончик.

Назавтра к нему явился за выручкой левый «инкассатор», имевший все шансы на победу во всероссийском конкурсе «Мистер наглая рожа», и безапелляционно заявил:

— С этого момента работаешь на меня, остальные — тоже, а вечером поговорим подробнее.

КРОТКОВ

15 февраля, утро

Ракитская беседовала с Кротковым в маленькой комнате с зарешеченным окном и бетонным полом. Из мебели был только стол и два табурета, с потолка на длинном витом проводе свисала тусклая лампочка без абажура. Кротков нервно курил. Мятый костюм, несвежая рубашка и многодневная щетина — признак нового социального статуса. В нем мало что осталось от самоуверенного щеголя, каким помнила его Ракитская по редким встречам у Сенатора. Только взгляд остался таким же наглым и твердым.

— Какого черта вы там копаетесь? — Кротков был зол.

— Меру пресечения пока изменить не удалось, — объяснила Ракитская. — Но Сенатор уже обо всем позаботился. Скоро мы тебя вытащим.

— Как скоро? Я тут уже пятые сутки гнию. — Его передернуло от мысли, что снова придется воз-

вращаться в опротивевшую, исхоженную вдоль и поперек вонючую камеру.

— Придется потерпеть.

— Сколько?

— Не больше недели, — уверенно заявила Ракитская. — Пока ты держался отлично. Продолжай все отрицать. Ничего неопровержимого на тебя нет, а значит, и волноваться не стоит. Ребята твои тоже не идиоты, и все молчат.

— Надоело: грязь, вонь. Слушай, давай, а... — Он плотоядно посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Ракитская.

Кротков сел на стол и принялся расстегивать ее кофточку.

— Василий, ты что? Прекрати немедленно. — Раньше между ними никогда ничего эдакого не было и даже не намечалось.

— Мне сейчас так нужно встряхнуться, хоть ненадолго забыть об этой помойке, почувствовать себя человеком. Мне нужно снять стресс. — Он стащил пиджак, подошел к ней вплотную, заставил встать и, отшвырнув ногой стул, прижал к влажной холодной стене.

— Ну, давай же. — Он заводился все сильнее. Его горячая рука уже была на ее спине и сражалась с хитроумной застежкой бюстгалтера, вторую руку он положил ей на затылок и, запрокинув ее голову, принялся покрывать лицо сухими поцелуями.

Ракитская от неожиданности не сразу нашла в себе силы для сопротивления. Она, конечно, не причисляла себя к пуританам, и секс вне постели не был для нее в новинку, но и к любителям особо острых ощущений она себя тоже не относила. А он

уже самозабвенно мял ее грудь и расстегивал «молнию» на юбке.

— Там же охранник за дверью. — Ракитская уперлась руками ему в грудь и попыталась отстраниться.

— Ну и Бог с ним, дашь на лапу — он тебе еще и свечку держать будет. — Кротков продолжал раздевать ее, не обращая внимания на сопротивление. Ракитская молча боролась, стараясь вывернуться из его цепких объятий.

— А хочешь, мы и его позовем. Втроем веселее. — Он вдруг отскочил к двери и принялся барабанить в нее кулаками.

Охранник осторожно приоткрыл дверь, держа руку на расстегнутой кобуре. Ракитская едва успела запахнуть блузку и поправить юбку, помада на губах размазалась, но это вряд ли было заметно в плохо освещенной комнате.

— Эй, шеф, мы тут решили открыть клуб нудистов и любителей группового секса, присоединяйся, — сообщил Кротков, нарочито медленно расстегивая рубашку.

Пожилой конвоир вопросительно посмотрел на Ракитскую. На его невозмутимом лице не дрогнул ни один мускул. За долгие годы работы в СИЗО он еще и не такое видел: и вешались, и вены ложкой вскрывали, и головы о бетон разбивали, один раз какой-то тип умудрился висок проломить об угол стола, так и не отходили, а уж сколько всяких психов или тех, кто косил под невменяемых ему попадалось, давно уже счет потерял.

— Все в порядке. Мы уже заканчиваем, — произнесла Ракитская, стараясь придать своему лицу невозмутимо-официальное выражение.

Охранник, пожав плечами, вышел.

— Не хочешь, значит, брезгуешь? — ехидно спросил Кротков и, оседлав стул, принялся щелкать ее же зажигалкой, не глядя в сторону адвокатессы.

— Ты меня не понял. — Ракитская наконец привела себя в порядок и направилась к выходу. — Во-первых: сейчас не время и здесь не место для подобных мероприятий. А во-вторых: мне не нужны дополнительные стимулы, чтобы вытащить тебя отсюда как можно скорее, вполне хватает того, что мне за это платят. И наконец, в-третьих: если, оказавшись за этими стенами, ты по-прежнему сохранишь желание заняться со мною любовью, мы это обсудим.

ТУРЕЦКИЙ

22 февраля, утро

— Борис Александрович? Персидский?

Бр-р-р! Турецкий помотал головой, отгоняя дурацкий сон, но обнаружил у себя под ухом телефонную трубку и вовремя сообразил — это звонил «буль-терьер» из психбольницы Гиляровского.

— Тут пришло странное письмо, и я решил, что, кроме вас, оно вряд ли кому понадобится.

Спустя пятьдесят минут Турецкий надорвал конверт, надписанный следующим образом: Лозинскому, разыскивающему Ширинбаева.

— Так вы говорили о компенсационных суммах, — пробормотал «буль-терьер».

Турецкий с удовольствием дал ему телефон Лозинского:

— Сошлитесь на меня. Там непременно решат вашу проблему.

В конверте лежал стандартный лист, на котором на пишущей машинке была выведена единственная фраза: «Стремительные абцессивно-фобические расстройства...» Дальше, написанная шариковой ручкой, значилась дата «06.02.199...» (свидетельствующая о том, надо полагать, как сказал бы Лозинский, что две недели тому назад Ширинбаева забрали из психушки) и весьма затейливая подпись, не дающая, впрочем, ни малейших намеков на то, как полноценно выглядит фамилия опекуна.

Не откладывая в долгий ящик, Турецкий позволил давнему приятелю Леве Борисову (лучшему, по его мнению, столичному психиатру) и, не дав Левке времени для дежурного ворчанья, залпом прочитал с бумажки:

— «Стремительные абцессивно-фобические расстройства...» Это что будет, Лев?

Профессор даже поперхнулся и лишь секунд через пятнадцать произнес:

— Это полный абзац, Александр Борисович. И попрошу вас ко мне в клинику с таким диагнозом никого не привозить!

А через два с половиной часа судебно-почерковедческая экспертиза подтвердила и без того справедливое подозрение, что письмо, полученное Лозинским, и подпись, которую сумел раздобыть Турецкий, выполнены одним и тем же лицом:

— Совпадает характерный наклон заглавных букв, овальные элементы букв, расстояния после знаков препинания, соединительные контуры гласных и безотрывное написание согласных...

— Все понятно, — остановил Турецкий, опасаясь, что про четыре буквы, составляющие загадочную подпись, ему теперь будут рассказывать четыре часа.

Таинственный опекун действовал довольно демонстративно: прислал Лозинскому специальное письмо, не совсем, правда, ясное, но свидетельствующее о том, что ему, Лозинскому, как, очевидно, и Ширинбаеву, скоро придет капут. По мнению опекуна.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОСЕТРОВ

15 февраля, утро

Беседа с Бойко настолько вывела Сафронова из равновесия, что пришлось вновь прибегнуть к спасительной «Посольской».

— Разрешите? — В кабинет заглянул Осетров.

Сафронов поманил его рукой и, когда дверь кабинета закрылась, начал без предисловий:

— Слушай меня внимательно. Ветер переменился. Дело Кроткова работаем наоборот. Он хороший, мы, то есть не мы, конечно, а коллеги из РУОПа — плохие.

— ?! — Осетров был поражен. Первый случай за много лет, когда Сафронов меняет решение, настоящее на доброй порции «Посольской». Обычно в такие моменты его интуиция брала верх над любыми объективными доводами, и он очень четко предугадывал, какое дело надо раскручивать на полную катушку, а какое придержать и поволынить.

— Предприятие коммерческое? — поинтересовался Осетров. Ему не раз приходилось ассистировать Сафронову в подобных делах, и он уже тоже вошел во вкус.

— Хуже, — хмыкнул Сафронов.

— Не понял...

— А тебе и не надо ничего понимать, — сорвался начальник следственного отдела, — ты свой процент и так получишь. И еще: дело срочное, давай по-быстрому оформляй и гони этого Кроткова отсюда в три шеи.

— Так сразу не получится, — замялся Осетров, — доказательства же...

— А я разве говорил, что надо сразу? Тут нужно подумать. Что можно предложить для начала?

Осетров усердно наморщил лоб, стимулируя мозговую активность. Сафронов только махнул рукой:

— Ты, Осетр, безнадежный тугодум. Долго будешь соображать и все равно ничего путного у тебя не получится...

Подчиненный не обиделся, зная по опыту, что инициатива наказуема.

— Может быть, у вас есть какой-нибудь конкретный план? — с готовностью откликнулся он.

Сафронов самодовольно улыбнулся:

— Есть, только не план, а вполне резонное соображение, — подняв кверху указательный палец, произнес он менторским тоном. — Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Соображаешь?

— Не совсем... — Осетров сконфуженно пожал плечами.

— Не будем пороть горячку. Вызови Кроткова на допрос и осторожно выясни, как он сам оценивает ситуацию, есть ли у него чем крыть материалы обвинения. Помни главное: нам необходимо не просто добиться изменения меры пресечения, от нас требуют прекращения дела — его нужно выпускать совсем. А значит, если тебе еще не надоело здесь работать, все должно выглядеть очень убедительно. Ким, Ен, Пак съели всех собак. Ауфидерзейн.

15 февраля, утро

— Разрешите курить? — небрежно поинтересовался Кротков, рискованно развалясь на шатком стуле.

— Пожалуйста, пожалуйста. — Осетров заботливо придвинул обвиняемому пепельницу.

Вызывая его на допрос, Осетров поставил себе задачу-минимум: грамотно составить протокол, из которого бы явствовало, что обвиняемый опровергает обвинение по всем пунктам и при этом не просто отпирается, уходя в глухую несознанку, а приводит убедительные аргументы, которые нуждаются в тщательной проверке. И задачу-максимум: кроме всего вышеперечисленного добиться от него содействия, чтобы самому не ломать голову, пусть этот козел подскажет, как его вытащить, назовет лжесвидетелей, которые подтвердят его непричастность, или подскажет, как убедить Масленникову просто забрать свое заявление и отказаться от первоначальных показаний.

— В каких отношениях вы состоите с гражданкой Масленниковой? — осторожно начал Осетров.

— Мы с ней едва знакомы, — вздохнул Кротков. По началу разговора он предположил, что никто его здесь топтать сапогами не будет, скорее наоборот. И вел себя, как и подобает несправедливо преследуемому, безвинно страдающему человеку, уставшему бороться с системой.

— А с Назаровым?

— С ее сожителем? — переспросил арестованный. — Между нами вообще нет никаких отношений. Я видел его всего пару раз, если, конечно, не считать того, что его физиономия довольно часто мелькает на экране.

— На какой почве возник конфликт между вами и гражданкой Масленниковой?

— Я уже сто раз объяснял, она брала кредит и не вернула в положенный срок. — Кроткову действительно надоело талдычить одно и то же.

— И вы не оказывали на нее давления?

— Нет, конечно. — В искренности его возмущения постороннему сомневаться было трудно. Казалось, он сам верит в то, о чем говорит. — Все это просто какая-то чудовищная инсинуация.

— Может быть, вас связывало что-то еще, помимо кредита? — Осетров попытался направить Кроткова в нужное русло. — Что-то, что могло вызвать в Масленниковой зависть, ревность, обиду, желание отомстить, оклеветав вас?

Но Кротков не ухватился за предоставленную возможность. Он продолжал строить из себя человека чести:

— Нет. Я не хочу ее порочить. Очевидно, она попала в сложное финансовое положение и не смогла найти средств для погашения кредита. Только вместо того чтобы прийти ко мне и обсудить ситуацию, она инспирирует дело о вымогательстве, шантаже и еще бог знает о чем.

— Что вы можете сказать об аудиозаписи вашего разговора с Масленниковой?

Задавая этот вопрос, Осетров ступал на самый скользкий участок. Хорошо бы Кротков сумел что-нибудь придумать, потому что эта пленка единственное весомое доказательство того, в чем его обвиняют. Все остальное не составит труда вывернуть наизнанку.

— Какого разговора? В ресторане? — устало переспросил арестованный.

«Ни черта он не придумал». Осетров был крайне разочарован.

— Нет, у вас в офисе. Разговор, в котором вы подтверждаете, что Назаров является заложником, и требуете от Масленниковой делиться с вами частью прибыли от ее ресторана.

— ?! — О существовании этой пленки Кротков слышал впервые. Он прокрутил в голове их тогдашнюю беседу и понял, что здорово влип, если, конечно, эта пленка не фикция. В своем кабинете он не стеснялся и называл вещи своими именами.

Видя, что его подопечный не на шутку всполошился, Осетров поспешил его успокоить. Этого еще не хватало. Сейчас наложит в штаны, а потом возьмет и выдаст чистосердечное признание.

— Подлинность пленки, конечно, еще нужно доказать. Провести частотный анализ и сравнить голос на пленке с вашим...

— Разумеется, это подделка, — моментально овладев собой, тут же откликнулся Кротков.

— То есть вы отвергаете предъявленное вам обвинение и утверждаете, что вас оклеветали?

— Вне всякого сомнения.

— Прочитайте и распишитесь. — Разочарованный Осетров отпустил Кроткова. Увы, программа-максимум осталась невыполненной. А значит, чтобы вытащить этого урода, придется рвать собственную задницу.

БОМЖ

15 февраля

«Мистер наглая рожа» не был хамом-одиночкой. У каждого из сотни с лишним нищих инвалидов, принадлежащих Сенатору и промышляющих в

центре Москвы, состоялись в тот же день встречи с подобными личностями.

Кирилл заметил, что мент, иногда приглядывающий за ним, стоит рядом и демонстративно смотрит в сторону. Итак, власть действительно поменялась. Не успел «мистер наглая рожа» скрыться из виду, на горизонте показалась не подозревающая о происках конкурентов жена хозяина. Не вдаваясь в разговоры и не глядя на Кирилла, она поставила сумку рядом с ним, роясь для виду в кошельке.

— Вы уволены, мадам.

От неожиданности она выронила монету и тупо уставилась на него сверху вниз:

— Чего? Не поняла.

— Подыщи себе другую работу, дура! — крикнул он, чтобы привлечь внимание людей. — Можешь в дворники пойти: махать метлой много ума не надо. А лучше всего на свалку: собираешь всякую дрянь, отмываешь от дерьма, сортируешь и сдаешь.

— Я тебе дома дрочилки повыдергиваю — нечего протягивать будет, — цыкнула она и оглянулась. Несколько прохожих с интересом наблюдали за этой сценой. Воодушевленный вниманием публики и входя в раж от злости на супостатку, Кирилл закричал:

— А я тебе больше отстегивать не буду, сука! Граждане дорогие! Грабят нищего инвалида!

Появился милиционер и, взяв ее под руку, сказал, обращаясь скорее к зевакам, чем к задержанной:

— Пройдемте! — Жена хозяина, так ничего и не сообразив, спокойно проследовала за ним. Кирилл не слышал, о чем они говорят, но по выражению ее лица догадался: до бестолковой бабы начинает доходить: что-то стряслось. Перекупленный страж по-

рядка вызвал «луноход». Хозяйскую жену с привычной бесцеремонностью затрамбовали в него и увезли.

Кирилл успокоился, решил подождать минут десять, пока все утихнет, постовой отправится куда-нибудь по своим делам, и тогда «делать ноги». От мысли про ноги на него опять накатило бешенство, он нащупал в кармане «Марс» с начинкой и решил, что, если не сможет сегодня бежать, зарежет хозяина и его бабу, черт с ними, все равно пропадать.

Бежать Ковалевский не успел: появился сам хозяин, сильно перепуганный с виду, и отвез его домой. Вместе с бритоголовым, напуганным и разозленным не меньше хозяина, они стали по очереди допытываться у каждого во всех подробностях: как выглядел этот козел и что он сказал? Выяснилось: «козлы» были, по крайней мере, двух видов, ничего более существенного ни один из инвалидов вспомнить не смог или не захотел, хотя дознаватели домогались мельчайших подробностей и грозили смертными муками тому, кто что-нибудь утаит. Про инцидент с арестом хозяйской жены Кирилл, разумеется, промолчал.

Закончив допрос, амбал и хозяин закрылись в кухне для проведения военного совета, который, судя по доносившейся брани, проходил в неконструктивной обстановке. Не придя к единому мнению, они вышли на балкон с мобильным телефоном, общечеловеческого в квартире не было вовсе, но дозвониться до нужного абонента не смогли. Бритоголовый куда-то умчался.

Через десять минут после его ухода в квартиру вломилась «мистер наглая рожа» и двое сопровождающих. Первым делом они скрутили хозяина и, приставив ко лбу пистолет, поволокли на кухню,

служившую сегодня штабом. Что было дальше, Ковалевский не видел: калек загнал в комнату один из подручных «наглой рожи» и врубил принесенное радио на полную громкость, желая скрыть от недостойных ушей детали переговоров в верхах.

И в этот момент неожиданно вернулся бритоголовый, словно учуяв неладное. Он смог обмануть бдительность охранявшего входную дверь представителя «наглой рожи». Когда Кирилл выглянул из комнаты, жлоб, принесший радио, валялся на полу в коридоре, а бритоголовый с пистолетом в руке готовился к штурму кухни.

— Сколько их? — поинтересовался он, но ответа получить не успел: «наглая рожа» с оставшимся помощником провели внезапную огневую подготовку и перешли в наступление. Амбал не сделал ни единого выстрела, дважды раненный, вырубился от болевого шока. Пушки у братвы были с глушителями, и за криками радио соседи вполне могли не расслышать перестрелки, тем не менее «наглая рожа» решил эвакуировать раненых с поля боя — от греха подальше. В результате он остался в квартире один среди калек, не считая связанного и временно запертого в ванной хозяина. Кирилл достал нож из батончика «Баунти» и, сунув в карман, подкатил к новому боссу.

— Надо поговорить, — мотнул головой в сторону все той же кухни.

— Валяй. — Тот пропустил безногого вперед и отвернулся прикрыть дверь. Кирилл пырнул его в поясницу, затем, на всякий случай, нанес еще несколько ударов. «Наглая рожа» затих. Ковалевский почуял запах крови и слегка одурел, но удержался, чтобы не добивать поверженного, запас ненависти приберег для хозяина. Обезоружив лежащего и убе-

дившись, что он жив, но без сознания и в себя придет не скоро, Кирилл поскорей подкатил к ванной. Свет там не горел, Ковалевский от возбуждения начал метаться в поисках подходящего инструмента, наконец, сообразил: открутил ножку от табуретки и дотянулся до выключателя.

— Слышал про Женевскую конвенцию? — спросил он, задыхаясь, у хозяина. — Нам про нее замполит все уши прожужжал. Так вот: ты не попадаешь под ее действие. — Он отхватил ножичком у связанного левое ухо. — Это мне на память о тебе. — Бережно завернул свой трофей в туалетную бумагу и вновь обратился к позеленевшему работодателю, поигрывая ножом у него перед глазами. — Что у нас еще лишнего? А, знаю. — Одним махом Ковалевский попытался удалить своему недавнему мучителю гениталии, но это было не так просто и заняло некоторое время. — Вот не повезло, — выкрикнул он, корчась. — Придет твоя баба, глядь, а у мужа хрена нет! Да и на какой хрен ты ей теперь нужен? — Кирилл перерезал ему горло, удовлетворенно осмотрел результаты своих кровавых трудов, кое-как смыл их следы с камуфляжа и, напевая что-то невразумительное, выбрался на лестничную площадку.

ГРЯЗНОВ

15 февраля, день

На конспиративную квартиру Бойко на Юго-Западе Сафронов с Осетровым приехали на сафроновской синей «девятке» и молча поднялись на третий этаж ничем не примечательной хрущобы.

— Проходите. — Голос Бойко отразился от стен полупустой просторной прихожей и пробудил к жизни маленький электронный «жучок», аккуратно прикрепленный под воротником пиджака Сафронова, что оторвало от кофе с бутербродами двух лейтенантов, с комфортом расположившихся в неприметном, заляпанном грязью фургоне, припарковавшемся вслед за сафроновской «девяткой» прямо под окнами.

Если бы, конечно, Сафронов знал о чутком «клопе», он не преминул бы, идя сюда, надеть другой костюм или хотя бы оставить пиджак в прихожей, но он не знал...

А ларчик открывался предельно просто. Сегодня днем, как обычно, часов в двенадцать он заехал перекусить в «Русское бистро». Холодные булочки с кофе прямо в кабинете — удел большинства коллег — его не устраивали. Поест полковник любил, особенно «чего-нибудь диетического», и его вполне удовлетворял сытный горячий обед в русском стиле. В этой закускойной он был постоянным посетителем и заказывал всегда одно и то же. Поэтому один из служащих, завидев Сафронова, только кивнул издали и тут же отправился выполнять заказ. Расправившись с кулебякой, Сафронов прислушался к ощущениям в желудке, понял, что сыт, и, отодвинув тарелку, принялся за кофе. Но не успел он сделать глоток, как кто-то сзади изо всех сил хлопнул его по спине.

— Серега!

Этот кто-то оторвал его от стула, развернул в воздухе и, не переставая хлопать по спине, прижал к могучей груди. Наглый некто был намного выше Сафронова, и потому разглядеть его лицо Сафронов смог, только вырвавшись из стальных объятий.

Перед ним стоял и широко улыбался совершенно незнакомый мужик лет пятидесяти с простым открытым и совершенно незнакомым лицом.

— Я же Стас, ну? Помнишь меня? Ну же, Находка, мореходка... — воодушевленно вопил он.

Сафронов смотрел на незнакомца вытаращенными от удивления глазами. А тот не унимался:

— Ну, проснись, расскажи, зачем бороду сбрил.

Сафронов, наконец, овладел собой и сбросил руки Стаса со своих плеч:

— Вы ошибаетесь. Во-первых, я никогда не носил бороду и никогда не учился в мореходном училище, а во-вторых, меня зовут не Сергеем.

— Кончай ваньку валять, что я, кореша своего не узнаю? — Незнакомец все еще не осознал свою ошибку. — Давай лучше выпьем, двадцать лет не виделись.

Сафронову это надоело, и, чтобы закончить беспредметный спор, он продемонстрировал незнакомцу свое служебное удостоверение:

— Вот, полюбуйтесь, видите, вот моя фотография, убедились, а вот фамилия-имя-отчество...

Стас сконфуженно замолчал и только изумленно пожимал плечами и тряс головой.

— Слушай, ну вылитый Серега Переслегин, а? Это ж надо! А брата у тебя нет? То есть у вас... — пробормотал он, окончательно смутившись.

— И брата у меня нет. — Сафронов с сожалением посмотрел на остывший кофе.

— Вы уж извините, это ж надо так обознаться. — Он все еще не уходил, напротив, уселся за тот же столик и, склонив голову набок, в упор разглядывал Сафронова.

Сафронов встал и заказал еще чашку кофе.

— Нет уж, позвольте мне, — перебил его Стас. —

Четыре кофе! И по маленькой. Разрешите представиться: Стас Ершов, то есть Станислав Егорович. — И взял еще пару маленьких стограммовых бутылочек водки. — Ну, за встречу. — Он залихватски опрокинул емкость и, крикнув, расплылся в довольной улыбке.

— А вы, значит, моряк... — сказал Сафронов просто, чтобы что-то сказать. Он торопливыми глотками допивал кофе. Пора было возвращаться на работу.

— Нет, — засмеялся Стас, — был по молодости, бороздил моря-океаны, а теперь я иллюзионист.

— Кто? — чуть не поперхнулся Сафронов.

— Ну, фокусник. Смотрите. Але оп. — Стас извлек из нагрудного кармана пиджака Сафронова сложенную в трубочку стодолларовую купюру, которой там, разумеется, еще минуту назад не было. Развернул, помял в пальцах — хрустела как настоящая. — Але оп. — И купюра вспыхнула ярким пламенем.

— Вот незадача. — И Стас, пошарив за воротником Сафронова, материализовал крошечный, величиной с палец, огнетушитель и струей пены сбил пламя с уже почти совсем сгоревшей ассигнации.

— Здорово, — честно восхитился Сафронов. Он даже не заметил, как в момент, когда сотня вспыхнула, от волнения опрокинул свои сто граммов.

— Не буду вас задерживать. Извините, так неудобно получилось. Уж очень вы на Серегу похожи. До свидания. — Стас откланялся.

Сафронов вернулся на работу с пятнадцатиминутным опозданием и крошечным электронным «жучком», спрятанным под воротником пиджака.

...Двое в машине приникли к наушникам (одним из них был «иллюзионист Стас»), а катушки магни-

тофона медленно закрутились, фиксируя каждое слово, произносимое в квартире. Послышался шум отодвигаемой мебели, возмущенный скрип кресла, которое, очевидно, приняло на себя немалый вес Сафронова, шелест бумаги и, наконец, голос, видимо хозяина квартиры:

— Я весь внимание...

О том, кто же такой этот хозяин, двое в фургоне не имели ни малейшего представления. Они вели оперативную разработку Сафронова и его контактов, но в этой местности их подопечный появился впервые.

В наушниках звучали только три голоса: голос Сафронова, который оперативники знали как родной, ибо с момента внедрения «жучка» им пришлось полдня выслушивать всякую служебную тягомотину, не содержащую никакого криминала, а значит, не представлявшую для них интереса, второй — молодой, видимо принадлежавший его спутнику, и третий — голос хозяина. Через полтора часа эту запись слушал уже Грязнов.

— Вот протоколы, — произнес Сафронов, и минуты три в наушниках слышался только шелест переворачиваемых листов и чье-то хмыканье.

— Могли бы и зачитать, — возмутился один из оперативников.

— А ты, Стас, пойдя, свет во всем подъезде вырубь, — порекомендовал напарник. — Им придется своими словами пересказывать.

Наконец хмыканье прекратилось. Кто-то встал, потом что-то полилось.

— Коку пьют, — Стас с тоской посмотрел на опустевший термос.

— Нет, минералку, слышишь, пузырьки крупные.

— То есть он нам помочь не хочет? — наконец утолив жажду, с сожалением произнес хозяин квартиры.

— Уперся, извините за грубость, рогом и твердит, что честный человек, — с не меньшим сожалением ответил молодой.

— Кто он-то? — поинтересовался напарник Стаса, но ответа из наушников не последовало. — И с чем помочь?! Конспираторы хреновы.

Снова скрипнуло кресло, на этот раз облегченно. Послышались шаркающие шаги.

— Извините, я на минуту.

Потом щелчок выключателя, звук брызжущей струи, утробное урчание сливного бачка, снова щелчок.

— Припекло мужика, перебрал минералочки, — прокомментировал Стас.

Наконец Сафронов вернулся, голоса в наушниках снова стали четкими, но мягкий баритон, звучащий в этот момент, не принадлежал ни одному из присутствующих в квартире.

— Господи, да сколько их там? Вроде было трое, а теперь еще какой-то мужик прорезался, — возмутился Стас.

— И баба, — подтвердил напарник, — и еще баба... и еще мужик. Может, кто-то из них имитатор? Или они просто телевизор включили? — прагматично предположил напарник.

Послышался характерный щелчок, и посторонние голоса исчезли.

— Магнитофон, — квалифицированно определил Стас.

Но потом исчезли и все остальные голоса. Сафронову стало жарко, он скинул пиджак, и в это

время вся компания переместилась на кухню пить кофе.

Грязнов был взбешен. Вся его афера с незаконным прослушиванием провалилась. Все, что удалось выяснить, — Сафронов, в сопровождении своего подчиненного, встречался с кем-то еще на частной квартире. То есть выяснить не удалось ничего. Ничего!

На самом деле разговор в квартире Бойко пошел о магнитофонной пленке.

— Итак, это наша единственная проблема, — констатировал подполковник.

— Надо ее уничтожить, — несмело предложил Осетров.

— Ты что, совсем спятил? — осадил Сафронов подчиненного, который в присутствии высшего начальства вдруг стал не в меру инициативным. — Она же прошла по всем документам, ее слышали и в РУОПе, и в МУРе...

— Друзья мои, не нужно ссориться. Пленку уничтожать нельзя, но никто не мешает нам свести ее доказательную ценность к нулю...

— Покоцать? — с надеждой в голосе спросил Осетров, гордый тем, что его посетило то же озарение, что и подполковника.

Бойко засмеялся:

— Ну, не в прямом смысле этого слова, сама пленка нам не повредит, а вот испортить запись нужно. Причем достаточно наложить хороший шумовой фон, и голоса вряд ли можно будет идентифицировать.

— А если это не голос подозреваемого, то грош ей цена, — закончил мысль обрадованный Сафронов.

— Одна голова хорошо... — Бойко был вполне удовлетворен результатами встречи.

Через два часа после этого разговора полковник Сафронов подвергся нападению неизвестных хулиганов, усыпивших его хлороформом в подъезде собственного дома. Удивительно, но часы и деньги остались при нем. На самом деле оперативники Грязнова всего лишь вернули свой «жучок».

БОМЖ

16 февраля

Операция по перехвату нищих продолжалась. Представители новой власти побывали еще в нескольких точках, где они содержались. В одной из них владельца квартиры заставили позвонить старой «крыше» и сообщить о якобы подслушанном разговоре узурпаторов, в котором они условились о месте общего сбора — в самом крупном из «домов инвалидов».

«Крыша» доложила обстановку по инстанции — Сенатору, а тот не стал долго раздумывать и распорядился дать генеральное сражение имеющимися силами: времени ждать подкрепления не оставалось. Согласно срочно разработанной тактической схеме три человека должны занять позицию возле подъезда, двое — ждать начала событий на чердаке, готовые в решительный момент обрушиться на головы противника, основные силы размещаются на квартире в засаде.

Примерно через полчаса после того, как люди Сенатора рассредоточились в соответствии с описанной диспозицией, в подъезд вошел беспризор-

ник с пакетом. Его наняли за бутылку кагора отнести посылку в квартиру, где располагалась засада. Посылка содержала «жучок» и радиоуправляемую мину. Оборванца впустили и, невзирая на его желание немедленно удалиться, заставили обождать, покамест боевики принялись осторожно изучать подарок, никак не решаясь его открыть.

Человек, сидевший в машине на противоположной стороне улицы, услышал в наушниках достаточное количество голосов, высказывавших мнения по поводу дальнейшей судьбы свертка, и включил взрыватель. Окно комнаты, выходящее во двор, вылетело вместе с рамой.

Один из группы прикрытия во дворе и засевшие на чердаке поспешили выяснить, что случилось. Жильцы принялись трезвонить в милицию, но она уже давно была на месте, ожидая своего часа. Оперативная группа, лично руководимая подполковником Бойко, после короткой перестрелки задержала всех участников инцидента, действовавших на стороне Сенатора. Никто из людей в форме не пострадал. «Один — ноль после первой серии, — констатировал Сафронов. — Продолжение следует. Империя наносит ответный удар».

Кириллу Ковалевскому ценой невероятных усилий удалось спуститься на каталке с третьего этажа. Выбравшись на улицу и проехав два квартала, он свернул за угол, выбрался на край проезжей части и принялся отчаянно голосовать. Покинув квартиру, он действовал на автопилоте, так же, как пробирается домой совершенно пьяный человек, чудом удерживающий относительно вертикальное положение. Все это время Кирилл фальшиво насвисты-

вал одну и ту же мелодию. Его подобрал, едва не задавив и обильно осыпая матом, водитель свежестриженной «пятерки».

— Куда?

— На хрен! Куда угодно! Подальше! И быстрее.

...Сенатор только к утру смог добиться отчета о происшедшем. Неприятности с Кротковым теперь казались ему чем-то малозначительным. Тем более Ракитская им занимается, значит, там все идет нормально. Вчерашние же события, если немедленно не предпринять чего-то сверхнормального, означают тотальную войну, к которой его враги, конечно, долго и тщательно готовились, а он пока даже не знает, кто они. Сведения о противостоящих силах и возможных замыслах таинственного неприятеля Сенатор рассчитывал получить не раньше, чем к концу дня.

Если «им» удалось перетянуть ментов на свою сторону, они могут вышибить его из центра. В Домодедове его достать намного труднее, но тут опасность может исходить от своих: стоит дать слабину, сразу какая-нибудь сволочь переметнется на другую сторону, возомнит, что может занять его место.

Он в гневе начал подбирать среди ближайших сподвижников наиболее подходящую кандидатуру на роль иуды, но окончательно остановиться не смог ни на ком — все, суки, были хороши.

Сенатор, хрустя суставами, взял себя в руки. По натуре своей он не был комбинатором, привык действовать по определенным шаблонам, опираясь на огромный опыт, развитый до степени шестого чувства, а когда встречалась трудноразрешимая проблема, просто «давил на все педали»: хоть что-нибудь принесет результат. В данном же случае следовало изобрести выход, непредусмотренный врагом,

иначе один путь — в мышеловку... На размышления есть несколько часов, максимум — день.

Чтобы настроиться на непривычный строй мысли предполагаемого яйцеголового, он прошелся по кабинету, бессмысленно пролистал стопку газет с криминальными хрониками... Сенатор любил изредка, спортивного интереса ради, взглянуть на происходящее с точки зрения «лоха». Одна статья привлекла внимание, он просматривал ее раньше, речь шла о фонде «Славянин». Фонд выручил нескольких инвалидов, попавших в лапы к цыганам, которые заставляли их нищенствовать... И вдруг решение словно вспыхнуло само собой. Если войну выиграть проблематично, а отказаться от нее нельзя, можно отыскать желающего воевать вместо тебя. Завтра он сдаст этому «Славянину» всех перехваченных инвалидов с потрохами: с адресами квартир, где их держат, именами хозяев. Пусть тот, кто отхватил у него лакомый кусок, им же и подавится. Оставалась проблема финансовых потерь, но она уже не таит смертельной угрозы.

Продолжая машинально листать газету, Сенатор был вторично посещен музой и выдал на-гора еще одну гениальную идею: он должен построить церковь, храм, так сказать, Божий! Как раз сейчас «его» депутат занимается вопросами строительства, поможет,шибздик, уладить все технические сложности. Нужно найти подходящего батюшку. Можно двигать его наверх в поповской иерархии, рычаги найдутся, до сих пор всегда находились, черт побери, чем «люди в черном» отличаются от остальных?

...А водитель, подобравший Кирилла, оказался отставным офицером. Послушав крайне бессюжетный рассказ о мытарствах своего попутчика, он счел необходимым напоить его для укрепления нервной

системы и утром отвез в фонд «Славянин». В соседних комнатах, не подозревая о присутствии друг друга, излагали свои истории Ковалевский и перебинтованный бритоголовый, раненный не столь серьезно, удравший накануне от конвоиров и всю ночь входивший в роль невинной жертвы под придирчивым руководством Сенатора.

ОСЕТРОВ

16 февраля, вечер

— Екатерина Ивановна, я прошу вас как потерпевшую по этому делу сосредоточиться и хорошенько обдумывать ответы на все вопросы, которые сейчас прозвучат, — подчеркнуто официально произнес Осетров, сурово поглядывая на Катю. «Главное, вывести ее из равновесия, пошатнуть, оглушить и добить».

— Я полагала, что все уже выяснено... — Получив повестку, Катя пришла к следователю с легким сердцем, считая эту беседу последней и чисто формальной.

— Нет, не все, — категорично заявил Осетров. — Возникли некоторые неясности.

— Какие? — Ей действительно стало не по себе.

— Дело в том, что Кротков настаивает на своей непричастности к похищению.

— Но у вас же есть два свидетеля: я и Эльдар...

— Кстати, как он себя чувствует? — перебил Осетров.

— Увы, он пока не в состоянии отвечать на ваши вопросы, — смутилась Катя.

— Понятно...

Она почувствовала в голосе следователя сочувствие и полную обреченность и поторопилась убедить его, что все не так безнадежно:

— Но врачи говорят, что буквально через несколько дней он полностью восстановится, и тогда можно будет узнать любые подробности о том, где его держали, кто его охранял.

— Ну, будем надеяться... — тяжело вздохнул Осетров.

На самом деле (и Осетрову это было отлично известно) состояние Эльдара оставалось без изменений. Он по-прежнему никого не узнавал и не помнил ничего из того, что с ним произошло. Специалисты полагали это частичной амнезией, а такие вещи могут или исчезнуть в любой момент, или тянуться годами. Осетров, в свою очередь, очень надеялся, что это продлится по крайней мере до конца следствия.

— Кротков упорно придерживается версии, что с его стороны на вас не было оказано никакого давления и все это только плоды вашей разыгравшейся фантазии... — Следователь посмотрел на девушку с нескрываемой укоризной, так, словно ему приходится разбираться с этой белибердой, вместо того чтобы заниматься действительно серьезными делами.

— А пленка? Неужели этой записи недостаточно, чтобы упрятать его за решетку? — не унималась Катя, не понимая, почему до сих пор все шло так гладко, а теперь вдруг застопорилось.

Свой главный козырь Осетров приберег к финишу.

— Видите ли, при проведении фоноскопической

экспертизы по вине сотрудников лаборатории МВД пленка была испорчена, — понуро выдавил он из себя, тщательно стараясь скрыть свое торжество.

— Как испорчена?!

— Видите ли, идентификационной фоноскопической экспертизой проводился сравнительный спектральный анализ голоса в записи с голосом подозреваемого... — Осетров имел очень смутное представление о том, что такое сравнительный анализ, тем более спектральный, а саму фразу почерпнул из справочника по криминалистике, и справедливо надеялся, что Катя тоже небольшой знаток в этой области. — В общем, опуская всякие сложные технические подробности и терминологию специалистов, голос на пленке теперь вообще не поддается идентификации. То есть содержание разговора разобрать можно, а вот кто оппоненты — уяснить нельзя. — Осетров был настолько горд тем, что ни разу не запнулся, воспроизводя подготовленную заранее и заученную наизусть тираду, изобилующую всякими умными словечками, что даже не заметил сразу, что вместо ожидаемого отчаяния и обреченности Катя проявляет полнейшее спокойствие.

—...Таким образом, мы лишились главного доказательства вины Кроткова, — сокрушенно сделал он неопровержимый логический вывод.

— Все не так страшно, — начала Катя, и Осетров замер, предчувствуя самое худшее. Он только собирався скорбеть вместе с ней и даже приготовил платок, чтобы утирать безутешные слезы, как одним махом эта стерва разрушила с таким трудом возведенный хрустальный замок его надежд. — У меня есть дубликат, — сообщила она, — и даже не один.

17 февраля, утро

В длинном, оклеенном противными зеленоватыми обоями кабинете Катю приветствовал, не вылезая из-за длинного, покрытого зеленым сукном стола, длинный прокурор Горошко с длинным лицом, длинными обвислыми прокуренными усами и украинским выговором.

— На ближайший час меня ни для кого нет, — заговорщически сообщил он секретарше, приведшей девушку, и Катя поняла, что беседа тоже будет длинная.

Шея прокурора была обхвачена жестким пластмассовым корсетом, из-под которого выбивался галстук, украшенный многослойным жирным пятном.

— Я вот тут шею потянул, — пожаловался он Кате доверительным тоном, поворачиваясь к ней всем корпусом. — Ну, вот и добре.

Что именно доброго было в травме шеи, Катя не поняла. Несмотря на жесткую повязку, Горошко все время что-то жевал, на столе стояла быстро пустеющая вазочка с карамельками и мандаринами.

— Угощайтесь, — он придвинул вазочку поближе к девушке. — Можно я вас буду звать Катей? У меня вот дочь тоже вашего возраста, красавица, вся в мою жену... Так отожд...

Катю конфеты не вдохновили, а Горошко продолжал растекаться мыслью по древу:

— Я хочу поговорить с вами, как отец с дочерью, как старший товарищ, беседа эта неофициальная, нигде не фиксируется...

— И долго это будет еще продолжаться? — тяжело вздохнув, осведомилась Катя.

Горошко осторожно потрогал корсет:

— Нет, врачи говорят, что через пару дней можно будет снять.

— Я имею в виду эти ваши бесконечные разговоры. Сколько можно пережевывать одно и то же?!

Вместо ответа Горошко развернул очередную карамельку.

— Чудное средство от умственной недостаточности, рекомендую. Кстати, я тут хотел вам кое-что показать. — Он принялся выворачивать карманы пиджака, набитые до отказа всякой дрянью. На столе последовательно оказались: проездной на метро, два несвежих носовых платка, связка ключей, зажигалка, спички, пустая пачка «Мальборо», какие-то квитанции, еще одна зажигалка, несколько мятых купюр и целая куча разноцветных фантиков. Вначале он все это выкладывал, потом стал рассовывать обратно, не выбросив в мусорную корзину ни одно из своих сокровищ. — Не могу найти, нет, но где-то же это у меня было... — Теперь он принялся шарить в брюках. — А знаете, как я шею повредил? Шел, представляете, по улице, упал, поднялся, а голова не поворачивается. А все почему? Да потому, что дворник с утра напился и тротуар песком не посыпал. Никто у нас не хочет работать... куда же я это положил...

В его брючных карманах не было разве что базки или резиновой курицы, ну и конечно, этого «чего-то», что он хотел показать. Но прокурор не отчаивался и продолжал поиски.

— Моя жена мне все время твердит: не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Вы меня понимаете? Дело это ваше запутанное... Затаскают по

судам... — наконец свернул он к теме, но тут же снова отвлекся. — А, вот, нашел все-таки. — Он победно помахал перед носом у девушки какой-то фотографией. — Я же знал, что она у меня есть.

На моментальном снимке, очевидно отпечатанном с видеопленки, Катя была запечатлена со спины в тот момент, когда в ресторане размазывала по физиономии Кроткова кусок торта.

— Это все моя жена, понимаете, она у меня прекрасно готовит, но десерты — это ее слабое место. Вот она и попросила узнать, что это был за торт. Смотрите, какой крем, это, наверное, сливки...

— Что вы мне голову морочите, — не выдержала Катя. — Неужели вам больше делать нечего?!

— Вот и я ей сказал то же самое. Так отожд... Вы-то меня понимаете... — И опять ни к селу ни к городу: — Вы знаете, что такое наши колонии? Это же страшное место. Ваш жених-то рассказывал, наверно. Зачем же человека на такие мучения обрекать?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Катя с трудом подавила желание запустить в придурковатого прокурора чем-нибудь тяжелым.

— Кто без греха, тот пусть первым бросит в меня камнем, это моя жена так говорит. Складно, да? Но я это не потому вспомнил. — Он снова взялся за карамельку. — Я тут взываю к вашему гуманизму и человеколюбию, вот к чему я тут взываю.

— Что вам все-таки от меня нужно?!

— Может... простим его, он ведь, в сущности, неплохой человек. Ну, оступился, так раскаялся же, волосы на себе рвет, нет, говорит, мне прощения. А если о моральных убытках, так он вам все возместит. А-то ведь, потерявши голову, по волосам не плачут, это опять моя жена сказала.

Наконец-то Катя уяснила, что этот урод, женатый на кладези народной мудрости, выступает в роли адвоката Кроткова.

— А о чем он раньше думал? Это ведь не могло продолжаться до бесконечности, не я, так кто-нибудь другой нашелся бы, кто не побоялся бы пойти в милицию.

— А потом у него друзья на свободе остаются, — Горошко не обратил никакого внимания на ее гневную отповедь, — будут ходить к вам, угрожать, вы и на них в суд подадите, а у них тоже друзья... Это же снежный ком получается, лавина, а бороться со стихией — это, я вам доложу, не шутки. Вот я сегодня поборолся... — Он осторожно поворачивал головой и поморщился от боли. — Результат налицо. Вы понимаете, о чем я говорю? Не рой другому яму... — снова моя жена.

— Свое заявление я забирать не собираюсь. — Катя поднялась и решительно направилась к выходу. — Меня не так легко напугать.

— А вот моя жена говорит... — неслось ей вслед.

Катя вернулась домой в состоянии бешенства. Нет, так не может больше продолжаться. Кротков умудрился купить всех, и, если, несмотря на все ее усилия, он все-таки сумеет выйти сухим из воды (а все именно к тому и идет), ей несдобровать. Лично с Кротковым она еще могла воевать в одиночку, но с системой так бороться нельзя. Надо немедленно идти к отцу, пусть он не любит Эльдара, пусть она не принимает его молодую жену, сейчас уже не до мелочных распрей. Катя только собралась позвонить отцу и договориться о встрече, как телефон зазвонил сам.

— Добрый день, вы Масленникова? — пропи-

щал из трубки девичий голосок. — Это вас из больницы беспокоят.

— Что-то с Эльдаром? — осторожно спросила Катя, боясь поверить в самое худшее. «Неужели они уже добрались до него?!»

— Все в порядке, он пришел в себя и требует, чтобы позвали вас. — По голосу было понятно, что молоденькая, очевидно, медсестра улыбается. — Вы приедете?

— Да, да, сейчас же приеду. — Катя положила трубку и только теперь заметила, что ладонь мокрая от пота.

Катя выбежала из квартиры, на ходу натягивая шубу. Но не успела она, оказавшись в машине, вставить ключ в замок зажигания, как дверца со стороны водителя внезапно распахнулась. Катя с недоумением уставилась на юную поджарую барышню с короткой, под мальчика, стрижкой и каменным лицом, которая, не говоря ни слова, оттеснила ее в сторону и уселась за руль. Катя попыталась выскочить из машины с другой стороны, но там появился здоровяк в кожанке, он молниеносно втолкнул ее назад и занял место рядом. Катя оказалась зажатой между ними.

— Только не делайте резких движений, — порекомендовал парень и в подтверждение серьезности их намерений продемонстрировал Кате пистолет с глушителем, спрятанный под курткой.

Машина плавно тронулась с места. Однако ехали они недолго. Свернув в переулок в трех кварталах от Катиного дома, молчаливая барышня остановилась и заглушила мотор. Парень выбрался из машины и потащил Катю за собой. В переулке было безлюдно, а потому Катя даже не пыталась вырваться или закричать, шансов на то, что кто-то придет ей на

помощь, не было. Метрах в пяти впереди стоял микроавтобус с надписью «милиция» на боку. «Добраться бы до него», — подумала Катя, но, как выяснилось, именно к нему они и направлялись. Парень открыл задние дверцы и, втолкнув Катю внутрь, влез следом. Его напарница опять заняла место водителя.

Барышня-стена вела машину аккуратно и на удивление спокойно, вряд ли более пятидесяти километров в час, дисциплинированно останавливаясь на светофорах. Парень сидел напротив Кати и не сводил с нее глаз, шторы на окнах были задернуты, и понять, в каком направлении они движутся, было невозможно... Минут через двадцать, судя по тому, что остановки прекратились и скорость несколько увеличилась, они выехали за город, потом свернули на какой-то проселок и, наконец, остановились. Когда Катя выбралась из машины, та уже стояла во встроенном гараже, так что рассмотреть снаружи дом, куда ее доставили, ей не удалось.

Катю привели на второй этаж и заперли в просторной, хорошо обставленной комнате. В ее распоряжении оказалась собственная ванная с полным набором разнообразной косметики и моющих средств, плюс отдельная кабинка с душем. В комнате была мягкая мебель, ковры и книги, для полного счастья не хватало только телевизора и видеомагнитофона.

Прежде чем оставить пленницу в одиночестве, ее тщательно обыскали, вытряхнули все из сумочки, изъяли пилочку для ногтей, ключи и мобильный телефон. Сигареты, зажигалку и косметичку оставили.

— Кто вы такие и что вам от меня нужно? — наконец разлепила губы Катя, обращаясь к парню, — его лицо не выглядело столь зверским,

как у напарницы, к тому же она по опыту знала, что редко какой мужчина может оставаться равнодушным, пробив в ее обществе более пяти минут. Но этот оказался довольно стойким.

— Я не должен с вами это обсуждать, — сухо ответил похититель. — Ужин в семь. Если что-нибудь понадобится, постучите в дверь.

— Скажите хоть, как вас зовут, мне же надо будет к вам как-то обращаться. — Катя задавала вопрос, робко опустив глаза: ни к чему сейчас продемонстрировать свою непримиримость и провоцировать конфликт. Мужчины гораздо лучше относятся к девушкам слабым и беззащитным, а ей нужно было постараться перетянуть его на свою сторону любой ценой.

Парень немного подумал.

— Зовите меня Антоном. — Вряд ли это было его настоящее имя, но по большому счету какая, к черту, разница, главное, что она одержала первую, пусть маленькую, но победу.

— Оревуар, Антуан, — почему-то на французский манер брякнула Катя.

«Антуан» вышел, закрыв дверь на ключ с той стороны, а Катя упала на диван и разревелась, как маленькая девочка.

Комната находилась в задней части дома, и из окна, забранного снаружи частой фигурной решеткой, был виден только высокий и гладкий бетонный забор да верхушки сосен за ним. В доме было тихо, не работал телевизор, не звучала музыка, даже шагов по коридору не было слышно.

Кто и зачем привез ее сюда? Если машина действительно милицeйская, это может быть Осетров или Горошко, но почему же тогда ее оставили в покое, не требуют отказаться от показаний, да и дубликат плен-

ки, он ведь все еще у нее, лежит дома, прилепленный скотчем к задней стенке пианино. Разве он им больше не нужен?! Или они решили поддержать ее здесь недельку-другую, пока дело само собой не рассосется за неимением главного свидетеля?

Или это все-таки не они? Тогда кто? Друзья Кроткова, которыми пугал ее прокурор? Не похоже, ведут себя слишком обходительно и опять же ничего не требуют. Или это обычное похищение с целью выкупа? Те же кротковские «пацаны», не получив денег от нее, теперь требуют их с ее отца. Но в таком случае им бы понадобились подтверждения того, что она жива, а следовательно, ее должны были бы сфотографировать, или снять на видео, или на крайний случай дать поговорить с отцом по телефону...

Кстати, об отце. Они, конечно, теперь редко видятся, но вряд ли он, несмотря на занятость проблемами своей молоденькой жены, проигнорирует тот факт, что его единственная дочь бесследно исчезла. А значит, он обратится в милицию или задействует свои связи и, дай-то бог, не упрется в того же Осетрова или Горошко. Ее станут искать... Только вот найдут ли?

Опекали Катю те же двое, что и похитили. Ни одного нового лица. Охрана сменялась раз в день, вечером дежурил «Антуан», утром — его напарница, барышня-стена. Кормили ее как на убой. Стоит посидеть здесь еще недельку, и придется сменить весь гардероб. От безделья и тишины болела голова. От скуки Катя просмотрела книги — в основном классика: Бальзак, Тургенев, Толстой, Твен, Флобер, несколько слезливых бульварных романов и ни одного руководства типа «Как бороться с террористами» или «Как проходить сквозь стены». Выяснить, кто хозяин этого дома, по составу библиотеки тоже

было затруднительно. Все, что могла бы Катя сказать об этом человеке: он не читает детективов, не любит поэзию и не имеет технического или естественно-научного образования, иначе нашлись бы хоть какие-нибудь намеки на это. Кроме того, он, если это, конечно, он, несомненно, достаточно богат, но это уже следовало не из набора книг, а из качества интерьера и величины дома. Впрочем, вполне возможно, что книги подбирали специально для нее, и тогда ее выводы, кроме, конечно, богатства, абсолютно беспочвенны.

Сидеть сложа руки было совсем не в ее духе, и Катя принялась соображать, как отсюда выбраться. Дверь заперта с внешней стороны, значит, нужно заманить охрану в комнату, нейтрализовать хотя бы на короткое время и бежать. Правда, «нейтрализовать охрану» только звучало красиво, а как это сделать реально? Огреть книжкой по голове или утопить в ванной? Катя мысленно сравнила себя с барышней-стеной и поняла, что счет не в ее пользу. «Антуан» выглядел еще более внушительно. Крутить с ним любовь и уговаривать сжалиться над бедной девушкой долго и, скорее всего, бесперспективно. Она не миледи. За трое суток не смогла вытянуть из него больше двух слов. Если так пойдет и дальше, на его приручение уйдут годы. Что же делать?

Катя еще раз придирчиво осмотрела комнату и ванную. Чем можно воспользоваться в качестве оружия? Кислоты, которой можно плеснуть в лицо, не было, гири, чтобы невзначай уронить на ноги, — тоже, ничего колющего, режущего, ядовитого и огнестрельного. От бессилия Катя плюхнулась в кресло и закурила. И вот тут ее посетила интересная мысль.

Напарница «Антуана» появилась ровно в два. Катя поднялась с дивана, держа руки за спиной.

— Привет, — улыбнулась она.

«Стена», как обычно, не удостоила ее ответом. Она поискала глазами журнальный столик, который обычно стоял посередине комнаты и на который, делая всего один шаг и придерживая ногой дверь, ставили поднос с едой. Сегодня Катя предусмотрительно отодвинула его к стене, и охраннице пришлось пройти в комнату. Она отвлеклась лишь на минуту, чтобы собрать грязную посуду, оставшуюся с завтрака, но, когда она повернулась к пленнице, ее уже ждал сюрприз.

Катя направила ей прямо в лицо струю дезодоранта и щелкнула зажигалкой; струя вспыхнула. Девушка завопила, зажав ладонями лицо. Катя огрела ее по голове двумя справочниками по садоводству и выскочила из комнаты, не забыв повернуть ключ.

Единственный путь, известный ей в этом доме, лежал вниз по лестнице, в гараж, а оттуда, если получится, во двор и — на волю. Катя, перепрыгивая через ступени, неслась вниз. Вот и дверь гаража. Она влетела внутрь. Машина на месте, ключи торчат в замке зажигания, она бросилась к дверце, но на этот раз сюрприз ждал ее. Что-то тяжелое опустилось на затылок, и, проваливаясь в обморок, она почувствовала, как ее подхватили у самой земли сильные руки «Антуана».

УТКИН

21 февраля

Иван Сергеевич Уткин, ловко орудуя помазком, разглядывал себя в зеркале и находил, что с этой кремовой бородой он очень похож на сказочного Санта Клауса, только лысину, пожалуй, нужно прикрыть красным колпаком, и тогда можно отпра-

ляться разносить подарки. Но «Жиллетт» нежно заскользил по щекам, на глазах превращая его из деда мороза в обычного человека с несколько вытянутым лицом, унылым ртом и крупным носом, человека, который неплохо сохранился в свои пятьдесят шесть, если не считать темных кругов под глазами, причиной которых являлась регулярно устраивавшая забастовки печень.

Из кухни доносился звон посуды и аромат свежесваренного чая — Наталья хлопотала с завтраком. В семейной жизни все же есть свои прелести. Особенно когда жена молода и очаровательна.

Наташа была вдвое младше его, но разница в возрасте никого из супругов не смущала. Год назад, когда они только познакомились, он не мог понять ее интереса к лысеющему нудному типу с полным набором вредных привычек и взрослой дочерью. Но их связь оказалась не кратковременным флиртом, в которые часто пускаются молоденькие девушки, пресытившиеся своими сверстниками. И когда Уткин предложил оформить сложившиеся отношения в законном порядке, Наташа согласилась не задумываясь и с радостью.

Она была кандидатом искусствоведения и трудилась в Пушкинском музее изобразительных искусств, куда ей надлежало являться к десяти часам, но каждое утро она вставала в половине восьмого, чтобы приготовить ему завтрак. Иван Сергеевич многократно уговаривал молодую жену не насиловать себя и не нарушать сладкий утренний сон, но она была непреклонна в своем желании не дать ему окончательно угробить себя жирной яичницей или, чапротив, пустым кофе. Наташа проповедовала теорию здорового образа жизни, и потому завтрак в ее

исполнении состоял из хлопьев мюсли, фруктов, поджаренного черного хлеба, йогурта и чая «Ahmad». Она вообще не терпела кофе, а когда у Ивана Сергеевича стало регулярно пошаливать сердце, кофе был репрессирован навсегда.

Белой вороной на безупречно сервированном столе выделялась старая синяя, с аляповатым белым рисунком (веселый утенок) фарфоровая чашка, с отбитой и после приклеенной ручкой. Эту чашку подарила Уткину Катя почти двадцать лет назад. Она сэкономила на школьных завтраках три недели и в день его рождения преподнесла этот шедевр гончарного мастерства, страшно стесняясь, что не хватило денег на более достойный подарок.

Уткин очень дорожил семейной реликвией, и в конце концов жена смирилась с таким вопиющим нарушением гармонии на столе.

Настенные часы пробили половину девятого — пора на работу. Наташа вышла проводить мужа в прихожую. На голову ниже его, она выглядела совсем девочкой в свободном мягком платье до щиколоток и такой же свободной кофте, рукава которой почти скрывали ее пальцы. По мнению Ивана Сергеевича, ей нужно было бы, наоборот, с гордостью демонстрировать окружающим свою фигуру, но она ценила в одежде прежде всего удобство, потом простоту и уже в последнюю очередь задумывалась, насколько ее образ соответствует течениям в современной моде. Уткин чмокнул ее на прощание и уже переступил порог, когда раздался телефонный звонок.

— Подожди, может, что-то важное. — Наташа помчалась к телефону, а он вернулся обратно в прихожую, машинально отметив, что возвращаться — плохая примета.

— Тебя, — жена передала ему домашний радиотелефон, и Уткин, распахнув пальто, со вздохом привалился к стене. Совершенно незнакомый мужской голос в трубке произнес:

— Здравствуйте, моя фамилия Соснин, я работаю менеджером в ресторане у вашей дочери... у Кати.

Уткин стащил шапку и стер ею испарину, моментально выступившую на лбу:

— Что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет... — смутился Соснин. — Видите ли, Екатерина Ивановна вот уже неделю не появлялась на работе, я звонил ей домой, но там никто не отвечает. Никто из наших общих знакомых тоже не в курсе. Мы даже обратились в милицию, но они не восприняли это всерьез... В ее рабочем блокноте я разыскал ваш телефон и вот позвонил, может, вы объясните, что случилось и... как ее найти.

На работу Уткин не поехал. Он отправился на квартиру дочери. Когда-то она просто на всякий случай дала ему ключ, но он им так ни разу и не воспользовался. Бывал здесь, конечно, но давно еще, до ее эпопеи с этим бардом. Назарова Уткин не любил и что в нем нашла Катя до сих пор понять не мог. Уже не молод, не красавец, да и таланта кот наплакал, язык, правда, подвешен как надо, а женщины, говорят, любят ушами. Правда, у него с Наташей ситуация была примерно такая же, но, как всякий нормальный мужчина не первой молодости, он льстил своему самолюбию, убеждая себя, что у него достоинств все-таки побольше.

Уткин вошел в прихожую и позвал с порога:

— Катя, Эльдар, есть кто-нибудь?

Квартира ответила молчанием. Тогда он осто-

рожно прошел дальше, очень надеясь, что не застанет их в постели. Но комнаты были необитаемы и перевернуты вверх дном, вся мебель отодвинута от стен, ковры скатаны, книги выброшены из шкафов, бумаги на столе разбросаны, пианино выкатили на середину комнаты. Взглянув на инструмент, Уткин подумал, что Катя все-таки любит этого Назарова, уж он-то хорошо знал ее привычки — к инструменту не притрагивались, по крайней мере, пару месяцев. На крышке пианино Уткин разглядел уже покрывшуюся тонким слоем пыли надпись: «5 дней». Что бы это значило?

Он обошел все комнаты. Судя по всему, ничего ценного не пропало, аппаратура на месте, сережки золотые и несколько серебряных колечек так и лежат в шкатулке на столике. Больших денег Катя дома никогда не хранила, выходит, на ограбление не похоже.

Уткин колебался: звонить в милицию или не стоит, а вдруг они просто сами что-то потеряли или решили переставить мебель, предварительно свалив ее в одну кучу?! И поскольку между родственниками проводилась политика невмешательства, Уткин решил не пороть горячку, чтобы окончательно не испортить отношения с дочерью. Но нужно все-таки ее отыскать. Или его в крайнем случае.

На лестничной площадке Уткина остановила сухонькая старушка.

— Вы, никак, в тридцать пятую заходили, — как бы невзначай поинтересовалась она, хотя и так было ясно, что в тридцать пятую. Она прекрасно видела, из какой квартиры он выходил. — А вы им, часом, не родственник будете?

Уткин кивнул.

— Вот и я гляжу, вроде похож, только никак в

толк не возьму: вы чей родственник, Катерины или ухажера ейного, ой, — осеклась она, — то есть Эльдара, или как там его? 16

— Ее. А вы, случайно, не знаете, что случилось, где они сейчас? — почти ласково спросил Уткин. Судя по иступленным от любопытства глазам, бабка только тем и занималась, что днем и ночью торчала у дверного глазка.

— Где она, не знаю, врать не буду, — обрадовалась бабка такому доверию, — а он так в больнице, верно. Она как его туда свезла, так и нету. Сама мне рассказывала, совсем, говорит, плохой стал. Допился, видать.

Уткин с трудом представлял себе, как Катя делится с подобной особой своими проблемами, и к тому же пьяницей Назаров не был. А бабулька продолжала изливать багаж сплетен на благодарного слушателя.

— А дней пять назад милиция понаехала, искали что-то, только понятых не позвали, значит, не обыск это был, — проявляла знание предмета бабка.

— Что за милиция, бабушка? — насторожился Уткин. — Может участковый с ними был?

— Не, все незнакомые. Один маленький такой, чернявый, на китайца похож, он командовал. Дверь ключом открыли без слесаря, вот я и подумала: может, Эльдар ентот чего по пьянке натворил. Пробыли, значит, минут пятнадцать и поехали.

Назарова Уткин действительно обнаружил в психиатрической больнице Гиляровского, расположенной на улице Матросская тишина. Кстати, первым человеком, которого он там увидел, был знакомый следователь-«важняк» из Генпрокуратуры с какой-то восточной фамилией, и Уткин даже на секунду засомневался: не обратиться ли к нему за

помощью? Но, конечно, не стал, во-первых, по обычным своим этическим соображениям, а во-вторых, он же не знал, что здесь делал этот «важняк», а вдруг это каким-то образом касалось Назарова?

Уткин даже обрадовался, когда узнал, что причиной пребывания в больнице Эльдара является не белая горячка, а передозировка наркотиков в сочетании с черепно-мозговой травмой. На вопрос, можно ли с ним поговорить, ему ответили неопределенно: попробуйте.

Эльдар лежал в отдельной палате и тупо смотрел в окно, насвистывая какой-то мотивчик. На появление Уткина он не прореагировал и даже не взглянул в его сторону.

— Эльдар, — Уткин присел у постели больного и потрогал его за плечо. Назаров на минуту повернул голову, но, посмотрев сквозь гостя, снова вернулся к созерцанию промерзших веток тополя, мерно покачивавшихся за окном. — Я отец Кати, ты меня узнаешь? — снова попытался привлечь его ускользающее внимание Уткин. — Ты знаешь, где она, что с ней случилось?

Эльдар перестал свистеть и начал невнятно бормотать. Чтобы хоть что-то разобрать, Уткину пришлось наклониться к самым его губам.

— Надежда есть непостоянное удовольствие, возникающее из идеи будущей или прошедшей вещи, в исходе которой мы до некоторой степени сомневаемся... Отчаяние есть...

— Эльдар, где Катя? Ка-тя. Ты помнишь Катю? Я очень хочу ее найти, понимаешь? — в отчаянии взывал Иван Сергеевич, но добиться от него вразумительного ответа было труднее, чем от говорящей куклы.

Назаров закрыл глаза и произнес уже более твердым голосом:

— Желание есть самая сущность человека, поскольку она представляется определенной к какому-либо действию каким-либо ее состоянием. — Он открыл глаза и взглянул на Уткина чуть более осмысленно. — Пушкин был не то что ленив, а склонен к мечтательному созерцанию. Тургенев же, хлопотун ужасный, вечно одержим жаждой деятельности. Пушкин этим частенько злоупотреблял. Бывало, лежит на диване, входит Тургенев. Пушкин ему: Иван Сергеевич, не в службу, а в дружбу — за пивом не сбегашь?..

Медсестра тронула Уткина за рукав:

— Извините, больному пора принимать лекарство.

Уткин оставил лечащему врачу свой телефон и попросил позвонить, как только у Эльдара наметится улучшение.

Из больницы Иван Сергеевич направился в ресторан, где еще раз переговорил с управляющим, который в общих чертах поведал ему историю кредита, эпопею с его возвращением и все то небольшое, что было ему известно об аресте Кроткова. Катя, по его словам, была скупа на подробности, и потому он не смог назвать имен тех, с кем она имела дело, и, уж разумеется, Соснин не знал, чем это все закончилось.

Таким образом, к вечеру Уткин фактически оказался в исходной точке, он собрал некое множество фактов, определенно имеющих отношение к исчезновению Кати, но полной картины так и не получил. Что могло произойти? Ее могли убить за то, что она отказалась платить и вместо этого обратилась в милицию, но тогда это сделали бы демонстративно,

чтобы другим неповадно было. Да и начали бы наверняка не с этого, разбили бы машину, подожгли ресторан в крайнем случае. Не тот у Кати был масштаб, от ее смерти никто ничего не выгадывал, скорее наоборот — всегда лучше убедить человека, чем брать на себя его убийство.

А если дело, которое возбудили по заявлению Кати, начали разваливать? Почему бы, собственно, и нет. Крутой рэкети́р, наверняка с надежным тылом, ему вполне по карману было бы оплатить услуги картеля или отдельных старателей на ниве правосудия. И если Катя оказалась излишне принципиальной и несговорчивой, то против нее вполне могли применить сколь угодно радикальные меры. Уткин не желал верить, что Катя может быть уже мертва, и в то же время отдавал себе отчет в том, что если уж за дело взялись профессионалы, то легким испугом она вряд ли отделается.

Правда, существовала определенная вероятность того, что она по собственной инициативе исчезла из города, спасаясь от преследования, и не поставила никого в известность, только чтобы не подвергать лишней опасности. Но на Катю это так не похоже, она бы боролась до конца.

И почему, в конце концов, она не пришла к нему?! Неужели решила, что он настолько поглощен молодой женой, что ему абсолютно безразличны проблемы дочери? Или она что-то подозревала и подумала, что он в унисон с ее гонителями станет уговаривать ее наплевать и забыть? А может, она просто не успела обратиться за помощью?!

Ужин Уткин жевал как-то нерешительно и неожиданно сказал вслух:

— Может быть, стоит встретиться с Меркуловым? Да нет, это как-то...

— Кто этот Меркулов? — поинтересовалась Наташа, она слышала эту фамилию впервые.

— Зам генерального прокурора. И просто неплохой человек. Когда-то он здорово мне помог...

Наталья вдруг заинтересовалась:

— Ты об этом не рассказывал.

— Это, конечно, долгая и поучительная история, мой юный друг, но давай в другой раз. Что-то нет у меня сегодня настроения предаваться воспоминаниям.

— Почему ты хочешь звонить именно этому... Меркулову? Почему не самому генеральному прокурору или министру внутренних дел?

Иван Сергеевич неопределенно пожал плечами и вместо ответа попросил еще чаю «Ahmad». Уткин уже решил для себя, что ни к кому из «коллег» он обращаться не станет. В деле исчезновения Кати и так довольно явственно... или ему это только кажется... Короче говоря! Если с дочкой действительно случилось что-то непоправимое, он больше не станет дрожать над собственной должностью и оставаться молчаливым соучастником. Но жене он ничего этого, конечно, не сказал. Уткин прихлебывал обжигающий чай из Катиной чашки, обхватив ее обеими руками, и мысленно уговаривал себя, что все, дескать, еще образуется.

Когда Иван Сергеевич уехал, Наташа осторожно выскользнула из постели и на цыпочках отправилась в ванную, прихватив с собой телефонную трубку. Ответили ей после первого же гудка, потому что человек на том конце провода ждал этот звонок с нетерпением.

— Он собирается позвонить какому-то Маркулову?.. Нет, Меркулову, — полушепотом сообщила

Наташа, — и, выслушав дальнейшие инструкции, вернулась в постель.

Через пару минут она уже спала, прижавшись к сильному плечу мужа и посапывая как невинный ребенок. Или просто как человек с чистой совестью.

КАТЯ

18 февраля

В свою уютную комнатку с диванами и книгами Катя больше не вернулась. Теперь ее жилище размерами больше напоминало стенной шкаф, крохотное оконце было закрыто железными ставнями со стороны улицы, через щель в которых с трудом пробивался дневной свет, и еще была кушетка, смахивающая на больничную, разве что клеенкой не покрыта. Вот уж действительно «ловушка для Золушки».

Когда дверь за «Антуаном» закрылась, в комнате стало совершенно темно, и Катя тут же принялась колотить по двери кулаками:

— Эй, я темноты боюсь!

Он не отвечал, и она продолжала стучать, пока не заболели руки:

— Антоша, я обещаю, что больше не буду убежать, ну, пожалуйста, ну сделай, чтоб было светло...

Но охранник, оказывается, не желал ее смерти, он просто забыл впопыхах об освещении, озабоченный вызовом «неотложки» для своей напарницы. Через несколько минут он принес настольную лампу, благо в этой келье нашлась розетка.

Барышня-стена, естественно, больше не появлялась. Теперь Катю «обслуживал» только помрачнев-

ший «Антуан», и тот постоянно был начеку, фиксировал каждое ее движение. Жил ли в доме постоянно еще кто-нибудь? Иногда она слышала, как по двору кто-то ходит, приезжают и уезжают машины, кто-то разговаривает, но ни один из голосов не показался ей знакомым, и о чем говорили, разобрать тоже было невозможно.

Разумеется, зажигалку у нее отобрали, а все остальное и так осталось в «первом заключении», и она с сожалением вспоминала ванну и мягкие кресла. Может, и не стоило бежать? Сидела бы себе, книжки почитывала, повышала культурный уровень, жирок завязывала...

Часы, кстати, у нее тоже отобрали, и Катя уже не могла с уверенностью решить, сколько времени она здесь находится... Очевидно, никто ее не ищет, а если и ищет, то не находит. Определенно нужно еще раз попытаться сбежать. О том, что будет в случае, если ее снова поймают, Катя даже думать не желала. Новый побег должен был получиться во что бы то ни стало. К сожалению, теперь пришлось обойтись еще более скудным набором еще более невинных предметов, чем в первый раз. В ее распоряжении были кушетка, постельное белье, настольная лампа и голова на плечах, которой и предстояло сообразить, как из вышеперечисленной муры создать ловушку для сильного мужчины, который к тому же неусыпно бдит.

На разработку плана вместе с репетициями ушло шесть часов. Катя приноровилась ставить кушетку на пола практически бесшумно, правда, сбросила при этом килограмма три, не меньше, но это ведь только на пользу, «на свободу с тонкой талией», — с удовольствием перефразировала она известный

афоризм. И наконец, почувствовала, что морально готова к бою.

Для побега было выбрано вечернее время, сразу после ужина. Во-первых, в доме, возможно, будет меньше народу, чем днем, а во-вторых, «Антуан» подустанет, а потому шансы переиграть его в скорости несколько увеличатся.

Наконец верный охранник принес еду (еще теплый картофель-фри, несколько сардин в масле, соленый помидор, не слишком свежие булочки и горячий кофе), буркнул «спокойной ночи» и удалился, мечтая предположительно о теплой постельке. Как только его шаги стихли в конце коридора, Катя сняла с пальца колечко с маленьким изумрудом (подарок Эльдара на годовщину «их отношений») и продела в него носовой платок. Не выключая настольную лампу из розетки, она вывернула лампочку и опустила кольцо в патрон. Посыпались искры, и полоска света под дверью исчезла. Катя немедленно принялась орать несколько ненатуральным голосом:

— Антуан, Антон, Энтони!!! Что случилось?! Мне страшно...

— Иду, — через некоторое время недовольно отозвался тот, и через полминуты повернул ключ в замке.

Широкоплечая фигура выросла на пороге, и в этот момент Катя опрокинула на него кушетку, уже находившуюся в стойке на попа. Он вскрикнул, но не упал, Катя решительно саданула его каблуком под коленку, и когда Антуан-Антон-Энтони наконец свалился, кушетка грохнулась сверху. В этот момент зажегся свет. Катя бросилась вон из комнаты. На этот раз она не побежала к гаражу, а направилась в глубь дома.

Нужно было найти входную дверь или в крайнем случае подходящее окно, из которого можно выбраться во двор.

Первая комната, в которую она вломилась, оказалась спальней, и в ней худенькая пожилая женщина перестилала чью-то постель. Она вытаращилась на Катю, приоткрыв рот, и прижала к груди скомканную простыню, покрытую сложным цветным рисунком.

— Извините, — вежливо кивнула Катя и помчалась дальше, а вдогонку ей летел истошный вопль.

Следующая комната была кабинетом с гигантским письменным столом, тяжелыми книжными шкафами и развешанным по стенам оружием, правда ружей здесь не было, зато Кате удалось дотянуться до обнаженной шашки, очевидно, еще времен гражданской войны, а заодно она прихватила коротенький кинжал и сунула его за голенище сапога.

Теперь окно. Прекрасное, замечательное, чудесное, безо всякой решетки окно!

Катя изо всех сил рванула на себя раму, но она не поддавалась. Шпингалет заело. Поковырявшись в нем шашкой, Катя убедилась, что это надолго. Тогда она выскочила из комнаты и рванулась к входной двери.

Но там с ехидной ухмылочкой стоял незнакомый тип кавказской наружности, украшенной двумя резаными шрамами на левой щеке, и постукивал пистолетом с глушителем о ладонь свободной руки.

— Шашку брось, да... — лениво произнес он противным скрипучим голосом и чуть-чуть приподнял пистолет, целясь Кате в грудь. Ей опять не повезло.

В прихожую, прихрамывая и держась за плечо, вошел «Антуан» и наотмашь ударил ее по лицу:

— Еще раз попытаешься сбежать... и... Я за себя не отвечаю.

— Астынь, да, — успокаивал его второй джигит-охранник, — пайды лучше приготовь для дэвушкаы номер-люкс, да?

«Антуан» ушел, а второй прочитал Кате динамичную лекцию о том, что калечить людей большой грех, а за грехи приходится платить и так далее и тому подобное.

Потом у нее отобрали кинжал, не потому, что сами догадались ее обыскать, а потому, что впечатлительная старушка пожаловалась, что его нет на месте.

ОСЕТРОВ

19 февраля, вечер

Сафронов пребывал в приподнятом настроении. Общими усилиями они все-таки вытащили Кроткова из дерьма. «Действительно, что бы мы без Бойко делали, — думал он, — а с другой стороны, что бы он без нас делал? Коллективный разум великая вещь». Последний штрих на полотне «Свободу Василию Кроткову!» в данный момент наносил «корейский народный следователь», занимаясь поисками дубликата аудиозаписи.

Сафронов потянулся за бутылочкой заветной «Посольской», но передумал: лечиться сегодня было не от чего, голова свежая, простуды и в помине нет, гонорар за работу получили... А вот это как раз надо бы отметить. Он отвернул пробку и уже потянулся за стаканом, как в дверь постучали. Сафронов сунул бутылку под стол и с сосредоточенным видом обратился к бумагам. Но это был всего лишь

сфинксообразный Осетров, по лицу которого, как всегда, ничего невозможно было понять.

— Нашел? — привстал из-за стола Сафронов.

— Вот она, родимая. — Подчиненный с победным видом извлек из кармана аудиокассету.

— Одна? — Сафронов успокоенно плюхнулся обратно в кресло: в ногах правды нет, особенно с его-то весом.

— По крайней мере в квартире другой не было, — не очень уверенно подтвердил Осетров. Он переломил кассету пополам, смял пленку и бросил ее в мусорную корзину. — Все! — Его лицо озарило подобие счастливой улыбки. — Три часа квартиру трусили, нашли все-таки. Она ее за пианино приклеила, а пианино это пыльное, грязное, подойти страшно. Я сразу подумал, что пленка там, только мы систематически проверяли и добрались до него в последнюю очередь.

— Осетров, ты когда-нибудь про законы Мерфи слышал? — поинтересовался Сафронов.

— Нет, — следовательно замялся, — вроде в нашем законодательстве ничего такого нету.

— Болван ты, Осетров. — Сафронов ласково потрепал подчиненного. — А закон этот звучит так: искомый объект всегда лежит в стопке последним.

— Это в смысле, что начинать надо было с конца?

— А вот и нет, — рассмеялся Сафронов. — К этому закону прилагается еще и замечание: невозможно ускорить поиски путем переворачивания стопки. Понял?

Осетров озадаченно покачал головой, шевеля губами и повторяя про себя сказанное, но это уже было для него слишком.

— А хочешь, я тебе объясню, как поймать льва в Африке? — Сафронов, пребывая в благодушном на-

строении, любил поиздеваться над своим туповатым подчиненным. — Для начала Африку нужно разделить пополам, в одной половине окажется лев. Эту половину нужно тоже разделить пополам, и лев попадает уже в четвертушку, которую, в свою очередь, тоже нужно разделить пополам и так далее и так далее, пока лев не окажется в клетке. Вот и представь, что ты охотник, квартира Масленниковой — Африка, а пленка — лев. Теперь понял? Ладно, не мучайся, — сжалился Сафронов и сменил тему: — Что там Назаров?

— Пока без изменений. Я к нему вчера заходил, лежит, улыбочка дурацкая и гундит себе под нос. Если вам интересно мое мнение, то он никогда не оклемается.

Сафронов удовлетворенно хлопнул по столу пухлой ладошкой:

— Значит, так, дело прекращаем. Все необходимые следственные действия выполнены, состава преступления в действиях гражданина Кроткова не установлено.

— Значит, выпускаем?

— Наш прокурор постановление об освобождении из-под стражи гражданина Кроткова уже подписал, так что пусть катится колбаской по Малой Спасской. И не забудь извиниться перед ним от имени правосудия за причиненный моральный ущерб.

КАТЯ

19, 20 февраля

На этот раз Катю затолкали в тесный сырой и абсолютно пустой подвал. На бетонном полу виднелись круглые жирные следы, возможно, здесь рань-

ше хранили в бочках какую-то смазку, на стенах, судя по забитым в них чопикам, когда-то висели полки, возможно, с инструментами. Инструменты, разумеется, убрали, полки тоже сняли, — ей не оставили ничего, что можно было бы использовать в качестве средства нападения. С потолка на толстом витом проводе свисал патрон, но лампочки в нем не было, провод шел по потолку, а потом по стене к выключателю. В маленькое окошечко, расположенное над самой землей, Катя не смогла бы пролезть и похудев вдвое.

Она уселась на кучу пенопластовых стружек, когда-то ими пересыпали упаковываемую электронику, а теперь это была ее постель, которую она все же предварительно дотошно осмотрела в поисках хоть чего-нибудь. Но ничего в принципе обнаружить не удалось. Пенопласт занудно скрипел, и Катя привалилась к стене, стараясь не менять положения тела.

Итак, они пока еще не собирались ее убивать и даже увечить, несмотря на все, что она здесь натворила. А значит, надо ждать. Может быть, ее, в конце концов, отпустят или представится еще одна возможность для побега, который окажется более удачным, чем два предыдущих? Она устало усмехнулась и подумала, насколько сейчас это звучит нереально. Но с другой стороны, ведь всегда что-то бывает завтра, всегда все рано или поздно заканчивается и появляется нечто новое...

Катя уже задремала, когда вдруг за окном почувдился скрип снега. Прямо у окошка стоял «жигуленок», которому, наверно, не хватило места в гараже. Чьи-то ноги, обутые в коричневые ботинки на меху, протопали к машине, хлопнула дверца, и прямо в лицо Кате из выхлопной трубы ударила вонючая

струя дыма. Щели в окне оказались не такими уж огромными, и потому не весь дым попал в Катины «апартаменты», но тем не менее в подвале еще минут пятнадцать было почти невозможно дышать.

Освещения не было, и потому с наступлением ранних зимних сумерек Катя не видела ничего вокруг на расстоянии вытянутой руки. Ночью становилось немного лучше, — когда включали фонари во дворе, снег блестел настолько ярко, что, подойдя вплотную к окну, можно было бы даже читать, только вот читать-то было и нечего...

Прошел один день. Трижды появлялся охранник, заставляя ее отходить в дальний от двери угол и поворачиваться лицом к стене; ставил на пол поднос с едой и удалялся.

Рацион стал намного скуднее, сегодня ей принесли только бутерброды и сырую воду в пластиковых стаканчиках (никаких столовых приборов, даже пластмассовых), и разумеется, никто не предложил принять ванну или выпить горячего чая, хотя в подвале было чертовски сыро, и в перспективе весело замаячил ревматизм.

«Жигуленок» снова с утра подрулил к окну, отравляя своими миазмами ее и без того несладкое существование. Машина остановилась так близко, что при желании можно было, высунув руку из окна, дотянуться до той штуковины под задним бампером, за которую цепляется буксировочный трос. Катя не могла вспомнить, как же она называется. Но даже если бы и вспомнила, что толку? Как использовать эту возможность? Если б не было решетки, еще можно было бы что-то придумать, а так — бесполезно...

Или не бесполезно?!

Катя еще раз оглядела свое убогое жилище.

Конечно, провод! Толстый алюминиевый провод в матерчатой оплетке.

Катя энергично, но тихо принялась отдирать его от стены. Хорошо хоть проводка оказалась внешняя, с расковыриванием бетона голыми руками, пожалуй, справиться удалось бы через пару лет. Ну да ничего, она и так обломала все ногти, вытаскивая гвозди, которыми он был прибит. У нее было чертовски мало времени. Во-первых, менее чем через час «жигуленок» уедет, а во-вторых, если охранник, придя вечером, обнаружит следы ее трудов, то провод у нее отберут и обмотают вокруг шеи: прощай, свобода!

Наконец, дело двинулось быстрее, ногтями пришлось выковырять только первые два гвоздя, дальше Катя уже просто дергала за провод, и гвозди сами выскакивали из стены.

Смеркалось. Катя оценила, сколько времени ей понадобится, чтобы оторвать всю проводку, и поняла, что не успеет. Кое-как распутав зубами и ногтями оплетку, она принялась ломать проволоку. Наконец, у нее в руках оказался приличный, в два метра, кусок. Катя стащила сапог и каблуком ударила по стеклу, одновременно громко закашляв, а заодно утешая себя мыслью, что под дверью подслушивать некому, затем вынула его по треснувшим частям.

А вот и дыра в этой штуковине под бампером. Как же она все-таки называется? Катя сложила провод пополам и, продев его в отверстие, примотала к решетке. Интересно, воровали цемент здешние строители или нет? И насколько больше нужной пропорции в раствор добавили воды и песка? Иногда даже столь пагубная привычка может оказать кому-нибудь неоценимую услугу.

Все, теперь осталось только ждать. Катя считала время про себя. Примерно через семь минут появились коричневые ботинки, хлопнула дверца, заработал мотор, и пахнуло дымом. Но сегодня этот дым был для Кати слаще запаха роз. Машина взвыла, но осталась на месте. Решетка тоже.

Господи, неужели не получится?!

«Жигуленок» взревел с новой силой. Водитель, наверно, решил, что просто пробуксовывает в снегу, потому слегка сдал назад, чуть не въехав багажником в стену, и затем снова рванул вперед. Решетка тоже поддалась, но узел, который с таким трудом скручивала Катя, расходился на глазах. В результате «жигуленок» отвязался и умчался прочь, увозя на хвосте обрывок провода.

В отчаянии Катя изо всех сил принялась расшатывать решетку, и та в конце концов вывалилась наружу. Слава богу, значит, воровали все-таки цемент!

Фонари еще не зажигали, и, выбравшись во двор, Катя укрылась в глубокой тени дома. Раздался звук шагов: кто-то услышал шум. Катя затаила дыхание, но ее невероятно грязный, но все же светлый свитер на фоне темной стены мог выдать ее с головой. Охранник-джигит подошел к подвальному окошку и, наступив на решетку, смачно выругался.

— Эй, сука, ты где? Лучше сама выходи, нэ то... — Он щелкнул предохранителем и, держа пистолет в вытянутой руке, пошел прямо на Катю. Она, прижавшись к стене, стала медленно отступать и чуть не вскрикнула от неожиданности, когда наткнулась на что-то спиной. Но это оказалась всего лишь водосточная труба, и на конце ее висела восхитительная длинная и толстая сосулька.

Охранник, услышав треск ломающегося льда,

направил пистолет на звук, Катю он по-прежнему не видел и сделал шаг вперед. Катя, подняв над головой и обеими руками обхватив свое, в прямом смысле слова, холодное оружие, бросилась навстречу, вкладывая в удар все свои силы, изрядно подорванные многодневной и бесполезной борьбой.

Сосулька врезалась охраннику в лоб и сломалась, буквально разодрав кожу над бровями. Он вытаращил глаза от удивления и, глухо охнув, судорожно прижал руки к окровавленному лицу и свалился наземь. Катя ногой отшвырнула упавшее оружие в сугроб и побежала.

Она неслась вдоль гладкого высокого забора, тщетно высматривая если не лестницу, то хотя бы какую-нибудь бочку или ящик, с которого, подпрыгнув, можно было бы ухватиться за верхний край забора и перебраться на ту сторону, но двор был девственно пуст. Охранник, потративший некоторое время на поиски пистолета, отставал. Прижимая руки к израненному лбу и размазывая рукавом темную кровь, заливавшую глаза, он ковылял следом, оставляя на снегу неровную красную дорожку.

Катя наконец добралась до ворот, но и они оказались заперты. Сваренные из листов толстого железа, ворота были еще укреплены приваренными крест-накрест кусками швеллера. Катя принялась карабкаться наверх, судорожно хватаясь руками за обжигающе холодное железо. Она уже добралась до перекрестья и, последним усилием подтянувшись на руках, перебросила ногу на свободу, когда охранник, обливаясь кровью, выполз из-за угла и поднял пистолет, стараясь целиться ей в руку или ногу. Но он практически ничего не видел, а Катя уже нависла над воротами.

Ждать больше было нельзя, и он выстрелил.

«Почему сердце всегда чувствуют грудью и никогда — спиной?» — успела подумать она.

Пуля вошла под левую лопатку. Тело девушки стало медленно сползать вниз.

БОЙКО

20 февраля, вечер

Подполковник уже знал, что дело прекращено, и Кротков, благосклонно приняв извинения Осетрова, покинул стены следственного изолятора вечером в самом конце рабочего дня. Теперь оставалась только одна проблема — Масленникова. Ему докладывали о ее художествах. Пожалуй, пусть еще пяток дней посидит, а там можно и выпускать, все равно ничего не докажет. Его подчиненные получили строгие инструкции на сей счет. Девушку вернуть домой, помотавшись перед этим часок по городу, чтобы и не догадалась, откуда ее привезли. Дома, в котором ее держали, она снаружи не видела, так что описать его не сможет, из его людей она видела только двоих, и у тех на момент похищения твердое алиби.

Со спокойной совестью он взялся за телефонную трубку. Можно сигналить-докладывать, что на этот раз все прошло без осложнений, а заодно и о том, что имеется кадровое пополнение. И пусть ни Сафронов, ни Горошко даже не догадываются, на кого работали, завязаны они теперь крепко, и их вполне целесообразно использовать вновь.

Он набрал номер заместителя министра внутренних дел, тот был еще на месте. Подполковник коротко отрапортовал:

- Все в порядке. Дело прекращено.
- Без эксцессов? — поинтересовался зам.
- Без.
- Хорошо, — зам дал отбой.

Бойко потянулся в кресле. За окном в желтоватом свете фонарей почти отвесно падали огромные хлопья снега. «А не провести ли мне этот замечательный вечер с не менее замечательной женщиной. Интересно, что она поделывает? Закатиться в ресторан...» Приятные мысли прервал телефонный звонок. Старший группы, обеспечивавшей охрану Кати, угрюмо доложил:

— Андрэй Ильич, девюшка погиб, да?

— Как погибла? От тоски по любимому? — благодушно переспросил подполковник, мысли его все еще были настроены на романтический лад.

— От пули в область сэрдца. Она пачти сбэжал, пришлось выстрелит, целил в конэчность, но нэ папал, да.

У Бойко похолодело внутри.

— Хорошо, я сейчас приеду. — «Черт, новый геморрой! Этого еще не хватало, только ведь отрапортовал...»

Не успел Бойко уйти, как телефон снова затрезвонил. Он с надеждой потянулся к аппарату, может, ошиблись, может, только ранена...

Но это был замминистра.

— Мне только что позвонили. — По голосу было слышно, что он с трудом сдерживает ярость. Бойко затаил дыхание, морально готовясь к разносу за гибель Кати, но его ждал еще больший сюрприз.

— Ты хоть представляешь, кто отец той девки, которую ты... которую твои...

«Еще не знает», — облегченно вздохнул Бойко и тут же снова напрягся.

— Эта твоя Масленникова единственная дочь нашего всенародного Верховного судьи Уткина Ивана Сергеевича. Слышал про такого?

Бойко поперхнулся.

— Так вот, быстренько доставить ее домой, все следы подчистить, людей, которые имели с ней дело, из Москвы вон! И если, не дай бог, Уткин хоть что-нибудь пронюхает, я лично позабочусь, чтобы ты не дожил до пенсии. Все.

Бойко сидел оглоушенный. Как же ему сказать, что он не сможет выполнить приказ, что его вообще уже никто не сможет выполнить?! Наконец, собравшись с духом, он открыл было рот, но в трубке раздались только короткие гудки.

БОЦМАН

19 февраля, ночь

Палыч от удара по голове пистолетом Ваняя получил изрядное сотрясение мозга и несколько дней пребывал в состоянии, напоминающем тяжелое перманентное похмелье, и даже пытался лечиться соответствующим образом — безрезультатно.

Сотрясение мозга весьма неожиданным путем привело к сотрясению его морской души. Тошнило Боцмана немилосердно, он вспомнил первый выход в открытое море после мореходки, свой первый шторм и первый жестокий приступ морской болезни. Воспоминания оказались на удивление приятными, чему трудно было найти вразумительное объяснение. Собственно Палыч не здорово и старался: за ним не водилось склонности к углубленному самоанализу. Будучи натурой романтической, дал

себе слово непременно свалить из Москвы и отправиться к морю, если пронесет на этот раз и он не отдаст Богу душу. К моменту освобождения Назарова старик оклемался, с определенным содроганием убедившись, что никто пока в его душе заинтересованности не проявляет. Страх перед неизвестным, благоразумное нежелание сниматься с мертвого якоря и пускаться на старости лет в скитания отчаянно боролись в поврежденной голове Палыча с беспокойной сумасшедшинкой, толкавшей его на рискованный шаг. Но самый большой страх он испытывал от предчувствия результата борьбы двух этих начал. Боцман пошел на хитрость: пытался напиться, чтобы после почувствовать себя старым и больным, давая тем самым дополнительные аргументы благоразумию. Толку от таких ухищрений было мало: напившись, он становился буен, чего давно уже не случалось, а голос разума в нетрезвом виде звучал довольно тихо или вообще почти не звучал. В одну из хмельных ночей с Палычем случился, наконец, кризис. Он собрал свои пожитки, недопитую бутылку в том числе, и решительно двинулся к выходу. У порога Боцман, как водится, остановился, но не затем, чтобы оглянуться назад или присесть на дорожку, он понял, что уйти просто так — недостаточно, нужно уходить с треском, чтоб запомнили надолго. Палыч наполнил ведро растворителем из бочки и разлил, отступая к двери. Затем еще одно — уже на улице, набрал третье, но удлинять дорожку не стал: и так сойдет. Закончив приготовления, он поджег склад и полюбовался стремительно разгорающимся пожаром, стоя совсем близко с ведром растворителя в руке. Через несколько минут запылало так, что находиться поблизости стало просто невыносимо. Палыч побежал

прочь, соображая, куда выплеснуть ведро, но не соображая, куда идет. А вышел он на дорогу и едва не попал под колеса подъехавшей машины с «пацанами» Кроткова.

«Все, — подумал он, — все, моря я так и не увидел».

— Ты что гонишь, дед? Брось ведро, пожарник долбаный! Отчего загорелось? — Сидевший рядом с водителем открыл дверцу.

Палыч неожиданно для самого себя окатил его из ведра и бросил спичку в салон. Пассажир загорелся абсолютно весь, катался по снегу, громко, визгливо матерясь. Водитель воспламенился только ниже пояса, он проворно сбросил брюки, выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил Палычу прямо в лоб.

Через двадцать секунд склад взлетел на воздух, и всех троих вместе с машиной завалило горящими обломками.

КРОТКОВ

20 февраля, утро

Его освободили, когда уже стемнело. Валил настолько густой снег, что курить на улице было невозможно: приходилось одной рукой делать сигарете «козырек». Ни одной знакомой машины видно не было.

На всякий случай Кротков медленно пошел вдоль стоянки, досадуя, что, скорее всего, придется добираться домой своим ходом, к тому же по такой гнусной погоде. Вдруг за спиной взвизгнула тормозами красная «хонда», за рулем сидела Ракитская.

— Поздравляю со счастливым освобождением и полной реабилитацией, — язвительно сообщила она, приоткрывая ему дверь.

— Прием поздравлений по вторникам и четвергам, предварительная запись у секретаря. — Он погрузился на переднее сиденье, а заодно в свой обычный облик, плохо гармонирующий с наличествующим внешним видом, — эдакий принц помойки. — Для вас, мадам, ввиду особого моего расположения, запись необязательна. Кстати, как свободного с недавних пор человека, меня интересует вопрос: куда мы направляемся?

— Навстречу новым неприятностям, — произнесла Ракитская, на этот раз совершенно бесстрастно.

— Не хочу показаться наивным, но разве я не полностью оправдан? Или не улажены еще какие-то формальности?

— Я угадываю в твоем тоне претензию, или мне послышалось? — В ней снова проснулась ирония. Не дожидаясь ответа, адвокатесса продолжала: — С формальностями все в порядке, на мой счет можешь не беспокоиться, хотя опасное направление определено верно: угроза исходит от красивой женщины.

— Кто же эта грозная красавица? Сейчас угадаю. Выдающаяся су... прошу прощения, стерва Катерина Масленникова? Она по-прежнему наводит ужас на криминальный мир?

— Меня это не интересует. О своих делах будешь объясняться с шефом, — Ракитская оборвала его на полуслове.

— Ладно, легко изменяем тему. Я должен расценивать почетный эскорт, который ты мне составляешь, как утвердительный ответ на свое недавнее предложение?

Ракитская оценивающе посмотрела на Кроткова, не проявляя видимого энтузиазма.

— Не наблюдаю былой пылкости. Я допускала, хотя, заметь, не рассчитывала, что ты затащишь меня на заднее сиденье там, прямо у ворот тюрьмы, без наводящих вопросов.

Он тоже оценивающе оглядел ее и — заднее сиденье.

— Поспесишь — людей насмешишь...

Ракитская взглянула на попутчика с интересом.

— Угадываю основательный подход к проблеме. — Она повернула зеркало заднего вида к себе и поправила прическу. — Хотя я по-прежнему настаиваю на том, что твои дела меня не касаются, позволю себе дать один дружеский совет: постарайся уделить больше внимания другому основному инстинкту.

При появлении Кроткова Сенатор, против обыкновения, прервал очередной киносеанс и последовал в кабинет. Он встретил недавнего зека недружелюбно, что, впрочем, являлось для босса вполне характерным. Сесть не предложил, и гость так и остался стоять на почтительном расстоянии, глядя на хозяина, восседающего в высоком, помпезном кресле, как на троне. Кабинет был двухуровневый: массивный вычурный письменный стол с ножками, выполненными в форме карсатид, и кресло Сенатора стояли на возвышении, поднимая его над окружающими.

— Проветрил мозги на киче? — спросил Сенатор, не поднимая глаз.

Кротков спокойно молчал: он знал, что шефа перебивать не стоит, грубость Сенатора в какой-то мере компенсировалась немногословностью. Даже в

самом дурном расположении духа он после двух-трех вступительных ругательств переходил к делу.

— Ты вроде образованный человек, а «наезжаешь» на всех без разбору, как танк, дальше собственного ствола ни хрена не видишь. Гляди, подорвешься — только яйца по небу полетят! — Сенатор после длинной паузы уставился на Кроткова своим тяжелым взглядом. — Садись, не маячь.

— Благодарю. — Кротков с достоинством опустился в широченное, но низкое и неудобное кресло, не отводя глаз от босса. Это был ритуал: нужно выражать почтение, не теряя лица. Сенатор, поднявшийся из грязи в князи, придавал непомерное значение подобным условностям, а Кротков еще на комсомольской работе в совершенстве овладел искусством ходить «на ковер».

Сенатор прошелся по своей кафедре и, резко обернувшись, удостоверился, что посетитель смотрит ему в спину, а не глазеет по сторонам.

— Знаешь, кто папаша этой чертовой девки Масленниковой? Думаешь, какой-нибудь Масленников? А вот тебе хрен! Уткин. Председатель Верховного суда.

Кротков с ужасом понял, что обделался по полной программе. Действительно угораздило: думал, споткнулся о камешек, а оказывается, нарвался среди чистого поля на противотанковую мину замедленного действия. Если рванет — разнесет в клочья. Собеседник прервал поток кротковского сознания.

— На этот раз тебе, придурку, повезло. Завтра же с ней все уладишь. Только в другой раз я за твою охренелость расплачиваться не стану. — Последние слова Сенатор произносил не зло, а устало.

Кротков понял: босса тревожит что-то еще, зна-

чит, оргвыводов не последует — сейчас ему не до показухи. Из-за дурацкой Масленниковой с ее шишкой-отцом по большому счету самому Сенатору ничего не грозило. Если бы не смог отмазать исполнителей, отдал бы на съедение со всеми потрохами, а сам от них открестился. Отдуться пришлось бы ему — Кроткову и его людишкам. Нет, что-то тут не то, видно, случилось нечто, затрагивающее шефа лично.

— Пойдем примем по сто граммов, нужно кое-что обсудить, — выдал Сенатор после нескольких затяжных кругов по кафедре, подтверждая догадки гостя.

Кротков, отправившись в туалетную комнату вымыть руки, увидел себя в зеркале и был слегка шокирован такой явной непредставительностью. В подобном виде при других обстоятельствах он не сунулся бы дальше собственного сортира, тем более не явился бы к шефу. С другой стороны, если Ракитская пережила общение с ним без обморока — этот мужлан и подавно вытерпит, не поперхнется.

За столом сидели вдвоем. Кротков отдавал должное кушаньям, с тайной издевкой поглядывая на Сенатора, который, словно обиженное капризное дитя, воспринимающее ужин как тяжелейшую повинность, ковырял специально для него приготовленный в американском стиле бифштекс с кровью.

— Пока ты на нарах загорал, дорогие соседи на нас «наехали»: всех центровых нищих загребли под себя. С нищими я дал им просрать, но теперь так мыслю: эта вшивота — только начало. Следующий на очереди — ты. Смотри не вздумай облажаться и подставить меня еще раз! Удушю собственными руками! — Он вдруг выскочил из-за стола и стал быстро ходить туда-сюда, разрубая рукой невидимых

врагов. — Пусть твои дармоеды берут задницы в руки и пройдутся по всем клиентам. Если кто-то предложит сменить «крышу» — немедленно докладывать. Доложат — получают премию, не доложат — выпускай кишки! Без разговоров! Твои предложения?

— Завтра, — твердо сказал Кротков. Когда Сенатором овладевал руководящий бум, он становился совершенно нетерпим к чужому мнению. — Я должен во всем разобраться на месте.

В этот момент зазвонил телефон. Кротков не слышал, о чем говорит собеседник Сенатора, но шеф едва не задохнулся от гнева:

— Началось! Сожгли твой склад. Возьми двоих моих ребят и дуй разбираться! Жду звонка.

БОЙКО

20 февраля, вечер

Подполковник приехал на свою дачу через шестьдесят пять минут после гибели Кати. Девушку внесли в дом и уложили на диван. Его люди, очевидно, не потеряли присутствия духа: диван был накрыт куском брезента.

Пуля прошла навылет и расплущилась о ворота. «Антуан», выскочивший из дома на звук выстрела, подобрал ее в снегу, он же уничтожил следы крови во дворе.

Девушка лежала как живая, казалось, она просто прилегла отдохнуть и сосредоточенно разглядывает что-то на потолке. Длинные светлые вьющиеся волосы с капельками растаявшего снега рассыпались по подушке, уже побледневшее, с легким восковым

оттенком лицо, высокий лоб, тонкий нос, разлетающиеся прямые брови, серо-зеленые глаза открыты и неподвижны, руки ей сложили на груди, прикрыв черное от запекшейся крови пулевое отверстие.

Бойко подошел вплотную и опустил ей веки:

— Накройте ее.

«Антуан» бросился исполнять приказание. Но Бойко не мог находиться в этой комнате, даже не видя тела. Непонятно. Ведь он когда-то был на оперативной работе, ему приходилось видеть трупы, и довольно часто, и гораздо более страшные... «Отвык, — подумал он, — или нервы сдают». Он достал сигарету и, щелкнув зажигалкой, жадно затянулся.

— Предложения есть?

— Закопать, — тут же откликнулся «Антуан».

— Зыма на дворэ, всю ночь копат придется, да, — его напарник с перевязанной головой не разделял энтузиазма приятеля.

Бойко понимал, что от трупа нужно избавиться, но бесследное исчезновение девушки не отменяет ее поисков, а если будут искать, то могут и найти. Значит, нужно уничтожить тело с концами... или устроить имитацию несчастного случая, или на крайний случай даже убийства, но где-нибудь подальше отсюда. И выглядеть это должно абсолютно достоверно.

По понятным причинам Бойко не желал задействовать других людей. Чем меньше народу участвует в операции, тем меньше вероятность того, что об этом станет известно Уткину. Итак, вывод: необходимо инсценировать несчастный случай, причем на счету каждая минута, ибо чем дольше они думают, тем сильнее коченеет тело и тем проще будет уста-

новить расхождение между мнимым и истинным моментом смерти.

Первой мыслью Бойко было ввезти тело в город и бросить где-нибудь в центре, а потом с помощью тех же Сафронова и Осетрова не дать следствию раскрутиться, но он тут же отверг этот вариант: слишком опасно, Уткин-то будет давить на все педали.

А его подчиненные продолжали выдвигать версии:

— Можно утопит в проруби, да? До весны не всплывет, да? А когда всплывет, на апазнават будут года два, да?

— А если рыбак зацепит? Нет, надо кремировать. Андрей Ильич, вы как считаете?

— Нам нужна какая-нибудь катастрофа, авария... что-то в этом роде.

— А как же пулевое отверстие?

— Хорошо, автомобильная авария исключается, что еще?

— Ну, можно взять дробовик и прострелит ее еще, повторэв эта... траэкторию, вот, а потом бросит в лес — погиб дэвушка на охоте, да, а дружок испугался и сбежал, да?

— Справишься? — обратился Бойко к забинтованному джигиту, который в принципе был неплохим стрелком, но сегодня уже успел опозориться.

— Пастараюс. Но толко если к дэрэву прыслонит, и все равно — упадет ниистествинно, и кров нэ будэт.

— Можно сжечь, — начал «Антуан», — оттащить в...

— Нет, — раздраженно оборвал его Бойко, — при вскрытии все равно обнаружат причину смерти.

— А может, граната или мина?

Бойко просчитал в уме: ехать в Москву (с трупом), угонять машину, начинять взрывчаткой (кстати, где взять так молниеносно, чтобы не засветиться) и подрывать — долго, и на каждом этапе возможны затруднения.

— Андрей Ильич, давайте на рельсы положим, — «Антуан» был просто неиссякаем. — Здесь километрах в трех есть неохраняемый переезд, поезда каждые десять минут проходят. Если аккуратно положить, то можно, во-первых, скрыть следы пули, а во-вторых, будет похоже на самоубийство.

— Хорошо, пусть будут рельсы, — устало согласился Бойко. Других «достойных» вариантов все равно не нашлось.

Труп Кати затолкали в багажник и минут через пять были на переезде, через который как раз грохотал длиннющий товарняк.

«Ладно, — подумал Бойко, — если полсотни вагонов протащить по телу, уже никто не разберется, была там пуля или нет, а насчет причин самоубийства потом подумаем».

Машину остановили метрах в двадцати, благо была ночь, и за все время мимо не проехало ни одного другого автомобиля. «Антуан» с «перевязанным» осторожно, стараясь не оставлять следов на снегу, перенесли тело и уложили недалеко от переезда так, чтобы грудь оказалась на рельсе, бросили рядом шубу и сумочку с документами и бегом вернулись в машину. И вовремя — уже слышался грохот приближающегося поезда...

Машинист издалека заметил красный огонь семафора и сбавил ход, надеясь, что ему хоть не всю ночь придется проторчать на этом переезде. Помощник, совсем еще пацан, только после училища, с огромным трудом преодолевал сонливость, изо

всех сил таращился вперед. Вдруг он вскрикнул и принялся тормозить машиниста:

— Батя, гляди, баба лежит!

Машинист, теперь тоже заметивший на рельсах светлую фигурку, почти не выделяющуюся на фоне снега, до отказа вдавил педаль тормоза, с ужасом ожидая услышать вопль женщины и хруст костей, но за жутким визгом колес о рельсы, он не слышал даже собственных мыслей.

Наконец локомотив замер, и помощник спрыгнул с подножки на снег. Передние колеса остановились в метре от тела.

— Ну, что там? — крикнул машинист, не решаясь покинуть кабину. Его уже заранее тошнило.

— Недолет, — обрадованно откликнулся пацан и принялся тормозить девушку за ногу. — Эй, вставай... Батя, она, видать, сознание потеряла со страху.

Машинист, кряхтя, спустился и, перевернув тело, грязно выругался:

— Сознание, говоришь, потеряла, да она холодная уже и дырка в груди, видишь, вот...

Помощник, схватившись за горло, отвернулся, и его немедленно стошнило.

— Давай тащи ее в кабину и шубу вон прихвати, и сумочку.

Стараясь не смотреть на лицо девушки, пацан помог поднять тело по ступенькам.

Вспыхнул зеленый свет семафора, и, трогаясь с места, машинист вызвал диспетчерскую:

— Центральная? Состав 1260. У переезда Панфилово на рельсах обнаружено мертвое тело, вызовите там кого положено, — и тут же в ответ на дребезжащее замечание из динамика: — Да не я ее, не я! Была уже неживая!

21 февраля, день

Черный лимузин-«членовоз», кованный по спецзаказу на заводе им. Лихачева в стародавние времена и ощущавший своими мягкими сиденьями историческое тепло сидалищ многих членов Политбюро, притормозил в конце стоянки Министерства внутренних дел, чтобы принять на борт заместителя министра. Невысокий мрачный пассажир плюхнулся напротив долговязого хозяина машины — Дуремара и, стащив пыжиковую шапку, вопросительно на него уставился.

Звуконепроницаемая тонированная перегородка, отделяющая салон от водителя, была закрыта.

— Мое почтение. — Хозяин скривил свое и без того не слишком благообразное лицо в ухмылке, отвесив полупоклон. В горле у него, как обычно, что-то каркало и булькало. — Вас не мучает совесть, мой лампасоносный коллега? — Он безнадежно махнул рукой: — Знаю, в вашем министерстве мало знакомы с этим феноменом.

— Замечательная погода, — согласился зам тоном хорошо воспитанного человека, вынужденного вести светскую беседу со стопятилетней троюродной тетушкой.

— Никогда не будите спящую совесть, — гнул свою линию хозяин, легко убрав улыбку с лица и поддав скрежету в голос. — Могут быть большие неприятности.

— По железной дороге...

— Так, — сказал Дуремар задумчиво, закинув ногу на ногу, в третий раз за минуту кардинально изменив настроение, по крайней мере, изобразив

это на лице. — Так, — он сделал рукой винтообразное движение, как бы закручивая лампочку в потолок, — переходим к фактам. Факты печальны. Печальна участь мадемуазель Масленниковой-Уткиной — раз. Печально стремление моего коллеги скрыть трагическую правду — два.

— Увы, исполнители не могут быть интеллектуалами просто по определению. Ни один башковитый парень не захочет ковыряться для нас в дерьме — захочет ездить на лимузине и отдавать распоряжения. — Зам старался сохранять ледяное спокойствие. Он был готов ответить на обвинения в идиотизме своих подчиненных, но необходимость оправдываться перед равным по положению и крайне заносчивым Дуремаром его донельзя раздражала. Еще более раздражало то, что попутчику удалось разнюхать о его проколе слишком быстро.

Дуремар взмахнул густыми кустистыми бровями, могущими заинтересовать торговца щетками, словно смахнув реплику оппонента.

— И более всего печальны поползновения господина Уткина сдать власть — три.

Зам весь напрягся, стараясь не показывать виду. Впервые за долгое время он ощутил реальный страх разоблачения, и вместо потока спасительных идей в голове застряла одна дурацкая мысль: «Вот к чему эта сволочь про совесть вспомнила...» «Эта сволочь», натянув одну из своих мерзких глумливых полуулыбок, смотрела на него в упор с видом полного превосходства и презрения. «Застрелил бы с удовольствием, — подумал зам, но потом приструнил себя: — А может, просто у него морда такая?» Наконец, он превозмог гадливость и задал вопрос:

— Уткин уже успел стукнуть?

Попутчик снова закинул ногу на ногу, поменяв их местами, и оживился.

— Нет. Пока.

— Тогда принимаем меры сейчас же, и через полчаса наш председатель Верховного суда будет уже двадцать минут как мертв.

Зам на секунду замолчал. Дуремар сделал широкий жест, предлагающий продолжить высказывание.

— Ну, и...

— Я смогу держать все под контролем. Завтра же передам своему непосредственному руководству компромат на Уткина. Обвинения во взятках по двум-трем делам. У меня по всем его процессам за последний год картотека втрое больше, чем в самом суде. — Он опять замолчал.

— Ну, и...

— Министр проследует с моими бумажками к Президенту на ковер, — продолжил зам, все более раздражаясь, — и они примут единственно мудрое решение: все тщательно проверить, и главное — чтобы, понимаешь, строго секретно. — Он передразнил манеру речи Президента, от чего немного успокоился. — Кстати, Уткин знает, что пора ему заказывать панихиду по отпрыску?

— Отпрыск — это слово мужского рода. — Дуремар специально для этой фразы броском поменял ноги местами и перешел в состояние задумчивости. — Нет, не знает. Пока. — Перебросил ноги, воспрянул. — Суть предложений в целом ясна. Приятно иметь дело с решительным и принципиальным человеком!

— Мне нужно позвонить, — отчеканил зам. Теперь он, в качестве руководителя исполнительных структур, владел ситуацией.

— Терпение, — Дуремар выставил вперед ладонь, призывая собеседника к спокойствию.

— В чем дело? — Зам уже оседлал коня и не желал слезать.

— Я сказал, предложения ясны. Но не одобрены.

— Тогда прошу объяснить почему, только популярно, чтоб я все понял и проникся, — зам цедил слова как капли отравы, — потому что у нас пока не все благополучно с консенсусом, — на «консенсусе» он сделал ударение.

— Осуществляя изложенный план, мы слегка лишимся головы. — Дуремар лихо «ввернул лампочку».

— Во-первых — кто не рискует, тот не пьет шампанское. Во-вторых — не понятно, как и за счет чего мы лишимся головы. — Зам попытался изобразить собеседника и даже повторил его коронный жест.

— Головы лопнут, — Дуремар с улыбкой посмотрел на неудачливого имитатора, изобразив руками взрыв, — от нежелательного общественного резонанса.

— Пока не вижу, каким же все-таки образом, — упрямо стоял на своем близорукий зам.

— Мой дорогой глубокоуважаемый милиционер, давайте проведем мысленный эксперимент, — сказал Дуремар вкрадчиво.

— Давайте, давайте! Давайте проведем! Проведем мысленный эксперимент — только быстро, потому что пока мы упражняемся в изящной словесности, этот чертов Уткин с его больной совестью нас пошло и банально заложит.

— Спокойствие! Мысленный эксперимент начался! Собирается спецгруппа для расследования дела об убийстве Верховного судьи. Так! В нее

включены самые тупоголовые следователи. Они начинают прорабатывать свои безумные версии. Постоянно попадают в гениально расставленные ловушки. Уткин пал жертвой марсианской агрессии! Напряжение нарастает! Еще раньше его дочь вступила в схватку с семичленным инопланетным чудищем! Но погибла в неравном бою от галактической пули, калибром пятнадцать миллиметров! Выпущенной противником из пистолета милицейского образца!

Дуремар отвернулся от «милиционера», ошарашенного эмоциональным накалом речи, и стал внимательно изучать пейзаж за окном, как человек, впервые посетивший Москву. Они пошли на второй виток по Садовому кольцу.

— Я так понимаю, у тебя есть более гениальный план, который может сберечь наши головы для новых свершений? — Зам откатился на исходные позиции, готовый встретить в штыки встречное предложение. Поступить так следовало для восстановления статус-кво. «Если наш дражайший клоун сохраняет спокойствие — значит, какое-то время, чтоб разобраться с делами, еще есть. Важно не просто оказаться правым, главное — оказаться правым вовремя!»

— Более гениальный план — он, разумеется, прост, как все более гениальное... — Говорящий выдержал паузу, меланхолично шевеля пальцами, не отрываясь от окна. — Я сам загляну к Уткину. Пососедски. Утешу несчастного. Скажу, что мы найдем его дочь: мы же все можем! — Он обернулся к заму, будто ища поддержки. — Мы же все можем?!

— Отсрочка на несколько дней. За это время ты по-соседски раскроешь ему глаза на глубину его

падения. И он задохнется от стыда, не оставив ме-
муаров. Я правильно понял?

— Браво. Наконец-то узнаю коллегу.

— Значит, решено? Задохнется от стыда? Тогда я спокоен. — Зам умиротворенно развалился на сиденье. — Осталась только одна маленькая проблема, даже не проблема — так, проблемка: что делать, если он возьмет и откажется?

— Проблемка не в этом. Он не должен случайно найти дочь. За остаток своей честной и принципиальной жизни.

— Если остаток будет коротким, скажем, несколько дней, то не найдет, могу гарантировать, только...

— Я рад. — Дуремар пожал собеседнику руку. — В свою очередь гарантирую: остаток будет коротким. Конец — безвременным, но совершенно, совершенно естественным. К нам едет один любитель животных. Весьма необычный. После встречи с ним люди часто умирают. Задыхаются от стыда, например.

— До сих пор подобного рода акции всегда являлись моей прерогативой.

— Я не привык озвучивать банальные истины. Но вынужден напомнить: бизнес, бизнес *uber alles*! Амбиции — в задницу.

ТУРЕЦКИЙ

22 февраля, день

Он неслышно проник в собственный дом и застал идиллическую картину. Ирина Генриховна и Ниночка азартно возились на ковре с конструктором.

ром «Лего», изобретая различные решения одной и той же игры.

— Знаешь, — шепнул ей Турецкий, — все эти ваши поперек-сверху-вниз здорово возбуждают. Может, нам с тобой спрятаться ненадолго в ванной?

— А зачем? — не глядя, но так же тихо ответила жена. — Чтобы я потом сказала: ну ничего страшного, у всех мужчин иногда такое бывает?

Турецкого перекосило, и, отправляясь на кухню, он пробормотал:

— Не хочется себя рекламировать... но у меня такое бывает чаще, чем иногда.

Некоторое время его не было слышно, пока не раздался звон падающей посуды. Ирина немедленно последовала на этот сигнал. Нинка немедленно прибежала следом. В результате все семейство неловко сосредоточилось на восьмиметровой кухоньке.

— Что ты тут делаешь?

— Хочу найти что-нибудь съестное... О Господи, у тебя тут одиннадцать банок грибного супа?!

— Иногда продукты в шкафу начинают устраивать войну. А грибной суп их умирят.

Раздался звонок, и Турецкий, уже потерявший аппетит, с видимым облегчением двинулся в прихожую. Это оказался Денис Грязнов, который, не дав опомниться, выпалил скороговоркой:

— Дядь Саш, я за вами, как договаривались, здравствуйте, Ирина Генриховна!

— Ириша, — промямлил Турецкий, — мы с Денисом хотим э-э-э... сыграть пару партий на бильярде, вот. — И в подтверждение сказанного чихнул.

— Прекрасно! — отреагировала жена.

— Прекрасно? Это означает — ничего хорошего...

— Нет... я серьезно говорю, иди развлекайся.

— Только — не развлекайся. Это еще хуже, чем прекрасно. Это прекрасно в смысле — отвратительно. Может, ты наконец объяснишь, в чем дело?

— Хорошо. Когда у нас появятся хоть какие-то деньги? Ты же обещал в этом месяце разобраться с долгами?!

— Так и будет, как обещал! Через десять дней у меня зарплата.

— Сейчас посчитаем. — Она повернулась к настенному календарю. — Ну знаешь! Тридцатое февраля по многим причинам совсем не подходящий день!

— Папа не умеет считать! — констатировала дочь.

— Не расстраивайся, зайчик. Милиционеры всегда медленно соображают. Поэтому-то фильмы про них такие длинные.

— Мама шутит. Твой папа не милиционер. Ну ладно, я скажу тебе правду. Меня отправили в отпуск, — признался Турецкий.

Денис неловко топтался, не зная, проходить ли в квартиру или выйти и подождать Александра Борисовича на улице, не будучи уверенным, что он теперь вообще сможет выйти из дому.

— Какого черта?! — не выдержала Ирина и тут же спохватилась: дочка была рядом. — Пойди поиграй, солнышко.

— Зачем?

— Чтобы ты не слышала, что я сейчас скажу.

Ниночка секунду подумала и со вздохом призналась:

— Я знаю все эти слова.

— Я знаю, что ты знаешь, — в свою очередь призналась ее мать. — И наверно, даже больше, чем я. И именно поэтому я не хочу тебе показаться необразованной. Денис, заберите ее в гостиную.

— Ой! — Ниночка вдруг испуганно схватилась за дверной косяк. — Все как-то завертелось перед глазами...

— Правда? Но тебе все равно придется выйти отсюда.

— Ладно, — сдалась Ниночка. — Но попробовать-то можно было...

— Дело не в деньгах. Вернее, не только в деньгах, — с тяжелым сердцем сделал вывод Турецкий.

— Я не хочу об этом говорить, — быстро сказала Ирина Генриховна.

— А я хочу! Поэтому согласимся на компромисс и сделаем по-моему... У тебя кто-то есть, верно?

Ирина молча и выразительно посмотрела на мужа.

— Не нужно напрягать память, чтобы вспомнить... Ну ладно, хватит, — он устало рубанул рукой воздух. — Мне нужна правда!

Ирина молчала. Прошла минута, и Турецкий сдался:

— Мне нужна правда... Или... хотя бы интересный вариант.

— Как будто тебе не все равно! — У нее на глазах показались слезы.

— Да... Ну все, довольно. В любом случае этот разговор окончится не так, как я хотел.

— Не понимаю...

— Мне не станет легче, а тебе не будет страшно. — Турецкий заглянул в комнату, чтобы позвать Дениса. А там племянник Грязнова и его наследница вели следующий географический диалог:

— Ты знаешь про Тихий океан?

— Да.

— Я его переплыла! — заявила дочка и в доказательство топнула ножкой.

— А ты слыхала про Мертвое море? — азартно парировал Денис.

— Да, — не задумываясь, соврала Ниночка.

— Я его прикончил!

АЛЕКС МИЛЬ

20 февраля, день

Он прогуливался гулками и звонкими улочками Сиона, так похожими на улицы старого Таллина, в котором он вырос. Его легкие наполнялись живительным и пьянящим воздухом предгорий Альп. На горизонте маячил в тумане древний средневековый замок, черным обелиском возвышавшийся над холмом и обозреваемый из любой точки города. Где-то рядом в кафедральном соборе печальной баховской фугой звучал орган; часы на старом здании ратуши пробили четыре раза.

Алекс Миль еще минуту полюбовался снежными вершинами на горизонте. Сегодня он должен уезжать из этого волшебного места, его ждет пыльная и шумная Москва, и как долго продлится свидание с родиной — неизвестно.

Миль облысел очень рано, уже в двадцать на голове обрисовалась заметная плешь и никакие средства для ращения волос не могли с ней справиться. Он страдал, даже летом носил кепку, сторонился женщин, ему постоянно казалось, что лысина

является объектом всеобщего внимания и насмешек.

Со временем комплекс исчез напрочь. Этому в немалой степени способствовала работа в госбезопасности. Он испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, растворяясь в толпе, несмотря на нестандартную внешность: маленький рост, лысину, утиный нос и пудовую челюсть. Он научился вести себя вызывающе, эпатировать окружающих, добиваясь желаемой реакции, обрел душевный комфорт и, отправляясь на любое задание, чувствовал себя куда лучше, чем на школьном выпускном вечере.

Миль медленно двинулся к центральной площади. Нужно уладить последние формальности, связанные с отъездом. Толкнув массивную стеклянную дверь, он вошел в Кантональный банк.

Пятница. Конец рабочего дня. Служащие банка украдкой посматривали на часы, уже мечтая об уик-энде на природе или, наоборот, дома у жаркого камина. Миль подошел к стойке, ему требовалось снять со счета некоторую сумму наличными. Немногочисленные посетители с привычной безмятежностью оформляли у стоек приходно-расходные документы, когда пронзительный крик отвлек их от скучной, но необходимой процедуры.

Посреди операционного зала стоял невероятно размазанный клоун с дикой улыбкой и двумя огромными пистолетами в руках. Откуда он взялся, никто не заметил. Он словно бы материализовался из воздуха.

— Привет. Я — веселый клоун, а это — ограбление.

Взволнованные клиенты недоуменно переглядывались, но оставались на своих местах.

— У меня тут полицейский сканер. — Он похло-

пал по оттопыренному карману малиново-сине-зеленых штанов, в котором что-то забренчало. — И еще много всяких чувствительных приборов, которые начнут пищать, трещать и пускать пузыри, стоит вам лишь подумать о кнопке тревоги. — Он прошелся вдоль окошечек, разглядывая кассиров.

— Вот вы, как вас зовут? — Он нацелил пистолет на тщедушного пожилого очкарика с бесцветными глазами.

— Родель, Берт Родель, херр.

— Внимание, внимание, — дурным голосом заорал клоун на весь зал, — попрошу всех, и вас, господа, тоже, — указал он на кассиров, — выйти на середину и образовать большой хоровод. Мы будем петь рождественские гимны и веселиться от души. А пока мы будем веселиться, херр Родель соберет в этот мешок ровно двадцать тысяч франков. Не больше. Мне чужого не надо.

Дрожащей рукой кассир принял огромный желтый полотняный мешок в сиреневый цветочек и, прижав его к груди, застыл как изваяние.

— Работайте, работайте, — подтолкнул его грабитель и, засунув пистолеты за широкий пояс, присоединился к нестройной группке заложников. — Ну-ка все взялись за руки и поем вместе: рождественские колокольчики звенят... — Грабитель пел то басом, то жутким фальцетом, поминутно выпуская струи слез, при этом его громадные башмаки попискивали при каждом шаге.

Миль, как и все остальные, тоже был вовлечен в дурацкую игру. Как ни странно, публике это начало нравиться. В конце концов, что плохого в том, что человек разнообразил кому-то конец рабочей недели и взял за это скромный гонорар?

Миль посматривал на настенные часы. Уже

двадцать минут пятого, в половине десятого заканчивается регистрация рейса, а еще нужно добираться до аэропорта, да и деньги он так и не получил, а после этой буффонады понаедет полиция и банк закроют до понедельника. Как все некстати... Миль начал подбираться к грабителю, стараясь не нарушать стройность хоровода, но тот в своих икающих ботинках все время перемещался с места на место, подбадривая заложников плоскими шутками и по минутно доставая кассира.

— Ну как там, Родель, скоро?

Взмокший от усердия кассир только кивал.

— Смотрите, ни на франк больше, иначе я приду в понедельник и заставлю пересчитать. Понедельник — день тяжелый.

Увидев, что кассир с мешком семенит по проходу, грабитель на полуслове оборвал песню и выскользнул из строя, который по инерции еще некоторое время продолжал двигаться.

— Внимание, внимание! А теперь приз лучшему хороводоводильщику. — Он извлек из-за пояса пистолет и прицелился в обезумевшего от страха кассира.

— П-почему я? Я в-ведь не участвовал. — Кассир, заикаясь, пытался от грабителя.

— Вы смотрите в зеркало, Родель? У вас же лицо лучшего в мире хороводоводильщика.

Клоун повесил мешок на плечо. Миль тихо подошел сзади и ткнул ему в бок «Паркер».

— Мсье, у вас с дула капает, — шепнул он клоуну в самое ухо. Тот напрягся и выронил мешок. Пистолет у него действительно был водяной.

— А теперь извинитесь перед этими людьми, иначе мой пистолет может и выстрелить. — Он

зажал двумя пальцами нос клоуна, свернув его набок.

Незадачливый грабитель, у которого от боли потекло из глаз и носа, поднял руки вверх и перепуганно прогнусавил:

— Ы-ы-ы! Господа, прошу прощения, это была шутка, просто глупая шутка. — Он пнул мешок к ногам совершенно растерявшегося кассира и стремглав бросился вон из банка, петляя как заяц.

Пока ошалевшая публика приходила в себя, а персонал вызывал полицию, Миль помог кассиру Роделю донести мешок до стойки, незаметно вытирая об него руку, и с немалым трудом уговорил выдать требуемую сумму наличными.

Покидая банк, Миль услышал приближающийся звук полицейских сирен и на всякий случай свернул в ближайший проулок. Он заехал домой, в скромный домик в пригороде на рю Монблан, где прожило столько счастливых часов, когда за окном метет благочестивая западноевропейская вьюга, в камине потрескивают дрова, на стене мирно тикают часы, в бокале искрится коньяк, подсвеченный пламенем, а на коленях мурлычет теплый и пушистый всепонимающий друг. Миль отдыхал после долгих утомительных лет неблагодарной и нервной работы и собирался провести так весь остаток жизни, хотя ему было немногим более сорока, и на альпийском воздухе он мог бы прожить еще как минимум столько же. Но так далеко он не загадывал.

Уже года три никто из его бывших коллег не давал о себе знать, и Миль решил, что, слава богу, о нем забыли, но вчера он получил неожиданную телеграмму: «Тетя Эльза выходит замуж шестой раз. Если вам не надоело, будем рады вашему присутствию». Нельзя сказать, что это стало для него шоком,

ибо, даже единожды работая на КГБ, человек раз и навсегда привыкает к неожиданным крутым поворотам в судьбе, но возвращаться так не хотелось.

Он зашел в гостиную за чемоданом, собранным еще утром, и восемь пар зеленоватых глаз обратились к нему. Кое-кто из ленивых пушистых обитателей дома даже нашел в себе силы встать, чтобы потереться о ногу обожаемого хозяина. Миль позвонил прислуге и оставил на автоответчике распоряжения на время своего отсутствия, попрощался со своими четвероногими любимцами и покинул свой уютный очаг. Его единственным молчаливым попутчиком в долгой дороге стал великолепный ангорский кот по кличке Людовик XIV. Более пожилые и тяжелые на подъем Людовики XII и XIII остались дома.

Самолетом маленькой частной авиакомпания Миль добрался до Варшавы и уже в вагоне СВ пересек границу своей бывшей родины. Разумеется, в поезде, переполненном «челноками» с огромными баулами, таможенники не стали тратить время на солидного швейцарского гражданина с респектабельной лысиной и безупречными документами, путешествующего в обществе любимого кота, у которого документы также в полном порядке.

ИРИНА ГЕНРИХОВНА ТУРЕЦКАЯ

15 февраля, день

Все тогда у них произошло случайно.

— Что здесь творится? — спросил подполковник Бойко у гаишника, который вместо того, чтобы заниматься своим обычным делом, то есть обирать

зазевавшихся водителей в Мерзляковском переулке, задрал голову, глазел куда-то вверх.

У дома, который не горел, стояла пожарная машина, и вокруг нее собралась порядочная толпа прохожих, которые тоже стояли с поднятыми головами.

— Самоубийца, — философски откликнулся гаишник, и, присмотревшись, подполковник действительно различил маленькую фигурку на краю крыши.

— Кто там еще есть? — Подполковник показал гаишнику свое удостоверение, и тот, сразу подобравшись, отрапортовал:

— Участковый. Бригада из отделения пока не доехала.

Бойко, вполголоса кроя последними словами нерасторопность коллег, а заодно и пожарников, перекрывших половину проезжей части, вбежал в подъезд и пулей взлетел на четвертый этаж. На чердак залез через открытый люк по узенькой лесенке, а оттуда уже выбрался на крышу.

На самом краю крыши стоял темноволосый, бледный мальчик лет двенадцати-тринадцати, он поднял руки вверх, как пловец, готовящийся к прыжку. Метрах в пятнадцати от него топтался перепуганный пожилой участковый милиционер с посеревшим лицом и только приговаривал:

— Ну, ты чего, парень, ну, чего ты, не надо...

Бойко отстранил участкового и направился к пареньку, тот обернулся и предостерегающе протянул руку, как бы отстраняясь. Тонкие черты лица, глаза цвета крепкого чая. Мальчик, наверное, был бы красивым, если бы не ужасающая яйцеобразная форма головы и чересчур резкая мимика глаз и бровей, — лицо его находилось в постоянном движе-

нии. Несмотря на столь нежный возраст, у него уже наметилось несколько причудливых морщин. Кожа была настолько тонкая, что казалась прозрачной. И ботинки — слишком большие для его возраста.

Подполковник стоял в пяти шагах, не решаясь приблизиться, и вдруг вспомнил, что читал где-то: чем больше относительная длина стопы, тем больше объем оперативной памяти. Странная корреляция...

— Как тебя зовут?

— Вадим. — У него были длинные, чуть не до колен, руки, которым полагалось бы заканчиваться огромными кистями. Но кисти на тонких сухих запястьях оказались маленькие, с гибкими тонкими пальцами. Пальцы, как и лицо, ни на минуту не останавливались. Как будто ткали невидимую паутину. — Не пытайтесь меня остановить, это все равно бесполезно. Я устал жить.

— Хорошо, давай просто поговорим. Ты хоть записку оставил?

Он отрицательно покачал головой, его левый глаз слегка помаргивал.

— Может, что-нибудь хочешь передать родителям или друзьям?

— Теория неуместности, — сказал он, — основы употребления идей не по назначению, должна иметь неуместное подтверждение.

Бойко ничего не понял, ясно было одно: парень не в себе и это не фарс — он действительно решил свести счеты с жизнью.

— Послушай, это из-за девушки, верно?

Он усмехнулся и на шаг отошел от пропасти.

— И я, по-вашему, не сплю по ночам, мечтаю, как она будет тонуть, а я спасу ее, а потом убегу, а она будет меня разыскивать. Только тонуть ей придется на мелком месте, потому что я не умею пла-

вать. Тогда, я думаю, пусть она лучше попадет под машину, и я вытолкну ее из-под самых колес и попаду сам, но останусь жив, она будет ходить ко мне в больницу, и я поцелую ей руку. Но я знаю, что этого никогда не будет. Нет, ошибаетесь. Я пока сублимируюсь.

— Что ты делаешь?

Мальчик досадливо поморщился и сделал еще шаг от края. Это была уже маленькая победа. В таком деле главное — дать человеку выговориться.

— Подъем духа энергией либидо, — пояснил Вадик.

Бойко с трудом верил, что перед ним двенадцатилетний мальчик. Он вундеркинд или полный идиот?

— А девушки? — не унимался Бойко.

— Безумная скука. Физиология. — Ребенок рассуждал как изрядно потрепанный жизнью скептик. Подполковник молчал, борясь с искушением броситься к мальчишке и оттащить его от пропасти.

— Вы знаете, зачем вы живете?

Бойко замялся, не зная, что покажется мальчику достаточно убедительным. Начнешь говорить о семье, а вдруг конфликт именно там.

— А я не знаю. — Его глаза упирались в лицо собеседника и светились отчаянием. — У меня все кипит и тонет в голове, как будто всемирный потоп. Мы не ведаем, что творим, мы слепы изнутри. Я — это не я, у меня не моя фамилия, не мое лицо, не мои мысли.

— А что ты хочешь обрести... там? — осторожно поинтересовался Бойко, не зная, следует ли в этом случае поднять глаза к небу или опустить к земле.

— Там наверху... Там холодно, там — никого,

только призраки тайных смыслов и вечных сущностей.

«Философская интоксикация, — подумал Бойко, — Мальчишка начитался всякой дряни, а мне теперь расхлебывать».

А Вадик продолжал изливать на терпеливого слушателя все, что накопилось.

— Не свою музыку можно слушать какое-то время, но потом это становится исчезновением. — Он говорил обрывками фраз, не заботясь о том, чтобы его поняли. — Знаете, я разочаровался в нотной системе и придумал свою. Символы, которые на единицу вмещают в сто два раза больше смысла, чем нотный знак.

— И что? Тебя не поняли?

— Что может быть придумано, может и быть, — философски прокомментировал он и, тут же забыв о музыке, переключился на другую, еще более чуждую Бойко тему: — Исчерпывается ли высшая деятельность мозга постановкой и решением проблем? — Его глаза — две чашки свежесваренной мысли — сверкали гневом. — Имеют ли смысл попытки обоснования этики теорией сверхцелесвых игр?

Бойко понял, что он теряет контроль над ситуацией. Мальчишка, вместо того чтобы успокоиться, распалялся все больше и больше. Нужно не медля хватать его в охапку и рвать от греха подальше. Подполковник сделал осторожный шаг вперед:

— Парень, у тебя еще вся жизнь впереди для решения этих вопросов. — Бойко приготовился к прыжку. Но мальчик вдруг встрепенулся и мотнул головой, как бы сбрасывая с себя наваждение:

— Целая? Стоп. Конечно. Замкнутая! Вы мне подали идею. Спасибо, — и забыв про пропасть, в

которую стремился минуту назад, он стремительно помчался прочь, бросив на ходу: — Добрый день, Ирина Генриховна.

Только тут вспотевший от напряжения и совершенно обессиленный Бойко заметил у себя за спиной испуганную женщину. Испуганную и очень красивую. Так они встретились.

Ирина Турецкая была руководителем мастер-класса, в котором занимался Вадик. А прыгать он собирался прямо с крыши дома номер девять — с музыкального академического училища при Московской консерватории имени Чайковского.

Потом они сидели в маленьком кафе. Руки Ирины все еще мелко дрожали, и ей приходилось держать чашку с кофе двумя руками, чтобы не расплескать. Бойко сидел напротив и говорил спокойно и уверенно, как будто то, что случилось недавно, было для него обыденным и будничным.

— Он похож на всех, а на него никто — это определение гения по Бальзаку.

Ирина кивнула, наяву представляя себе своего ученика на краю пропасти, и ей снова стало не по себе. Вадик Клячкин — как мало она его знала. Он начал заниматься в ее классе всего два месяца назад и сразу показался ей необычным ребенком.

— Удел гениев — одиночество, — продолжал подполковник. — Наверняка никто его по-настоящему не знал, подходили с общими мерками. Влиться в толпу, создать себе удобную роль или маску — то, чему обычный человек стихийно обучается в первые годы жизни, — для него было, по всей видимости, непосильно.

Ирина поставила на стол опустевшую чашку, и Бойко деликатно накрыл ее тонкую руку своей сильной широкой ладонью.

— Разве смысл детей в том, чтобы становиться взрослыми? Главное, что ребенок есть, а ведь его могло и не стать.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и ей стало хорошо и спокойно.

— Андрей... — нерешительно начала Ирина.

— Не надо ничего говорить...

Она не задавала ему дурацких вопросов о семейном положении, он тоже об этом не спрашивал. Они встретились благодаря слепому и драматическому случаю, и им просто было хорошо вместе. И тогда они договорились встретиться снова.

МИЛЬ

22 февраля, день

В столице он прямо с вокзала поехал в гостиницу «Белград», где для него и в прежние времена всегда был забронирован номер. Забрал у портье конверт на свое имя и поднялся к себе отдохнуть после утомительного путешествия. Портье было грозно покосился на кота, но скромная зелененькая бумажка с портретом президента Линкольна вмиг превратила его в большого любителя фауны, особенно семейства кошачьих.

В номере Миль в первую очередь обустроил своего любимца, вынул из чемодана уютную корзину, открыл баночку «Вискас» и, только убедившись, что Людовик счастлив, развалился на кровати и вскрыл конверт.

Информация об объекте была вполне исчерпывающей, но кое-что Милю не понравилось: во-первых, требование провести операцию немедленно,

во-вторых, слишком конкретная рекомендация, каким образом. Обычно он готовился несколько дней, сам «водил» жертву, изучал ее привычки и образ жизни и только после этого выбирал способ воздействия, а также время и место акции — его личный момент истины. Но сегодня особый случай, заказ архисрочный, и ему придется положиться на чужие наблюдения и чужие выводы. На что полагаться, кстати, никогда нельзя.

Он бросил взгляд на часы, времени на отдых не оставалось. Миль перевернул вверх дном клетку, в которой транспортировал Людовика, и, нажав на скрытую кнопку, извлек из толстого дна ящичек, где в поролоновых углублениях покоились ампулы, не имевшие пояснительных надписей и различавшиеся только номерами.

Во время работы в КГБ Миля называли Биологом. Это не было его персональной кличкой, зафиксированной в секретном досье, — это прозвище было известно немалому количеству людей. Дело в том, что Миль принадлежал к тому редкому типу ликвидаторов, которые не переносят вида крови. В своих операциях он никогда не пользовался огнестрельным оружием, хотя на учебных стрельбах неизменно показывал отличные результаты.

Алекс любовно провел рукой по ампулам, выбирая героиню для сегодняшней акции. Ему нужен был яд, который гарантировал бы летальный исход в исчезающе малых дозах и действовал минут через десять после принятия внутрь. Он выбрал ампулу под номером четыре с вязкой бесцветной жидкостью — яд бактериального происхождения — производная токсина ботулизма. Усовершенствованный химическим путем в лабораториях КГБ, токсин был менее ядовит, но более стоек по сравнению с исход-

ным продуктом. Он вернул клетку в нормальное состояние. Сунув в «дипломат» две пары резиновых перчаток и бахилы, Миль почесал Людовика за ушком:

— Сегодня ты отдыхаешь.

Такси Миль отпустил за два квартала до нужного ему дома, дальше пошел пешком.

Света в квартире не было. Пять минут назад он позвонил сюда из автомата, никто не ответил, пока не сработал автоответчик, возможно, хозяйева действительно еще не вернулись с работы. Он подошел к подъезду и заглянул внутрь. Как и было обещано, охранник в вестибюле отсутствовал, и Миль прошмыгнул на лестницу никем не замеченный.

Замок в квартире был банальный английский, и на него потребовалось всего несколько секунд. Натянув бахилы и резиновые перчатки, Миль шагнул в темноту прихожей и, не зажигая света, прошел на кухню. Пальчиковый фонарик, который он держал в зубах, выхватывал из мрака очертания отдельных предметов: стол, настенные часы, стойка для посуды, а вот и то, что ему нужно. Миль, разложив на столе салфетку, аккуратно сломал головку ампулы и, опустив внутрь стеклянную палочку, размазал вязкую жидкость по краю синей фарфоровой чашки с белым рисунком, изображающим веселого утенка. Жидкость мгновенно затвердела, но Миль знал, что она растворится в горячем чае.

Чашка вернулась на свое место, а Миль, забрав с собой салфетку, покинул квартиру. На ходу снимая перчатки, он сбежал по лестнице и вышел из подъезда как раз в тот момент, когда из лифта появился охранник, который последние пятнадцать минут провел в квартире одного из жильцов, где помогал тому бороться с сейфом, в котором, во-

первых, вдруг самостоятельно сменилась кодовая комбинация, а во-вторых, намертво заклинило ключ. С кем не бывает.

ТУРЕЦКИЙ

22 февраля, вечер

Когда они ехали в лифте, Турецкий сказал:

— Не могу не признать, что ты появился очень вовремя, но это все равно тебя не извиняет. Надеюсь, хоть причина стоила того, чтобы мы разыграли эту комедию?

— Дядя Саша, я... — Денис прижал руки к груди, но Турецкий сделал свободный жест: не бери, мол, парень, в голову, чего не случается в супружеской жизни.

Турецкий думал о своей жене и о ком-то еще, сам не зная о ком, и потому ответил не сразу:

— Послушай, Денис, если бы ты одновременно встречался с двумя женщинами, ты сказал бы одной из них, что есть еще и другая?

— Я бы рассказал всем, кого знаю! — выпалил Денис.

— Молоток. Ну, так что стряслось?

— Вкратце следующее. Может, я и не знаю, кто прикончил тещу Лозинского, но теперь сильно подозреваю. Мы обнаружили, что за ним действительно настырнейшим образом следит какой-то странный тип.

— Чем же он так странен? Или, может, у него за спиной болтается винтовка с оптическим прицелом?

— Увидите сами, — Денис коротко хохотнул и

открыл свой блокнот. — Как и было договорено с клиентом, я вел наблюдение так, что сам он меня не видел. С 8 до 9.30 Лозинский был в бассейне. В 10.25 — в своем офисе. Посетителей почти не было, если не считать троих мужчин, приехавших на черном «шевроле» с номерами американского посольства. Двое внешне выглядели как весьма заурядные чиновники, а вот третий — это нечто. Под два метра ростом, толстенный мужик! Но не с большим животом, а равномерно огромным плюс седая борода, массивная трость и сигара, словом — эдакий мистер Твистер. Это случилось в 12.40. Через сорок пять минут они уехали, посвятив Лозинскому, так сказать, один академический час. За десять минут до их отъезда появился курьер, парнишка лет шестнадцати, он быстро передал на вахту конверт и уехал. Короче говоря, никаких шпиков, интересующихся банкиром, пока что не появлялось. Я оставил напарника пасти Лозинского, а сам проследил курьера, — его путь лежал не слишком далеко, дядя Саша, — мы доехали на метро до «Аэропорта», а там еще несколько остановок на троллейбусе до агентства «Ассоль» (это тридцать седьмой дом по Ленинградке) — оформление и бронирование билетов на международные рейсы Аэрофлота. Собственно, там только я и убедился, что это был курьер. Рассказывать как? — Денис уселся за руль «ауди» (одолжил приятель, пока его джип все еще пребывал в ремонте), подождал, пока усядется Турецкий, и, энергично развернувшись, выехал на Фрунзенскую набережную.

— Нет, — махнул рукой Турецкий, — пока все отлично. Но как бы нам разобраться с этим его билетом?

— Уже. Я тут же звякнул дяде, и Вячеслав Ива-

ныч кого-то на это дело зарядил по своим каналам, чтобы самому не светиться. Нам выдали информацию о всех проданных сегодня билетах, и самое смешное, что эту «простыню», а там фамилий пятьдесят, не меньше, мне привез тот самый курьер! — Весьма довольный собой, Денис сделал паузу.

— Ну и? — Турецкий нетерпеливо заелозил на сиденье «ауди».

— Лозинский через два дня летит в Алма-Ату!

Турецкому это ничего не говорило. Мало ли какие могут быть интересы у делового человека в ближнем зарубежье.

— Дальше, — продолжал отчитываться пунктуальный Денис. — В 14.15 он уехал обедать в ресторан «Анкор», 1-я Тверская-Ямская, дом 19. Ну и... я тоже там поел. И вот тут-то я увидел, как кто-то его фотографирует!

— В смысле тоже ведет, как и ты? — уточнил Турецкий.

— Да нет, Александр Борисович, в том-то и дело, в буквальном смысле снимает, причем в наглуую, со вспышкой. Даже не знаю, как Лозинский не заметил. Короче говоря, с этого момента шпик приклеился как банный лист.

— И где они сейчас?

— Странное дело, вроде Лозинский опять в бассейн поехал. Прямо Ихтиандр какой-то.

— И кто теперь из твоих ребят их ведет?

— Уже некому было, и я позвонил дяде Славе, он сказал, что организует.

— Так куда же мы сейчас едем, если ты не знаешь, где Лозинский?!

— Да нет, все в порядке, каждые полчаса мне его местопребывание сбрасывают на пейджер. Вот... — он снял пейджер с брючного ремня: — А, это не

бассейн, это что-то другое, хотя рядом. Ленинградский проспект, 39. Ха, там же «Ассоль» через два дома, так, клуб «Русская пирамида». Так вы сказали жене правду, дядя Саша! — Денис смотрел на старшего следователя по особо важным делам с явным восхищением: вот это чутье у опытного сыщика!

Через полчаса они были в бильярдном клубе.

Вообще-то бильярд изобрели китайцы, причем так давно, что никто не знает, когда именно. Англичане придумали свою разновидность — снукер, а вот американцы совсем доконали эту игру: увеличили лузы и уменьшили шары. Чтобы не слишком напрягаться на отдыхе. Они даже догадались подделить шары пополам, и кто первый заколотит свои — тот и победил. Вот она, воплощенная американская мечта, подумал Турецкий: даже идиот выглядит королем бильярда.

И в это мгновение он увидел Грязнова, который опирался на кий, словно на клюшку для гольфа. Турецкий даже поперхнулся от смеха. Нет-нет, последние слова к Славе не относились!

— Привет, орлы, — Слава отсалютовал кием. — У меня две новости, обе хорошие. С какой начать? Ну ладно: во-первых, Лозинский спит у себя дома. А во-вторых, соглядатай Лозинского остался здесь. Есть смысл тесно с ним пообщаться.

— Денис, — Турецкий задумчиво пожевал сигарету, — тебе уже приходилось похищать людей?

У Грязнова-младшего немедленно загорелись глаза.

— Саня, мне этот хрен моржовый и самому не слишком нравится, но парня ты в такие дела не путай.

— Это почему же? Мы ведь договорились, что Денис работает это дело вместе с нами.

— Поехали ко мне, там расскажу.

По ночной Москве дорога до грязновской Енисейской улицы заняла двадцать минут, которых едва хватило на ожесточенный спор о роли профессионалов НХЛ, игравших на Олимпийских играх.

— Вот почему, — закончил прерванный диалог Грязнов, выходя из «БМВ» и открывая багажник. Взорам дружной компании предстал скрюченный там молодой человек, его руки были связаны за спиной, а рот залеплен скотчем. — Этот сукин сын начал нам здорово мешать, Лозинский мог заметить слежку.

— Ты хоть знаешь, кто это вообще? — Турецкий был настолько изумлен, что даже не смог как следует выразить свое негодование.

— А какая разница, — пожал плечами «хозяин» МУРа, открывая специальным хитрым ключом подъезд. — Сейчас занесем его домой и посмотрим. — Ну, давай, давай! А то вон уже вызверились...

Соседи робко выглядывали из окон, впрочем, им было не впервой наблюдать грязновские фокусы.

Денис легко взвалил рыжего себе на плечо и зашагал к лифту. Уже в Славкиной квартире Турецкий отодрал скотч и внимательно рассматривал пленника, но видел его явно впервые: такого забыть невозможно — маленького роста огненно-рыжий человечек, разрабатывая онемевший язык, изрыгал проклятия. Между тем Грязновы деловито пошарили по карманам и извлекли дюжину визитных карточек, на которых значилось:

*Ассоциация онтопсихологии
Московское общество имагогов*

Семен П. Школьников

— Лажа, конечно, — определенно высказался Грязнов. — Ну, колись давай, жук, кто ты такой и зачем прилип к нашему банкиру?

— Лажа?! — взвыл «жук». — Лажа, да не совсем! — Он извивался всем своим крохотным тельцем. — Вот я вас и уделал! Вот я вас сцапал! — Между тем руки его были по-прежнему связаны, и оба Грязновых и Турецкий изумленно посмотрели друг на друга. Чем это им угрожал этот рыжий?!

— В кармане, — бесновался он, — в другом, вот здесь, во внутреннем, да не тут, болван, — ругал он Дениса, пытающегося выполнить эти сумбурные рекомендации и постепенно освобождающего его от одежды.

— Надеюсь, — пробормотал Грязнов-старший, терпеливо наблюдая этот стриптиз, — ты не камикадзе.

Денис вынул-таки из рыжего какую-то корочку и недоверчиво ее разглядывал, сравнивая инициалы с визитной карточкой:

— Вроде бы... Тут написано... ну, в общем...

Слава забрал у племянника документ и в свою очередь внимательно изучал его. Турецкий не выдержал и ушел в другую комнату звонить домой. Он честно пытался это сделать минут пять, но Ирина, наверное, отключила телефон.

Тем временем из соседней комнаты доносились оживленные голоса, там тоже куда-то звонили и что-то бурно обсуждали. Когда Александр Борисович вернулся, вид у Грязнова-младшего был удрученный, у старшего — откровенно скучающий. Рыжий, уже развязанный, сидел в кресле, пил кофе и потирал затекшие руки.

— Дядя Саша, это ФСБ свалилось на нашу голо-

ву. Он майор экономического отдела ФСБ. Мы уже проверили. Семен П. Школьников, все точно.

— Именно «Пэ Школьников», — почему-то сказал Турецкий. — Слушайте, родственнички, вы что себе вообще позволяете?!

— Вот и я говорю, — пискляво вставил «Пэ Школьниковов».

— Вы меня выдернули из семьи, — не обращая на него внимания, Турецкий продолжал насаждать на Грязновых, — чтобы продемонстрировать, что вместо выполнения своих служебных обязанностей украли офицера ФСБ и засунули его в багажник?!

— Майор я, — снова подал голос «Пэ Школьников».

— Ты слыхал, а? Майор! — возмутился Грязнов. — Этот молокосос — майор! У них там звания раздают, как чаевые. Думаешь, стоит вернуть ему пистолет?

— Подождите, — вмешался Денис, — пусть он сам объяснит, раз уж такая история, чего это ФСБ нашим клиентом интересуется?

— Каким клиентом? Лозинским, что ли? Этим космонавтом? Да на хрена он мне сдался?! Я веду совсем другого, просто он с вашим встречался уже несколько раз.

— А, — сообразил Денис, — это те, из штатовского посольства?

— Из посольства его сопровождали, а он сам по себе... Ну ладно, из этого типа тайну не сделаешь, это все равно что пытаться спрятать какой-нибудь континент, скажем, заслонить Австралию Новой Зеландией. Или нет, лучше Исландией — Гренландию, или...

— Эй, эй, майор! — Турецкий прервал увлекшего Школьников. — Так кто он такой?

— Джон Крэйг? Американский бизнесмен и меценат. Не говоря о том, что крупнейший биржевой игрок. На днях заканчивается конкурс Чайковского, Крэйг его спонсировал, ну и потом, у него здесь куча деловых интересов.

— Так какое же отношение имеет к нему Лозинский?

— Вот это вы от меня не узнаете, хоть еще раз засунете в свой гребаный багажник! Потому что я и сам не знаю, при чем здесь «Артельбанк»! А очень хотелось выяснить, черт вас возьми, узнаю ментовский почерк!

Грязнов-старший смущенно помалкивал, а младший, поиграв словами, счел за лучшее перевести тему разговора:

— Артель-картель... А что значат эти ваши дурацкие визитки, неужели такое примитивное прикрытие?

— Никакое не прикрытие! Спасибо, очень вкусный кофе. — Майор Школьников поставил чашку на телевизор и поднялся, разминая ноги. Он едва доставал Денису до плеча. — Все так и есть. Онтопсихология и имагогика — это одна из моих специализаций.

— Чего?! — Грязнов все еще не мог признаться самому себе, что дал маху, и потому пытался продолжать необоснованно грубить. Что, в общем, было не просто, ситуация принимала явно комический оттенок, да и рыжий микромайор скорее смахивал на клоуна, чем на эфэсбэшника. Грязнов на секунду подумал, какой хохот разразится среди сыскарей по этому поводу, и вспотел.

Турецкий понял, что вечер безнадежно испорчен. Что поделасшь, день упущенных возможностей, нереализованных планов, несбывшихся надежд, какие там еще есть выражения?

— Имагогика — метод приведения в движение образов бессознательного и выведения их на сознательный уровень, — отчеканил Школьников явно привычный тезис.

— Я что-то такое слышал, — пробормотал продвинутый Денис. — Вы разгадываете сны?

— Имагог! — Грязнов смотрел на них обоих с явным неодобрением.

Школьников энергично закивал, и его длинные огненные волосы рассыпались по плечам коричневого в клетку пиджака:

— Через расшифровку образов сновидения я помогаю обнаруживать основные проблемы человека, часто скрытые, но мучающие его, выявить очаги развивающихся и грядущих болезней и определить пути избавления от них.

— Ну короче, Склифосовский, — проворчал Грязнов и повернулся к беспрерывно чихающему Турецкому: — Вот, оказывается, какой мурой занимается ФСБ! Я даже не удивлен. Вот на что идут денежки налогоплательщиков!

— В самое яблочко. Этим мы тоже занимаемся, — быстро вставил Школьников. — Как раз ищем, куда идут денежки налогоплательщиков.

— О чем вам говорит приснившаяся рыба? — спросил Турецкий, припоминая свой давешний сон.

— Рыба? — задумчиво переспросил имагог.

— О домино, — фыркнул Грязнов.

— Вообще-то рыбы — это позитивные образы по отношению к человеку. Так сказать, символы сво-

бодных инстинктов во всех проявлениях, символы веселья, здоровья, полезного питания. Из-за своей формы рыба расценивается как фаллический символ, символ полового акта.

— То есть? — напрягся Турецкий.

— Ну, я же не знаю, в каком контексте вам снилась рыба.

— Ну, тогда скажи, что ты знаешь.

— Ладно. Если один человек дарит рыбу другому, то символ полового контакта с ним...

Турецкому стало нехорошо: он отчетливо вспомнил, что Президент вручил ему пакет с рыбой. Грязнов смотрел на него с явной тревогой.

— ...Если человек ест рыбу — это увеличение силы и власти.

Турецкий вспомнил, что он попытался откусить из свертка: значит, увеличение силы и власти. Какая чушь, откуда этому взяться...

— Если мужчина видит во сне, что он ловит рыбу, то это указывает на желание отдыха и отхода от проблем в настоящей ситуации. — Школьников явно завелся.

...А вот такого сна у него еще не было. Хотя он уже вроде и в отпуске...

— Если вам видятся больные или мертвые рыбы — это образ, указывающий на потерю жизнеспособности организма. Вашего, между прочим, организма! И на определенную степень регрессии. В образе гниющей рыбы бессознательное указывает на отвращение по отношению к противоположному полу.

— Ну хватит, хватит уже!

Но Школьникова было уже не остановить, он, видно, оседлал любимого конька:

— Но ведь самое же интересное осталось! А вот если женщине снится, что она берет рыбу у мужчины и чистит ее, — это символ скрытого желания лишить его, так сказать, причинного места.

ТУРЕЦКАЯ

22 февраля, ночь

Ирина Генриховна понимает, что зима уже на излете, но все равно сильно удивляется, когда обнаруживает себя с мужем где-то за городом, на природе, спускающихся по густой высокой траве к зеркальному озеру.

Поднимающийся им навстречу высоченный седой старик лодочник с безукоризненным пробором и в синем костюме кажется удивительно знакомым. Когда Турецкие уже усаживаются в лодку и отталкиваются от берега, лукавый лодочник протягивает им удочку:

— Очень рекомендую. Форель у нас в Барвихе так и бросается на все, понимаешь, что хоть отдаленно напоминает муху.

Турецкий легкомысленно бросает удочку на корму и начинает энергично грести. Но не успевают они толком отплыть от берега, как удочка судорожно вздрагивает. Сашка оставляет весла и только успевает отцеплять от крючка рыбешку, которая становится все крупнее и крупнее. Ирина вдруг обнаруживает у себя в руках специальный ножик и принимается тут же ее чистить — одну за другой, одну за другой... А ее мужчина на корме по-прежнему вытаскивает все новых. Но нет, это уже не Турецкий, форель тянет Бойко?! Да, это Андрей... Такое простое открытие помогает ей понять, что зима еще не кончилась и она просто спит.

22 февраля, вечер

Иван Сергеевич все оттягивал разговор с Меркуловым, надеясь, что вдруг зазвонит телефон или Катя объявится собственной персоной. За ужином он только об этом и думал. Он пил чай, как всегда обхватив двумя руками ее чашку, а после ужина, когда Наталья мыла посуду, внезапно почувствовал себя нехорошо, начал задыхаться и, схватившись за сердце, потерял сознание. Наталья бросилась к телефону, но «скорая» приехала слишком поздно, Иван Сергеевич умер, не приходя в сознание.

Наташа всю ночь тупо смотрела сквозь окно на мелкий противный дождь, вдруг ворвавшийся в заснеженный город, а в раковине мокла одинокая Катина чашка.

Часть третья

ПАНТЕРА ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ

ТУРЕЦКИЙ

23 февраля, утро

Турецкий смотрел на себя со стороны. И спрашивается, что же он видел? На противоположной стене его кабинета висела мишень. А крепкий мужчина средних лет с высоким лбом (появившимся благодаря прогрессирующим залысынам) полулежал в глубоком кресле офисного типа на колесиках и с остервенением швырял в мишень небольшие стрелки. Вся эта процедура в английском просторечии именовалась дартс, если бы не одно «но». Поверх мишени были прикреплены какие-то осточертевшие документы, и именно их-то и «расстреливал» этот меланхолического вида следователь с хронически припухшим после ночных бдений лицом. Когда оружия в руках больше не оставалось, он, не вставая с кресла, подъезжал к мишени и выдергивал их.

Турецкий откровенно валял дурака. Еще с утра он заперся в своем тесном кабинете, не подходил к внутреннему телефону, а по внешнему всем сотрудникам было велено отвечать, что старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре (его же — старшего советника юстиции А. Б. Турецкого) не было, нет и не предвидится. То есть вообще. В отпуске и на природе.

Дела были хреновые, чего греха таить. Плюс вчерашний скандал с женой. Плюс приличный проигрыш в преферанс. Плюс позорный проигрыш наших чехам в финале Олимпиады. Похмелье, идиотская зима и нескончаемый насморк вообще не в счет. Плюс таинственное исчезновение Лозинского, несмотря на подписку о невыезде. Что довольно странно. И в офисе у Лозинского никто ничего не знает о своем шефе, хотя, может быть, он еще появится, все-таки рабочий день только начался... Турецкий прислушался к своему желудку... Черт, лучше бы он этого не делал.

Раздался звонок по внутреннему телефону. «Восемнадцатый», — машинально отметил Турецкий и поспорил сам с собой, что звонков будет нечетное количество. Но нервы стали сдавать, и он убрал звук до минимума. Телефон теперь не звонил, а потрескивал, и сосчитать звонки было невозможно. Одновременно раздался легкий стук в дверь.

Турецкий по-прежнему не реагировал, подъехал к мишени и вытащил из нее дротики. В это мгновение раздался звон, как если бы кто-то стучался в окно.

«Допился старший советник юстиции», — с некоторой жалостью к себе, но в общем-то равнодушно подумал Турецкий. Стук в окно. Это на третьем-то этаже?! Он машинально глянул в окно и чуть не

свалился с кресла. За окном стоял (да-да, именно стоял!) заместитель Генерального прокурора России Константин Дмитриевича Меркулов.

Турецкий явственно почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Меркулов стоит... в воздухе?... на высоте третьего этажа?.. Вознесся?..

Меркулов продолжал настойчиво стучаться в окно, причем делал это как живой. Одновременно трещал телефон и запертая дверь. Турецкий наконец пришел в себя, подскочил к окну и принялся рвать рамы на себя. Меркулов помог с той стороны, и как только окно приоткрылось, с видимым облегчением перелез через подоконник.

Турецкий зашел Меркулову за спину и стал внимательно его разглядывать.

— А... куда ты крылья складываешь?

Тот махнул рукой в сторону окна. Турецкий выглянул на улицу и увидел прямо под своим окном строительную люльку.

— У нас же фасад перекрашивают, неужели ты не заметил, — объяснил происхождение люльки Меркулов, одновременно открывая дверь кабинета (в которую уже ломились встревоженные сослуживцы) и снимая телефонную трубку.

Сослуживцы оказались потрясены явлением Меркулова не меньше, чем минуту назад хозяин кабинета.

— А... кто это... кто звонил? — только и смог спросить Турецкий у Меркулова, кивая на телефон.

— Я.

— То есть... как?!

— Я тебе звонил, — терпеливо, как ребенку или душевнобольному, стал объяснять Меркулов. — Раз восемнадцать. Но ты не отвечал. В это время краси-

ли стену как раз на моем уровне. Тогда я, не кладя трубки, в темпе вальса спустился прямо к тебе.

Действительно, все оказалось предельно просто.

— Чего это начальству приспичило альпинизмом заниматься? — проворчал Турецкий.

— Где Грязнов, ты не знаешь? — коротко поинтересовался Меркулов.

Турецкий внутренне поежился, снова плюхнулся в кресло и на всякий случай все же буркнул:

— Мальбрук в поход собрался... Не знаю где. Не докладывался. Вот стану министром внутренних дел, может, снизойдет. Так ты за этим залетел?

— Отчасти. Возможно, он тебе скоро понадобится. Я так предполагаю.

— Ну конечно. При необходимости ты спустился бы так, даже, если б я не находился прямо под тобой.

— У меня нет на это времени, — терпеливо произнес Меркулов. — Думаю, тебе надо привести себя в порядок. Начальство вызывает.

— За каким чертом я понадобился генеральному, — привычно начал грубить Турецкий, даже не пошевельившись в кресле. — И потом, разве я не в отпуске?

— Генеральный тут ни при чем, — сказал Меркулов, машинально упорядочивая бумаги на столе Турецкого. — То есть, конечно, все мы под ним ходим.

— Никуда я не поеду, — Турецкий бездарно имитировал капризный тон. У нас ни один лифт не работает. А в люльке своей сам катайся. Вверх-вниз.

— Должен тебя огорчить: ехать придется не в лифте. Хотя в каком-то смысле как раз наверх.

— М-м-м?

— Для личной беседы нас вызывает Президент.

— Президент чего? — Турецкий подряд метнул несколько стрелок. Меркулов невольно засмотрелся. Кучность была очень даже ничего.

— Президент всего, — вздохнул Меркулов. — Через пятнадцать... — он глянул на часы, — нет, уже через одиннадцать минут придет машина из Кремля. И одень китель, в кои-то веки.

САМ

23 февраля, полдень

«Зато я не лысый, это раз, — мысленно перечисляя собственные достоинства, Президент мысленно же загибал пальцы. — Зрение у меня — как в двадцать лет, это два. В-третьих, выпить могу не меньше, чем...»

Он застегнул синий пиджак и машинально, словно надеясь что-то найти, засунул руки в карманы. Но это было исключено. В карманах его пиджаков никогда не могло оказаться всякой ерунды, которую свойственно там забывать простым смертным. И использованных трамвайных билетов, пустого спичечного коробка, чего еще... Да, чего же еще? Что **они** там носят в своих карманах, эти люди? Оторванные пуговицы? Носовые платки? Пачки презервативов? Он просто не знал этого. Когда-то давно его жизнь была раз и навсегда лишена заботы о мелочах. И теперь он словно находился в открытом космосе, и чему положено быть или не быть в его карманах, внутренностях и мозгах, отмерено раз и навсегда Центром управления полетом. ЦУПом. Но... не он ли сам последние лет шесть был этим самым ЦУПом?

Рядом терпеливо ждала горничная, держа в руках что-то блестящее, продолговатое, смахивающее на расплющенного ужа.

— Чуть не забыл! Давайте сюда. — И со вздохом застегнув верхнюю пуговицу белоснежной рубашки, он обреченно повязал галстук.

Столько событий смешалось в одном дне, что мудрено уже было вспомнить, с чего, собственно, этот день начинался...

Президент, глядя в зеркало, тщательно расчесал белоснежно-седые волосы. На пробор. И немного назад. И так?

Ну как же! Утром у него родилась внучка! Событие № 1. Президент послал в больницу огромную мягкую игрушку — пантеру, приглянувшуюся ему во время посещения презентации подземного торгового комплекса. Правда, ребенок еще маловат для таких игрушек, ну да ничего. Отличная пантера.

Затем ему доложили, что накануне вечером скоропостижно скончался Уткин. Скандал № 1.

А теперь вот нужно было ехать целоваться с Парламентарием. Антисобытие № 1. Парламентарий, со всех точек зрения (то есть двух вице-премьеров и трех личных помощников), был отменная сволочь. Президент с отвращением вспомнил, что над верхней губой Парламентария проживала большая бородавка.

Но как ни крути, целоваться с ним было надо. Во-первых, сегодня у него юбилей. Во-вторых, по этому поводу уже решено наградить гада высшим государственным орденом. В-третьих, по этому же поводу Президент впервые за последние полгода собирался посетить парламент, продемонстрировать лояльность, терпимость, гибкость, понимание

политического момента и прочие идиотские, черт бы их побрал, качества современного политика.

Парламентарий совсем недавно еще был лидером левого большинства, но различными официальными и «свадебными» постами удалось его сместить в центр. И теперь, в День защитника Отечества, Президент очень надеялся, что не мытьем, так катаньем, а не им, так орденом «За заслуги перед Отечеством» сумеет отвадить Парламентария от выступлений на грядущих митингах непримиримой оппозиции.

Хотя лучше было бы наградить орденом лифтера. С некоторых пор в загородной резиденции в Барвихе у Президента имелся личный лифтер, несмотря на то, что на даче было не так уж много этажей по обе стороны поверхности земли. Еще пару лет назад никакого лифтера не было и в помине. Но однажды предпредпредпоследний министр финансов придумал внеочередную хитроумную деминацию и срочно приехал с докладом по этому поводу, но застрял на минус втором уровне, просидел там, бедняга, несколько часов, пропустил за это время резкий скачок курса доллара, за что и был немедленно снят (то есть спустя все те же два часа) со своего поста. А начальник личной охраны Президента принял волевое решение о введении штатной единицы лифтера.

В каком-то смысле это являлось государственной тайной, но из всех своих непосредственных сотрудников, министров, референтов, молодых реформаторов и старых консерваторов Президент больше всего доверял... лифтеру. Несмотря на то, что почти никогда не слышал звука его голоса. Лифтер настолько робел, что на редкие вопросы Прези-

дента о жизни, здоровье и вообще отвечал неопределенными знаками.

Вот и сейчас он округлил глаза и неловко закивал. «Неужели я так действую на людей», — подумал удрученный Президент и невольно снова глянул в зеркало.

Ну и что такого? Президент как Президент. Безукоризненный пробор... О, черт побери! Он схватился за горло. Галстук!

Галстук-то располагался на положенном месте. Но вот какой галстук?! Это был подарок первой леди США. И он выглядел соответствующим образом — был звездно-полосат. Президент невольно ухмыльнулся, представив себе, как в одночасье взвыли бы средства массовой, понимаешь, информации, как только он появился бы рядом с Парламентом в этом звездно-полосатом галстуке. Ну как же, такое западничество! Такое, понимаешь, жидомасонство! А какое оно вообще, это жидомасонство, хоть бы объяснил кто-нибудь, спрашивать самому ведь как-то неловко...

По дороге в Белый дом, которой он совсем не чувствовал, на заднем сиденье комфортабельного лимузина пришлось решать срочные рабочие вопросы. Внезапная смерть Ивана Уткина, председателя Верховного суда, была событием из ряда вон. Пока что было известно лишь, что она наступила в результате сердечного приступа, спазма коронарных сосудов, как успел доложить ерзавший рядом, на заднем сиденье лимузина, помощник по госбезопасности. И после паузы, заглянув в папку, он прошептал:

— Всё так. Был и приступ, был и спазм...

— А почему... ты — шепотом? — удивился Президент, тоже невольно сбавив децибелы.

— Я вчера... пивка холодного, — признался помощник. — Но смерть произошла в результате э-э-э... отравления каким-то загадочным э-э-э... токсином. Токсином. Короче говоря, с нервно-паралитическим воздействием.

Насупившийся Президент наконец разлепил губы:

— Так что-оа, убили его или нет?!

— Или убийство, — просипел помощник, — или самоубийство. Но через полтора-два часа будут известны подробные результаты судмедэкспертизы...

Президент прикрыл веки. Он как-то вдруг устал. «Отличную пантеру внучке послал».

— ...Высшую награду государства — орден «За заслуги перед Отечеством», — не слишком быстро, но единым духом выговорил Президент, обращаясь не столько к Парламентариям, сколько к телекамерам. — Второй степени! — с нажимом добавил Президент. И вдавил ему в руку коробочку, в которой что-то звякнуло.

— Это действительно высшая, — тут же завед свою волынку Парламентарий. Бородавка запрыгала над верхней губой. Он, кажется, принимал происходящий фарс за чистую монету. — Это обязывает... это ответственность... это...

«Я бы тебе, уроду, — мельком подумал Президент, — с удовольствием воткнул этот орден в задницу. Всех степеней сразу. Или по очереди. На твой личный выбор».

И тут Парламентарий совсем уж понес какую-то «патриотическую» чушь.

«Надо было все-таки лифтера награждать», — подумал раздосадованный Президент и больше уже ни на чем сосредоточиться так и не смог до того самого момента, пока в его кабинет не пригласили

двоих мужчин, одному из которых, несмотря на изрядные мешки под глазами и землистый цвет лица, все же можно было дать лет сорок, а второму с чуть более мягкими чертами лицами — лет на пятнадцать больше. Впрочем, этого Президент не без усилия все же припомнил — бессменный заместитель генерального прокурора на протяжении последних пяти-шести лет; а сколько самих генеральных за это время сменилось — мысли Президента невольно приняли такое направление, — это же страшно считать, скольких Дума сожрала, которые сами облажались; вот и нынешний, понимаешь, прокурор, вместо того чтобы работать... э-э-э, да что тут говорить! — Президент с горечью резко махнул рукой, увлекшись этим внутренним диалогом и совершенно упустив из виду своих посетителей. А посетители между тем на этот его жест странновато переглянулись. Президент спохватился и повернулся к помощнику по госбезопасности, ожидая подсказки, по какому, собственно, делу незваные гости пожаловали? Помощник слегка оторопел:

— Так ведь... сегодняшний печальный инцидент, так сказать. Вот Константин Дмитриевич Меркулов, в представлениях не нуждается, и э-э-э, Александр Борисович, лучший наш следственный кадр из Генеральной прокуратуры, которому, собственно, вы и решили поручить...

— Что-оа? Ага, этот следовательно, — спохватился Президент. — Как его... Египетский? Иранский?

— Может, Пакистанский? — находчиво прошептал помощник, болезненно морщась: каждое слово больному горлу давалось с трудом. — Старший советник юстиции Пакистанский. — Он что-то вписал в бланк с российским гербом, потом прокашлялся и попытался официальным голосом зачитать экспромтом составленную бумагу.

— Для расследования... — он потрогал себя за горло, понял, что до конца этот текст не дотянет, и просто передал бумагу Меркулову. Меркулов, не глядя, положил его в папку.

Президент встал из-за стола и, не без труда обогнув его, приблизился к вскочившим ему навстречу гостям. Он пожал руку Меркулову и доверительно поманил пальцем его приятеля.

— Старший советник юстиции, — задумчиво произнес Президент, — это значит в переводе на военный язык, будет... будет?

— Полковник, — подсказал Турецкий, сам не зная зачем, и... чихнул два раза подряд.

— Что ж это вы все какие-то болезные. Давай, полковник, возьми их за яйца, совсем обнаглели, понимаешь, убивают среди бела дня нашу четвертую власть!

— Третью, — стеснительно просипел сзади помощник.

— Что-оа?

— Третью власть. Четвертая власть — это пресса, третья — судебная.

Президент отмахнулся от этой подсказки и закончил свою стройную мысль:

— Поймаешь этих гадов — получишь генеральский чин¹. И вот еще что! Я не собираюсь давать вам на это дело какую-нибудь вшивую неделю или две! Хватит с меня нераскрытых убийств Меня, Листьева, Холодова! Вы не получите не только неделю, но и месяца! Я уже давно понял: чем дольше идет следствие, тем меньше открывается правды! И вы раскроете мне Уткина немедленно!

¹ См. роман Ф. Незнанского «Убийство на Неплиной».

...— Ну что ж, теперь у тебя появился серьезный стимул, — глубокомысленно изрек Меркулов.

— Ты о чем, о генеральских погонах? Я тебя умоляю, не в первый раз ведь. Ну что они мне, как собачке, эту кость издали показывают?! — Вальяжно располагаясь на заднем сиденье черной «Волги» Администрации Президента, Турецкий забрал у Кости его драгоценную папку и стал изучать ее содержимое.

«Особым распоряжением Президента Российской Федерации и по рекомендации Совета Безопасности для расследования обстоятельств убийства Председателя Верховного суда Ивана Сергеевича Уткина

создается следственно-оперативная группа «Пантера» с чрезвычайными полномочиями и в составе:

старшего следователя по особо важным делам при Генеральной прокуратуре России старшего советника юстиции Пакистанского А. Б...»

Турецкий не поверил своим глазам, но так оно и было. Весь текст был выпукло, даже фигурно, отпечатан на красивой гербовой бумаге, и только «его» фамилия вписана от руки! Он повернулся от некоторого сотрясения воздуха рядом и увидел, что Меркулов молча хохочет. Ну и черт с вами...

«...Начальника Московского уголовного розыска полковника милиции Грязнова В. И.

И начальника отдела управления Федеральной службы безопасности по расследованию дел экономического характера майора Школьников С. П.

Контроль над действиями группы «Пантера» возлагается на и. о. Генерального прокурора госу-

дарственного советника юстиции I-го класса Меркулова К. Д.»

Турецкий еще раз выпучил глаза и замотал головой. Нет, это все же было чересчур для одного раза.

«...Все правоохранительные органы, подразделения госбезопасности и Министерства внутренних дел обязаны содействовать в проведении следственно-оперативных мероприятий, проводимых группой «Пантера».

23 февраля 199... года.

Президент Российской Федерации...
Секретарь Совета Безопасности...»

— Дело по обвинению Лозинского мы закрываем, фактов явно недостаточно. Соответственно автоматически дело об убийстве его тещи передавай назад, в городскую прокуратуру, поскольку оно переходит в ранг обыкновенной бытовухи.

— Очень сильно в этом сомневаюсь! Костя, — возмутился Турецкий, — это уже второй раз за последнюю неделю, когда ты у меня забираешь работу, которую сам же и поручил!

— Относись к этому философски, — посоветовал Меркулов.

— Кстати, а почему наша группа называется «Пантера»? — спросил Турецкий, когда они уже въезжали через Столешников переулочек на свою родную Большую Дмитровку.

— Откуда я знаю?! Надо было у Президента спрашивать.

— Ч-черт, — проскрипел Турецкий. — Даже если и дадут генерала, так ведь не мне, а Пакистанскому.

Меркулов отказался от заманчивого предложения.

— Я бы с удовольствием сходил с тобой в баню, Саша, но это такая долгая история, что мы просто рискуем свариться. Долгая и поучительная. Правда, ты уже несколько не в том возрасте, когда сказки формируют мировоззрение и избавляют от ошибок, но послушать все равно стоит. — Константин Дмитриевич в своем кабинете рассказывал о давнем знакомом Иване Сергеевиче Уткине.

— Много лет назад, в городе Тихорецке, в далеком и благодатном Краснодарском крае, появился молодой судья. И не со стороны станицы Архангельской, а из белокаменной столицы, и не вошел, а приехал на обычном поезде, и не было на нем лаковых штиблет, но был он полон планов и надежд, ждала его блестящая карьера, — неожиданно нараспев затянул Меркулов. — И Тихорецкий районный суд был, так сказать, второй в этой карьереступенькой. Первую он уже переступил, когда с отличием окончил юрфак МГУ.

Красавец был мужчина, высокий, косая сажень в плечах, шевелюра черная как смоль, глаза горят, весь так и рвется в бой. Дела-то раньше, сам знаешь, какие слушались, все больше бытовуха, поножовщина, хулиганство, изнасилования, изредка расхитители попадались, только расхищать в этом городе особенно нечего было, разве что колесные пары из депо кто домой укатит, чтобы потом на них дрова пилить. Вот и пропадал наш Иван Сергеевич целыми сутками в наполненном сквозняками довосном еще зале суда, в окружении кубанских казачек — народных заседательниц.

Так бы и захирел совсем, не появившись на горизонте путеводная звезда в образе исключительно одаренной во всех отношениях юной адвокатессы Ларисы Масленниковой. Красотой ее природа не обделила, не знойная, конечно, женщина, но вполне себе мечта поэта. И главное, являла она собой разительнейший контраст с типичными совковыми тетками в сером, когда ни рожи ни кожи, только производственные достижения. А Лариса, кроме всего прочего, была еще и умна. Просто Цицерон в юбке, Плевако перекрестного допроса. Когда она в суде говорила, так даже суровые мужики украдкой слезы со щек смахивали, а уж впечатлительные барышни просто рыдали от умиления и жалости к несчастным обвиняемым, которые совершенно случайно оступились на тернистом жизненном пути, но уже до дна испили горькую чашу раскаяния.

Начинала она с гражданских дел, но скоро ей это приелось, в уголовных делах нашлось гораздо больше простора для ее ораторского таланта. Так она и встретилась с Уткиным. То есть знали они, конечно, друг друга и раньше, жрецов юстиции в Тихорецке по пальцам можно было пересчитать, но только в зале суда Иван Сергеевич смог оценить ее по-настоящему и, основательно покопавшись в душе, обнаружил там семя любовной страсти...

— Костя, ты же не в Думе, откуда столько веле-речивости?! Давай, может, покороче... — не выдержал, наконец, Турецкий, но Меркулов уже по самую макушку погрузился в воспоминания молодости и извлечь его оттуда в ближайшие часа два не представлялось возможным.

Он продолжал, мечтательно глядя поверх очков куда-то внутрь себя:

— Скоро сказка сказывается... Но человеком

наш Уткин был чрезвычайно гордым и потому не бросил свое сердце к ногам Ларисы, опасаясь, что будет оно раздавлено изящным Ларисиным каблучком. Затаил он эту страсть в себе и ходил вокруг Масленниковой, как волк вокруг добычи, наблюдая, не пробудилось ли в ней ответное чувство. И представь себе, пробудилось.

Сидели они как-то в привокзальном буфете за стаканчиком жидкого тепловатого кофейного напитка и заговорили о жизни, не той, какая должна она быть в развитом социалистическом обществе, а какая есть на самом деле. И оказалось, что видят и чувствуют они одинаково, то есть налицо оказалось полное родство душ.

И первый шаг навстречу именно Лариса сделала. А после того начался у них бурный шпионский роман...

— Почему шпионский?

— А потому что Тихорецк — это не Москва, все друг друга знают, в кино целоваться рискованно, на лавочке в парке тоже, а о том, что Лариса приходила к Уткину на квартиру и провела там ночь, уже на следующий день шушукались все секретарши в кулуарах суда.

Ну, и пожениться бы им, да только на слишком большие жертвы для этого пришлось бы пойти. В одном суде им после этого никто работать не позволил бы — семейственность, а прощаться с карьерой тоже никто из них не желал. Логично было бы Ларисе уйти на какое-нибудь предприятие юрисконсультантом и жить себе спокойно, растить детей, заботиться о муже и радоваться его успехам. Но ее талант требовал поклонников, ей нужна была аудитория, благодарные слушатели, ей нравилось вершить судьбы, вытаскивать из петли виновных и играть с

невиновными, судьба которых тоже в какой-то мере зависела от нее.

Уткину бы стукнуть кулаком по столу и сказать: выбирай, дорогая, или я, или карьера твоя, только он этого не стал делать, хоть и принципиальный был человек, а поломала злая любовь все его принципы. И забыл он обо всем, что впитал с молоком матери: и о семье — ячейке социалистического общества, и о том, что гражданский брак несовместим с моральным обликом народного судьи, и даже о планах своих грандиозных забыл, только бы сохранить, уберечь свою любовь.

Все вокруг всё, конечно, видели, шептались по углам, только, пока никому это не мешало, терпели, даже анонимок в парторганизацию всего две пришло, и тем ходу не дали.

И так уж случилось, а если ты еще не знаешь, рано или поздно это со всеми случается, забеременела Лариса, и родилась у них дочь Катерина, по отчеству Ивановна, а по фамилии Масленникова. И в графе «отец» в метрике поставили ей жирный прочерк...

Турецкий осуждающе хмыкнул.

— ...Однако, став матерью, Лариса разительно переменилась, и надо сказать, не в лучшую сторону. Дочь ей была обузой, и к Уткину тем временем она охладела. Появились у нее новые связи и новые любовники, которых любовниками, собственно, трудно было назвать: она ведь с Уткиным в законном браке не состояла, и, следовательно, никаких законных обязательств у нее перед ним не было. Кроме того, может, под влиянием очередного возлюбленного, а может, просто от «хорошей» жизни, проснулась вдруг у нее тяга к наживе. *Modus operandi* был простой до безобразия. Она брала деньги с

родственников подсудимых, под оправдательные приговоры или под изменение статьи и соответственно смягчение наказания. Судья, мол, у нее карманый, как она скажет, такой приговор и вынесет. И люди платили, почему же не заплатить хорошему человеку (да к тому же подруге судьи) за хорошие дела? Все же вокруг взятки берут, и не за такое, а для родного сына (отца, брата, мужа, жены и прочее), чтобы избавить его от долгих лет советской каторги, никаких денег не пожалсеешь.

Вначале вела Лариса себя довольно осторожно и соглашалась устраивать только «верные» дела, в которых исход был предрешен, ибо Уткин (который, разумеется, ничего об ее аферах не знал) со своей принципиальностью всегда относился к подсудимым с пониманием и приговоры выносил исключительно справедливые и мягкие.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды: чтобы брать большие деньги, нужно выигрывать большие процессы, и наша адвокатесса переходит уже к делам сомнительным. И Уткин, сам того не осознавая, слушая ее пламенные речи в защиту какого-нибудь уроды, который в поисках портвейна среди ночи влез в гастроном, избил сторожа до полусмерти и переколотил бутылок на пару тысяч рублей, искренне задумывался над тем, что, наверное, не такой уж он пропащий человек, если его Лариса, чистая и честная, видит в нем в первую очередь не злого хулигана или вора, а заблудшую овечку, да к тому же доброго отца семейства и образцового труженика. Не то чтобы его принципиальность засыпала, но иногда он все же давал слабину, и Масленникова не теряла надежды когда-нибудь приручить его окончательно.

Только, как говорится, и на старуху бывает про-

руха. Окончательно зарвавшись, Лариса взяла десять тысяч рублей (огромная, как ты помнишь, по тем временам сумма) за то, чтобы вытащить парня, который обвинялся в попытке изнасилования с нанесением тяжких телесных повреждений четырнадцатилетней школьнице. И тут уж, как ни лезла из кожи вон Лариса, чтобы доказать, что ничего плохого эта скотина не хотела, что это просто рецидив безответной любви и что она (скотина) полностью раскаивается и готова искупить свою вину, но по возможности не в колонии, а где-нибудь «на химии», Уткин был непреклонен. Парень получил восемь лет строгого режима.

Родители осужденного тоже оказались непреклонны. Они не стали выслушивать извинения Масленниковой и ее уверения в том, что умело составленная кассационная жалоба еще может все исправить. Они пошли к прокурору и накатали ему длинную «телегу» об отдельных случаях произвола и взяточничества в нашей, в целом замечательной, системе судопроизводства. И жалобе этой немедленно дали ход.

Тут у Уткина наконец-то открылись глаза. Он постиг всю глубину падения своей возлюбленной. Но гораздо больше, чем ее алчность, его поразили многочисленные измены, о которых он тоже до сих пор не догадывался.

— Сколько же у тебя было любовников? — спросил он у нее.

— Ты имеешь в виду в центральной части города? — с издевкой отвечала бывшая возлюбленная, которой Уткин был больше не нужен и, главное, — окончательно надоед.

Тут уже Турецкий не выдержал и буквально взвыл:

— Но ты-то откуда знаешь такие подробности диалогов?!

Меркулов оставался невозмутим:

— В свете последних откровений перед Иваном Сергеевичем встал еще один закономерный вопрос: его ли дочь Катя или не его? Но наш Уткин был самых честных правил и твердо верил, что не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал, а воспитывать как раз собирался он лично.

Но очень скоро ему стало не до проблем отцовства, ибо прокурор Тихорецкого района с аристократической фамилией Перестенко возбудил против Уткина уголовное дело.

Перестенко, как и Уткин, тоже был человеком принципов. Фанатом социалистической законности. Вполне возможно, в его яйцеобразной голове зрели грандиозные планы по укреплению законности во всем великом и необъятном Союзе, и потому конкретно в своем Тихорецком районе он эту социалистическую законность холил и лелеял, а со злостными нарушителями боролся не щадя живота своего. Что, заметим, похвально. Язву себе нажил, два инфаркта заработал, да так и помер, не дожив до пятидесяти, все в той же должности, и никто не повел его под белы ручки за всесоюзный штурвал.

Так вот, Перестенко возбудил дело, и вот тут-то на сцене и появляется ваш покорный слуга, молодой и зеленый Ка-точка Меркулов, который отрабатывает три года распределения. И именно ему...

— То есть — тебе, — на всякий случай вставил Турецкий.

— То есть мне, — не возражал Меркулов, — поручают расследование по делу Уткина. А обвиняют его в получении взятки в крупном размере.

Перестенко торопит: что там рассусоливать, дело ясное, под суд его, взяточника, опозорившего почетное звание и запятнавшего моральный облик, а я слушаю Ивана Сергеевича и понимаю, что не того травим, честнейший и добрейший он человек, а мы на него всех собак повесить собираемся.

Долго мы с ним беседовали. Совсем человек сломался, жить ему уже не хочется, на что угодно согласен. Любое чистосердечное признание готов подписать. Только допрашиваю я его и вижу: ничего он не знает, у кого взятки брал, какие суммы, за что...

Стал я в другом месте копать, с народными заседателями пообщался:

— Оказывал ли судья Уткин на вас давление в ходе вынесения приговора?

— Нет, — отвечают.

Взяточников вызываю, спрашиваю:

— Кому вы деньги передавали, Уткину?

— Нет, — говорят, — Масленниковой.

— А почему же решили, что взятка ему предназначена?

— Масленникова сказала.

Начинаю поднимать его дела за последний год — все чисто, ни одного процессуального нарушения. Как ни крути, а получается, что судить Уткина не за что. Невиновен!

Иду я к Перестенко и излагаю ему факты и доказательства. Он, конечно, впал в бешенство, но потом поразмыслил и решил, что ничего страшного пока не произошло, показательный процесс все еще можно провести, хотя и не с такой помпой, и на скамью подсудимых посадить Масленникову. Жалко, что с этим у него тоже ничего не вышло: она все-таки вывернулась, заявителей как-то уговорила, заявление они забрали, наплели, что их не так

понял следователь. И закончилось это для нее всего лишь исключением из краевой коллегии адвокатов.

Меркулов, наконец, вернулся к действительности и, взглянув на часы, вдруг заторопился уходить:

— А вот теперь, Саша, мораль: не все то золото, что блестит, а женщина вообще есть сосуд дьявола. Будь здоров.

— Гениально, — откликнулся Турецкий, который ко второй половине рассказа просто заснул с открытыми глазами.

ИРИНА ТУРЕЦКАЯ

19 февраля, вечер

Ирина Турецкая последние несколько дней не находила себе места. На нее свалилась неслыханная удача — ее ученик Вадик Клячкин оказался среди немногочисленных талантливых счастливицов, удостоенных чести выступить в программе «Юных дарований» на Конкурсе имени Чайковского. Мальчик несомненно был чрезвычайно одаренным, но, по ее мнению, еще чрезвычайно далек от уровня таких конкурсов. И она третировала несчастного Вадика, собираясь за неделю кардинально улучшить его технику, ритмику, пластику и т. д. Впрочем, все равно все усилия могли пойти прахом, поскольку вундеркинд избрал своим дебютом «Жизнь с идиотом» Альфреда Шнитке.

И вот, наконец, когда знаменательный день настал и Ирина во всем великолепии, волнуясь, прогуливалась в фойе Концертного зала имени Чайковского, кто-то подошел сзади и осторожно тронул ее за локоть.

— Ирина Генриховна, примите мои искренние поздравления. — Подполковник Бойко галантно склонил голову и поцеловал ее руку. Она была приятно удивлена его появлением.

— В перерывах между спасательными операциями вы, оказывается, находите время для хорошей музыки. — Она хотела было поинтересоваться, откуда он узнал об успехах ее ученика, и вдруг ее словно громом поразило. Ирина была так занята подготовительными хлопотами, что даже не задумывалась, как именно, с чьей легкой руки Вадик оказался в числе конкурсантов.

— Боже мой... ведь это вы все устроили. — Она вспыхнула от возмущения, а потом... от смущения. — Да?!

Бойко скромно пожал плечами:

— Слишком часто гении добиваются признания только после смерти, я попробовал исправить эту ошибку.

— Но зачем?! Кто дал вам право решать такие вещи?! И... как... вам это удалось? Неужели кто-нибудь из организаторов или спонсоров не в ладах с законом и таким образом искупил свою вину?

— Вы почти угадали... Кстати, я бы очень хотел, чтобы такой замечательный педагог послушал мою дочь. Кажется, она очень музыкально одаренная девочка.

— С удовольствием, — искренне сказала Ирина. После концерта Бойко пригласил ее в ресторан.

— Что мы празднуем? — спросила Ирина, поднимая бокал.

— Давайте выпьем за все сразу, а главное, за то, что мы вместе здесь и можем провести вдвоем несколько часов.

Оркестр сдержанно играл что-то прибалтийско-

паулсовское. К их столику подплыл тип кавказской наружности, украшенной двумя резаными шрамами на левой щеке:

— Пойдем патанцуем, да, — обратился он к Ирине скрипучим голосом, обдав ее стойким запахом специй и копченого мяса.

— Спасибо, нет, — ответила она довольно твердо, заметив с удивлением, что тип почему-то дрожит.

— Вах, — огорчился знойный брюнет и ретировался за свой столик.

— А если бы вас пригласил я... — спросил Бойко.

— Попробуйте...

К сожалению, мелодия уже заканчивалась и пришлось ждать следующей. Музыканты заиграли блюз, и неизвестно откуда взявшаяся немолодая негритянка в переливающемся всеми цветами радуги платье низким гортанным голосом запела о любви. Бойко поднялся и с легким поклоном подал ей руку. На площадке перед эстрадой толпилось довольно много народу, и танцевать можно было, только тесно прижавшись друг к другу. Бойко положил руки ей на талию и, склонившись к самому уху, сказал:

— Вот видите, я попробовал. Можно я попробую еще и...

В этот момент их движение остановил все тот же навязчивый подрагивающий кавказец:

— Ныхарашо обманывать, да. Одному гавариш не танцую, другому — танцую, да. — Музыка была громкой, и, чтобы его расслышали, ему приходилось кричать. Другие танцующие стали обращать на них внимание. Бойко, извинившись перед Ириной,

отвел брюнета в сторону и через пару минут тот бесследно растворился в толпе.

«А Турецкий бы уже полчаса дрался», — с одобрением и осуждением одновременно подумала Ирина.

— Что вы ему сказали? — спросила она, когда они вернулись за свой столик.

— Это не предназначено для дамских ушек, — галантно ушел от ответа полковник. — Давайте поедем ко мне, — предложил Бойко, — и я вас познакомлю с дочерью.

«Он так не похож на Турецкого, тот как собака, которая все время ищет кость и забыла, куда ее запрятала. Андрей легкий, романтичный и в то же время серьезный и уверенный в себе...»

Настырный джигит был личным агентом подполковника Бойко. Сейчас он сообщил своему патрону, что на Каширском шоссе в результате короткой перестрелки погибли два человека, один из которых был его напарником, которому пять часов назад Бойко передал пистолет «макаров», принадлежащий некоему следователю Генпрокуратуры, и конверт с деньгами на имя полковника Сафронова, о чем последний так и не узнал, а второй — экспертом-криминалистом.

...Музыкально одаренной дочери Бойко дома не оказалось.

— Наверное, жена ее сегодня забрала, — предположил он, ничуть не огорчившись, и сейчас же добавил: — Мы в разводе.

Луна выползла из-за сплошных облаков, и в комнате стало даже слишком светло. Андрей поднялся из глубокого кресла. В дрожащем свете глаза Ирины блестели как зеленое прозрачное стекло. Часы пропищали полночь. Бойко по привычке оки-

нул взглядом окружающую среду и остановился на Ирине, но, почувствовав острый дефицит словарного запаса, отложил свой английский на потом. Он плеснул в бокалы коньяку:

— Давай выпьем, вино не для темноты.

Она посмотрела на этого мужчину, увидела, как он дышит, как двигается, и он показался ей вдруг совсем чужим. Захотелось убежать и больше не возвращаться, но он снова обнял ее, и на какое-то мгновение она почувствовала полную беспомощность... И все же справилась с собой. Не давая себе времени передумать, она выскочила в переднюю и схватила свою шубу.

По ночным улицам Ирина возвращалась домой. Бойко порывался проводить, но она не позволила. Ей нужно было побыть одной и подумать. Она не испытывала чувства вины, но объяснять свое отсутствие все равно придется, и Ирина решила сказать, что вечеринка в музучилище, на которой отмечали ее успех, слишком затянулась. В принципе это было не так уж далеко от истины — ведь действительно была вечеринка, действительно отмечали ее успех...

Входная дверь даже не скрипнула. Она сбросила шубу и осторожно, на цыпочках, вошла в спальню. Постель была не тронута — Турецкого тоже до сих пор не было дома. Ирина забралась под одеяло, но сон не приходил. Турецкий так и не появился. Зато в 6.30 утра позвонил Денис Грязнов и, многократно извиняясь перед Ириной Генриховной, объяснил, что ее муж с его дядей засиделись за бутылочкой коньяку, отмечая очередной прорыв в очередном деле. А теперь, дабы окончательно выветрить хмель перед новой трудовой неделей, они все вместе отправляются на охоту. «Какую охоту? Какую охоту?!»

«А на кабана». — «Ах, на кабана...» — «На него, родимого».

Ирина устало подумала, что эта ложь была немелой, Турецкий заставил Грязнова-младшего объясняться с ней практически теми же словами, какими собиралась оправдываться перед мужем сама Ирина. Впрочем, ведь он-то в этом не виноват.

ДУРЕМАР

22 февраля, вечер

Если человеку выпала судьба жить в шумной Москве, где воздух, по уверениям некоторых, можно видеть, а в отдельных районах даже трогать, совершенно неудивительно, что он всем сердцем стремится сбежать от смога куда-нибудь за город. Дуремар не был исключением и проводил на даче все свободное от напряженной государственной службы время. Он бы вообще переселился сюда насовсем, да супруга ни за что не соглашалась.

Дуремар с гостем расположились на первом этаже в холле, подходящем для средних дипломатических приемов, в углу, возле камина. В доме никого больше не было, кроме собаки, которая боялась Дуремара как огня, а он ее просто терпеть не мог. Осматриваясь, пока хозяин отправился собирать на стол, Алекс Миль понял, что это его любимое место. Сам стол, мраморный на вид, на ощупь оказался деревянным, пол тоже, хотя об этом гость догадался сразу же, по звуку шагов. Помещение было выдержано полностью в белых тонах: и жалюзи, и огромный кожаный диван, даже персидский ковер — белые. Биолог, удобно развалившись не то на стуле,

не то в кресле, принялся изучать картину напротив себя. За время жизни в Швейцарии он поднаторел в живописи. Полотно он определил как голландское, семнадцатого века, умеренно пышная красавица молочного цвета с лилиями. Сам хозяин среди окружающей его белизны выглядел вороном, залетевшим на мельницу в разгар мукомольной страды.

Биолог не стал бродить по залу и рассматривать картины, тем более подниматься на второй этаж и знакомиться с обстановкой. Он, не одеваясь, вышел во двор, внимательно оглядел соседние дачи, большей частью пустовавшие, и запустил снежком в любопытную белку. Не обнаружив ничего явно подозрительного, Миль вернулся греться к камину. «Что-то здесь не вяжется со всей этой обстановочкой, — думал он, беспокойно всматриваясь в зеркало. — Например, мое присутствие».

После смерти Уткина Дуремар не был сверх меры озабочен конспирацией, рассуждая примерно следующим образом: нет смысла прятаться ночами по подворотням, безопасность состоит в том, чтобы на тебя боялись донести. Помимо членства в совете директоров, для устрашения потенциального предателя или соглядатая годился пост в официальной иерархии: он был министром юстиции и пользовался в определенной мере поддержкой и покровительством самого Президента.

Миля Дуремар вызвал из Швейцарии не только для устранения председателя Верховного суда. Главной целью министра являлся передел власти, для чего сложились весьма благоприятные обстоятельства. Во-первых, «милиционер» продемонстрировал в нужный момент свою несостоятельность, как ответственный за исполнение силовых акций. Во-вторых, их третий партнер в тот же самый момент на

некоторое время выбыл из игры. А он сам, во-первых, взял командование на себя и спас положение и, во-вторых, повторит это еще «на бис», когда вздумается.

Несмотря на некоторую нестандартность ситуации, вечер на удивление удался. Спонтанно одолели поллитровку уважаемого хозяином «Абсолюта». После чего Биолог, никогда не употребляющий больше ста граммов крепких напитков одновременно, впервые в жизни выступил в роли застольного оратора.

— Величайшая роль водки состоит в том, что она является эксклюзивным общим знаменателем для дворника и Президента. Если хотите — это последняя и единственная национальная идея, которая нас всех объединяет. Более того — державная идея: все народы бывшего Союза потребляют водку одинаково. За исключением исламских фундаменталистов, продавших наших в Чечне. Нам еще лет сто будет икаться, как минимум. Почему, спрашивается, когда поляки или финны нас делали, не было чувства национального позора? Из-за общей культуры питья.

Перешли ко второй бутылке. Гость отодвинулся от стола и, сжимая в одной руке рюмку, в другой — ломоть семги, перебрался вплотную к камину, серьезно рискуя прожечь дырки в подошвах. Дуремар, имевший гораздо больший опыт поведения в нетрезвом состоянии, решил не форсировать деловую беседу и дать Милю выговориться.

— Почему люди становятся киллерами? Каждый стремится делать то, чему его научили, то, что умеет лучше других. Если ты профессионал, неважно в чем, значит, ты возвышаешься над толпой, над безрукими полужайками. Научи человека прочищать

унитазы или строить атомные реакторы — он будет прочищать или строить. Научишь убивать — будет убивать. Натуральное хозяйство изжило себя две тысячи лет назад, во всяком случае в Европе. А у нас каждый сам себе и сантехник, и строитель, и садовод, и жнец, и швец, и на дуде игрец. Оттого и живут так, что каждый слишком много как бы умеет, а толком — ни хрена.

«Эк тебя развезло, — сокрушенно думал Дуремар. — Вынужденное безделье расслабляет даже закаленных бойцов».

Биолог опрокинул последнюю порцию «Абсолюта», поднялся, пошатываясь, стал на руки и прошелся от камина до двери. Приняв естественное положение, он выглядел абсолютно трезвым.

— Кто следующий?

«Да, были люди в наше время», — восхищенно подумал Дуремар, глядя на акробатический этюд.

Следующим в очереди на тот свет стояли два человека, которые сами по себе ни в чем перед Дуремаром не провинились; но цель его состояла в том, чтобы организовать войну между домодедовской группировкой и людьми «милиционера». А потом, в решающий момент, ее прекратить. И взойти на престол триумфатором.

МИЛЬ

23 февраля, утро

На Ракитскую он отвел себе трое суток и на следующий день после разговора с заказчиком в 6.30 вышел на предварительную разведку.

Ракитская жила на Алтуфьевском шоссе в обыч-

ном девятиэтажном доме. Днем, когда большинство жителей были на работе и опасность встретить кого-нибудь на лестничной клетке снижалась до минимума, Миль прошелся по подъезду. Нужная ему квартира находилась на третьем этаже, но он тщательно обследовал весь подъезд, проверил, есть ли выход на крышу, причем люк был закрыт не на обычный висячий замок: скобы просто скрутили куском проволоки. Разумеется, он не собирался устраивать гонки по крышам, но мало ли что может случиться, предусмотреть нужно все варианты.

На четвертом этаже ему попалось кое-что интересное. Прямо к кожаной обивке двери квартиры было прикручено распятие: деревянное и довольно искусно сделанное, а под ним красовалась латунная табличка:

«Экстрасенс Бестужевъ-Ценский Я. Я.

Часы приема 16.00 — 20.00».

«Очень кстати, — подумал Миль, — даже если этот маг и целитель не пользуется бешеной популярностью, все равно появление в подъезде незнакомых личностей соседи наверняка связывают именно с его сеансами».

Удовлетворенный осмотром, Миль вернулся в машину и стал ждать возвращения Ракитской. Она появилась в 15.45, загнала «хонду» в «ракушку» под окнами и поднялась к себе. Миль немедленно вернулся в гостиницу.

Он все еще не решил окончательно, какой способ воздействия избрать на этот раз. Конечно, можно было бы повторить вариант с Уткиным. Ракитская жила одна, и пробраться к ней в квартиру и подготовить сюрприз было бы не сложно. Но, во-первых, повторяться Миль не любил, а во-вто-

рых, не имел точных сведений о ее привычках. Отравленный предмет мог оказаться невостребованным несколько суток, а позволить себе роскошь работать на перспективу он не мог. Для изучения же привычек жертвы необходима не одна неделя.

...Ракитская доехала до Покровки, остановилась у церкви Святой Троицы на Грязях и, набросив на голову шарф, скрылась внутри. Миль пошел следом. В храме было тесно, шла служба. Ракитская скупно перекрестилась и остановилась у самого входа, прислонившись к колонне. Миль пожалел, что чемоданчик с «инструментами» остался в машине: момент был вполне подходящий. Подойти со шприцем и... В такой толпе все равно никто не заметит.

Ракитская постояла минут пять, погруженная в себя, и вышла, на ходу одарив нищих щедрой пригоршней мелочи. Миль попытался обойтись без пожертвований, но попрошайки были начску и окружили его плотным кольцом, на все лады пересказывая историю о больных детях, которым не хватает на операцию. Выбираясь из окружения, он чуть не потерял Ракитскую, «хонда» которой уже влилась в поток машин. Что она делала в церкви, он так и не понял, хотя в принципе священники те же адвокаты, только выступать с защитой им придется на Страшном суде. Миль улыбнулся своей шутке: может, она перенимает опыт?

После церкви она посетила президиум Московской коллегии адвокатов в Полуярославском переулке, пообедала в ближайшем ресторане, съездила к Сенатору в Орехово-Борисово, и, пока Ракитская беседовала со своим работодателем, Миль изучал издавека его особняк — пригодится, и довольно скоро. Потом они снова вернулись в центр.

Ракитская припарковалась у Елисеевского гас-

тронома, Миль остановил свою машину чуть позади ее, но в магазин заходить не стал, утомительная это процедура — толкаться вслед за женщиной у прилавков. Он перешел на противоположную сторону улицы и подошел к киоску, в котором торговали «горячими собаками» и горячим кофе. Оглядев столики у киоска, он выделил из немногочисленных любителей перекусить на скорую руку серого неприметного типа в мятой мешковатой куртке с таким же мятым лицом и холщовой сумкой. Типичный совковый инженер-подкаблучник, которого жена выгнала за покупками. «Как все-таки тесен мир», — подумалось Милю. Этот непримечательный с виду субъект был одним из лучших «стирателей» в ГБ еще в те времена, когда он, Миль, только начинал свою карьеру. Тогда ему можно было на вид дать лет пятьдесят, но и сейчас он выглядел точно так же. Мужичок вяло жевал сосиску и безразлично глазел по сторонам, но цепкий взгляд из-под нависающих кустистых бровей четко фиксировал нужные ему подробности: ширину улицы, высоту и расположение окрестных домов — и все это соразмерял с одному ему известным объектом.

Миль тоже взял себе сосиску и стаканчик кофе. Откусив кусочек, проглотил с некоторым отвращением и подошел к столику, за которым разместился коллега.

— Да, и собака бывает горячей, — безучастно заметил он, салфеткой отодвинул сосиску и отломил корочку булки, в которой она покоилась.

Коллега медленно повернул голову, мельком взглянул на него и вновь вернулся к наблюдению за противоположной стороной улицы.

— Я слышал, ты в Альпах... — Он ничем не выдал своего удивления.

— Конечно, а ты разве видел меня в Москве?

— Логично, — хмыкнул он, — а ты меня?

— А ты разве был в Швейцарии?

Оба едва заметно улыбнулись.

— Как оно вообще? Еще служишь? — Миль прихлебывал кофе, который в сравнении с сосиской был просто сказочно вкусным, даже несмотря на плавающие в нем бурые хлопья неизвестного происхождения.

— Нет, — сосед неопределенно махнул рукой. — У меня теперь своя фирма.

— «Вилла «Белый конь»?

— Не понял...

— У Кристи романчик такой есть... — Миль пытался по направлению его взгляда определить объект наблюдения, но не смог. Красная «хонда» на стоянке коллегу явно не интересовала, и то хорошо.

— А... Нет, талий, отравления и все в том же духе — это скорее твой профиль, — он говорил медленно, тщательно пережевывая резиновую сосиску. — Я надеюсь, ты не по мою душу?

— Думаешь, я стал бы с тобой беседовать?

— Логично, — опять хмыкнул коллега, и по его интонациям трудно было определить, рад он этому или нет. — Хотя ты всегда отличался экстравагантностью.

Ракитская вышла из гастронома и, открыв багажник, загрузила в него пакеты. Среди разнообразных свертков и коробок наметанный глаз Миля выделил упаковку «Кити-кэта». «Значит, тоже любительница кошек, единомышленница», — отметил он про себя и, едва кивнув соседу, не прощаясь, направился к своей машине. Адвокатесса сама подсказала ему способ собственного убийства.

А его коллега моментально просчитал Ракит-

скую: внешность, походка, одежда, марка машины. Ему это было совершенно ни к чему, но благодаря профессиональной привычке, выработанной годами, информация отложилась в каком-то дальнем уголке мозга.

ТУРЕЦКИЙ

24 февраля, утро

Турецкий допросил жену Уткина, его соседей, ближайших сослуживцев, — разнообразных бытовых сведений масса, но они, как водится, ничего ни прибавляли, ни отнимали. Последние «дела», которыми занимался Уткин (преимущественно кассационные и надзорные), тоже говорили обо всем и ни о чем. По логике вещей единственной подозреваемой была его тридцатилетняя жена, но это же курам на смех. Кандидат искусствоведения замочила главного судью страны? Он что, непочтительно отозвался об импрессионистах?

Турецкий всегда был уверен, что женская аккуратность до добра не доводит. Не понимая, что, собственно, произошло, мадам Уткина перемыла в доме всю посуду, лишив тем самым следствия хоть какой-то возможности сделать крохотный шаг вперед.

Настораживало и загадочное убийство дочери Уткина. Екатерина Ивановна Масленникова погибла в тот же день, что и отец, но несколькими часами раньше. Весьма маловероятно, что две смерти близких людей никак не связаны друг с другом.

Побывав в ее ресторане и поговорив с ее менеджером, Юрием, Турецкий выяснил, что у Кати были

денежные проблемы с домодедовской группировкой, после разрешения которых (не без помощи РУОПа) она и исчезла. Знал ли об этом ее отец? Его вдова утверждала, что нет, по крайней мере, она была не в курсе этого. Соснин утверждал, что он звонил Уткину, когда обеспокоился долгим отсутствием Кати на работе.

Турецкий не поленился съездить домой к Масленниковой и побеседовать с соседями. И первая же соседка, сухонькая старушонка, узнала на предъявленной фотографии Уткина, справлявшегося, по ее словам, о Кате спустя несколько дней после ее исчезновения. Значит, действительно Уткин знал, что Катя исчезла, и пытался найти ее. А может быть, ему просто что-то надо было взять в ее квартире? Но насколько Турецкий смог уловить из сумбурных объяснений Наташи Уткиной, ее покойный муж последний год был не в лучших отношениях с дочерью и общался с ней крайне редко. То же самое предположил и Соснин.

Руоповский капитан Лихачев, проводивший операцию по освобождению Катиного любовника Назарова, считал относительно вероятной гипотезу, что ее гибель — месть Кроткова. (Кстати, сам Назаров находился в невменяемом состоянии после общения с рэкетирами.)

И тут Турецкому стукнула шальная мысль сравнить по делу Масленниковой баллистику со всеми остальными результатами экспертиз по «делам», которыми занимались он сам, Грязнов и Лихачев за последний месяц. Как выяснилось, так далеко копать необходимости не было. Пуля, убившая Катю, вылетела из того же пистолета, что и несколько других, оказавшихся в теле эксперта-криминалиста старшего лейтенанта Сагайдака! Выходит, дочь Ут-

кина убил некто, пытавшийся отмазать взяточничество полковника Сафронова! Или, может, даже сам Сафронов? Или некто, использовавший Сафронова последнее время.

— Скажи мне, как пантера пантере, ты не находишь, что почерк убийства Уткина нам с тобой лично до боли знаком? — как бы между делом поинтересовался Турецкий у своего приятеля.

— Ширинбаева Валерия Ильинична, — кивнул Грязнов. — Я боюсь это в слух произносить, но если он таки втер нам очки и прихлопнул собственную тещу, то...

— Пристукнуть председателя Верховного суда — это уже было раз плюнуть, — насмешливо закончил за него Турецкий.

— Наоборот! Что же Лозинский, идиот — два раза убивать одинаково?! Способ убийства Уткина — это практически его алиби.

Турецкому было невесело, но все-таки он рассмеялся. И чихнул.

Школьников слушал ахинею, которой расслабляли себя бывалые сыщики, с нарастающим удивлением:

— Да кто — он, кто этот таинственный тещеубийца?

— Тот, к кому приезжал твой любимый Крэйг. И тот, кто мистически исчез два дня назад.

Школьников удивился еще больше:

— Да это же новость недели! Сан Борисыч, вы вообще газеты читаете? Телевизор хоть смотрите? Или хотя бы слушаете?

Через несколько минут Изида Сигизмундовна принесла по его настоянию подшивку «Известий». Школьников полистал несколько верхних газет, живо нашел искомое место и зачитал нараспев:

— «Беспрецедентный, уникальный случай в истории космической эры! Опытнейший космонавт, побывавший, однако же, на орбите более десяти лет назад и занимавшийся последнее время самыми разнообразными, весьма далекими от космонавтики вещами, преимущественно бизнесом, в котором он также достиг больших высот, молниеносно был включен в список претендентов на полет в корабле «Союз-Т-32» и буквально через день снова отправился осваивать неизведанное в компании двух американских астронавтов!»

Александр Борисович и Вячеслав Иванович изумленно смотрели друг на друга. Наконец Саша разлепил губы:

— Так не бывает.

КРОТКОВ

23 февраля, вечер

Кротков, вырвавшись из напряженных ракетирских будней, укрепив, как никогда, дисциплину среди своих подчиненных, позволил себе отвлечься от дел и по привычке свернул в мыслях на женский пол. Масленникова, с которой следовало все уладить, бесследно исчезла. На текущий момент оставались неурегулированными еще отношения с адвокатессой Ракитской, прерванные все теми же служебными заботами. Не откладывая дела в долгий ящик, он набрал ее номер, силясь вспомнить, о чем они говорили в последний раз. Ответил ему незнакомый мужской голос:

— Алла умерла. Похороны послезавтра в двенадцать.

— Ч-черт, — выдавил Кротков. В последнее время он находился на взводе и был готов к неприятностям, в том числе и даже в первую очередь — со смертельным исходом, но с этой стороны он их не ждал. Преодолев эмоции и чувствуя, что на том конце собеседник не склонен к продолжительным дебатам, Кротков торопливо спросил: — Как умерла, от чего?

— Предполагают убийство. Извините.

«Надо ехать к Сенатору немедленно», — решил он. Изначально визит намечался на завтра, и Кротков намеревался сообщить боссу хорошие новости: попытки упредить действия врага результата не дали из-за отсутствия таковых действий. Кроме загадочного поджога на складе прямо при Боцмане Палыче больше никаких инцидентов. Что там произошло, выяснить не удалось, но данных, указывающих на происки конкурентов, тоже нет.

Сенатор выслушал известие о гибели Ракитской абсолютно спокойно. Кротков на минуту засомневался: не сам ли босс приказал ее убить?

— Не суйся в это дерьмо, занимайся своим собственным, кто ее уконтропупил — выясню без тебя. И разберись, наконец, с этим дурацким складом. Он что, самовозгорелся? А эти трое придурков, как туземцы, водили хоровод вокруг костра и постреливали? Не рано ли ты меня успокаиваешь?

Ощущая личную заинтересованность в деле покойной Аллы, с которой так ничего и не сложилось, Кротков вернул Сенатора в прежнюю колею:

— Со складом история темная, ребята говорят: сторож свихнулся на почве выпивки, по пьяному делу мог и пожар устроить, а еще двое оказались не в то время не в том месте. Мы же не «Сникерсами» торгуем. — Сам того не подозревая, Кротков про-

явил глубокое проникновение в суть вещей. — А вот Ракитская — совсем другое дело: она с пушкой наперевес по темным закоулкам не разгуливала!

— Тебе что, баб мало? — Сенатор, в свою очередь, моментально раскусил мотивы помощника. — У нее, если ты не заметил, главный орган был не между ног, а здесь. — Он постучал пальцем по лбу. — Если кто-то решил всех нас достать — в последнюю очередь начал бы с нее. Может, собственный хахаль ее пришил. Разберемся.

УТКИН

Остальные сведения, которые Турецкий раздобыл об Уткине, выглядели следующим образом. Благодаря Меркулову Уткин сохранил свою должность, но слухи вокруг его персоны не утихали. Однажды, во время процесса по делу о взятках, подсудимый (зарвавшийся начальник райжилотдела, за определенную сумму продвигавший вперед очередников на квартиры), которому объявили приговор: пять лет с конфискацией имущества, вскочил со своего места и заорал на весь зал:

— А судьи кто?!

Поднялся шум, подсудимого не без труда утихомирили, а Уткин сидел как оплеванный — большинство горожан свято верили в круговую поруку и считали, что вот его, судью Уткина, просто не дали в обиду его же коллеги, а тот, которого осудили, — просто козел отпущения.

Работать в такой обстановке становилось все труднее и труднее. Через месяц после прекращения дела, возбужденного против Ивана Сергеевича, его вызвали в Тихорецкий горком партии. Он отправил-

ся на ковер с тяжелым сердцем: по идее, партийные органы должны были среагировать мгновенно. Как только против него начались следственные действия, полагалось исключить его из сплоченных рядов КПСС или в крайнем случае наложить самое суровое взыскание. Но тогда этого почему-то не произошло. Товарищи по партии затаились и выжидали, а теперь, когда он, несмотря на полную реабилитацию, оказался, пользуясь шахматным языком, в цугцванге и вынужден был подыскивать себе другую, менее заметную должность, о нем наконец вспомнили и решили добить.

Первый секретарь райкома принял его довольно холодно, но разноса устраивать не стал. Избегая смотреть в глаза Уткину и поглаживая широкой ладонью землепашца благообразную седую шевелюру, он повел беседу голосом, рассчитанным на большую аудиторию, от которого немедленно зазвенело в ушах.

— Мне доложили, что вокруг вас создается атмосфера недоверия, а порой и откровенной травли. Мы не можем спокойно смотреть, как оскорбляют коммуниста, нашего товарища. Но выступать в вашу защиту в газетах на данном этапе также представляется нецелесообразным. Это только подольет масла в огонь. У вас есть выбор остаться в Тихореске и спокойно ждать, пока ажиотаж спадет сам собой или уехать в Краснодар. Что скажете?

Уткин смотрел на него с недоверием: «Кому я нужен в Краснодаре?»

— Я разговаривал недавно с секретарем краевого комитета партии, им нужен молодой, принципиальный и толковый судья. Как вы на это смотрите?

Уткин пожал плечами, предложение было неожиданным и заманчивым, правда, не о такой ка-

рьере он мечтал, не о том, чтобы партийные руководители проталкивали его наверх. Но, как говорится, из двух зол выбирают меньшее.

— Я рад, что вы согласились, — сказал секретарь райкома, и по его виду можно было понять, что он действительно рад. Только радовался ли он тому, что помог хорошему человеку, или тому, что избавился от источника возмущения во вверенном его заботам районе, Уткин так и не узнал. — Но я вас очень прошу, впредь быть более осмотрительным в своих знакомствах. Я уже характеризовал вас начальству как кристально честного и вполне морально устойчивого коммуниста.

Итак, с лучшими рекомендациями и блестящей характеристикой райкома Иван Сергеевич мог хоть сейчас уезжать на новое место работы. Оставалась одна проблема — дочь. Кате было полтора года, и она к нему очень привязалась. С Ларисой Уткин больше не встречался, но после всего, что узнал о ней, он просто не мог оставить ей девочку. Катя уже сейчас большую часть времени проводила с бабушкой, мать ею практически не интересовалась, а что будет, если Лариса выйдет замуж, лучше даже не думать.

Идя к ней, он не представлял, что скажет, — сама мысль о предстоящем разговоре ему претила. Уткин, конечно, мог бы оформить опеку над девочкой и забрать ее на этих условиях, но он хотел настоящего отцовства и еще хотел навсегда вычеркнуть Ларису из их с дочерью жизни.

— Мириться пришел? — с порога спросила Лариса. — Или проповеди читать?

— Прощаться.

— Только не очень громко, Катя спит уже. — Лариса проводила его в комнату и, усадив на про-

давленный старый диван, гордо уселась напротив. Комната была чистой, но какой-то убогой: трехстворчатый с зеркалом шифоньер, диван, старый овальный стол на гнутых ножках и телевизор, никаких ковров, золота, хрусталя... Куда девались те деньги, которые получала Лариса в качестве взяток, непонятно, возможно, она их хранила в чулке или в банке. Скажем, трехлитровой.

Уткин начал без предисловий:

— У нас не должно остаться ничего общего.

Лариса посмотрела на него с удивленной усмешкой:

— Я тебя умоляю, нам и так нечего делить.

— А Катя?

— При чем здесь Катя? — не поняла Лариса.

— Я прекрасно вижу, что она тебе в тягость. Ты не сможешь воспитать из нее человека.

— А ты сможешь? Повесишь ей над кроватью моральный кодекс строителя коммунизма и будешь на ночь читать работы основоположников вместо сказок? — Выражение ярости промелькнуло на ее лице.

Катя спала за стеной, и они вынуждены были говорить очень тихо, хотя обоим хотелось поскандальить как следует.

— Не ломай комедию, — полушепотом выкрикнул Уткин.

— Ты что же, считаешь, что со мной девочка вырастет обездоленной? — Лариса действительно была возмущена до глубины души.

— Я этого не говорил. Однако я, наверное, смогу быть ей лучшей матерью, чем ты, и уж точно лучшим отцом, чем тот, за кого ты...

Лариса действительно собиралась замуж за очень перспективного, правда, уже сорокапятилетнего ра-

ботника Внешторга, который, приехав погостить на свою историческую родину в Тихорецк, влюбился в нее до беспамятства и жаждал посвятить ей остаток своей жизни и бросить к ее ногам все блага мира, которые он успел накопить за десятилетие плодотворного труда на ниве внешней торговли.

— И ты намерен ее удочерить? — поинтересовалась она.

Уткин уже был морально готов услышать, что отцом-то он как раз и не является, но этого не произошло. Он почувствовал себя увереннее:

— Да, намерен, иначе не подошел бы к тебе на пушечный выстрел. И еще: я увезу Катю в Краснодар, и с тобой, надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

— С тобой — с удовольствием. Но Катя и моя дочь тоже, никто не может запретить мне с ней встретаться.

— То есть ты в принципе согласна, но тебя смущают детали? — Иван Сергеевич не ожидал, что все будет так легко.

— Разве я сказала, что согласна?

— А, я понял! Ты хочешь поторговаться?

Разбуженная Катя со слипающимися глазами появилась на пороге. Постояв в нерешительности, она забралась на колени к отцу и, свернувшись клубочком, тут же уснула снова. Они вынуждены были перейти на шепот.

— Ты мерзавец, Уткин.

— Что же ты меня не выгонишь? Можешь считать, что я очень подходящий мерзавец, тебе со мной, с мерзавцем, повезло!

— Допустим, — Уткин почувствовал в ее голосе нотку смирения, — но ты должен кое-что для меня сделать.

— Например?

— Я собираюсь в Чехословакию...

— С будущим мужем?

— Представь себе. Но ты же знаешь, какие у нас с этим строгости... В общем, мне нужна хорошая характеристика.

— Это все?

— Сделай, потом посмотрим.

Они поженились, и Уткин усыновил Катю. Потом развелись, и по решению суда девочка осталась с ним, от каких-либо алиментов он, разумеется, отказался. Судья, прекрасно знавший разводящихся, не стал читать типичную проповедь о том, что при разводе ребенку предпочтительно было бы остаться с матерью. Уткин первый и последний раз в жизни «нажал на все рычаги», и процедура с женьбой и разводом заняла минимум времени.

Уткин добился своего и уехал в Краснодар начинать новую жизнь на новом месте. А Лариса со своим перспективным супругом отправилась в Чехословакию.

Он обнаружил в себе совершенно непознанный пласт родительской любви. Сколько раз приходилось ему исправлять Катины ошибки, выговаривать, давать советы, но каждый раз это делалось учтиво, по-дружески и втайне ото всех, его замечания никогда не ставили ее в неудобное положение в кругу сверстников и не омрачали минут, проведенных вдвоем. Он пытался стать для дочки не только отцом, но и искренним, всепонимающим другом. И его гораздо больше заботило, как она себя чувствует, нежели как себя ведет. Не было глупого женского обожания: вместо того чтобы навязывать свою любовь, он старался делать так, чтобы Катя сама ее заслужила.

Когда Кате было четыре года, она спросила:

— Почему у других девочек и мальчиков есть мамы, а у меня нет?

Уткин ждал этого вопроса и боялся его. Рассказать девочке, что ее мама плохая и злая, что не захотела жить с ними и не любит их? Конечно, это было правдой, но нужна ли эта правда? И он солгал. Сказал, что мама умерла, и показал Кате ее фотографию. Катя вполне серьезно заявила, что, когда она вырастет, придумает средство от умирания. На этом разговор и закончился. Иван Сергеевич думал, что, может быть, когда-нибудь, когда Катя вырастет, он решится рассказать ей все, как есть, но дочь, видимо интуитивно чувствуя, что разговоры о матери причиняют ему боль, крайне редко касалась этой темы.

Дальнейшая карьера Уткина не была головокружительной, но довольно быстро он перерос красной масштаб и был переведен в столицу. В начале восьмидесятых работал в Бауманском районном суде.

Наступило время андроповских чисток, через суды плотным потоком полились дела высокопоставленных воров и мздоимцев.

Уткин председательствовал на процессе против директора райпотребсоюза, которого обвиняли в махинациях и хищениях на сумму более миллиона рублей, и ему грозило от пятнадцати лет строгого режима с полной конфискацией до высшей меры. И обвиняемый, понимая, что уже не выкрутится, на суде неожиданно стал давать показания против второго секретаря Бауманского райкома, председателя райисполкома, завсектором сельского хозяйства Московского обкома, которым он, по его словам, регулярно давал немалые взятки и без содействия и

покровительства которых просто не смог бы наворочать таких дел.

В материалах следствия этих показаний не было, но подсудимый уверял, что они были изъяты из дела вместе с вещественными доказательствами — бухгалтерскими документами за подписью вышеназванных лиц. Перед Уткиным встал вопрос: отправлять ли дело на доследование? Следователь прокуратуры, вызванный в суд, рвал рубаху и утверждал, что подсудимый пытается опорочить следствие и оклеветать уважаемых людей. Уткин вызвал в суд и первого секретаря райкома, допросил его в качестве свидетеля, и тот отверг всякие связи с подсудимым. Обкомовское начальство в суд не явилось вовсе.

И тут на Уткина начали давить. Вызвали «на ковер» к непосредственному начальству в горсуд и райком партии и везде практически одними и теми же словами убеждали, что вор и взяточник несомненно заслужил самый суровый приговор (он же справедливый), но разве можно верить показаниям проходимца, который, видя, что пропадает, решил без всяких на то оснований и только из побуждений мести увлечь за собой видных деятелей партии, которые многолетним трудом на благо народа подтвердили свою безупречную репутацию на двадцать лет вперед.

В те дни Катя как раз лежала в больнице с гепатитом. И Уткина стали терроризировать телефонными звонками. Сперва ему предложили дорогостоящие импортные лекарства, в следующий раз — перевести Катю в закрытую клинику ЦК. Затем подсудимый вдруг повесился в камере, причем при очень загадочных обстоятельствах. За неимением подсудимого дело следовало бы прекратить, и на-

чальство торопило поступить именно таким образом.

Но неожиданно для всех Уткин настаивал на расследовании обстоятельств гибели подсудимого и дорасследовании дела с учетом его последних показаний. Тогда ему начали откровенно угрожать. Иван Сергеевич на свой страх и риск добился разговора с председателем Верховного суда. Дело возобновили, отправив на доследование. И хотя никто из партийных руководителей не был привлечен к уголовной ответственности, им все же пришлось распрощаться со своими постами.

Уткина «заметили», и через два месяца перевели в Верховный суд РСФСР, а после распада Союза автоматически — в Верховный суд Российской Федерации. Спустя еще два года после путча-93 Иван Сергеевич оказался единственным юристом в высших эшелонах, сумевшим и рискнувшим квалифицированно определить состав преступления в действиях «защитников Белого дома-2». И хотя события не получили развития в этом направлении, Президент не мог не обратить внимание на такой смелый шаг, и именно Уткин два года спустя стал председателем Верховного суда Российской Федерации.

ТУРЕЦКИЙ

24 февраля, день

Грязнов деловито выскочил в приемную и вернулся с пластиковым электрическим чайником и парой чашек. Турецкий откупорил банку кофе «Chibo» и задумчиво наслаждался скурым ароматом. Минут через десять чайник наконец вскипел.

Не меньше служебных проблем его теперь волновали семейные. «У Ирки роман или у меня паранойя?» Он под столом постучал кулаком по колену — дергается, рефлекс в норме. «Но если роман, то с кем? Выясню, рога-то гаду обломаю, хотя рога — уже скорее у меня...» Он настолько задумался, что сыпал себе уже четвертую ложку кофе и не собирался останавливаться.

— Знаешь, Саня, чем отличается гурман от наркомана? — Грязнов отобрал ложечку и отсыпал половину кофе обратно в банку. — Поиском не максимальной, но оптимальной концентрации действующего начала. А говоря по-нашему, по-простому — дозой.

Турецкий подумал, что его приятель умнеет не по дням, а по часам. Они наполнили чашки, добавив в кофе последние капли коньяка. В этот момент в кабинет влетел раскрасневшийся от мороза и улыбающийся во весь рот Школьников.

— Сан Борисыч, а что это у вас там в баночке коричневеет, уж не кофе ли? — Он стащил дубленку и, не обращая внимания на мрачный вид Турецкого, продолжал в том же духе: — А это в чайнике теплеет? — Он налил себе кофе и сжал чашку ладонями, согревая озябшие руки.

— Ты чего скалишься? — поинтересовался Грязнов. — Тебе что, твой Крэйг грант выделил как юному дарованию в области сыска?

— А бутылка-то уже пустеет, — с нескрываемым сожалением заметил Школьников, рассматривая на свет коньячную бутылку. — А миллиардеров вы, видно, плохо знаете, он скорее меня попросит бесплатно его на такси покатасть. А на конкурсе его вчера вообще «водить» было бесполезно, смишники на него как мухи на пластилин слетелись...

— Кто? — очнулся вдруг Турецкий.

— Представители СМИ, это не СМУ во множественном числе, это средства массовой информации, — охотно пустился в объяснения Школьников, но Турецкий уже опять погрузился в свои невеселые размышления. — Зато я приятно провел время, музыку послушал, на бомонд поглазел. Встретил одну знакомую физиономию — подполковника Бойко из Министерства внутренних дел.

— Он что, тоже кого-то «водил»? — осведомился Грязнов.

— Нет, представьте себе, наслаждался искусством и расцветал в обществе прекрасной дамы.

— Тебе там делать было не хрен, только на дам любоваться? — буркнул Турецкий.

— Дамы, Сан Борисыч, дамам — рознь. Впервые столкнулся с феноменом: преподаватель музыки и не мымра. Я-то свой срок в музыкальной школе отмотал, родители просто достали со своей идеей гармоничного воспитания меня как личности. Так вот, мои училки все поголовно были сдвинутые меры...

Турецкий оживился:

— Опиши мне ее.

— А что это вы вдруг заинтересовались? — Школьников уже исчерпал тему и собирался перейти к обсуждению более животрепещущих проблем, например, какую роль отводит ему Турецкий в дальнейших мероприятиях по делу Уткина и каковы эти мероприятия. — Женщина как женщина, не первой молодости, но очень даже ничего. Брюстка, стройная, в весьма терпимом, хотя и не от кутюр, черном вечернем платье. На конкурсе ее ученик выступал.

— Почему ученик, может, родственник, сын, племянник... — Турецкий мрачнел все сильнее.

Грязнов с интересом вслушивался в разговор, начиная кое-что понимать.

— Это элементарно, дорогой Ватсон. Мальчишка ей цветы потом после выступления подарил, а домой они не вместе поехали.

— Ты что же, и это видел? — Турецкий напрягся, сжимая и разжимая кулаки, и Грязнов предусмотрительно отодвинул от него подальше чашку и чайник. А Школьников продолжал простодушно выкладывать подробности:

— Да я просто рядом оказался. Бойко со своей телкой в машину садились и еще обсуждали, в какой ресторан поехать.

— Ну и что выбрали? — Турецкий скрипел зубами. «А потом она не устроила мне обычного разноса. Я еще голову ломал почему, отчаялась, что ли, на фиг, а оказывается, у нее у самой рыльце в пушку!»

— Даме захотелось чего-нибудь скромного, но уютного и со вкусом, ну и... они и... поехали в «Метрополь».

Турецкий вскочил и, схватив Школькова за грудки, рывком оторвал от стула:

— Ты мне это специально рассказал?!

Грязнов отошел к окну и с самым серьезным видом принялся отковыривать замазку с подоконника. В конце концов, Школьников сам виноват, раньше за такое могли и на дуэли убить, а получить по морде от старшего товарища — это не смертельно и даже полезно. Иногда.

В кабинет заглянула Изида Сигизмундовна:

— Вячеслав Иванович, для вас свежую сводку прислали.

24 февраля, вечер

После смерти Сенатора в домодедовской группировке наступило смутное время — безвластие. Братва, несколько обескураженная внезапной и таинственной кончиной босса, подумывала о смене крыши и слиянии с какой-либо более мощной силой, в главное кресло никто особенно не рвался. Но свято место пусто не бывает — руководство взял на себя Кротков. И со свойственной ему еще с комсомольских времен энергией лихо взялся за укрепление боевой и политической подготовки в рядах своих подчиненных. И первое, что надлежало сделать для поднятия боевого духа братвы, — найти и примерно покарать убийцу Сенатора.

Но где его искать, Кротков не знал. Убийство было необычным, просто из ряда вон. Среди соратников и сподвижников искать было бесполезно: ни у одного из них не хватило бы ума организовать такую акцию. Если бы Сенатора банально расстреляли из автоматов или зарезали, Кротков знал бы, что делать. Во-первых, инициатор уничтожения Сенатора, будь он из своих, тут же заявил бы права на должность «авторитета», а во-вторых, зачем было избавляться от Ракитской?! — а эти убийства Кротков справедливо считал тесно связанными между собой. Если это происки конкурентов, то почему они не появились и под шумок не объявили о смене власти?

Единственный человек, который всегда давал ему дельные советы, владел любой ситуацией и информацией и к тому же был облечен недюжинной властью, на отчаянные звонки Кроткова не отзы-

вался. И Кротков, весьма на него рассчитывавший, оказался в тупике. Но ответы пришли сами и совершенно неожиданно.

Накануне похорон Ракитской Кроткову позвонил некто, не пожелавший назваться, и сообщил, что готов немедленно, но за определенную сумму открыть глаза на определенные вещи.

Кротков на встречу пришел. Ему нечего было терять: если его собирались убить, то, как показали недавние события, никакая охрана и никакие стены от этого спасти не могли, а если этот «дельфийский оракул» действительно располагает интересующей его информацией, то такой шанс упускать просто глупо. Прихватив с собой требуемые двадцать пять тысяч долларов и двух охранников, он отправился в Измайловский парк, где принялся гулять, как было условлено, в том конце центральной аллеи, который упирается в шоссе Энтузиастов. Телохранители «гуляли» тут же, но на приличном расстоянии.

«Оракул» не заставил себя долго ждать. Субтильный, небольшого роста, с птичьим носом и пудовой челюстью, в солнцезащитных очках в пол-лица и надвинутой до бровей лыжной шапочке.

— Здравствуйте, Василий Петрович. — Незнакомец взял Кроткова под руку и увлек в боковую аллею. — Деньги с вами?

Кротков продемонстрировал кейс, и удовлетворенный собеседник уселся на ближайшую скамейку, приглашая Кроткова последовать его примеру.

— Давайте сразу к делу. — Незнакомец извлек из кармана фотографию. — Вам знаком этот человек?

На снимке Кротков узнал Ракитскую, которая вместе с каким-то пижоном разглядывала стенд на какой-то выставке. Спутника Ракитской он видел впервые, о чем и уведомил «оракула».

— Перед вами подполковник Бойко из МВД РФ, — тыча холеным пальцем в снимок, объяснил тот, — помощник первого заместителя министра. Именно к нему обратилась одна адвокатесса по поводу освобождения из-под следствия одного своего знакомого, так что во всех последовавших бедах вы в первую очередь можете обвинить себя.

Щелкнув ронсоновской зажигалкой, которая не вязалась с его несколько обшарпанным внешним видом, он неловко закурил сигарету «Парламент» и продолжил:

— Так вот, дело вышло из-под контроля, и Масленникова была убита людьми Бойко. Убита совершенно случайно, но ее смерть повлекла за собой новые, теперь уже преднамеренные убийства. Бойко оказался в трудном положении, и ему пришлось зачищать все концы в этом деле. Вначале был убит отец девушки — Верховный судья Уткин, который вполне мог разоблачить подполковника. Но этого оказалось недостаточно. Смерть Уткина, мягко говоря, не сошла за естественную, и прокуратура начала расследование, поэтому теперь Бойко убирает всех подряд, кто так или иначе замешан в деле Масленниковой. Ракитскую, которая непосредственно с ним встречалась, Сенатора, который за это платил... Как вы думаете, кто следующий? — Вопрос был явно риторический.

Пытаясь справиться с эмоциями, Кротков тоже закурил. Незнакомец поднялся и забросил окуроч в сугроб:

— Пожалуй, у меня все. Чемоданчик я с вашего позволения заберу, а фото оставляю вам на память. На обратной стороне записан номер машины Бойко и его адрес на тот случай, если вы не собираетесь сегодня же отправиться в Баден-Баден. — Он по-

брел к выходу из парка. Телохранители последовали было за ним, но Кротков жестом остановил их.

В тот же день Кротков популярно объяснил братве, кто несет ответственность за смерть Сенатора, и объявил вендетту абстрактной мафиозной группировке, олицетворением которой на данном этапе являлся подполковник Бойко. О том, что в первую очередь он печется не о восстановлении авторитета группировки, а о спасении собственной шкуры, он, разумеется, умолчал.

Исполнителями акции возмездия были назначены Сеня и Ваняй, которые с повышением Кроткова тоже поднялись в иерархии группировки и теперь являлись его доверенными «секретарями-референтами», или, как они сами это называли, «пацанами с расширенными полномочиями».

«ПАЦАНЫ»

25 февраля, утро

Подполковник Бойко действительно проводил «зачистку», но на очереди у него был не Кротков — с этой стороны он не видел угрозы. Наступил подходящий момент, чтобы избавиться от утративших доверие и теперь не представлявших ничего, кроме опасности, «Антуана» и его напарников. Не долго думая, Бойко поручил эту миссию корейцу Осетрову («Ким, Ен, Пак съели всех собак»).

Сеня с Ваняем решили не рисковать, поджидая Бойко в подъезде, населенном в большинстве своем милицейскими чинами (дом был ведомственный), а не мудрствуя лукаво устроить фейерверк, засунув бомбу в машину подполковника.

С восьми часов они честно дежурили у министерства, ожидая подходящего момента. Полковник выехал в 11.17 и направлялся явно не в сторону своего дома. «Пацаны с расширенными полномочиями» немедленно пристроились следом. На заднем сиденье в красивой картонной коробке из-под ботинок «Ессо» сорок второго размера лежала бомба.

Перед выходом на дело Сеня и Ваняй вместе проштудировали длинную инструкцию по эксплуатации и, хотя она была на английском, сумели понять главное: заряд надо прикрепить к металлической части, например под днищем машины, а потом, отъехав на приличное расстояние, нажать на красную кнопку на пульте дистанционного управления.

Бойко остановился у ювелирного магазина и вошел внутрь, где выбрал и купил изящный золотой кулончик Гарнье. А в это время Сеня, проходя мимо его машины, уронил на асфальт связку ключей и, нагнувшись, чтобы их подобрать, сунул руку под днище «опеля». Магнитная присоска намертво зафиксировала бомбу, а Сеня, подняв ключи, насвистывая, вернулся в свою машину. Они отъехали к перекрестку и стали ждать, не выключая двигатель.

Подполковник уселся за руль. Ваняй газанул и вывернул за угол. Сеня с легким сердцем нажал на красную кнопку. Ваняй, заранее зажмурившись, зажал ладонями уши, ожидая, как сейчас грянет грохот взлетающей в воздух машины, раздастся звон стекол, сыплющихся из окон в окрестных домах, заскрежешут обломки металла, падающего на асфальт, и навалится ударная волна, которая, возможно, тоже умеет заворачивать за угол.

Но ничего подобного не произошло, ничто не заглушило привычный шум улицы, и, кроме того,

через полуприкрытые веки Ваняй увидел, что мимо них как ни в чем не бывало проехал «покойник» на совершенно целой машине. Ваняй раскрыл глаза пошире, но видение не исчезло.

— Ты куда жал, твою мать! — заорал он на столь же обескураженного напарника. — Дай сюда.

Он отобрал пульт и изо всех сил обоими большими пальцами вдавил кнопку — не помогло, Бойко продолжал спокойно ехать вперед. Сеня вернул дистанционку себе и принялся нажимать на все кнопки одновременно. На пульте загорелось табло и замигали цифирки, отсчитывая десятые доли секунды до взрыва.

— Щас рванет, — обрадовался Сеня.

— Протри глаза, дубина. — Ваняй постучал пальцем по лбу товарища, а потом по неподвижным цифрам 01:01 на табло. — Таймер на час установлен. На час ночи?! Да он к этому времени... — Ваняй задохнулся, силясь одновременно выложить длинный список мест, в которых сможет побывать Бойко за указанное время, но из перехваченного яростью горла вырвался только обильный поток ругательств. — Вырубай его, к черту.

Сеня, который прекрасно осознал, что будет, если машина взорвется в гараже, когда никого не будет за рулем, принялся листать инструкцию в поисках соответствующего пункта. Ваняй рванул с места вдогонку «опелю», который уже отъехал на порядочное расстояние. Наконец Сеня нашел пункт «Timer» и углубился в чтение, от напряжения шевеля губами.

— Тут вроде сказано, что таймер можно отключить или переустановить только на самой бомбе... — неуверенно сказал он.

— Вот же... — опять выругался напарник. — И где мы его ловить будем?

Но полоса невезения для них как будто закончилась, Бойко замигал подфарниками и причалил к тротуару, собираясь, видимо, продолжить поход по магазинам. «Юные пиротехники» припарковались перед самым носом его машины и, с большим трудом оторвав бомбу от днища, принялись рассматривать ее, опустив в свой багажник. Тумблер, отвечающий за таймер, они нашли довольно быстро. Цифры на бомбе погасли, на дистанционке тоже. Бомба вернулась на место, а «пиротехники» — в свою машину.

— Слушай, а там еще какие-то фишки были на корпусе, вроде перемычек, может, надо было их потрогать... — несмело предположил Сеня.

— Молчи, он идет, — Ваняй напрягся, обхватив пульт обеими руками и бормоча про себя неразборчивую молитву. Отпустив подполковника на сто метров, он ладонью припечатал кнопку, с которой от частого употребления уже стала слезать красная краска. Глаз он на этот раз не закрывал, чтобы увидеть все подробности, но проклятая бомба опять не сработала. В бешенстве Ваняй чуть не расколол злосчастный пульт о приборную доску.

— Фишечки говоришь, перемычечки?! — Его прыщи переливались всеми цветами радуги. — Он сейчас остановится, пойдешь и выстрелишь в него из пистолета, понял? Англичанин хренов, инструкцию прочитать кишка тонка!

— Сам иди, — резонно возразил Сеня, — мне еще жить не надоело. — Он снова взялся за уже изрядно потрепанные листки, мобилизуя весь свой, надо признать, небогатый словарный запас.

Бойко закончил «шопинг» и покатил в сторону

Юго-Запада, Ваняй следовал за ним, стараясь соблюдать дистанцию и не бросаться в глаза. Остановившись у какой-то пятиэтажки, полковник вошел в подъезд, а Сеня, не теряя времени, воровато оглядываясь, бросился к его машине претворять в жизнь заново пересмысленные инструкции. Благо уже стемнело и его манипуляции не бросались в глаза. Выдернув одну из перемычек, он облегченно вздохнул: на корпусе бомбы загорелась маленькая красная лампочка, под которой было написано «Alarm». Он поспешил обрадовать напарника:

— Все, теперь уж точно получится.

Но Ваняй был настроен скептически:

— А что, если он отсюда всю ночь не выйдет?

— Выйдет, — заверил приободрившийся Сеня. — Ему домой еще через всю Москву тащиться.

— А может, баба у него здесь, он удовольствие получает, а мы тут — мерзни весь день... Смотри, отъезжает, мать его так, я и не видел, как он вышел. — Ваняй схватился за пульт с таким остервенением, как будто собирался вытрясти из него душу. — Умри, козел! — На этот раз он нажимал кнопку плавно, со смаком, представляя себе, как там под машиной проскакивает маленькая искра, воспламеняется детонатор и...

«Опель» уехал. У Ваняи не было сил даже выматериться как следует.

— Садись за руль, — скомандовал он Сенс, доставая из-под сиденья пистолет. — Догоняй, — он деловито проверил обойму и взвел предохранитель.

«Опель» явно направлялся не через центр, а к кольцевой. Сеня, чуть было не потерявший его в темноте, шел почти впритык. На выезде из города возле Битцевского парка их остановил гаишник.

Сеня молил Бога, чтобы разъяренный напарник не всадил в него всю обойму, но заботливый мент всего лишь посмотрел права и порекомендовал быть поосторожнее на обледенелой трассе. Ваняй, несколько отрезвевший после встречи с гаишником, снова сел за руль. Сеня хотел было выбросить к черту проклятые бумажки и вдруг заметил строчку мелким шрифтом в самом конце последнего листа, на которую раньше не обратил внимания.

— Тут еще что-то написано... — пробормотал он. — Маде ин Чина. Сделано в Китае, значит.

— Вот сволочи желтоглазые, они уже и бомбы делать научились, которые... — он снова разразился потоком отборных ругательств, имея в виду «не взрываются», и, скомкав инструкцию, выбросил ее в окно.

— Они, между прочим, порох изобрели, — обидевшись за китайцев, заметил Сеня.

Расстояние между машинами уже заметно сократилось, когда «опель» свернул на проселок.

— Ну и молодец, — похвалил подполковника Ваняй, — вот в лесочке мы тебя и достанем.

Однако за рулем «опеля» был отнюдь не Бойко. Осетров, положив на колени автомат, вглядывался в темноту. Его задача была предельно проста: он должен найти трех человек, стоящих у обочины примерно в километре от поворота, и, приблизившись, не выходя из машины расстрелять их из автомата, потом выполнить контрольные выстрелы в упор и возвращаться обратно в город.

Эти искомые трое были «Антуан» со товарищи. Бойко сам назначил им встречу, обещая лично отвезти в надежное место, где они пересидят, пока не утихнет шум вокруг дела Масленниковой. Осетров, заметив три фигуры, отделившиеся от деревьев,

снизил скорость, передернул затвор и опустил стекло. Жертвы стояли с левой стороны, и он улыбнулся про себя: «Требование вернуть машину неповрежденной выполнить будет нетрудно, другое дело — были бы они справа, пришлось бы стрелять через весь салон...» И нажал на курок.

Первой упала девушка, которая была ближе всех к нему, потом парень. Но он не упал, потому что третий спрятался за ним, как за живым щитом, и пули Осетрова врезались в уже мертвое тело. Осетров резко затормозил и опустил автомат, чтобы очередью по ногам срезать ловкого противника, но не успел. «Антуан» зубами выдернул чеку и швырнул гранату в машину.

Сворачивая с шоссе, домодедовские мстители слышали автоматную стрельбу, потом грохот, и над верхушками деревьев взметнулось зарево.

— Заработало, — радостно воскликнул Сеня.

— Я же говорил: выстрелить в нее надо было...

— Подожди, а кто стрелял-то? — Они озадаченно переглянулись.

Оставив машину у самого выезда на шоссе, короткими перебежками, пригибаясь и перебегая от дерева к дереву, они добрались до места взрыва и обнаружили три простреленных и начиненных осколками труп у обочины и один догорающий внутри машины. Покопавшись в останках троих неизвестных, Ваня обнаружил пропитанное кровью удостоверение омовца.

— Надо дополнительную медаль попросить за то, что мы еще и трех мусоров уложили вместе с этим козлом, — предложил он Сене, который заглядывал под то, что осталось от «опеля»: ему было жутко интересно посмотреть, что остается от бомбы после взрыва. Налюбовавшись отрадной картиной

разрушения, они покинули место событий и по дороге к оставленной машине вдруг увидели в снегу... свою бомбу, лежала себе целехонькая и даже не нагрелась.

— Она многоразовая, — осенило Сеню, и он заставил Ваняю остановиться в том месте, где он выбросил инструкцию, с тем чтобы подобрать ее и тщательно в ней разобраться с помощью толкового переводчика. Но переводчика не понадобилось: в эту секунду китайское устройство наконец сработало и разнесло их в клочья.

...В 16.00 Кротков сел смотреть программу «Сегодня», не слишком надеясь так оперативно узнать отчет об очередном герое, павшем во время несения опасной, трудной и на первый взгляд невидимой службы от рук окончательно распоясавшихся мафиози, но чем черт не шутит. Вместо этого он увидел живого и здорового подполковника Бойко, который с умным видом торчал за спиной заместителя министра внутренних дел, дававшего интервью об очередном прорыве в борьбе с организованной преступностью.

ТУРЕЦКИЙ

25 февраля, вечер

Турецкий взопрел и чихал не переставая. В 18.40 в Битцевском парке были обнаружены пять трупов (из них одна женщина) и две взорванные автомашины. Грязнов немедленно согнал туда лучших оперативников и экспертов-криминалистов, и идентификация не заставила себя ждать. Двое погибших несомненно принадлежали к домодедовской группировке.

ровке, личности девушки и мужчины кавказской наружности пока установлены не были, а вот еще один, узкоглазый тип, оказался милицейским следователем из следотдела Центрального административного округа! То есть подчиненным полковника Сафронова.

Но это было еще не все. По предварительным результатам баллистической экспертизы, пистолет, найденный при одном из убитых, был тем самым «третьим» огнестрельным оружием, примененным в ночной перестрелке на Каширском шоссе, в результате чего в ночь на 13 февраля погиб старший лейтенант Сагайдак и так и неопознанный молодой человек. И тем самым, из которого десять дней спустя была убита Екатерина Ивановна Масленникова, единственная дочь бывшего председателя Верховного суда, ныне тоже покойного.

Связав эти факты, в 19.35 Турецкий безо всяких санкций задержал полковника Сафронова, реализовав тем самым давнюю мечту. Коротко изложив недавние события, Турецкий предложил ему, не отходя от кассы, имитировать явку с повинной и немедленно назвать имя человека, подставившего следователя Осетрова в частности и его, Сафронова, вообще. В 19.47 полковник милиции Сафронов сдал подполковника внутренней службы с потрохами. Турецкий буквально позеленел, услышав его фамилию. А присутствовавший при этой исповедальной сцене Грязнов схватил себя за голову, а после этого Сафронова за шиворот:

— Мать твою! Так вот у кого на квартире ты тогда заседал, после «Русского бистро»!

Кстати, по горячим следам после некоторого давления выяснилось, что Сафронов неоднократно «клепал» сам на себя, писал анонимки на «взяточ-

ника Сафронова», естественно делая это в те редкие моменты, когда был чист! Так он делал алиби. Черновики доносов, сделанные сафроновской рукой, прилагались.

Школьников тем временем по своим иностранным каналам выяснил, что новенькие в недавнем прошлом автомобили «БМВ» — грязновский и тот, что был расстрелян на Каширском шоссе, кто-то закупил в свое время в Германии под денежно-вещевую лотерею «Всероссийский хоккейный заем». Кто закупил их — загадка.

— Учись у молодежи, как надо работать! — сказал Слава Турецкому. — А ты тут турецкий язык преподаешь! На хрена ты рассуждаешь об Осетрове и этом джигите, застрелившем Масленникову?! Преступники, действующие в загробном мире, не входят в сферу интересов МУРа. Ты Бойко братья собираешься или нет? Так едем немедленно!

КРОТКОВ

25 февраля, вечер

Фирма бывшего сослуживца Миля, Егора Евгеньевича Сомова, называлась не «Белый конь», а «ЕСИС», что расшифровывалось как East Strategic International Security. Но вместо обеспечения стратегической международной безопасности на Востоке здесь предоставляли услуги телохранителей и еще, если уж благонамеренный гражданин каким-то образом вообще узнавал о существовании «ЕСИС», это означало, что тут он элементарно мог заказать убийство.

В просторной, но очень мрачной, подчеркнуто

официальной комнате, где основной меблировкой служили шкафы черного цвета («Наверно, предназначенные для хранения трупов?!» — мелькнула вдруг у Кроткова безумная мысль), с ним беседовал сам глава фирмы. Стол и стулья в кабинете тоже были черного цвета, никаких картин на стенах, ничего лишнего на столе. Такая обстановка кого угодно заставляет сосредоточиться на деле, ничто здесь не наводит на праздные мысли.

Собеседники перешли прямо к делу. Разумеется, после предварительного звонка Кроткова Сомов распорядился собрать о нем полную информацию и остался удовлетворен. Новый «авторитет» домодедовцев платежеспособен и на провокатора не тянет.

Кротков показал Сомову фотографию Бойко с Ракитской на выставке.

— Вот этот, — он указал на подполковника. Слова типа «убрать», «убить», «замочить», «заказать», «разобраться» Кротков не произносил намеренно, подозревая, что разговор фиксируется, но они с Сомовым и так отлично друг друга понимали.

Сомов долго разглядывал снимок.

— Кто он?

— Чин из Министерства внутренних дел.

— А она?

— Не имеет значения, — поморщился Кротков, — уже мертва.

«И умерла, разумеется, не от пули», — продолжил про себя Сомов, он, конечно, узнал женщину, которую водил Миль.

— Несчастный случай, самоубийство? — поинтересовался он совершенно равнодушно.

— Нет, — резко ответил Кротков.

Сомов удивился. Миль обычно работал очень чисто, и если в данном случае дело выглядит как

убийство, значит, этого Кроткова совершенно намеренно провоцируют, а подполковника — подставляют. Конечно, ничего этого Кроткову он не сказал, просто решил взяться за дело сам, никому не перепоручая.

— Поговорим о сроках.

— Чем скорее — тем лучше, за срочность я готов доплатить отдельно. Вроде как за сверхурочные. И еще один вопрос. Мне нужно хорошее оружие со снайперским прицелом.

ИРИНА

25 февраля, вечер

Она пришла домой к Бойко. Он позвонил ей на работу и буквально уболтал послушать его «музыкально одаренную дочь». Ирина запретила Бойко заезжать за ней, коллеги и так уже перешептывались, и тогда они договорились встретиться прямо у него. Ключ Андрей оставил на дверном косяке.

Никакой дочери в квартире не было и в помине. Да была ли она у Бойко вообще? Крайне сомнительно... На столе в гостиной стояли свечи, шампанское и цветы, а на салфетке у одной из тарелок лежал маленький золотой кулончик, ажурное сердечко на тонкой невесомой золотой цепочке. Ирина полюбовалась им и положила на место. Она, конечно, не сможет принять такой подарок. Она вообще мучительно думала о том, как сказать ему, что не стоит встречаться, что у нее семья и двойная жизнь будет ей в тягость. Покопавшись в душе, она решила (вернее, решила решить), что, несмотря на всю зануд-

ность и вредность, все-таки любит своего Турецкого.

...Бойко спешил домой, он был доволен: Осетров не только убрал свидетелей, но и предусмотрительно погиб сам, тем самым освободив его от очередной головной боли. Теперь из исполнителей остался только Сафронов, но его Бойко решил пока приберечь. Слишком крупная птица. Хотя, конечно, он достаточно напуган, чтобы молчать, даже если спрашивать будут очень настойчиво.

По дороге с работы он купил цветы. Дома на столе уже стоял букет, но цветов никогда не бывает слишком много. Он загнал машину в гараж и почти бегом направился к подъезду. В его окнах уже горел свет, значит, Ирина пришла. Последние дни он все время думал о ней, просто наваждение какое-то. И прежде он не испытывал недостатка в женском обществе, но впервые за долгое время почувствовал что-то настоящее.

Часы пискнули — шесть часов. Точнее — восемнадцать. «House, door...» — он был полностью поглощен мыслями о предстоящем свидании и слишком поздно обратил внимание на то, что свет в подъезде не горит. «It's so dark here?» — он в полной темноте шагнул к лифту, и тут же откуда-то сбоку метнулась тень. «Killer? Flash...» Бойко выронил цветы и, не успев даже вскрикнуть, сполз по стене.

Человек с пистолетом сделал контрольный выстрел и, спрятав оружие под куртку, вышел из подъезда. Лифт остановился на первом этаже, дверь открылась, и пожилая женщина, выходя в темноту, споткнулась о распростертое на полу тело...

...В дверь наконец позвонили. Ирина глянула на часы: он опоздал больше чем на час, но она отчего-то перестала волноваться, даже не взглянув в глазок,

открыла дверь. Но на пороге вместо ожидаемого и, как обычно, сияющего Андрея стоял небритый и простуженный Турецкий, а по лестнице бежали Слава Грязнов и Школьников.

ТУРЕЦКИЙ

25 февраля, вечер

Семен схитрил. Он нахальным тоном заявил Турецкому, что к нему приехал вагон родственников из Кишинева и ему самому теперь ночевать негде. Турецкому оставалось только развести руками и пригласить коллегу к себе. Грязнов первый посмотрел на Школьников с явным одобрением, но и некоторым сомнением: дескать, а выдержишь ли ты, парень, роль громоотвода? И еще, пока дежурная бригада суетилась вокруг остывающего тела Бойко, Слава думал, что сам он, давно и прочно считающийся в «турецкой» семье своим человеком, ничем бы не смог помочь ни Сашке, ни Ирке: при нем они не стали бы стесняться и выплеснули наружу то, что вряд ли хоть одному из них захочется услышать и уж точно никому бы не помогло. А вот недалекий эфэсбэшный «вундеркинд» оказался в нужное время в нужном месте. Что ж, притушить семейные катаклизмы Турецких — это поважнее будет, чем раскрыть иное заказное убийство.

...Но все шло как будто ничего. Ирина хлопотала, пытаясь обустроить гостя как можно комфортнее, Нинка пришла от Школьников в полный восторг и заявила, что с такими волосами у него есть все шансы занять место ее любимого клоуна вместо

Дениски Грязнова. Турецкий смотрел телевизор, убрав звук.

Милицейского эксперта и дочь Уткина убил один и тот же человек, находившийся под покровительством Бойко. И вероятно, он сделал это по приказу Бойко. Мотивы? В первом случае — для прикрытия Сафронова, которого Бойко собирался использовать в своих целях. Оперативная проверка показала, что последний и, возможно, единственный заказ Бойко, выполненный Сафроновым, — это «дело Кроткова», которое им удалось поломать. Значит, не исключено, что Бойко и домодедовская группировка — это одно и то же. Или между ними было промежуточное звено. Да-да... Все-таки Бойко — министерский работник, интеллигент, который если и стал бы работать на браву, то только косвенно, не ради власти и, уж конечно, не за идею, а только за хорошие деньги. Значит, есть промежуточное звено, должно быть. Стоп! Кто был адвокатом у Кроткова, после того как его накрыл РУОП?

Турецкий, не мешкая, позвонил Грязнову и задал этот вопрос. Ответ Славы был неутешителен:

— Я тоже уже сообразил размотать эту ниточку. Ракитская была адвокатом Кроткова. Алла Ракитская. Скончалась два дня назад. Отравлена каким-то экзотическим ядом.

Турецкий молча повесил трубку. Расследование зашло в полный тупик, и тут было о чем подумать. Но по крайней мере теперь он знал, на кого повесить исчезновение из домашнего сейфа личного оружия и соответственно появление там ножа из охотничьего магазина. Ирина поклялась, что подполковник Бойко дома у них никогда не бывал. Но кто мог помешать ему снять слепок с ее ключей в

его собственной квартире?! Турецкий старался сейчас отогнать прочь все мысли о жене и ее мертвом любовнике, и в принципе это не казалось невозможным.

Значит, есть какая-то связь между Бойко и грязновским выигрышным билетом лотереи? Значит, можно ждать новых неприятностей? Бойко был слишком колоритной фигурой в событиях последнего времени и, значит, годился лишь на роль верхушки айсберга.

Турецкий прибавил звук телевизора. Знакомая ему спортивная комментаторша вела дискуссию с крупными хоккейными авторитетами. Они вежливо спорили, приедут ли лучшие канадские профессионалы, чтобы разыгрывать кубок Стэнли в России. С придыханием произносились имена Уэйна Гретцки, Пола Карики, Криса Челиоса и Джо Сакика. Но поскольку все считали, что это невозможно и они не приедут, то непонятно, в чем же, собственно, состояла дискуссия.

«Ну что же, вот ты и напрасился, — не слишком последовательно подумал Турецкий. — А чего ты, собственно, от нее ждал? От собственной жены? Ты посмотри в зеркало и вспомни, что сам вытворял все последние годы?! Ну и что с того, что это был лишь легкий флирт... Вот оно и аукнулось...»

На следующий день завтрак проходил при полном молчании. Турецкий включил радио и тут же скривился.

— Многие считают, что семейное устройство не имеет создателя. Некоторые склонны связывать происхождение брака с соединением в пары животных, стоящих ниже человека. Однако Иисус Христос говорил о сотворении мужчины и женщины. В качестве авторитета он процитировал раннее биб-

лейское сообщение и сказал: «Что Бог сочтет, того человек да не разлучает». И «лучше блюдо зелени и при нем любовь, нежели откормленный бык и при нем ненависть. Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота с раздором».

— А согласитесь, Сан Борисыч, невозможно слушать это занудство? — нарушил молчание Школьников. — А все почему? А все потому, что в Библии просто по определению не должно быть сложных изречений. Это как незамысловатая утренняя гимнастика, которую делаешь всю жизнь и которая эту самую жизнь тебе продлевает лет на десять. Так и Библия, она просто набита банальностями. И именно в этом скрывается мощный психотерапевтический смысл. Потому что те, кому надо, настраиваются только от одного этого слова — Библия.

— А те, кому не надо?

— Понятно. Но я вам так скажу. Женщина хочет того, чего у вас нет. Чем меньше у вас чего-нибудь есть, тем больше она этого хочет. Женщина стремится к миражам и иллюзиям. Она любит хранить сувениры о событиях, которых вовсе не было в ее жизни... Но в конце концов все мы только рабы привычки — между прочим, той силы, что не дает земле разлететься на куски, хотя говорят, что еще существует какая-то дурацкая теория притяжения.

— А вы женаты, Семен? — спросила Ирина, промолчавшая и весь вчерашний вечер.

— Нет.

— Понятно, — вздохнула она. — Только холостой человек может говорить такие мудрые вещи. — И повернулась к дочке: — Нинуля, собирайся в школу, хорошо?

— Я уже готова.

— Ну, тогда подготовься к институту! Мне нужно поговорить с папой... Саша, — жена с трудом складывала слова. — Ты был там вчера... и... Я же только теперь узнала: у тебя сейчас очень опасное дело. Я волнуюсь и хочу, чтобы ты обещал...

— Ладно, девочки, можете не волноваться, я обещаю, что буду очень осторожен на работе.

Молчание было ему ответом. Турецкий ощутил легкое беспокойство:

— У вас есть какие-нибудь вопросы?

Дочь ковыряла крошечной туфелькой любимую куклу:

— Папа?

— Да, малышка.

— Если тебя убьют, я могу забрать себе твой маленький телевизор?

— Нина?! — воскликнула жена.

— Все в порядке, дорогая, она не понимает...

— Конечно, не понимает! — возмутилась Ирина. — Я старше, значит, телевизор — мой!

— Тогда я беру видик!

— А я — стереосистему!

Турецкий плотно прикрыл за собой дверь и сказал вопросительно посмотревшему на него Школьникову:

— По-моему, они все поняли.

Часть четвертая

КОНЕЦ ЗАКОНА МЕРФИ

ГРЯЗНОВ

26 февраля, утро

События развивались стремительно. В МУР позвонил неизвестный и сообщил, что в подмосковном лесу, в тринадцати километрах севернее Митино (были названы точные координаты), зарыт труп директора гостиничного комплекса «Мир» Гнедковского, пропавшего без вести более года назад.

Спустя три с половиной часа Слава Грязнов читал своему приятелю вслух первый рапорт в черед этого сумасшедшего дня:

— «Прибывшая в указанный район для проверки сообщения оперативная группа нашла по известным ориентирам место предполагаемого захоронения, которое аноним заботливо отметил полосатым шестом для упрощения задачи милиции. Под ним на глубине менее метра действительно было обнаружено тело.

Гнедковский был опознан родственниками. Судебно-медицинская экспертиза, основываясь на сопоставлении данных исследования челюсти с рентгеновскими снимками, находящимися в стоматологической карте, и по характерным следам перелома ноги, полученного Гнедковским в детстве, однозначно подтвердила результаты опознания. Причиной смерти послужило пулевое ранение в голову». — Грязнов похлопал себя по карманам в поисках сигарет, но не нашел, и Турецкий протянул ему свою пачку. — А самое интересное слушай теперь. После того как идентифицировали тело, я быстренько допросил вдову Гнедковского, само собой, насколько это было возможно. Из беседы с ней выяснилось следующее: сразу после его исчезновения один из сотрудников мужа рассказал ей, что оказался свидетелем убийства.

Турецкий недоверчиво присвистнул.

— Да-да. Он якобы задержался на работе дольше обычного и видел, как к шефу вошли несколько человек весьма сомнительной наружности. Подозревая неладное, он решился послушать, о чем говорят посетители с директором. К кабинету примыкала смежная комната, откуда было удобно наблюдать за происходящим.

Посетители недвусмысленно и настойчиво требовали денег, а Гнедковский, очевидно заручившись чьей-то поддержкой и уверенный в собственной безопасности, предложил им убираться подобру-поздорову и пригрозил вызвать охрану. Тогда старший среди рэкетиоров, некто... — Грязнов сделал паузу и сильно затянулся, — Кротков, которого наш рассказчик уже несколько раз встречал в офисе, застрелил директора без дальнейших разговоров. Судя по звуку, пистолет был снабжен глуши-

телем. После чего гости нахлобучили на простреленную голову Гнедковского шапку, протерли кровь на полу и вынесли труп под руки через служебный вход.

— И что же свидетель?

— Сообщить в милицию о происшедшем сразу он побоялся, но на следующий день, когда выяснилось, что еще двое человек видели, как неизвестные затаскивали в машину бесчувственного директора, решился дать показания. Тем не менее следователь районной прокуратуры, ведущий это дело, заявил Гнедковской, что упомянутый свидетель — человек, психически неуравновешенный и склонный к мистификации, — в настоящий момент с приступом белой горячки уже находится в больнице Кащенко!

— Странно, почему не Гиляровского, — пробормотал Турецкий.

— Что? А, ну вот. Остальные же свидетели, говорит ей следователь, не могут утверждать достоверно, видели они именно се мужа или нет и был ли человек, которого заталкивали в машину, мертв или просто пьян. В их свидетельских показаниях полно противоречий, и, скорее всего, они попали под влияние психопата. Таким образом, оснований для возбуждения дела об убийстве нет! А муж ее, возможно, не сегодня завтра объявится живой и невредимый! Гнедковская, конечно, забилась в истерике. Короче, с большим скрипом дело возбудили, но не по факту убийства, а по факту исчезновения!

— А свидетель?

— Выйдя из клиники, от своих показаний отказался в принципе и исчез из поля зрения Гнедковской, всячески избегал встречи с ней, а спустя неделю уволился и отбыл из Москвы в неизвестном направлении. Такие дела. А когда я изучил дело

Гнедковского, никаких следов на показания очевидцев убийства в нем не обнаружил.

— Нужно немедленно снять все показания по новой.

— Уже. Я дал команду своим оперативникам, и тут же выяснилось, что упомянутый вдовой сотрудник ее покойного супруга два дня назад вернулся домой после почти годового отсутствия, вроде бы пребывает в здравом уме и твердой памяти и вновь горит желанием помочь следствию. Кстати, то же похвальное стремление наблюдается среди прочих участников тех событий: такое впечатление, что у всех единовременно наступило просветление в головах... Вот еще, смотри какая хреновина. Рапорт номер четырнадцать.

— Почему четырнадцать?

— Потому что до этого я прочитал уже тринадцать. «...Склад, расположенный на Каспийской улице, 14, штурмовали два подразделения московского ОМОНа. Причиной этого был расположенный на территории склада подпольный разливающий цех по производству левой водки, а поводом послужил анонимный звонок, в котором не пожелавший назваться радетьель о здоровье россиян сообщил, что на территорию склада регулярно въезжают спиртовозы и грузовики со стеклотарой, а из склада постоянно вывозится водка местного разлива. Причем аноним не был голословен: он назвал номера машин, обслуживающих нелегальное производство, и бросил трубку. Затем, во втором звонке с интервалом в двенадцать минут, — количество постов охраны и на третий раз, спустя девять минут, — график дежурств, что впоследствии полностью подтвердилось. Немудрено было выяснить, что все

звонки производились из разных телефонов-автоматов Московского метрополитена.

Для штурма выбрали момент прибытия очередного спиртовоза. Когда ворота открылись, группа омоновцев под прикрытием цистерны ворвалась во двор. Охранники успели среагировать и открыли огонь из автоматов «узи», но в перестрелке оба были убиты.

На шум стрельбы из помещения выскочили еще четверо с автоматами и, увидев, что имеют дело с превосходящими силами противника, забаррикадировались в полуподвальном помещении, отстреливаясь из окон. В это время вторая группа ОМОНа пробилась на территорию через заднюю стену, охранники, дежурившие по периметру, были задержаны. Трое омоновцев поднялись на крышу и через люк забросали помещение гранатами со слезоточивым газом. Однако автоматный огонь из окон не прекращался, охранники, надев неизвестно откуда взявшиеся противогазы, продолжали отстреливаться. Когда патроны у них закончились, пустили в ход гранаты. Одна попала в кабину спиртовоза, раздался мощный взрыв. Горящий спирт залил двор. Омоновцы были вынуждены отступить, но и бандитам пришлось оставить укрытие. В помещении склада находилось, по меньшей мере, несколько тонн спирта, грозившего в любой момент воспламениться. Преступники решили пробиваться через крышу, где и были задержаны.

После того как пожар был потушен, омоновцы осмотрели склад и обнаружили двенадцать тонн спирта-сырца, полностью автоматизированную линию голландского производства по разливу водки, этикетки для водочных бутылок пяти разновидностей, пачки фальшивых накладных и троих

перепуганных рабочих цеха, которые во время перестрелки забились в бункер бомбоубежища, находящегося непосредственно под зданием склада.

На первом же допросе задержанных выяснилось, что подпольный цех действовал под домодедовской эгидой...» Ну, что скажешь?

Ответ у Турецкого был уже готов:

— Кто-то целенаправленно сдает домодедовскую группировку.

— А я-то тут при чем?! — законно возмутился Слава.

— Пока остается хоть какая-то вероятность того, что с дочерью Уткина свели счеты домодедовские бандиты, а значит, вполне возможно, и с ним, нам придется копаться в этом дерьме.

26 февраля, вечер

Слава не любил авралов и, когда они все же случались, впадал совершенно в несовместимое с ситуацией состояние мрачной ипохондрии. Его подчиненные с ног валились от усталости, количество задержанных росло как снежный ком. Всего за трое суток было арестовано двести сорок четыре члена домодедовской группировки. А Грязнов сидел в своем кабинете и читал рапорты и сегодняшнюю почту.

«...За истекшие сутки отрядом ОМОНа в аэропорту Внуково с поличным задержано семь бригад рэкетиров (по 3 чел. — всего 21 чел.).

Лейтенант Ломоносова А. Е., под видом только что прибывшей богатой пассажирки, появлялась в зале прилетов и садилась с багажом в машину подозреваемого, предлагавшего ей услуги частного так-

систа. Поблизости от аэропорта в автомобиль каждый раз подсаживались еще двое неизвестных. Во время попытки ограбления Ломоносовой А. Е., действия которой отмечаю особо, отрядом ОМОНа проводилось задержание.

Оперативным путем установлено: все задержанные принадлежат к домодедовской группировке. Двое из них оказались свободными от дежурства сотрудниками линейного отдела милиции Внуковского аэропорта, имевшими при себе в неслужебное время табельное оружие...»

«...Граждане Мамин В. Г., Изотов А. П., Пулейко Н. Н., будучи в нетрезвом состоянии, справляли естественную нужду (малую) в общественном месте у подножия памятника К. Марксу. Когда у них под ногами взорвалась петарда неизвестного происхождения, они громко и нецензурно выражали свое возмущение и испуганно прыгали вокруг указанного памятника, своим внешним видом (незастегнутыми брюками, которые у гр. Изотова были еще и мокрыми) нарушая общественный порядок и оскорбляя достоинство окружающих, за что и были задержаны дежурным нарядом милиции. При задержании у них изъято: ножей финских — 4 шт., пистолетов ТТ — 2 шт., «макаров» — 1 шт., рация с выходом на милицейскую частоту — 1 шт., кокаина (уп. 2 г) — 14 шт., гранат ручных ГРП — 2 шт.

Задержанные объяснили, что шли на рыбалку, собираясь кормить рыбу кокаином, но по дороге в мусорном баке нашли оружие, которое собирались сдать в ближайшее отделение милиции.

Оперативным путем установлено, что все задержанные принадлежат к домодедовской группировке...»

«...Сегодня в 12.35, согласно поступившей ориентировке, при въезде в Москву задержан автомобиль «КамАЗ» (спиртовоз) № 14—68 БАЦ. У водителя изъято фальшивое удостоверение личности на имя Дусбекова Дульмурада Нишановича. По приметам водитель соответствует находящемуся во все-российском розыске за вооруженное нападение на пограничный Верхний Ларс Мадьярову Умару Тажоновичу. При задержании мнимый Дусбеков (он же предполагаемый Мадьяров) оказал сопротивление и нанес монтировкой побои в области головы старшему наряда ГАИ ст. лейтенанту Балтайсу...»

«...В дополнение к своему рапорту сообщаю об имевшем место инциденте с задержанным спиртовозом. Во время проведения следственных действий по выявлению личности водителя, воспользовавшись отсутствием охраны груза, жители дома № 68 по улице Верхней Радищевской, расположенного в 50 м от поста ГАИ, взломали пломбу и совершили самовольный слив спирта из цистерны. При попытке сотрудников милиции предотвратить правонарушение, им было оказано ожесточенное сопротивление со стороны местного населения. Беспорядки удалось прекратить только после угрозы применения оружия и предупредительных выстрелов в воздух. Хочу подчеркнуть, что с наступлением темного времени суток, совпадающего с периодом возвращения с работы значительного количества жителей дома № 68 по улице Верхней Радищевской, а также окрестных домов, следует ожидать нового нападения на задержанный груз спирта, для обеспечения надежной охраны которого наличных сил явно недостаточно.

Ст. лейтенант Лайков».

«Рак мозгов, — думал Грязнов, остро чувствуя с самого утра необходимость в дозаправке живой водой. — А это-то я какого черта читаю?! Надо передавать все в УООП». И тем не менее он принялся за новую стопку привходящих бумаг. Пришлось водрузить ее поверх других за отсутствием на рабочем столе свободного места.

Пакет пришел в адрес МУРа почтой, в бандероли без обратного адреса. Грязнов посмотрел на штемпель. Отправлено вчера с Главпочтамта. Грязнов зажмурился и наугад вытянул несколько сколотых листов из середины пачки, при этом вершина пирамиды съехала на пол. Он проводил ее грустным взглядом, но поднимать не стал.

«...Меня вызвали для беседы в приемную депутата Мосдумы Меркурьева, за которым в определенных кругах давно и не зря закрепилось прозвище «домодедовец» или «депутат мафии». Помимо нас двоих присутствовал директор фирмы «Юность» Кротков, которого мне показал однажды мой знакомый, коротко охарактеризовав как рэкетира и мерзавца. Кротков показал удостоверение помощника депутата, члена общественной комиссии по борьбе с мафией и коррупцией. Между нами состоялся следующий разговор:

Г е р а с и м е ц. Объясни, пожалуйста, где оговоренный взнос в размере ста тысяч долларов на обеспечение структур по борьбе с организованной преступностью. Ты что, думаешь, со мной можно шутить? Я глава комиссии по борьбе с мафией, если не знаешь. У меня банкиры и генералы сидят, а те, что на воле пока, ходят по струнке.

К р о т к о в. Может, вы, уважаемый господин Каргин, не желаете помочь столь благородному

делу, как наведение элементарного порядка в нашей стране?

Я. Я регулярно, в отличие от большинства, плачу налоги и не имею проблем с криминальным миром. Поэтому, с вашего позволения, не стану финансировать всякие сомнительные самодеятельные правоохранительные организации.

К р о т к о в. Вы, стало быть, примерный и законопослушный гражданин. Неужели вы, господин Каргин, всерьез считаете, что опасность в наши дни грозит исключительно бандитам и неплательщикам налогов? Я не стану утомлять вас рассказами о трудностях и неприятностях, подстерегающих тех, кто не находит с нами взаимопонимания...»

«Черт побери, как этот Каргин умудрился слово в слово все запомнить? Он что, конспектировал? Помедленнее, пожалуйста, я записываю...» Грязнов пролистнул пару страниц, не потеряв нити повествования.

«...К р о т к о в. Вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что случилось с возомнившим о себе бог весть что господином Гнедковским из гостиницы «Мир», слыхали про такого?.. Очень нескромный был человек, пришлось вразумить его раз и навсегда. Поймите, мы не можем и впредь допустить прецедента, чтобы кто-нибудь безнаказанно проигнорировал наши предложения. Это совершенно незыблемый принцип комиссии по борьбе с мафией, и не советую вам пробовать его поколебать...»

Далее следовали заявления еще двух бизнесменов, пострадавших наравне с Каргиным. Эти по крайней мере не упражнялись в литературных изысканиях.

Большую часть материалов составляли данные о злоупотреблениях в сфере строительства жилых

домов и различных городских сооружений по заказу московских властей. Копии писем Герасимца в городское управление архитектуры, акты приемки зданий, докладные о приписках и недоделках... «Тра-та-та тра-та-та», — Грязнов пытался заставить себя разобраться хотя бы в паре строительных бумаг, но их содержимое упорно ускользало, сливаясь в неразжевываемую словесную жвачку, из которой невозможно извлечь рациональное зерно. «Все, — решил он. — Не могу, не хочу и не буду! Дорогу молодым и даже не моим!»

Затевать деятельность, имеющую своей целью арест депутата, представлялось пустой тратой времени. Все равно коллеги в обиду не дадут. Они тоже не желают создавать прецедент. Другое дело — Кротков с его долбаной группировкой. Этого можно и должно взять за задницу и поместить в камеру, где ему самое место, пока он, чего доброго, не пустился в бега или не пролез в депутаты в своем Домодедове.

Распределив по сложившейся за последние дни традиции вновь поступившие материалы среди заваленных ворохом компромата подчиненных и отправив часть из них, представляющихся наиболее запутанными, в адрес Школьниковца, Грязнов принялся обдумывать стратегический вопрос. Формулировался он так: брать Кроткова сейчас, не дожидаясь, пока его пришьют таинственные недоброжелатели домодедовской группировки, или продолжать копать под него, пока не наберется верняк? Взвесив все «за» и «против» и придя логическим путем к ничьей, он принял волевое решение: брать этой ночью на рассвете, в лучших традициях НКВД. После чего дал соответствующую команду по формированию опергруппы и едва успел положить

трубку телефона, как тот немедленно ожил. Это был Турецкий.

— Слава, ну что слышно? Разгребашь? Ясно. А как твой призовой «БМВ», еще бегает? Шучу. Поскольку ты на колесах, может, заскочишь за мной в конце дня?

ТУРЕЦКИЙ

26 февраля, вечер

Турецкий чихнул и вышел из крохотного супермаркета в Сокольниках (кто догадался его так обозвать?) с огромным пакетом в руках и в сто первый раз пожалел, что отпустил сегодня служебную машину. Его собственная «пятерка» давно и прочно стояла на приколе. Об этой гряде металла не хотелось даже вспоминать. А напрягать Грязнова по всякой ерунде стало уже неприлично. Слава, конечно, деликатно молчал, но можно было не сомневаться, что этот вечер он планировал провести вовсе не личным извозчиком, пусть и у своего ближайшего приятеля. Впрочем, подумал Турецкий, надо же когда-то и новую тачку обкатывать. Так почему же не коротая время с упомянутым ближайшим приятелем?

Грязнов, не надевая куртку, дабы продемонстрировать окружающим отличный новехонький твидовый пиджак, вышел из машины и помогал какой-то молодой женщине в синем клетчатом пальто втолкнуть на крыльцо шестиэтажного кирпичного дома коляску тех же рисунков. Турецкий удивленно заметил, что почему-то даже вдвоем они это сделали с немалым напряжением. А может быть, у них завя-

зался задушевный диалог? Турецкий подошел к Славе...

Дзынь. Звук выстрела был искажен городским шумом и замысловатой акустикой переулка. Женщина в клетчатом пальто рухнула наземь, протягивая руки к коляске. Грязнов бросился к ней на помощь и тоже упал, получив следующую пулю в правую руку. Дзынь. Дзынь.

Турецкий отшвырнул свой объемистый пакет (двести семнадцать тысяч, пардон, двести семнадцать рублей — продукты на неделю), впихнул обоих в подъезд. Слава левой рукой швырнул ему пистолет и ею же попытался втянуть за собой коляску...

Дзынь. Дзынь. Дзынь. Коляска перевернулась, и на землю посыпались банки консервов.

«Какого черта он отдал мне оружие, что он делает?!»

Стрелять могли только из окна или с крыши этого же дома. Турецкий снова выскочил на улицу и прыжком упал за ближайшее дерево.

Дзынь. Дзынь. Кора была испорчена в нескольких местах. Но зато теперь он понял, что противник находится на крыше: из одного-двух окон никогда не получить такой амплитуды стрельбы.

В переулке завопили какие-то тетки.

— Никому не выходить на середину улицы! — орал из подъезда Грязнов.

«Дельный совет», — подумал Турецкий, выглянув из-за дерева.

Дзынь. Эта пуля ушла в грязный снег прямо перед ним. «Качание маятника! Качать маятник!» — толчками билось в голове Турецкого, но сделать этот маневр он не решался.

— Саня! — орал «регулирующий» Грязнов — Он на правом углу крыши!

Турецкий выглянул с другой стороны, чтобы сузить угол обстрела, и едва не лишился головы. Дзынь-дзынь. Он рефлекторно бросился в сторону, не вставая с земли, и, продолжая использовать этот прием, отпрыгнул под самую стену дома.

— То есть слева, Саня! — надрывался Грязнов. — Это с его стороны — справа, с твоей — слева!!!

Турецкий выпрямился в полный рост и осторожно двинулся по-над самой стенкой. До сих пор он не смог сделать ни единого выстрела. На уровне его головы были как раз форточки первого этажа. Не глядя, он впихнул обратно кошку, собирающуюся сигануть на улицу. Та упала на подоконник, сталкивая на пол роскошный горшок с чахлой геранью. Турецкий пытался заглянуть по диагонали вверх, обогнув нависающий угол крыши. Не удивительно, что у него не получилось.

Выстрелов с крыши больше не было. Турецкий рывком бросился вперед, пересек детскую площадку и, перемахнув через парапет, влетел в ближайший подъезд. Шесть этажей! Шесть этажей. Шесть этажей... Второй... Третий... Краем уха он слышал, как квартиры запирают изнутри на многочисленные резервные замки... Четвертый... Снять наконец оружие с предохранителя... Шесть этажей... На пятом он здорово поскользнулся. Шесть этажей... Шестой... Лестница на чердак... Придерживая дыхание, Турецкий выбрался на крышу.

Тут было тихо. И скользко. И гораздо светлее, чем внизу. Казалось, вечер еще не наступил... Турецкий, пригибаясь, перебежал до крошечной деревянной подсобки. А если снайпер ждет его с той, противоположной стороны... Что же делать?

Он подобрал кусок битого стекла и швырнул за

угол, а сам ринулся в обход. Пусто. Турецкий рванул на себя дверь подсобки, та не поддавалась. Снайпер — внутри? Сам усадил себя в эту мышеловку? Маловероятно. Боковое зрение заставило отвлечься от двери. Турецкий увидел у края крыши страшное оружие в руках профессионала — снайперскую винтовку с оптическим прицелом и стреляные гильзы. Целую кучу гильз. Одна «начинка» из них попала в Грязнова. Еще парочка — в консервные банки. Турецкий глянул вниз. И — вовремя. Стремительно удаляющаяся фигура пересекла детскую площадку и исчезла из его поля зрения.

Турецкий пулей вылетел из подъезда, на бегу вспоминая, сколько машин, кроме грязновской, он видел, выходя из супермаркета... Так сколько же?! Да ни одной! Теперь Турецкий был совершенно уверен, что засада его не ждет. Несясь по ступенькам вниз, он держал пистолет за ствол и в левой руке. Он выскочил из подъезда и бросился в ближайший сквер, в конце которого маячил длинный темный плащ. Черт! Слишком далеко.

— С дороги! — Турецкий выстрелил в воздух, но все, кто мог, уже давно убрались подобру-поздорову.

Набирая воздух в легкие, он рванулся вперед, боясь совсем уже потерять плащ из виду. Турецкий все же попытался прицелиться на бегу. До него было метров пятьдесят, не меньше. И эта сволочь тоже «качала маятник»! Слишком далеко...

Ч-черт! Турецкий бросил взгляд вправо и понял, что это не сквер, а примитивная зеленая полоса, из тех, что обычно компенсируют какую-нибудь дымящуюся гадость. Не останавливаясь, он посмотрел наверх и увидел над головой узкую эстакаду. Это же... открытый участок метро?! Нет, городской ма-

ршрут электрички. Был слышен шум приближающегося поезда. А впереди — открытая платформа, где люди идут на посадку и выходят.

Через двадцать секунд Турецкий достиг ее уровня. Пусто...

Тогда он вбежал на пешеходный мост через пути и помчался на противоположную сторону, попутно отметив, что едва ли успеет подойти быстрее поезда.

Он выбежал на платформу. Стемнело еще сильнее. Но все же Турецкий успел разглядеть, что впереди, скрываясь под козырьком от непрекращающегося снега, с небольшими интервалами друг от друга ждали посадку человек пятнадцать. «Он не может быть среди них! Он наверняка ждет, что я брошусь туда и откроюсь, чтобы прикончить меня». Электричка подошла, двери с визгом распахнулись. Из них выходили пассажиры. Одна секунда... Две... Пять...

Турецкий, придерживая правую руку с пистолетом под локоть, стоял за мощным фонарным столбом. Стоявшие на платформе начали торопливо заходить, заталкивая друг друга. «Эти толчки у нас никогда не прекратятся», — подумал Турецкий. И вдруг он увидел, как среди них мелькнула долговязая фигура в темном плаще. «Все-таки он стоял прямо на платформе! Опять надул!»

— Стоять! — завопил Турецкий. Хотя маловероятно, что снайпер бы стал его слушать. Двери зашипели, и только тут Турецкий обнаружил, что у предпоследнего вагона, возле которого прятался он сам, они не открывались вовсе. Внутри этого вагона было темно и пусто. Он бросился вперед, но двери успели закрыться. Турецкий увидел возле окна краешек омоновской формы. Ее обладатель был погружен в чтение бульварного чтива. Поезд тронулся.

Турецкий почти добежал до окна, за которым сидел омовонец. Темный плащ как раз быстро переходил из этого вагона в следующий. Турецкий снова выстрелил в воздух. Пассажиры немедленно переполошились.

— Задержите этого человека! — пытался докричаться Турецкий до омовнца. — Он вооружен...

Но поезд был уже непоправимо далеко.

Турецкий бросился обратно, подбежал к окошку кассы:

— Какая следующая остановка?!

— Платформа Останкино, — лениво ответствовала кассирша. — Минут через восемь там будет.

Турецкий побежал назад. Через минуту он уже был у подъезда, где вокруг окровавленного Грязнова хлопотали тетки, промокая его какими-то тряпками. Только сейчас Турецкий понял, что Слава получил пулю еще и в ногу.

— Ключи от машины! — коротко бросил он. — «Скорую» вызвали?

— Да-да-да! — запричитали тетки.

— Ч-черт, — прохрипел Слава, — у меня в машине аптечка. Ключи возьми в правом кармане.

Турецкий выхватил у него ключи и уже буквально через несколько секунд подъехал к подъезду и открыл заднюю дверь:

— Забирайся быстрее!

— Что?!

Турецкий выскочил и, не слушая возражений и зубовного скрежета, затолкал Славу в салон, снова прыгнул за руль и рванул с места, коротко бросив через плечо:

— Сам сможешь перевязаться?!

— Как-нибудь... Да ты сдурел... тачку мне посадишь... мотор сперва разогрей!

— Некогда!

— Куда мы так летим?!

— В Останкино. — Турецкий предупреждающе сигнализировал. Скорость «БМВ» перевалила за шестьдесят километров в час и продолжала стремительно нарастать. Грязнову стало нехорошо, от этого ли или от потери крови, он не знал и просто устало прикрыл глаза. «Куда меня везет этот псих? И на черта я выиграл машину?!»

Семьдесят километров в час. Семьдесят пять... Восемьдесят... Больше девяносто... Турецкий почти перестал пользоваться тормозами, только рулил и на счетчик скорости не смотрел вовсе, а поглядывал только на часы. И лишь изредка отпуская руку от клаксона. Визг сигнала стоял у Грязнова в ушах.

Проулки, переулки, улицы стремительно проносились мимо и оставались в черноте.

«До Останкино электричка идет восемь минут. Минуту я бежал от платформы обратно. Еще полторы ушло на возню. Еще одну мы уже в пути... Значит... осталось четыре с половиной».

— В Останкино... По «ящику», что ли, выступать?.. — Говорить Грязнову было все тяжелее, но все же он не удержался после очередного рискованного выражения Турецкого: — Ты когда за рулем последний раз сидел?!

...Человек в омовальной форме, погруженный в чтение бульварного чтива, прекрасно слышал крики Турецкого, но даже и не думал вставать. Во-первых, он не собирался наживать себе новые неприятности, а во-вторых, при отсутствии конечностей он мог только опуститься еще ниже.

Это был безногий Кирилл Ковалевский, раз и

навсегда покинувший московское метро. В омовальной форме и в электричках ему лучше подавали. И делиться заработками он больше ни с кем не собирался.

А темный плащ быстро шел вперед по вагонам. Наконец он добрался до «головы» первого вагона и стал стучать в кабину. Не дождавшись ответа, отодрал дверь сам и приставил пистолет к виску машиниста, оказавшегося там в одиночестве:

— Не останавливаться!

— Но...

— Не останавливаться, или ты — труп. — Темный плащ схватил машиниста за ворот, одновременно засунув ему пистолет теперь уже в ухо.

— Но... я обязан остановиться на следующей станции, потому что... — Машинист пару раз заглотнул ртом воздух, как рыба на берегу.

— Дотронешься до тормозов — башку разнесу!

Турецкий вдруг с дикой силой ударил по тормозам, «БМВ» стал, подбросив Грязнова на заднем сиденье так, что он буквально заскрежетал зубами.

— Эй! — Турецкий выскочил из машины и замахал руками.

Оказалось, что он перерезал дорогу «скорой помощи» с бешено вращающейся сиреной. Из кабины угрожающе выкатился двухметровый лысый детина в белом халате со стетоскопом на шее. Эдакий русский Майкл Джордан.

— Носилки давай! — заорал на него Турецкий, размахивая пистолетом. — Вы ехали за ним!

— Чего?! — нимало не испугавшись, в ответ заорал русский Майкл Джордан. — За ним?! Это он, что ли, рожает?! Да?! Может, и воды уже отошли?!

— Да мне плевать, кто там рождает, забирай давай раненого, это начальник МУРа!

Санитары тем временем перекладывали Грязнова на носилки.

— Ничего, — прохрипел Слава, — я в порядке, поехали за роженицей. — Его уже укладывали в белый микроавтобус «мерседес», но вдруг, бросив мутный взгляд на работающую сирену «скорой», Грязнов останавливающим жестом поднял здоровую руку и снова разлепил губы: — Справа под твоим сиденьем лежит милицмейская сирена... Он этот... землю... тот, что роет землю...

— Что же ты молчал?! — возмутился Турецкий, не обращая внимания на последние слова и немедленно выставляя сирену на крышу автомобиля, включая чудовищный вой и спонтанно перескакивая на максимальную скорость.

Турецкий вылетел на улицу с односторонним движением. И понял, что едет против общего потока. Но даже в это мгновение он не сбросил скорость. Зато перестал отрывать руку от клаксона вовсе. Вместе с ментовской Славкиной сиреной это производило просто небывалый шум. Турецкий вывел машину ровно по центру дороги, и поток встречных автомобилей, как русло реки, вдруг расщепился на два «рукава». Снова сто километров в час... сто десять... сто пятнадцать... Почти сто двадцать... На такой скорости резковато рулить все же было нельзя. Турецкий сбросил до восьмидесяти пяти и вывернул руль влево. Впереди показалась платформа. На ней кучками стояли потенциальные пассажиры. Значит... он обогнал поезд?! Турецкий посмотрел на часы: так и есть, прошло семь с половиной минут. Турецкий засунул руку с пистолетом в карман и вышел на платформу.

Через пятнадцать секунд слышался нарастающий шум электрички. Он нарастал и нарастал, но странное дело, было такое чувство, что частота, интенсивность движения не спадают. Люди на платформе заволновались: что, разве поезд не останавливается?!

Спустя еще десять секунд электричка пронеслась мимо. Турецкий растерянно проводил ее взглядом, а затем, изрыгая проклятия, снова бросился к машине. Благо, здесь вдоль самого полотна тянулось корявое шоссе.

...Через весь состав электрички из последнего вагона в первый быстро шли два отдохавших до сих пор машиниста.

— Что случилось?! — испуганно кричали пассажиры. — Куда мы летим?!

— Не знаю, сядьте и успокойтесь, — отвечал еще не проснувшийся бригадир.

Наконец добравшись до кабины, он стал стучать в дверь:

— Семеныч, Семеныч, ты как там?

В это время Темный плащ продолжал ковырять Семенычу пистолетом ухо.

Турецкий сумел избежать лобовых столкновений, но не всех остальных. Переднего бампера у «БМВ» больше не существовало. Оба передних крыла были смяты. Впрочем, правый бок машины оказался изувечен гораздо сильнее, настолько, что, вполне возможно, с левой стороны Слава Грязнов еще смог бы узнать свой новенький автомобиль.

Турецкий вспомнил то, что видел полчаса назад

на крыше. Темный плащ оставил винтовку — это могло свидетельствовать как о том, что это настоящий профессионал, так и дилетант. Справится ли с ним кабинетный работник А. Б. Турецкий? Даже смешно об этом думать. Вернее, некогда. Переваливая отметку скорости в сто двадцать пять километров в час, Турецкий был раскован как никогда. Его внутренний монолог был неудержим. Он жалел, что рядом нет его студентов или на худой конец диктофона.

Турецкий опять прилепил руку к клаксону, кое-как огибая все обгоняемые машины, но прямо перед собой он уже не смотрел, повернув голову влево и пытаясь разглядеть среди десятков людей, заматававшихся в панике по составу, знакомую фигуру. И потому резкий удар в бок неожиданно выпрыгнувшей «Волги» отбросил его «БМВ» вправо и заставил заложить еще один крутой вираж, дабы избежать лобового столкновения со следующей машиной. Турецкого занесло на насыпь, и секунд десять он ехал по гравию под углом в сорок пять градусов, едва не касаясь электрички.

Эта безумная погоня даже перестала быть похожа на деструктивную компьютерную игру. Турецкий уже не мог с точностью сказать, что все, кто уклонялся от его бешеного «БМВ», остались целы. Еще Турецкий подумал, что в ближайшей округе все настолько привыкли к звуку его сирены, что если оставить ее в покое, то на тишину обратят больше внимания. Тем не менее он не смог заставить себя не колотить кулаком по клаксону. Сукин сын! Ублюдок! Он дважды ранил Грязнова!!!

Сирена постепенно «села» и, наконец, вырубилась. Фонари стали встречаться чаще. Шоссе быстро сузилось до минимума и больше не сулило

никаких поворотов, но вдруг его фары выхватили далеко впереди две стоящие параллельно грузовые машины. И они полностью загораживали проезд. И на сигналы Турецкого не обращали никакого внимания. Возможно, они были просто пусты.

Выход оставался только один. Турецкий газанул по полной программе и за пять секунд поравнялся с электровозом. Еще один рывок, и он выскочил на железнодорожное полотно. Грязновский «БМВ» или, вернее, то, что от него осталось, запрыгал перед носом электрички, расстояние между ними составляло от полутора до трех метров. Наконец «БМВ» поравнялся со стоящими на шоссе машинами и, едва обогнав их, рванул вправо и снова выпрыгнул на дорогу. И вот тут-то Турецкий увидел, к своему изумлению, что дороги дальше не существует. Он ожидал увидеть развязку, но дальше было ничто. А как же электричка?!

— ...Семеныч, там у тебя все в порядке? — бубнили под дверью второй машинист и бригадир состава.

— Отвечай им, пададь! — зарычал Темный плащ, по-прежнему ковыряя у него в ухе пистолетом.

Семеныч хотел сказать, что не в порядке. Семеныч хотел сказать этому бандюге, что нельзя было пропускать остановку, потому что за время, которое электричке положено простоять на платформе Останкино, всего через два километра оттуда дежурный стрелочник должен успеть перевести пути, заблокированные до того из-за проезда через точку пересечения на семафоре встречного состава. Но электричка не дала стрелочнику необходимой

паузы, и теперь Семеныч даже толком не знал, куда едет. Вернее, знал. В тупик.

Семеныч хотел сказать все это, но не мог, потому что задыхался. Грудь вдруг сдавил стальной обруч.

— Семеныч, что с тобой? — по-прежнему топтались за дверью железнодорожники.

Темный плащ не выдержал и распахнул дверь, направив на них оружие:

— Назад, вашу мать!

— Я прошу вас, — оторопел бригадир состава, — сп... сп... спокойно...

— Боже мой, — вдруг раздался визг. — Куда мы едем?! Да остановитесь же!!!

— Тебе не уйти. Брось пистолет, — несколько осмелел второй машинист, высокий красивый брюнет. И сделал один шаг вперед.

— Не подходить!

— Перестань, успокойся... — Брюнет сделал еще два шага. Сзади него, затаив дыхание, как медузы, подплывали еще человек шесть.

— Я сказал — назад! — И Темный плащ выстрелил ему в грудь, неожиданно даже для самого себя.

Брюнет повалился на спину. Медузы в панике отколыхнулись обратно. Вагон вдруг трянуло.

Темный плащ бросился назад в кабину, чувствуя, что дело дрянь. Машинист Семеныч, закатив глаза, лежал лицом на рычаге управления. Темный плащ глянул в окно и увидел стремительно приближающуюся черную точку.

— Стой! — заорал он неизвестно кому и бросился в конец вагона. Пассажиры соответственно побежали от него.

Через восемь секунд электричка врезалась в три буферных вагона, стоявших в тупике. Электровоз

завалился на левый бок, увлекая за собой весь состав.

Темный плащ, вцепившийся в сиденье, при ударе отлетел в другой конец вагона, выронил пистолет, ушиб колено, а осколки стекла поранили ему глаза. Кое-как встав на ноги, он на ощупь нашел двери и, проявив изрядную настойчивость, приоткрыл их таки одними руками.

Турецкий обогнал электричку метров на пятьдесят. После того как она врезалась в тупик, он развернул машину, так чтобы единственной уцелевшей фарой освещать перевернувшийся электровоз. Затем не спеша приготовил оружие и, забравшись на насыпь, стал ждать, пока кто-нибудь выберется наружу. Секунд пятнадцать было абсолютно тихо, только по инерции работали еще в воздухе колеса электровоза, а затем внутри началась какая-то возня.

— Сим-сим, — устало сказал Турецкий и чихнул два раза. — Ну же, Сим-Сим, давай, открывайся... — Странное дело, он поймал себя на мысли, что, прекрасно понимая, сколько внутри пострадавших людей, совсем не хочет немедленно бросаться им на помощь. Первым делом все же хочется прикончить сукиного сына.

Наконец двери заскрипели, подались и немного разошлись в стороны. Сперва вылезла рука, затем с ее помощью остальная верхняя часть тела, завернутая в черную водолазку и светлый пиджак. Человек этот, судя по всему, был цел, и Турецкий уже не смог подавить разродившееся-таки желание доброго самаритянина немедленно прийти на помощь. Он стал выцарапывать мужика на воздух.

Человек, невнятно благодаря, выдернул ноги в черных свободных брюках и вылез было весь, но, что-то вспомнив, вытянул за собой весьма характерный длинный темный плащ.

И тогда обрадовавшийся Турецкий коротко врезал ему пистолетом в зубы. Человек с темным плащом в руке упал на землю, дав возможность посмотреть на себя в спокойной обстановке.

— Сукин ты сын, — удивился Турецкий, только сейчас сообразив, кого он преследовал все это время.

Довольно оперативно раздался вой пожарных машин и «скорой помощи».

Только на следующий день Изида Сигизмундовна по просьбе Турецкого смогла выяснить статистику железнодорожной катастрофы. В некотором роде она могла считаться уникальной, потому что погибло всего двое. Машинист электровоза Семен Семенов — от обширного инфаркта миокарда и безногий инвалид Кирилл Ковалевский — от удушья. Второй машинист, получивший пулевое ранение в грудь, остался жив.

В тот же день, хотя, скорее, в ту же ночь, в 2.20 дома у Турецких раздался телефонный звонок. Ирина нехотя сняла трубку и, едва услышав женский голос, ни слова не говоря, передала телефон мужу.

— Александр Борисович? Говорит дежурная медсестра второго хирургического отделения госпиталя МВД. Я передаю трубку вашему товарищу.

— Кх... гм... Это был Кротков? — услышал Турецкий полужнакомый и необычно вялый грязноватый голос.

— Да... — Турецкий был поражен этой сверхпроницательностью приятеля и вдруг вспомнил давешние слова Грязнова, на которые в пылу гонки он не обратил внимания, принимая их за начинающийся бред: «Он этот... тот, что роет землю...» Ну конечно, крот, Кротков! Славка еще тогда догадался, вот ведь хитрый сукин сын!

Грязнов остался удовлетворен:

— За тобой новый пиджак.

Как позже узнал Турецкий, пуля Кроткова испортила пиджак в двух местах, кроме рукава разорвав во внутреннем кармане Славы санкцию на арест... Кроткова Василия Петровича 1957 года рождения.

КРОТКОВ

27-февраля, утро

— Послушайте, кто такой Гнедковский? Какая-то ничтожная личность! Мы с вами зря тратим время, обсуждая подробности его жалкой биографии. Раз уж мое присутствие здесь необходимо, давайте сделаем программу пребывания более насыщенной. — Кротков с честной, открытой улыбкой смотрел на усталого опера МУРа, который за последние двое суток спал в общей сложности часа три. Впрочем, Кротков несколько шурился: пораненные в электричке глаза еще не совсем зажили.

«Домодедовская волна» просто захлестнула уголовный розыск, и вот после долгих и утомительных допросов всяких обнаглевших до крайности братков, начальник 3-го отдела МУРа майор Илюхин

удостоился чести побеседовать с самим «авторитетом» Кротковым. Но эта честь его не радовала.

— Вы плохо выглядите, гражданин начальник. Неужели до сих пор переживаете из-за этого Гнедковского? Я же вам сказал: забудьте о нем!

— Давайте поближе к фактам, гражданин Гнедковский, тьфу, Кротков! — «Я и правда совсем плохой стал, — подумал Илюхин. — Надо бы...» Как улучшить свое самочувствие, он так и не решил, поскольку Кротков опять завладел инициативой и предложил свой способ:

— Я знаю, как вам посодействовать. Умные люди говорят: лучший отдых — смена занятия. Зацикливание на одной проблеме ведет к нервному перенапряжению, стрессу и временному коллапсу высшей нервной деятельности. — Кротков опять мило улыбался.

Илюхин хотел сказать что-нибудь обидное, но не смог: слишком приветливо выглядел подследственный. «Ничего, припру тебя обычным порядком к стенке — сменишь репертуар. Заботливый ты мой».

Кротков, расценив молчание собеседника как работу мысли, пробужденную его высказываниями, продолжал:

— Итак, меняем тему. Вот вы знаете, например, что я организовал исполнение смертного приговора, вынесенного председателю Верховного суда Уткину?

Начальник 3-го отдела потрясенно глядел на него, не решаясь занести показания в протокол.

— А-а, — с удовольствием потер руки подследственный, — по глазам вижу, не знаете.

— Вы это серьезно, Кротков? Или хотите произвести на меня благоприятное впечатление? Если так, можно не стараться — вы не в моем вкусе.

— Может, это была и шутка, но Уткин ее не понял. Помер бедняга. Сказал на прощание «Ы-ы-ы» — и помер. А какая глыба был, какой матерый человечище, хоть и Иван Сергеевич, а не Лев Николаевич, и все равно — не чета вашему любимому Гнед... Извините, сорвалось. Ни слова о нем больше! — Кротков вдруг бухнулся на колени и стал целовать ботинок муровца. — Ни слова, клянусь!

Илюхин в ужасе от такой метаморфозы отскочил, слегка и непроизвольно заехав Кроткову в челюсть. Несколько минут оба отдыхали.

— Значит, вы утверждаете...

— В вашем тоне, гражданин начальник, сквозит недоверие. А я, прошу запомнить, ничего не утверждаю голословно. Я вам рассказываю подлинную историю происшедшего.

Илюхин наконец-то решил заполнить протокол. «Врет, конечно, как сивый мерин. Но самая большая подлость состоит в том, что уже никого ничто не удивляет. Почему мафиози районного масштаба не может прийти председателя Верховного суда? Дело-то житейское...» Кротков, узрев, что опер взялся за бумагу, всем видом демонстрировал благодарность и огромное воодушевление оказанным доверием.

«Нет, ну на кой попу гармонь? — тем временем молча страдал хозяин кабинета. — При чем здесь Уткин? Пусть Генпрокуратура сама допрашивает этого придурка. Почему у меня должна голова болеть за всяких там верховных? А... вдруг... вдруг правда пришел Уткина?!» — сверкнула вдруг раскаленная мысль.

— Сиди здесь и никуда не уходи, — впервые улыбнулся Илюхин, временно перейдя на «ты». — На, покури вот пока. — Он протянул Кроткову

пачку сигарет, потом передумал, дал одну, остальные засунул в карман. — Сейчас соберу публику, чтоб тебе не обидно было перед одним зрителем спектакль разыгрывать. — Илюхин вызвал конвоира и отправился звонить в Генпрокуратуру.

Турецкий, узнав о том, что Кротков вдруг ни с того ни с сего, фигурально выражаясь, уже мылит себе веревку и взбирается на табуреточку, крайне заинтересовался и немедленно приехал. Правда, официально допрашивать Кроткова Турецкий уже не мог, поскольку после его поимки он перешел, как это ни глупо, в разряд даже уже не «свидетелей», а «потерпевших». Но приватная беседа в присутствии официального следователя вполне могла иметь место. В конце концов Илюхин сообразил, что беседу Турецкого с Кротковым можно запротоколировать как очную ставку. Кротков высказал немедленное желание всячески помогать расследованию, проводимому следователем Генеральной прокуратуры.

— Чайник не болит? — участливо поинтересовался Турецкий, имея в виду то место, куда он давеча заехал пистолетом. Подследственный с улыбкой энергично помотал головой, демонстрируя ее противоударность.

— Ну, и за что вы, гражданин Кротков, приговорили господина Уткина к смерти? — спросил Илюхин подчеркнуто официальным тоном. — И как вам удалось привести свой приговор в исполнение? Давайте без ложной скромности.

— Вы неверно информировали господина, если не ошибаюсь, Турецкого, — сказал Кротков с чуть заметным пафосом. — Верховному палачу вынесла приговор организация «Новая народная воля», к которой я имею честь принадлежать. — Он припод-

нялся на несколько сантиметров и отвесил легкий поклон.

Турецкому не очень польстила известность в домодедовских кругах.

— А вы, стало быть, господин новый Желябов или Софья Перовская-два. Или — три?

— Давайте ближе к фактам, как выражается ваш уважаемый коллега, — Кротков напустил на себя серьезный вид или вправду бросил играть. — Я отвечу на ваш вопрос в обратном порядке: сперва «каким образом?», а потом — «за что?».

Как вы понимаете, осуществить это было не так уж сложно — Уткин не президент и дивизии охраны ему не положено. И вообще меня такие подробности не интересовали. В наше время нет дефицита на товары и услуги. Я плачу деньги, специалисты выполняют заказ, все довольны.

— И кто же эти замечательные специалисты? — поинтересовался весьма скептически Турецкий.

— Не знаю, — Кротков в очередной раз обворотно улыбнулся, — кроме того, должен заметить, вы непоследовательны в своих действиях. Помнится недавно, при аресте, вы величали меня главой домодедовской группировки, а теперь полагаете сказочником для взрослых. Выходит, я — новый вещий Боян или Фазиль Искандер-два в вашей терминологии?

«Он что, действительно не издевается? — промелькнуло в голове Турецкого. — Прикончил Уткина?! А я-то, я-то ищу...»

— Кто выступал подрядчиком, почему вы не поручили устранение своим собственным умельцам и, если не секрет, сколько стоит по сегодняшним расценкам главный судья?

— Не секрет. Семьдесят пять тысяч баксов.

Тысяч, я полагаю, десять — пятнадцать какой-нибудь там НДС, так что чистыми — шестьдесят. А насчет подрядчика, уж извините, дал слово чести, не могу нарушить. — Вопрос о штатных «мокрушниках» Кротков обошел молчанием. Турецкий напирать пока не стал. — Какие подробности вас еще интересуют? Форма оплаты? Любая.

— Почему именно Уткин? Почему не министр внутренних дел, например, не Генпрокурор, не еще кто-нибудь?

— Вопрос верный. Вас интересует обстоятельная аргументация или только резюме?

Элегантные ботинки Кроткова выглядели без шнурков нелепо, как перстень с вырванным камнем. Турецкий перевел взгляд на свои. Они промокли, хотя снаружи этого видно не было.

— Давайте аргументируйте, только в темпе: это вам спешить некуда, а у меня — работа.

— «Новая народная воля», — начал Кротков с выражением человека, которому после долгих препирательств предоставили трибуну, — имеет своей ближайшей целью установление равновесия во взаимном применении насилия между государством и подавляемым им обществом. Но, — он поднял вверх указательный палец, — но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. — Он на мгновение задумался. — Она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентскую власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как един-

ственный упрек, чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, — Кротков почему-то скривился, — страна поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот! — Он перевел дух.

«Это оригинальный бред, или я уже где-то что-то такое слышал», — с первых же слов засомневался Турецкий. Мучился, разглядывая ботинки, но так и не смог вспомнить. Кротков тем временем отдышался и продолжил:

— Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной превращает свободное народное государство на самом деле в свободное государство. По самому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, то есть государство с деспотическим правительством. — Поймав взгляд Турецкого на своей обуви, Кротков расценил его как проявление недостаточной доходчивости речи и стал говорить медленнее, с глубокомысленными паузами и усиленно жестикулируя.

— По мнению наших глупых, выросших при коммунистах обывателей, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. Отсюда вытекает суеверное почтение к государству и всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкли с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство госу-

дарства и его награжденных доходными местами чиновников.

— Аргументация в целом ясна, — Турецкий поморщился как от зубной боли, — переходите к выводам.

— Верховный судья был палачом, а палач не должен умирать от старости. В моем офисе в папке номер двенадцать вы найдете компьютерный диск с соответствующими документами. На краю городской свалки, с юго-западной стороны, есть такой дуб, — Кротков попытался изобразить дерево руками, — он хорошо виден с дороги; возле него в плотном полиэтиленовом пакете совсем неглубоко зарыт кейс с документами. Там, в частности, дневник Уткина. Весьма любопытный.

ТУРЕЦКИЙ

27 февраля, день

Дуб с юго-западной стороны свалки имел, наверное, лет триста от роду и простоял бы еще столько, если бы возле него не вырыли яму десятиметровой глубины, в которую он сполз вместе с окружающими его пластами мусора. Сверху уже подсыпали немало свежего. Турецкий отправил машину на поиски местного начальства, а сам вступил в переговоры с прилично одетым пожилым человеком, отколовшимся от группы бомжей, которые бросились врассыпную, едва завидев милицейский автомобиль.

— Я собаку ищу, пропала вчера поблизости, — предвосхитил старичок на всякий случай незадан-

ный вопрос. — Хорошо, если не съели бедолагу, с них станется.

— Вы не подскажите, когда обвалился этот дуб? Мне важно точно установить дату. — На лице кинолога проступило желание всеми силами помочь правоохранительным органам.

«Интересно», — подумал Турецкий, поддевая носком пивную бутылку, — если бы я сказал, что мне нужно в точности установить сегодняшнюю дату, он тоже стал бы вспоминать с таким видом?»

— Четыре, нет, три дня назад. Совершенно точно, три дня, — он победно посмотрел на Турецкого. — И три ночи соответственно.

— И вы готовы подписать показания?

— Если надо...

— Не надо.

Значит, за два дня до его ареста. Вот ведь непруха. Кротков мог знать, что дуб рухнул, а мог и не знать.

Турецкий достал сотовый телефон, временно перешедший в наследство от Грязнова, и набрал свой рабочий номер. Там в это время должен был находиться только один человек.

— Алло, это Московское общество имагогов-майоров? Семен Пэ Школьников? Слушай меня внимательно. Хватит возиться со своими банковскими счетами. У меня есть для тебя настоящая работа. Придется, правда, немного в земле повозиться, но зато есть шансы найти дневник Уткина. Короче, срочно ищи бригаду хороших ассенизаторов. А я еду в офис Кроткова.

...Дискету Турецкий обнаружил там, где и указал Кротков, — в папке под номером двенадцать. Тем более что это была единственная пронумерованная папка, номера с первого по одиннадцатый отсутст-

вовали, равно как и номера больше двенадцатого. Хотя бумаг в офисе было предостаточно. Как в архиве. И все — ни о чем — старые счета, расписки, квитанции... Такое впечатление, что Кротков хранил даже прокомпостированные билеты на троллейбус с тех самых пор, когда он еще ездил в городском транспорте.

Сунув дискету в компьютер, стоявший тут же в приемной Кроткова, Турецкий был разочарован — программа загрузки требовала пароль, которого Кротков не сообщил. Доставленная в контору по этому срочному поводу кротковская секретарша только виновато пожимала субтильными плечиками и выражала полную готовность к сотрудничеству. Тем не менее помочь ничем не смогла, ибо дискеты этой она прежде никогда не видела, а выданные ею на уровне озарения комбинации из букв и цифр, включавшие инициалы Кроткова, дату его рождения, почтовый индекс и номер телефона, были отвергнуты программой как некорректные.

Заехав специально для этого в СИЗО «Лефортово», Турецкий, уже еле сдерживаясь, недвусмысленно попросил арестованного:

— Назовите, будьте так любезны, пароль для программы загрузки, — и продемонстрировал Кроткову изъятую дискету. Но Кротков только повторил телодвижения своей секретарши, то есть с добродушной улыбкой пожал плечами:

— Не помню. Видите ли, он шестнадцатиразрядный, а у меня всегда были проблемы с запоминанием длинных чисел. Но в том кейсе, который вы, конечно, тоже нашли, на такой желтенькой бумажке все записано.

Насчет кейса Турецкий промолчал. Если он там все-таки был, значит, они изрядно лопухнулись и

Кроткову об этом знать не обязательно. «А если это все липа, то я его самого на этой свалке, под этим дубом похороню и заставлю этой дискетой могилу себе рыть».

Турецкий отдал дискету специалистам из НИИ криминалистики, но и там пожали плечами. «Взломать»-то ее было можно, но потребуется неделя, может, больше, и вероятность того, что всю информацию удастся прочесть, не слишком высока.

Турецкому оставалось повторить жест дня — пожать плечами и ждать неделю. Но сдаваться без боя не хотелось, и он отправился в Столешников переулок, где на одном пятачке в семьдесят квадратных метров наблюдается самая высокая концентрация московских хакеров, ибо там располагается «Интернет-бар», где пиво подают прямо к компьютеру.

Возраст публики в баре колебался от двенадцати до сорока — сорока пяти, и реплики собравшихся состояли в основном из незнакомых ему слов, и Турецкий почувствовал себя старым неотесанным динозавром. Он осторожно тронул за рукав вихрестого парнишку в круглых тонких очках, который задумчиво разглядывал отбрасывающий яркие блики компакт-диск с таким видом, будто мог читать с него и без лазерного дисковода.

— Кто тут у вас самый умный?

— А что, дядя, проблемы с компом?

На дядю Турецкий обижаться не стал:

— Мне бы дискету прочесть...

— Витала, — позвал парень, и за соседним столиком от банки «Туборга» отвлекся бородатый... негр неопределенного возраста. — Тут дяде флопик крекнуть требуется.

— Пиво ставишь, дядя? — весело поинтересовался Витала.

Турецкий, не очень-то веря, тем не менее энергично закивал головой, осторожно вкладывая дискету в большую розовую ладонь негра. Витала рассмотрел диск на свет, попробовал согнуть, поковырял ногтем поверхность, на зуб, правда, класть не стал и сунул в ближайший дисковод.

— Там что, архив Des Todes?

— Типа того... Это надолго? — осведомился Турецкий.

— Дядя, а ты не пробовал завесить четвертую полуось из-под DOS-сессии?

— Нет, — сказал Турецкий чистую правду.

— А когда-нибудь двоичный код вручную переписывал?

— Нет, но зато я знаю, где у него кнопка, — Турецкий уверенно ткнул пальцем в клавишу.

Расшифровка заняла минут семь. Витала выдернул дискету, прежде чем Александр Борисович успел что-то прочитать на экране монитора:

— Ты про пиво не забыл?

Турецкий с готовностью полез в карман за деньгами.

— Извини, дядя, но дискета твоя, во-первых, сама глюканая, а во-вторых, на ней только аварийная копия заглуканной программы «Клиент-банка» с данными о платежах за январь прошлого года. Ты это искал? — Он тоже пожал плечами, но не от бессилия, а как бы извиняясь, и, отобрав у опешившего Турецкого зажатую в кулаке купюру, пошел заказывать пиво.

На Большую Дмитровку Турецкий вернулся в состоянии тихого бешенства. Изида Сигизмундовна тут же доложила, что уже дважды звонили из «Лефортова»: заключенный Кротков рвется на допрос.

— К черту, — чихая, сказал Турецкий. — Никуда не поеду, пусть привозят его в Генпрокуратуру.

— Вы что, за идиотов нас всех тут держите, — спросил он Кроткова возмущенно спустя полтора часа, когда для формального участия в допросе прибыл Школьников. Турецкий все еще выступал в качестве потерпевшего, принимающего участие в очной ставке.

Кротков в недоумении уставился на него:

— Пароль не сработал?

— И что я, по-вашему, должен был найти на этой дискете?

— Не знаю, — задержанный пожал плечами, — я сам не смотрел, руки как-то не дошли. Диск изъят из сейфа Уткина вместе с документами, и я справедливо полагал, что там секретный архив его грязных делишек. Или нет?

— Или нет!

— Да не нервничайте так, гражданин начальник. Уткин — это уже не актуально. Я хочу сделать заявление...

— Прикажете за журналистами сбегать? — учтиво спросил Школьников.

— Хорошо бы. Родина должна знать своих героев. Итак, — Кротков откашлялся, — находясь в здравом уме и твердой памяти, заявляю, что сам, своими руками убил бывшего единомышленника и бывшего товарища по «Новой народной воле» — Сенатора, который вам, наверное, был больше известен как глава домодедовской группировки. Оригинальная фамилия необязательна.

Но Турецкого уже трудно было удивить. А почему, собственно, он не мог убрать Сенатора? Только, пожалуй, Кротков поступил тактически неверно. Если бы он так и начал свои признания, это выгля-

дело бы абсолютно правдоподобно, но теперь, после того как он взвалил на себя лавры убийцы Уткина, Турецкого мучили смутные сомнения: а уж не лжет ли он, как Троцкий?

Несмотря на неутихающие слухи о том, что Сенатора убрали (на чем особенно настаивал грязновский знакомец капитан Лихачев из РУОПа), официально считалось, что его смерть наступила от вполне естественных причин. Он страдал хронической аневризмой, и в момент нервного перенапряжения организм его не выдержал. В результате — смерть от разрыва аорты. (Как, кстати, и у тещи Лозинского!)

А Кротков уже оседлал любимого конька и, набрав в легкие побольше воздуха, начал очередное программное выступление:

— Сенатор трактовал идею разрыхления и разрушения репрессивно-исправительной машины, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, а именно — отношение народной революции к государству и вопрос о государстве вообще!

— Может, не будем терять время, вы бы просто сказали мне название первоисточника, который собираетесь цитировать, а я потом на досуге ознакомлюсь, — язвительно перебил Турецкий. Он успел заскочить-таки в ведомственную библиотеку и после непродолжительных поисков убедиться, что предыдущая тронная речь его оппонента была почти дословно слизана с работы Ленина «Государство и революция».

Кротков не обиделся:

— Если вас не интересуют побудительные мотивы, давайте поговорим о доказательствах.

— Попробую угадать... вы его заперли в темной

комнате и читали ему вслух классиков марксизма часа три, пока он не умер от разрыва сердца.

— Нет. Я его отравил.

Это уже было новостью.

— Чем же, если не секрет?

— Ядом нервно-паралитического действия, разработанным в наших секретных лабораториях.

— И вы можете это доказать?

— Доказывать — это ваша работа, но могу вам помочь. Яд Сенатор не принимал внутрь, поражение произошло через кожу. Я могу назвать адрес лаборатории.

— Что-нибудь еще? — Турецкий недоверчиво покосился на Кроткова, но адрес все-таки записал.

— Я вижу, вы мне не верите, и напрасно. На сегодня, если можно, давайте закончим, я утомился и хочу собраться с мыслями. А когда вы все проверите и убедитесь в моей искренности, с удовольствием продолжим.

И Турецкому волей-неволей пришлось проверять.

Лечащий врач Сенатора, изрядно запуганный домодедовской братвой, только после длительного допроса признался, что свидетельство о смерти он подписал прямо в своем кабинете и тела покойного даже не видел. Но аневризмой Сенатор действительно страдал, так что все может быть. Хотя что-то слишком много «сердечников» за последнее время...

Турецкий вынес постановление об эксгумации трупа Сенатора. И тут ему пришлось столкнуться с непонятно откуда взявшимися фанатами, которые избрали местом своих шабашей могилу усопшего. Были это недоловленные домодедовские братки или грабители могил, он так и не выяснил. Они ни в какую не желали убраться с кладбища, угрожая, что

милиции придется добираться до трупа Сенатора только через их трупы. В конце концов срочно вызванный отряд ОМОНа разогнал фетишистов, и гроб из красного дерева с позолоченными ручками извлекли из промерзлой земли.

Судмедэкспертиза, а позднее и судебно-биологическая экспертиза подтвердили, что Сенатор действительно был отравлен и аневризма здесь ни причем. На выяснение состава яда требовалось довольно длительное время. Специалисты-химики установили, что яд попал в организм через кожу. То есть признание Кроткова не опровергалось.

У Турецкого голова шла кругом. Если Кротков не врет насчет Сенатора, то, может, и про Уткина — правда?! И вся их «Пантера» не там копает. А вдруг действительно существует эта «Новая народная воля»? Почему «АУМ-Синрике» может травить людей пачками, а наши «народовольцы-2» не могут? Чем они хуже? Предчувствуя самое худшее, Турецкий с бригадой, доукомплектованной снаряжением для работы с боевыми отравляющими веществами, отправился по адресу, названному Кротковым.

Когда они в своих изолирующих костюмах, пытая изолирующими противогазами, ворвались в нежилой с виду двухэтажный дом, на голову им рухнула целая лавина... голубинового дерьма. А придурковатый бомж, который лопатой сбрасывал помет, после хорошей дозы тумачков объяснил, что никакой ни подпольной, ни надпольной лаборатории здесь нет и не было и живет он один с голубями, а незваных гостей всегда встречает одинаково.

А Кротков снова просился на допрос. Но Турецкий остался глух к его просьбам. Он ждал заключение химиков о составе отравившего Сенатора вещества.

— Но зачем Кротков затягивает следствие? — за-
нудствовал Школьников. — Просто так, из любви к
искусству, или он ждет, что сработает система и за
него начнут ходатайствовать, или куда он тянет
волынку, кто-то обработает свидетелей по делу
Гнедковского и у нас опять на него ничего не оста-
нется? «Депутат мафии» Герасимец пока не протя-
нул руку братской помощи, почему? Либо он чего-
то боится, либо выжидает. Чего? А может, за Крот-
кова как раз должен заступиться кто-то более влия-
тельный и высокопоставленный...

— Но если таковой имеется, — возразил Турец-
кий, — то почему он позволил сдать целую группи-
ровку? Может, покровитель был, а теперь его не
стало? Умер... убили?

— То есть это Уткин? Да возможно ли это?!

— Но с другой стороны, может, Кротков не-
спроста водил нас вокруг Уткина? Или это совпаде-
ние? Нет, совпадение в том, что я думаю в первую
очередь об Уткине! В конце концов, мало ли кто мог
умереть, заболеть, отойти от дел?! Давай, Семен,
попробуем решить другой вопрос: кто и зачем сдал
группировку? Кому это выгодно и кому это по
силам? Никто из «сенаторских конгрессменов»,
претендовавших на освободившееся кресло, братву
сдавать бы не стал. Сдали бы Кроткова... или скорее
убрали бы и на том остановились.

— А конкуренты?

— В принципе могли бы, но откуда у них доку-
менты, свидетельские показания и прочее? На них,
разумеется, может работать кто-то и в милиции, и в
прокуратуре, и в суде...

— Но эти люди должны быть из разных ведомств
и работать скоординированно и систематически в
течение долгого времени, что представить себе про-

это невозможно! Или это передел сфер влияния среди покровителей бог его знает на каком высоком уровне? А мы здесь у себя внизу наблюдаем его отголоски. Но даже если я постиг тайный смысл вещей, махать шашкой на таких высотах все равно что гулять по радиоактивной трясине с заминированными кочками. — Школьников, прихлебывая кофе, подошел к окну. За стеклом надтреснуто стояли деревья и разводили ветвями в стиле ню. «Интересно, почему у Турецкого грязь на оконном стекле серая, а у меня коричневая?» Школьников упал в кресло и, особо не напрягаясь, заснул.

Через полтора часа пришел ответ из химико-биологической лаборатории: было применено вещество из разряда бинарных ядов, подобного рода бинарное оружие разрабатывалось под эгидой КГБ, в кустарных же условиях производство невозможно.

А значит, Кротков врал от начала и до конца. И Турецкому предстояло разъяснить, откуда он узнал подробности.

— Семен!!! — заорал Турецкий. — Немедленно выясняй в своем ведомстве, кто и когда имел доступ к этой лаборатории КГБ. И самое главное — найди мне наконец бумаги Уткина! У нас уже не осталось времени на ошибки.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

27 февраля, вечер

С л е д о в а т е л ь. Вы продолжаете утверждать, что отравили Сенатора?

К р о т к о в. Да. До смерти отравил.

С л е д о в а т е л ь. Каким ядом вы воспользовались?

К р о т к о в. Секретным.

С л е д о в а т е л ь. Его изготовили ваши сподвижники-химики в секретной лаборатории на чердаке дома № 21 по ул. Заполярной?

К р о т к о в. Да. Из голубиноного помета.

С л е д о в а т е л ь. Вы знаете об ответственности за дачу заведомо ложных показаний?

К р о т к о в. Наслышан.

С л е д о в а т е л ь. И вы настаиваете на том, что убили Сенатора?

К р о т к о в. И не только его, еще верховного судью Уткина. Но Уткин и Сенатор — это уже пройденный этап. У «Новой народной воли» длинные руки, и нет покоя адептам богатства и роскоши. Пусть трепещут в каждой точке земного шара.

С л е д о в а т е л ь. Я передам.

К р о т к о в. И некоторых уже настиг кровавый меч народного гнева.

С л е д о в а т е л ь. Огласите, пожалуйста, весь список.

К р о т к о в. Начнем ну хотя бы с Джанни Версачи.

С л е д о в а т е л ь. И... его тоже вы?!

К р о т к о в. Подробностями интересуетесь?

С л е д о в а т е л ь. Лос-Анджелес вне нашей юрисдикции, но если коротко, то давайте. Только правдиво и по существу.

К р о т к о в. Я убил его потому, что ощущал невозможность пребывания в одном объеме физического пространства. Это была рука судьбы. Я поехал в Америку как турист, но истинный «народоволец» остается верным своим убеждениям даже в отпуске. Американские друзья подарили мне галстук от Версачи, а я обменял его у уличного торговца оружием на пистолет.

С л е д о в а т е л ь. Достаточно. Следующий.

К р о т к о в. Следующая. Следующая — принцесса Диана.

С л е д о в а т е л ь. Да, это по-«народовольчески».

К р о т к о в. Она воплощала в себе насквозь лживую идею народной монархии, развращая незаконное политическое сознание серой обывательской массы и prostituiруя на народной любви. А ее любовник — кровавый миллиардер и исламский фундаменталист. Наши люди продали его водителю контактные линзы со смещенной оптической осью. Стоило ему немного выпить, и он воспринимал мир совершенно в искаженном виде.

С л е д о в а т е л ь. Почему он не врзался ни во что до туннеля?

К р о т к о в. Это же Франция. Там дороги широкие.

С л е д о в а т е л ь. Расскажите подробно, что вам известно об обстоятельствах смерти гражданина Гнедковского.

К р о т к о в. Значит, вам подробности о жалком и ничтожном Гнедковском дорожке правды о народном гневе и отважнейших и достойнейших сынах народа?! Сажайте, сажайте, всех не пересажаете. Ваши репрессии только вербуют в наши ряды новых сторонников. Вы можете изображать всевластие законов, но за порогом вашего кабинета правит коррупция, и потому я вас не боюсь.

Турецкий дочитал стенограмму, чихнул, в сердцах сплюнул на пол и растер ботинком, который промокает изнутри, хотя это и незаметно снаружи.

Когда Кротков «признался» в убийстве Уткина, это на некоторое время могло отвлечь следствие. Но почему он теперь валяет дурака? И почему делает

это настолько откровенно? Очевидно, что он пытается выиграть время. Но для кого? Для себя? Вряд ли, маловероятно. Кто-то им манипулирует?

«А может, отвезти гада на следственный эксперимент на свалку и заставить искать кейс?»

И тут в кабинет, не сбрасывая дубленку, ввалился Семен, потрясая в воздухе своей добычей.

— Сан Борисыч! Уф... Как только я по телефону заикнулся вдове Уткина о возможно пропавших дневниках, не зная даже наверняка, существовали ли такие в действительности, она тут же привезла вот это, — Школьников положил ему на стол объемистую книжку в кожаном переплете с замочком и проплыл по кабинету, раскачивая бедрами. «Я, — говорит, — сама впервые увидела эти записи совсем недавно». Но... честно сказать, она здорово осунулась за последние дни и выглядела совершенно разбитой.

— Зачем ты мне это говоришь? — удивился Турецкий. — Женолюб несчастный?

— Понятия не имею, — признался Школьников. — Она говорит, ей приснился такой интересный сон, в котором мы с вами...

— Избавь меня от этого! — зарычал Турецкий.

— Ну хорошо, ладно... А потом, в конце разговора, она заявляет: «Наверное, я тоже в какой-то степени виновата в смерти Ивана Сергеевича... Но вы вначале должны прочесть дневник. Если у вас будут вопросы... потом, дескать, пожалуйста, милости прошу!» — Школьников, устав имитировать женскую походку, плюхнулся в кресло и снова задремал.

— Только не это! — буквально взвыл Турецкий. — Почему все так стремятся взвалить убийство Уткина на себя?! ...Слава богу, что мы не успели перелопатить весь мусор под тем дурацким дубом на свалке.

ТУРЕЦКИЙ

27 февраля, вечер

Турецкий изучал дневник Уткина. Никаких откровений, способных помочь следствию, окончательно зашедшему в тупик, он в себе как будто не таил. Заподозрить поэтому Наталью Уткину в его намеренном сокрытии было проблематично. Страницы в нем тоже все как будто были на месте.

Дневник начинался пятнадцать лет назад, как можно было догадаться — событиями в Бауманском суде, хотя и не содержал описания конкретных фактов. Здесь были мысли, иногда бессвязные, о жизни, о себе, о дочери. Уткин обращался к дневнику довольно редко, и порой за неделю, а то и месяц появлялось две-три фразы, написанные четким, несколько скругленным почерком. Немудрено было разглядеть, что с весны 1997 года характер записей изменился, автор, обуреваемый сомнениями, пытался выстроить на бумаге логические формулы долга и чести, переосмысливая и пережевывая моральные императивы. Почему-то запомнилась одна фраза: «Сущность моего дневника многого стоит...»

— Александр Борисович, — в кабинет заглянула секретарша, — я сделала бутерброды, и... что вы будете, кофе, чай? — Изида Сигизмундовна забрала пепельницу, полную окурков, и по дороге к мусорной корзине открыла форточку. — Какая у вас тетрадь красивая, — она заметила на столе дневник покойного Уткина. — Она ведь с замочком, верно? Я когда-то подарила такую своей сестре. С замочком и секретом. Так чай или кофе?

— Это не моя, — машинально ответил Турецкий. — И какой же в ней секрет?

— Но она же у вас открыта, значит, вы уже сами видели. Так чай или кофе?

— Я вас не понимаю, — не в первый раз признался Турецкий, чувствуя нарастающее беспокойство.

— Тут под корешком есть такой маленький симпатичный потайной карманчик. Но когда книжка закрыта, его как бы и нет, он открывается одновременно с замком.

— Черт, — сказал Турецкий, нервно нашаривая в ящике стола перочинный нож. — У меня не было ключа, и я ее просто взломал. Ну-ка, подержите вот здесь...

После нескольких минут раскурочивания замка удалось организовать зазор в корешке, он был только с верхней стороны, а нижняя служила как бы дном кармана. Турецкий засунул в отверстие два пальца и вытащил свернутую в трубочку тонкую тетрадь. Затем он всунул туда карандаш, но больше ничего не нашел. Тогда он перевернул книжку и потряс. Из корешка на стол выпала какая-то монета. Турецкий и Изида Сигизмундовна с изумлением воззрились на нее. «Сущность моего дневника многого стоит...»

Монета диаметром не больше четырех сантиметров представляла собой не слишком-то ровный круг, словно ее чеканили вручную. С одной стороны, так сказать, на «орле» был изображен стол, заваленный книгами и несколько слов по-латыни. На «решке» — какой-то мужик в профиль в маленькой плотной шапочке, словно для плавания в бассейне. Номинал монеты отсутствовал, зато возле края была просверлена дырочка.

— Это медаль, — сообразила «мисс Марпл». — Кажется. А дырка — чтобы носить ее на шее.

Турецкий прочитал несколько слов, написанных вокруг головы пловца: «Pivs II. Pont Max». И несколько раз чихнул.

— Какого лешего он ее здесь держал? Что она может значить? Ну ладно пока... — Он открыл тетрадь — «Сущность моего дневника многого стоит...» — вот где был настоящий дневник:

«Я трус, я не смог лишиться себя жизни, хотя это было единственно правильным выходом, а теперь я сижу и жду, когда... 21.03.97».

Чем это было вызвано, из содержания дневника ясно не становилось. Турецкий вспотел.

«Я не хочу этого делать, но не могу не делать. Я буриданов осел, вывернутый наизнанку, — я из двух равноценных зол мучительно выбираю меньшее и при этом действительно неплохо себя чувствую, как и было обещано».

Потом снова был перерыв почти на неделю, и дальше — подробно, с мазохистской точностью Уткин начинает описывать перипетии каждого своего «дела».

«...10.08.97. Сегодня заседал Президиум Верховного суда. Рассматривалось дело в порядке надзора. Восемь человек, младшие офицеры и сержанты ОМОНа, были приговорены к срокам от семи до тринадцати лет за превышение служебных полномочий и групповое убийство при отягчающих обстоятельствах. Все выглядело так, что они, проводя задержание особо опасного рецидивиста Волобуева, совершившего побег из колонии, совершенно сознательно расстреляли его из табельного оружия. А кроме того, застрелили еще пятерых, находившихся с ним в одном помещении. Эти пятеро, тоже быв-

шие заключенные, не оказывали вооруженного сопротивления.

Осужденные не признали свою вину и настаивали в жалобах на том, что Волобуев захватил заложницу — девочку тринадцати лет, и с целью ее освобождения и был открыт огонь на поражение. О заложнице в материалах следствия не упоминалось. Но было и еще одно несоответствие, на которое почему-то не обратили внимания при рассмотрении кассационных жалоб. Время смерти подельщиков Волобуева, по акту судмедэкспертизы, расходилось со временем смерти самого Волобуева, причем значительно, они умерли на несколько часов раньше, и о характере ранений в акте вообще не было упомянуто. Была ли это небрежность экспертов или фальсификация данных следственными органами, или предвзятость суда, повышавшего процент вскрытых нарушений в органах милиции? В общем, Президиум отменил все судебные решения и отправил дело на доследование...

Вечером меня снова навестил «Д» и выразил восхищение моей принципиальностью. Меня обманули, как ребенка. Зная, как я скрупулезно отношусь к материалам дела, мне подсунули всего одну зацепку, намек на предвзятость, и я купился...»

Дальше характер записей опять меняется. Уткин, похоже, влюбился на старости лет и с головой окунулся в романтические бредни. То стреляться собирался, и вдруг — под венец. Турецкий обескураженно перелистывал страницы, пока не наткнулся на объяснение:

«01.10.97. Это мое последнее дело, потом я уйду в отставку и женюсь, а насчет шантажа посмотрим: еще неизвестно, у кого и на кого точнее собран

компромат. Сущность моего дневника многого стоит...»

Только в отставку он почему-то не ушел, хотя и женился. Хотя что-то довел до логического конца. И где, собственно, обещанный компромат? «Сущность моего дневника многого стоит...» Какая-то нелепая фраза.

Турецкий отправился в Верховный суд, чтобы просмотреть дела, которыми занимался лично Уткин. Протоколы судебных заседаний, материалы следствия. В большинстве это были уже кассационные и надзорные дела, а значит, кроме материалов из Верховного суда были бумаги из судов еще двух, а то и трех ступеней — районного, областного, республиканского... И разобраться в этом ворохе бумаг, найти в каждом деле ту самую зацепку, несоответствие было просто невозможно. То ли Уткина берегли и, зная его тонкую душевную организацию, старались использовать только в крайнем случае, то ли другие структуры совета директоров действовали достаточно надежно и до Верховного суда заказанные дела просто не доходили.

Во всяком случае, Турецкий обнаружил единственный прецедент. Правда, его грех было не заметить: так все оказалось притянуто за уши. Уткин откровенно превратил процесс в фарс, то ли рассчитывая привлечь интерес прессы, то ли испугать коллег своей неосторожностью. Рассматривалась кассационная жалоба руководителей стачечного комитета, которых осудили за организацию массовых беспорядков. В маленьком городе в Оренбургской области, на самой границе с Казахстаном, рабочие железной дороги, которым уже одиннадцать месяцев не выплачивали зарплату, устроили стачку. Вместо пикетирования городской администрации

они перегородили живыми заслонами подъездные пути и тем самым на двое суток парализовали движение через ключевой железнодорожный узел. Городские власти не сумели договориться с забастовщиками, милиция, добрая часть которой имела родственников, друзей или знакомых среди пикетчиков, не рвалась в бой и не собиралась силой разгонять демонстрантов. И тогда неизвестно откуда понаехала братва: кто с кольями, а кто и с автоматами, и начались боевые действия. Причем, как ни странно, победили безоружные стачечники, изрядно покалечив засажих штрейкбрехеров. А руководителей стачкома осудил областной суд Оренбурга. В деле имелись явные натяжки и несоответствия, ибо не стачкомовцы в результате явились инициаторами массовых беспорядков, а так и не выясненный некто, собравший по окрестностям уголовный элемент, вооруживший его и пославший на «разборку». Кроме того, был допущен и ряд других процессуальных нарушений. Но Уткин, вскрыв все это и сделав упор на том, что дело явно шито белыми нитками и трещит по всем швам, тем не менее оставил демонстративно приговор в силе, а жалобу без удовлетворения.

Последняя запись в дневнике, сделанная неровными прыгающими буквами, гласила: «22.02.199... Даже если с Катей ничего не случилось, все равно с меня хватит...»

28 февраля, раннее утро

Шура Боровик, закадычный друг хулиганского детства, а ныне видный российский археолог, которого в авральном порядке «под белы ручки» до-

ставили в Генпрокуратуру в 5.20 утра, немедленно округлил сонные глаза и нацепил очки.

— Я, конечно, не большой специалист по всеческой нумизматике, но тут и моих подсыхающих мозгов хватит. Эта штучка относится к памятным ватиканским, так сказать, «папским» медалям.

— Насколько она древняя?

— Дай подумать. Прекратили чеканить медали в первой половине восемнадцатого века. Пий II был на папском престоле... в 1458—1464 годах. Значит, тогда она и изготовлена. Ага! Так это медаль из самой первой серии. Чеканка медалей тогда, как и монет, производилась вручную. Удар молота переводил изображение со штампа и...

— Подожди, я неверно сформулировал, — Турецкий испугался, что сейчас ему предстоит выслушать целую лекцию. — Я только хочу узнать ее истинную ценность.

Шура присвистнул и почесал затылок:

— Этого никто точно сказать не может. Количество «папских» медалей весьма ограничено. Так что можешь быть уверен, что таких вот, как эта, во всем мире еще найдется штук двадцать максимум. То есть это пять веков назад их было двадцать! А сколько дожили до нашего времени? Есть, конечно, где-то точные цифры; я думаю, не больше двух третей сохранилось.

— И можно выяснить, где они?

— Как два пальца об асфальт. Их ведь получали самые достойные, то есть приближенные к папе особы. Это все равно что узнать, кто получил Нобелевскую премию в том или ином году.

— Да я не это имею в виду! — Турецкий начал терять терпение. Меня не интересует, кто владел

ими пятьсот лет назад! Я хочу знать, у кого они есть сейчас!

— Так я тебе об этом и говорю. Они были наперечет тогда и тем более сейчас. Кстати! — спохватился Боровик. — А у тебя она откуда взялась?!

Через пятьдесят минут Турецкий уже знал, что памятная медаль с профилем папы Пия II в нашей стране пребывает в единственном числе. Долгое время она лежала в запасниках Пушкинского музея изобразительных искусств, пока в 1965 году не была подарена одному из секретарей ЦК в связи с его пятидесятилетием. Через два года его «ушли» на пенсию, а еще через четыре экс-секретарь умер. Но «папская» медаль послужила началом блестящей коллекции, которую впоследствии собрал его сын. Впрочем, это было лишь хобби, в реальной жизни коллекционер также двинулся было по партийной линии и даже в более крутые времена удержался на плаву. Ныне он занимал пост министра юстиции.

Муровская справка по запросу Турецкого гласила следующее:

«27 февраля 1997 года, почти ровно год назад, «папская» медаль мистическим образом пропала из его коллекции, о чем он несколько дней спустя заявил в Московский уголовный розыск, что и зафиксировано соответствующими документами. Тем не менее никаких следов взлома или кражи в квартире министра юстиции обнаружено не было. Была проведена оперативно-розыскная работа, направленная на большинство московских частных галерей и коллекционеров, которая никаких результатов не принесла. И в настоящий момент по-прежнему нет ни малейших следов медали и ни малейшей

информации, которая бы могла пролить свет на ее загадочное исчезновение».

Значит, 27 февраля девяносто седьмого пропала медаль. И 18 февраля умерла Лариса Масленникова. За девять дней до пропажи этой медали, принадлежащей министру юстиции, соседу Ивана Уткина. Сам по себе тот факт, что Уткин спрятал медаль в дневник, ничего не доказывает, но кое-что подсказывает. То ли Уткин спер медаль у своего соседа, то ли тот сам потерял, будучи через девять дней после смерти Масленниковой дома у Уткина. Хотя нет, что же он ее все время с собой таскал? Как-то странно. Ну, да это теперь неважно, каким образом покойный Иван Сергеевич завладел «папской» медалью. Главное, что ни разу в своих записях за последний год он не упоминал имен людей своего ранга, очевидно, что он их боялся, и лишь таким изощренным способом рискнул указать в дневнике своего врага. «Сущность моего дневника многого стоит...»

ЛЮДОВИК XIV

28 февраля, утро

Несмотря на санкцию, которую молниеносно выдал побледневший Меркулов, арестовать министра юстиции не удалось. Как только в 7.15 утра группа спецназа десантировалась в Завидове и приблизилась к его даче на расстояние в тридцать метров, из дома открыли огонь. Турецкий был удивлен. Он не рассчитывал на явку министра с повинной, но все же стрельба из окон на старости лет — это слишком. Но еще больше он удивился, когда с по-

мощью специальной телеаппаратуры были сделаны снимки, на которых минюст оказался отчетливо виден, — связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту он лежал на диване, в то время как некто неизвестный, лицо которого вышло не в фокусе, довольно лихо держал круговую оборону. Итак, минюст находился в плену. Но у кого?! «Может, это Лозинский, — мелькнула безумная мысль. — Никуда не полетел и теперь взял минюста в заложники?!»

На следующий день средства массовой информации, не знавшие истинной подоплеки дела и того, что все уже закончилось, за неимением фактов запоздало вели нескончаемую полемику между собой:

«Известия»: «Супруга министра обратилась к террористу через громкоговоритель».

«Коммерсант дэйли»: «Террорист открывает огонь при малейшем приближении!»

Радиостанция «Эхо Москвы»: «Основным предметом беспокойства, естественно, стала судьба заложника».

«Московский комсомолец»: «Даже не судьба, а идентификация его личности! Никто не может понять кто и кого взял в заложники?!»

«Общая газета»: «Но до сих пор не выдвинуты никакие требования!»

Только на телеканал НТВ вездесущая программа «Сегодня» отреагировала слишком оперативно и в тот же день: «Поскольку главным объектом опасений является сохранение жизни заложника, спецназ МВД оставил планы прямой атаки и приступил к длительной осаде. Предпринимаются самые отчаянные попытки узнать судьбу заложника, но террорист отказывается от любого контакта. Внимание телезрителей! Для всех, кто обладает какой-либо

ценной информацией, возможно, неизвестной официальным органам, или планами спасения заложника, открывается прямая линия ФСБ со следующими телефонами...»

На срочное совещание с оставшимися на ногах руководителями группы «Пантера» приехал директор ФСБ.

— Значит, так, — вздохнул он. — В стенах этих дач вмонтированы подслушивающие устройства и с помощью них...

— Что, во всех правительственных дачах?! — не выдержал Турецкий.

Глава ведомства госбезопасности благоразумно промолчал.

— Да это же «Уотергейт»! — простонал Школьников.

— Заткнитесь, майор. Ничего подобного, это не «Уотергейт».

— Вот как?! — Школьников настойчиво нарушал субординацию. — И чем же это отличается от «Уотергейта»?!

— «Уотергейт» был в США.

После столь конструктивного обмена мнениями директор внес следующее предложение:

— Есть такой вариант... Провести анализ мочи.

— Какой мочи?! — простонал Школьников.

— Да не твоей. Мочи из дачи, чтобы определить, жив ли министр. Мне звонил Президент, он очень обеспокоен этим делом.

Турецкий переглянулся со Школьниковым и промолчал. В носу, как водится, засвербило.

В конце концов, почему бы не проверить мочу? Но к коллектору подобраться так и не удалось.

К этому времени милицию и ФСБ телезрители уже достали предложениями, как попасть в дом, не

нанеся вред заложнику, среди которых были достаточно экстравагантные, например, снять крышу с дачи при помощи вертолета. Или подсыпать в водопровод снотворное.

Ночью, чтобы лишить террориста сна, на полную мощь транслировались завывания сирен, грохот поезда, шум моторов, крики... Но все — безрезультатно.

Были насыпаны брустверы. Каждые три часа прибывали пожарные машины, которые через сверхизолированные шланги запускали в дом слезоточивый газ. А также дым и потоки воды. И только на второй день, когда все средства убеждения и психологического давления исчерпались, было принято решение о штурме. Рано утром подогнали мощный кран, который стал разрушать верхний этаж с помощью массивной чугунной «бабы». Штурмовой отряд, получивший приказ не использовать огнестрельное оружие, ворвался в дом. Один спецназовец был ранен остатками строительного мусора, падавшего с верхнего этажа. Под ними же оказался заживо погребен заложник, министр юстиции Российской Федерации. Когда тело министра наконец извлекли, признаков жизни он уже не подавал. Кроме министра из-под обломков достали полузадохшегося ангорского кота.

Задержанный террорист был цел и сопротивления не оказал. При нем были обнаружены документы на имя швейцарского гражданина Алекса Миля.

Школьников, непрерывно округляя глаза, снимал допросы этого заграничного чуда на видеокамеру. Турецкому очень хотелось верить, что вот, появился все-таки хоть один народный мститель, пусть даже швейцарский народный...

— Почему вы захватили министра юстиции?

— Я не брал его в заложники. Я просто связал его, а тут как раз вы примчались с целой армией. Откуда я мог знать, что это не его собственное подкрепление?

— Хорошо, почему вы связали его?

— Он бросил в меня стаканом только из-за того, что я заговорил о его собаке.

Турецкий не поверил своим ушам. И все-таки возразил:

— Но люди всегда защищают своих собак.

— Я сказал ему: прекратите ее бить!

А когда Миль узнал, что его любимый кот Людовик XIV все-таки не выжил, он сказал:

— Мне теперь все равно.

— Вы признаете себя виновным в убийстве Аллы Ракитской?

— Да. Только, ради бога, не курите так много, это вредно для окружающих.

— Расскажите все по порядку.

БИОЛОГ

— Вечером 23 февраля, в День Советской Армии, между прочим, или как там теперь у вас, в День защитника Отечества, в гостинице «Белград» я надел перчатки и, взяв на руки Людовика, почесал его за ушком. Кот лениво замурлыкал.

— Хороший котик, — ласково произнес я, и Людовик, мгновенно ошестинившись, вцепился когтями в кожу перчаток.

— Молодец, умница...

К Людовику снова вернулась ленивая истома, и он развалился на моих коленях, предлагая почесать свой пушистый живот.

Я извлек из тайника ампулу. На этот раз я выбрал сильный яд, получаемый сгущением экстрактов из чилибухи и других растений семейства логаниевых, который в просторечье зовется ядом кураре и при попадании в кровь оказывает нервно-паралитическое действие. Когда-то это зелье использовалось туземцами Южной Америки для изготовления отравленных стрел.

Я повторил свой опыт с перчатками.

— Хороший котик...

Людовик снова, услышав команду, мгновенно озверел и передними лапами впился в кожу. Не давая ему высвободить когти, я смазал их раствором яда и отобрал перчатку.

Когти опять спрятались в пушистые подушечки. Любая нормальная кошка после такой процедуры принялась бы вылизывать лапы, но мой Людовик не был обычным котом! Услышав от хозяина «нельзя», он тут же забыл о врожденной кошачьей чистоплотности и задремал.

Между прочим, по мнению многочисленных исследователей, кошки очень слабо поддаются дрессировке, но элементарным вещам их все же можно научить. Ибо, как сказал кто-то из классиков (не Куклачев!), кошка, однажды севшая на горячую плиту, больше не сядет на горячую плиту, но и на холодную тоже. И Людовик усвоил с рождения, что, лизнув лапу после слова «нельзя», он обязательно угостится скипидаром, а после «хорошего котика» его ждет встреча с тумаканами.

Я подъехал к дому Ракитской вечером. Аккуратно приклеил себе пышные усы и бороду. Надел перчатки и осторожно вынес из машины Людовика, прикорнувшего на переднем сиденье. С котом на руках я поднялся на третий этаж и позвонил в квар-

тиру адвокатессы. Дверь слегка приоткрылась, и на пороге появилась Ракитская в шелковом халатике, расшитом огнедышащими драконами.

— Извините, ради бога, — начал я, — я был на сеансе, спускался, а это очаровательное создание сидит у вас на коврикe и так жалобно мяукает. Это, наверное, ваш красавец.

Ракитская открыла дверь пошире. Я рассчитал все точно, любительница кошек не сможет равнодушно отнестись к такому экземпляру! Она протянула руки и потрепала Людовика по шелковистой переливающейся шерстке. Биолог открыл было рот, чтобы произнести кодовую фразу, но Ракитская ровным образом опередила его и сделала все сама:

— Какой хороший котик...

Этого было достаточно. Кот, зашипев, вонзил когти в ее запястье. Женщина вскрикнула и отступила, закрывая дверь:

— Сожалею, но это не моя кошка...

В этот момент в прихожей появилась пепельная сиамская красавица, грациозно выгибая спину и топорща хвост.

— Ради бога, извините, — сказал я, обращаясь к уже захлопнувшейся перед моим носом двери, — пойду спрошу у соседей, возможно, это их сокровище...

— Что же было дальше? — спросил Турецкий после паузы.

— Кто знает? — риторически спросил Миль. — Очевидно, Ракитская обработала глубокие царапины спиртом и, почувствовав легкое головокружение, отправилась спать...

— От кого вы получили задание убить Ракитскую?

— От того же, от кого и все остальные, — пожал плечами Миль. — От министра юстиции.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы с ним встретились впервые.

ДУРЕМАР

Дуремар познакомился с Милем осенью девяносто первого, находясь тогда в двух ступенях от нынешнего положения в государственной иерархии, в должности одного из трех заместителей министра и секретаря парторганизации министерства. Последнее обстоятельство отягощалось тем, что в момент путча он сориентировался на сутки позднее, чем следовало, и имел все шансы сойти с дистанции. Но не сошел. Карьеру министр начинал в госбезопасности, в центральном аппарате, кабинетным работником в подразделении, курирующем исправительную систему. К возрасту тридцати семи лет в начале восьмидесятых в родном ГБ ему ни больших, ни средних чинов не светило, и он ухватился за предложение перейти в Министерство юстиции, где был обещан рост по партийной линии.

В свои критические дни той осенью он, как обычно, «курировал» вопросы «социалистической законности» в Северокавказском регионе, где ее и в помине не было даже в былые стабильные времена. В ноябре в Москву из подведомственных ему мест приехал весьма влиятельный человек, за которым стояли собственные вооруженные формирования. Из двух страшно далеких от своего народа людей — бывшего Президента СССР и будущего Президента России этот человек выбрал последнего, так как их

ближайшие цели — поменять власть, были более созвучны.

Кто-то в недрах КГБ, сохранявший верность главе Союза, посчитал, что кавказца следует убрать. Операция была задумана масштабно: в конце концов, обвинить в смерти уважаемого человека непосредственно российское руководство. Акцию поручили группе Биолога, и Биолог, как всегда, справился с самой сложной частью, но его подчиненные, прикрывавшие отход шефа, по оплошности ли, то ли, как обычно, вследствие чьих-то интриг допустили прокол. Милю по законам жанра надлежало немедленно отойти в мир иной как человеку, который слишком много знает. В ту же пламенную когорту слишком много знающих попал и гэбэшник из свиты покойного, закадычный друг Дуремара еще со времен студенческих попоек. Он сразу почувял, что потянуло могильным холодком, и примчался к старому приятелю за помощью. Будущий министр юстиции Дуремар оценил перспективность момента. Смог выйти на сторонников новых властей в комитете и даже лично принял участие в предотвращении устранения Биолога. На Миля он тогда возымел дальние планы, добился увольнения в запас и помог перебраться в Швейцарию, пока всем было не до того. А сам, уже в январе девяносто второго, стал первым заместителем министра юстиции.

УТКИН

Он по-прежнему чувствовал себя скверно. Продолжал ходить на работу, с отсутствующим видом сидел в своем кабинете, машинально перекладывал с места на место бумаги в своем кабинете и непре-

дворниками работаете. Моя отставка? Тогда зачем было замалчивать дело, вполне подходящий повод... — «Сколько живу на свете, никогда так не злился, отвратителен сам себе. Знал же, знал, что этим кончится, но, как идиот, надеялся... как слепой котенок...»

— Нет, Иван Сергеевич, вы нас не так поняли, в данный момент ничего конкретного от вас не требуется. Мы хотим сделать вам довольно выгодное предложение. Ситуация спорная, вы можете согласиться, а можете и отказаться, и наш общий друг пытается использовать загадочные обстоятельства смерти вашей знакомой в качестве аргумента, способного вас убедить. Но если вы успокоитесь и выслушаете все внимательно, я думаю, вы согласитесь. Вы же разумный человек.

— Я обратился в слух, — съязвил Уткин и только тут заметил, что кровь из царапины на ладони капает на светлые спортивные брюки.

— Речь идет о вашем сотрудничестве с некой довольно могущественной организацией, так сказать, системой в системе...

Уткин вопросительно уставился на него.

— Неужели опять путч? — устало спросил он.

— Что вы, — вяло махнул рукой замминистра внутренних дел, — никаких серых кардиналов, государственных переворотов и прочей политики. Если вы успели заметить, на этой кухне собрались руководители всех ветвей системы правосудия в нашей стране, правда, Генеральный прокурор отсутствует, но, я вас уверяю, он мысленно с нами. Вот о системе правосудия и идет речь.

Зам, произнося речь, оскалался практически неподвижен, упершись взглядом в переносицу Уткина, а сосед за него молча жестикулировал. В конце

концов соседу надоело слушать эти обстоятельные увещевания, и он взял инициативу на себя:

— Короче, окружающий бардак тебя должен угнетать. По своему положению ты просто вынужден стать частью структуры, которая действует, возможно, нестандартно, но гораздо более эффективно, нежели государственная машина. И опять же по своему положению ты можешь рассчитывать на кресло в совете директоров.

Уткин не верил своим ушам. Наивно, конечно, было предполагать, что повальная коррупция существует только в Италии, но чтобы в России с ее извечной анархией и расхлябанностью, когда каждый гребет под себя, самозародилась организация, аналогичная итальянскому «спруту»?!

— А членский билет мне дадут? — осведомился он, не скрывая сарказма.

Сосед налил себе еще водки и заглянул в холодильник, надеясь, что грибочки там все-таки есть.

— Ты, конечно, можешь устроить скандал и послать нас к черту, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а возможные последствия просто неограниченны, но можешь сказать «да» и неплохо себя после этого чувствовать.

— Жизнь вообще полна сложных выборов, — философски заметил замминистра.

— Никто не заставляет тебя становиться изменником и предателем, продолжай исполнять свой долг, — наседал сосед, наклонившись к самому лицу Уткина. — Но иногда, уверяю тебя, очень нечасто, тебе придется всего лишь проявить излишнюю принципиальность.

Уткин закурил и, слишком резко затянувшись, закашлялся.

— Освободись от этого.

— От чего? — Иван Сергеевич, пытаюсь справиться с кашлем, схватил со стола стакан и, сделав большой глоток, закашлялся еще сильнее. В стакане была водка.

— От курения. И от приглушенного бешенства, которое грызет тебя, жизнь прекрасна и удивительна.

— Он прав, Иван Сергеевич, это только кажется, что все кончилось, на самом деле все еще только начинается. Когда меня поставили перед таким же выбором, я даже хотел застрелиться, но вовремя одумался, и теперь, как видите, со мной все в порядке.

«А это мысль, — подумал Уткин, — спасибо, что подсказали, застрелиться — и все, не станут же они ворошить это все после моей смерти».

...Застрелиться он не смог: поднес пистолет к виску, но нажать на курок не хватило мужества. Не смог даже снять оружие с предохранителя.

МИЛЬ

«Днем, 23 февраля, спокойно пообедав в ресторане гостиницы «Белград», я отправился в Домодедово на рекогносцировку, плавно перетекающую в акцию. Базу я организовал в автомобиле в километре от объекта; слава богу, теперь в Москве, как в любом порядочном городе, можно взять машину напрокат. В «секонд-хенде» приобрел экипировку, вполне подходящую для инженера-бюджетника средних лет без дополнительных источников дохода. Затем — в двух оптиках — контактные линзы минус семь и очки плюс семь. Надетые одновременно они позволяли видеть нормально, но толстенные сильные дальнозоркие очки искажали черты почти

до неузнаваемости. В особенности учитывая, что на лоб надвинута шапка, подбородок закутан в шарф и окуляры составляют единственную видимую часть лица.

В образовавшемся после переодевания чучеле меня выдавала лишь одна деталь — собака. Впрочем, объективности ради надо признать, что она в полной мере соответствовала облику своего хозяина. Я выбрал на Птичьем рынке самую отвратительную и беспородную образину. Уступила ее по цене проезда на метро взбалмошная нервная женщина лет сорока пяти. Я еле отделался от нее: гналась метров двести, пытаюсь даром впихнуть еще трех четвероногих страшилок.

— Они так любят друг друга! Они совсем ничего не едят! А как они чувствуют скопления темной энергии!

Насчет еды бывшая хозяйка Муси (так называлось это чудище), без сомнения, была права — животное достаточно долгое время совсем ничего не ело. На батон у меня под мышкой оно, вернее, она не могла смотреть спокойно, хотя предназначался он по первоначальному замыслу не для утробных нужд, а для завершения картины идеально безобидного человека.

Выгуливая вокруг трехэтажного особняка Сенатора Мусю, имя которой без ее ведома было расширено до Марии Стюарт, я обнаружил все необходимое для выполнения задания: почтовый ящик и водопроводный люк. С последним повезло: он был сильно приподнят над землей, торчал из-под снега.

Во дворе шатался замерзший, но бдительный охранник. Обойдя дом, я разорвал полиэтиленовый пакет с запаянной в него сарделькой, дал понюхать ее Мусе, едва не потерявшей сознание, и забросил

— От чего? — Иван Сергеевич, пытаюсь справиться с кашлем, схватил со стола стакан и, сделав большой глоток, закашлялся еще сильнее. В стакане была водка.

— От курения. И от приглушенного бешенства, которое грызет тебя, жизнь прекрасна и удивительна.

— Он прав, Иван Сергеевич, это только кажется, что все кончилось, на самом деле все еще только начинается. Когда меня поставили перед таким же выбором, я даже хотел застрелиться, но вовремя одумался, и теперь, как видите, со мной все в порядке.

«А это мысль, — подумал Уткин, — спасибо, что подсказали, застрелиться — и все, не станут же они ворошить это все после моей смерти».

...Застрелиться он не смог: поднес пистолет к виску, но нажать на курок не хватило мужества. Не смог даже снять оружие с предохранителя.

МИЛЬ

«Днем, 23 февраля, спокойно пообедав в ресторане гостиницы «Белград», я отправился в Домодедово на рекогносцировку, плавно перетекающую в акцию. Базу я организовал в автомобиле в километре от объекта; слава богу, теперь в Москве, как в любом порядочном городе, можно взять машину напрокат. В «секонд-хенде» приобрел экипировку, вполне подходящую для инженера-бюджетника средних лет без дополнительных источников дохода. Затем — в двух оптиках — контактные линзы минус семь и очки плюс семь. Надетые одновременно они позволяли видеть нормально, но толстенные сильные дальнзоркие очки искажали черты почти

до неузнаваемости. В особенности учитывая, что на лоб надвинута шапка, подбородок закутан в шарф и окуляры составляют единственную видимую часть лица.

В образовавшемся после переодевания чучеле меня выдавала лишь одна деталь — собака. Впрочем, объективности ради надо признать, что она в полной мере соответствовала облику своего хозяина. Я выбрал на Птичьем рынке самую отвратительную и беспородную образину. Уступила ее по цене проезда на метро взбалмошная нервная женщина лет сорока пяти. Я еле отделался от нее: гналась метров двести, пытаюсь даром впихнуть еще трех четвероногих страшилок.

— Они так любят друг друга! Они совсем ничего не едят! А как они чувствуют скопления темной энергии!

Насчет еды бывшая хозяйка Муси (так называлось это чудище), без сомнения, была права — животное достаточно долгое время совсем ничего не ело. На батон у меня под мышкой оно, вернее, она не могла смотреть спокойно, хотя предназначался он по первоначальному замыслу не для утробных нужд, а для завершения картины идеально безобидного человека.

Выгуливая вокруг трехэтажного особняка Сенатора Мусю, имя которой без ее ведома было расширено до Марии Стюарт, я обнаружил все необходимое для выполнения задания: почтовый ящик и водопроводный люк. С последним повезло: он был сильно приподнят над землей, торчал из-под снега.

Во дворе шатался замерзший, но бдительный охранник. Обойдя дом, я разорвал полиэтиленовый пакет с запаянной в него сарделькой, дал понюхать ее Мусе, едва не потерявшей сознание, и забросил

во двор. Зайдя с фасада, я отпустил поводок. Собака рванула через калитку за добычей, к крайнему неудовольствию стража.

— Эй ты, дох! А ну живо забирай эту тварь и валя отсюда!

— Муся, Муся, ко мне, ко мне! — запричитал я, галантно (надеюсь) изобразив смертельный испуг.

Охранник слепил снежок и запустил в собаку. Потом отыскал в снегу палку и бросился прогонять незваную гостью.

— Ша я тебя!

Я незаметно опустил в ящик конверт и воткнул рождественский проспект, так чтобы он бросался в глаза, — нынче исчезла традиция регулярно вынимать почту. Затем пристегнул испуганную цытомичу, спасающуюся бегством от неласкового хозяина, и отправился прочь. Отойдя на почтительное расстояние, я обернулся и крикнул назидательным тоном:

— Животных нужно любить!

Вернувшись в машину, я первым делом снял оптику, линзы с непривычки сильно мешали, потом накормил честно обработавшую свой хлеб Марию Стюарт. Затем облачился в робу, слегка извожил лицо гирьку и, прихватив инструмент с лестницей, вновь двинулся к особняку Сенатора.

Охранник смотрел сквозь «сантехника» так, как будто тот был прозрачен. Почту он тоже пока не заметил. Я спустился в ящик, перекрыл вентиль, подающий воду в дом, и принялся энергично сверлить дырку в трубе. Справившись с работой, я надел хирургические перчатки, извлел из кармана ампулу под номером два, содержащую пастообразную массу, нанес содержимое на тряпку, свернул в тру-

бочку и затолкал ее в отверстие. Конец зафиксировал снаружи, чтобы не унесло течением. Наложил на дырку муфту и пустил воду, — в итоге вся операция заняла меньше пяти минут. Состав теперь будет потихоньку растворяться в течение суток.

Далес можно предположить, что через несколько часов письмо, наверное, на всякий случай уже распечатанное охраной, попало на стол к Сенатору. Внутри неподписанного конверта находится сложенный и заклеенный по краям листок с надписью: «Г-ну Сенатору. Вскрыть лично». Выполнив предложенную процедуру, Сенатор должен был прочесть немногословное послание: «Низложен». Текст дополнял рисунок, изображающий череп с перекрещенными костями. При внимательном рассмотрении кости походили на две руки, изображающие один и тот же неприличный жест. Надпись и рисунок были выполнены не шариковой и не наливной ручкой, а скорее чем-то напоминающим штемпельную мастику. Потрогав ее рукой, Сенатор должен был слегка испачкаться, после чего, наверно, выругался и отправился мыть руки. «Какая гнида могла прислать эту дрянь? — вероятно, обдумывал Сенатор, направляясь к умывальнику. — Наверняка кто-то из своих. Чужие постарались бы усыпить бдительность и прихлопнуть из-за угла. А на кой своим светиться?» — Сенатор открыл кран. — Ждут, что я начну психовать, устрою чистку. Тогда под шумок можно меня убрать и сесть на мое место! Хрен вам! Сопляки!»

Вот, собственно, и все. Сенатор почувствовал зуд в ладонях, через несколько секунд появилась резь в глазах и в носу, потом страшно закружилась голова... Возможно, он хотел позвать на помощь, но

не успел. А может, и успел позвать, да все равно было поздно.

Письмо было написано, естественно, не штемпельной мастикой, а веществом из ампулы номер один. Само по себе оно практически безвредно, как и состав в ампуле номер два. Сильнодействующий яд получается при их смешивании — принцип, часто применяющийся в так называемых бинарных химических боеприпасах.

Алекс Миль. 28 февраля 199...

ТУРЕЦКИЙ

28 февраля, поздний вечер

Грязнов возлежал в персональной палате.

— Вячеслав Иванович, — пропела совсем юная медсестричка, приготовив шприц, — раз вы все равно не спите, то пора!

Слава вздохнул, с видом приговоренного повернулся на бок и спустил пижамные штаны. Медсестричка очень лихо и с видимым удовольствием сделала свою работу и, стрельнув глазами в сторону Турецкого, покинула палату.

— Ты знаешь, — поделился Грязнов, потирая мягкое место, — у меня уже все было бы более-менее в порядке, если б не обезболивающие уколы. Мне их лупят два раза в сутки и все время в задницу! Я сидеть уже не могу. Причем колют такие девицы, ты бы видел! Вначале была только одна, а остальные сестры — пожилые. Так эта хитрюга, наверно, передала всем девицам в отделении, что лежит мужик не старый еще, ну и они повадились задницу начальника МУРа разглядывать! Главное, я сперва не по-

нимал, что происходит, думал, так и надо. А оказывается, они инициативу проявляют! Если б не чертовы уколы, я бы уже был в полном порядке.

— Судя по тому, что я видел, ты не очень-то сопротивляешься.

— Что там у тебя в сумке? — Грязнов сделал вид, что не расслышал.

— Апельсины я купил по дороге, а это чего-то Ирка испекла. Кладу в холодильник. А вот от Меркулова велено было вручить «в собственную длань». — Он положил какую-то коробочку на тумбочку. Ну и... кое-какие новости.

— Ладно, рассказывай, не тяни резину.

— Ты еще помнишь, с чего все началось?

— С картинок в твоём букваре, — буркнул Грязнов.

— Верно, с внутреннего расследования по Сафронову и с гибели криминалиста, который на него стучал. Но тогда на Каширском шоссе было два трупа, и неопознанный парень был в неопознанном «БМВ». Так вот могу тебя обрадовать: эта машина, как и твоя, — одного поля ягоды. Они обе были из фонда совета директоров, который предполагалось пустить на частичное обеспечение спортивной лотереи.

Итак, пункт 1. Мы знаем наверняка, что Бойко послал своих людей с деньгами для Сафронова, это удалось извлечь из его бумаг, причем датированных днем гибели Сагайдака. Но что, если эти его убийцы ехали не к Сафронову, а от него, то есть деньги передал сам Сафронов для кого-то другого, того же Бойко?! Почему ты так заиклился на мысли, что все деньги должны были приходить к этому хапуге? А может, иногда случалось и наоборот? И это именно такой случай.

— Идея оригинальная, даже красивая. — Грязнов скривился. — И настолько же бесполезная. Поэтому что этих ребят послал твой разлюбезный Бойко. И они имели только одну радикально простую цель — прикончить Сагайдака, чтобы тот не засветил Сафронова раньше времени.

— Ладно, убедил. Тогда пункт 2. Тещу Лозинского умертвил именно Кротков. Косвенная улика — сам знаешь, бутылка редкой водки, которая во всей столице в это время имелась лишь в ресторане «Ореховый», являвшемся практически кротковской вотчиной. А прямая — уже есть его признание.

— А метод убийства, который избрал Кротков?

— Не Кротков, а минюст.

— Кто?

— Так его Кротков называет — министр юстиции, это была его идея. И теперь понятно почему. Планируя в ближайшем будущем привлечение к «работе» по развалу домодедовской группировки бывшего ликвидатора КГБ, он хотел как бы загодя оставить его следы. Манипулируя двумя парами чужих рук, этот сукин сын имитировал одного убийцу.

— А Кроткову, конечно, в голову не могло прийти, что его, так сказать, крестный отец, на определенном этапе может стать его же антагонистом. Он смог разглядеть только Бойко.

— И только потому, что подполковника Бойко подставил ему минюст! Кстати, этот сукин сын заговорил только после того, как я его свозил в морг и показал тело минюста, представляешь? На фотографии его трупа он даже смотреть не хотел, липа, и все тут! А вот, говорит, увижу своими глазами, может, какое-то просветление в мозгах и начнется. Немудрено догадаться, откуда все эти его выбрыки

то с убийством Уткина, то папы римского. Минюст был отменный кукловод, он и в СИЗО Кроткова легко доставал. И именно по его команде Кротков нес весь этот бред. Но вернемся назад. Минюст ведь тогда, между прочим, попал в точку. «Одинаковый» почерк убийства тещи Лозинского и судьи Уткина здорово заморочил нам голову. Мы предположили, что действовали два несвязанных друг с другом киллера. А поскольку мы в некоторый момент уже вычислили весь этот мудреный алгоритм действия совета директоров, в котором Кротков и минюст находились на разных полюсах, то никому и в голову не приходило, что они были хорошо знакомы в недавнем советском прошлом. Один активно продвигался по партийной линии, другой — по комсомольской. Минюст, таким образом, убивал двух зайцев: во-первых, приближал к себе на расстояние вытянутой руки недвижимость Лозинского, во-вторых, на всякий случай, впрок, подставлял Кроткова.

— Но не кажется ли тебе, дорогой Ватсон, версия о связи Кроткова и минюста несколько надуманной?

— Не кажется, любезный Холмс. Мы нашли в записной книжке Кроткова описание и номер твоей машины, понимаешь, что к чему? Он охотился за тобой на машине, о которой мог узнать только... от кого, по-твоему? Не от мертвого же Сенатора. Только от минюста.

— Вот это да! А я был уверен, что Кротков стрелял в тебя.

— Нет-нет, что ты. Ты всецело заслужил свои две пули, и я тут ни при чем.

— Это, конечно, несколько утешает... Но откуда Кротков знал о новеньком «БМВ»?

— А вот это уже пункт № 3. Зельдович раздавил твоё ружьё по приказу замминистра МВД.

— Ты сдурел? Подумай сам, это же полная ахинея.

— Точно, — засмеялся Турецкий, — я слишком упрощаю. Сегодня Зельдович наконец раскололся. Он сказал, что получил от замминистра команду любым способом направить тебя в его магазин.

— Чей магазин?!

— Оружейный магазин с оригинальным названием «Не Помню Как Называется» принадлежит зятю замминистра. И выигрышный лотерейный билет поджидал тебя там самым фатальным образом. В сущности, это был для них наиболее короткий путь привести тебя к новенькой машине. Но не переживай, если б эта затея и сорвалась, тебе воткнули бы билет в другом месте, скажем в булочной.

— Хорошо, — пробурчал Грязнов. — В конце концов, ты и эту тачку разделал под орех... Хотя что хорошего? Да, но нож, появившийся в твоём сейфе?! Как ты его объясняешь?

— Никак не объясняю. Глупость и пижонство. Можно лишь предположить, что ножик из оружейного магазина подбросил Бойко, это ясно. Зачем? Чтобы подставить Зельдовича. Мы выяснили, что существует совет директоров, и теперь попытаемся все произошедшие события уложить в его прокрустово ложе. Но ведь далеко не все так однозначно! И под эгидой совета директоров действуют живые люди, которые находятся вовсе не в идеальных отношениях друг с другом. Пришлось, правда, попытаться, копаясь в их личных делах, но зато мы установили, что десять лет назад они работали в одном отделе и были в весьма приятельских отношениях, пока Зельдович не отбил у Бойко любовницу, на которой

впоследствии благополучно женился. Подожди немного, я схожу выкурю сигарету.

— Да какого черта, — возмутился Грязнов, — дыми здесь. И дай мне заодно. Задрали уже этим карантинном.

— Двигаем дальше, — индифферентно продолжал Турецкий. — Дальше — пресловутый рейтинг.

— Неужели ты раскопал САГ «Аист»?! И как же это переводится? Семен Абрамович Гринштейн? Или семейная ассоциация гомосексов?

— Гораздо банальней: статистико-аналитическая группа. Сидят себе спокойно в офисе на компьютерах два очкарика и вооруженные несколькими замысловатыми формулами постоянно обрабатывают поступающую информацию...

— Да какую информацию?! Откуда?!

— Вот именно, это самое интересное и, на мой взгляд, гораздо важнее, чем сам «Аист»! «Аист» — это всего лишь верхушка айсберга, вроде подполковника Бойко. Совет директоров умудрился организовать бесперебойный сбор информации по всем инстанциям правопорядка обо всех значительных делах, находящихся в стадии расследования или судопроизводства.

— Но это же... десятки и сотни только по одной Москве?! И значит... у них везде свои соглядатаи?!

— А им в основном Москва и нужна. Остальное, знаешь ли, приложится. Короче говоря, структура, которая этим занимается, — целый НИИ своеобразной мафиозной разведки. Но если я не ошибаюсь и правильно вычислил общую схему, то те клерки, которые занимаются сбором информации, даже не подозревают, что являются мафиозным придатком и на полном серьезе полагают, что служат, допустим, в ФСБ, ГРУ или где-то еще. Слава, это

грандиозный, тотальный обман! Школьников, кажется, до сих пор не вполне верит в такой поворот.

— Немудрено. Слишком крутой поворот, — пробормотал Грязнов. — Но неужели они действительно все про нас знают?!

— Пока я не узнаю, кто «они», не смогу ответить на этот вопрос. Зато уже сейчас могу авторитетно заявить, что позиция врио начальника МУРа стремительно падает.

Грязнов терпеливо ждал объяснений.

— Все предельно просто. За время, так сказать, нераскрываемости преступлений рейтинг прямо пропорционально уменьшается. Как только ты его раскрываешь — тебе плюс. Если дело получает резонанс в средствах массовой информации, его рейтинг растет. Если следователю определенное время не поручается важных дел — рейтинг падает. Есть еще индексации и надбавки.

— Ты серьезно?!

— Вполне. Они могут быть, если дело поручается межведомственной группе.

— Ого, значит, у тебя есть шанс подняться на несколько ступеней!

— Возраст, звание, зарплата являются отрицательными факторами. Но они же влияют и на увеличение рейтинга. Время, потраченное мной на расследование, моя квартира, наличие машины и прочих материальных факторов, способных оказывать как психологическое, так и практическое на него влияние, — все это учитывается!

— Да, немудрено, что твой рейтинг был гораздо ниже сафроновского. Он-то свои «дела» щелкал как орехи. Платные — налево, бесплатные — направо... Но зачем это все?

— Как — зачем, неужели ты не понимаешь?! Они вычисляли для себя потенциальные кадры!

— Ладно, расскажи, что ты нарыл у этого минюста?

— Собственно, ничего! Все наши сведения — это показания Миля и Кроткова. Единственная пока находка — свидетельство об усыновлении минюстом Владлена Ширинбаева. За каким чертом ему это понадобилось — понять невозможно. Слишком сложный путь, чтобы получить небольшой особняк под Москвой и пару земельных участков по двадцать соток, которые Лозинский отписал своей теще.

— И что этот охотник за даунами сделал с парнем?

— Ничего извращенного. Сдал в другую психушку, под другим именем. Гуманно, на своем уровне. Кстати, довольно смешно, я вспомнил, что минюст письмо, сообщающее о наличии у Ширинбаевой сына, адресовал так: «Господину Лозинскому, на околоземную орбиту». Как в воду смотрел.

— Так ты считаешь, наш космический банкир имел к этому совету директоров непосредственное отношение?

— Трудно сказать, в какой степени, твой бывший шеф — замминистра утверждает, что видел его лишь несколько раз, так сказать, на заре основания совета директоров, он еще вспомнил, что Лозинский тогда пошутил и к названию своего банка — «Артельбанк» добавил букву «К», получилось «Картельбанк», «Картель»... Но то, что все хитроумные финансовые операции пропускались через Лозинского, — вне всякого сомнения. И представь себе, что до сих пор наш прилежный Школьников ничего не нарыл в этом направлении, все оказалось слишком явно подчищено. Он говорит, такое впечатле-

ние, что кто-то вырезал целый кусок финансовой отчетности «Артельбанка» и «деловых» бумаг совета директоров, а потом склеил обрезанные концы между собой. Если Лозинский состоял в этом «Картеле», то наверняка фиксировал все от «А» до «Я», чтобы в крайнем случае воспользоваться этим материалом в случае чрезмерной агрессии своих соратников...

— Тебе нужно срочно связаться с этим ЦУПом, — прервал Слава, — Центром управления полетами. Вполне возможно, что отлет Лозинского в космос — очередная мистификация, просто прикрытие.

— Я это уже сделал. Он здорово нас провел. В космосе действительно Лозинский, только совсем другой. Оказывается, в отряде космонавтов был его однофамилец, который и находится сейчас на орбите. А наш банкир, видимо, просто купил кого-то в пресс-центре и запузырил эту дезу.

— Ну и ну!

— Кстати, интересное совпадение. И у Кроткова, и у Бойко были обнаружены какие-то графики. Кротков, тот особенно ничего не скрывал, а вот записи министерского подполковника — тертый калач — пришлось подвергнуть некоторой дешифровке. Так вот, это было нечто вроде черновиков отчета слежки за Лозинским. Причем по времени они нигде ни разу не пересекались, а абсолютно точно, без малейших зазоров дополняли друг друга! Как будто сменщики. Учитывая, что спарринг-партнерами они все-таки не были, какой ты вывод сделаешь, Славка?

— Гм... Скорее всего... Ну да, они работали на одного и того же человека, возможно, даже не подозревая друг о друге. До поры до времени.

— Согласен. Но что это нам сейчас даст? Получается, что Лозинский, решив удрать от недавних партнеров, спрятал все концы в воду, несмотря на то что постоянно находился «под колпаком». Единственный раз, когда ему дали пожить вольной жизнью, — это во время пресловутой калужской охоты... Хотя, судя по его рабочим записям, как раз в это время начиналась самая горячая пора финансовых операций и Крэйг вот-вот должен был пожать.

— То есть несколько странно, что он вдруг рванул на охоту? — сделал простой вывод Турецкий, ничего особенного не имея в виду.

Слава некоторое время переваривал сказанное.

— Да, пожалуй. А может быть, у него были какие-то интересы в Калуге?

— Исключено. Школьников сделал детальную карту всех его разъездов и переговоров за последнюю неделю — всего того, с чем были связаны деловые интересы Лозинского. Никакой Калуги там нет и в помине...

Грязнов здоровой рукой покрутил радиоприемник, оттуда вырос низкий голос:

— По последним исследованиям, джипы представляют собой повышенную опасность на автодорогах. Вместе с микроавтобусами и пикапами количество этих машин составляет одну треть от общей массы транспорта. При столкновении же их и стандартных автомобилей число погибших водителей составляет один к шести. Это происходит оттого, что джипы не только гораздо тяжелее легковых автомобилей, но и выше их...

Снова заглянула молоденькая медсестричка:

— Извините, это вы Турецкий? К телефону.

— Дядь Саш, — это был Денис Грязнов. — Неудобно вас дергать из-за всякой чепухи... Но, может, это важно? Короче, это не моя машина.

— Не понял?

— Пригнали отремонтированную тачку, ту, что мы в лесу разбили, на охоте. То есть модель та же, номера мои, даже чехлы с сидений — мои. А сам джип — другой. Вы не думайте, я не жалею и не возражаю, просто понять не могу — зачем?! Да, чуть не забыл, а как там мой родственник себя чувствует?

— Черт возьми! — подскочил Турецкий. — Ну конечно! Слава, я умчался, потом все объясню!

После мгновенного исчезновения приятеля Грязнов машинально повертел коробочку «от Меркулова», открыл. Внутри лежали кварцевые часы «Слава».

28 февраля, ночь

Двое калужских коллег Школьников — местные эфэсбэшники, показывая дорогу, схали впереди. Турецкий, Денис и Семен Школьников сидели в «Москвиче» последнего. Ему самому эта ночная вылазка за две сотни километров от Москвы пришлась явно не по душе. Школьников был весьма недоволен, что Турецкий, ничего не объясняя, пригнал их сюда, едва лишь узнав, что племяннику его приятеля подменили машину, да еще заставил поднять на ноги калужскую спецслужбу, перед которой была поставлена сверхоперативная задача — найти до приезда «Пантеры» джип Дениса Грязнова. Впрочем, выяснилось, что с этой задачей справился

бы и ребенок: джип продолжал преспокойно находиться на стоянке автосервиса, куда его отогнали после приснопамятной охоты.

— Вот она, моя, — сразу узнал Денис, показывая рукой, что было, в сущности, немудрено, — других машин на стоянке не было.

— Молодежь нынче привередлива, — проворчал Школьников бог знает в который раз и заглушая двигатель.

Не успели они выйти из машины, как невдалеке раздался мерный приближающийся шум. Школьников ожил, поглядывая на Турецкого с нескрываемым восхищением: надо же как он вычислил.

Наконец из-за угла медленно выехала вишневая «мазда», если в такой темноте можно было рассмотреть ее цвет. Она проехала мимо и скрылась за поворотом. Сыщики вопросительно уставились друг на друга. Не успели они ничего решить, как все повторилось: нарастающий шум мотора и вишневая японская машина, выезжающая из-за угла. Приближающийся пучок фар на мгновение осветил пассажиров «Москвича». «Мазда» явно возвращалась.

— Они уже в третий раз проезжают, — не выдержал Денис.

— Один тебе приснился.

«Мазда» дотянула до угла и стала. В «Москвиче» случилось немое оживление.

— Подождем, не будем брать ее сразу, — предупредил Турецкий.

— Который час?

— Двадцать минут пятого.

Открылись обе передние дверцы, и показались две темные фигуры, за ними вылезла еще одна. Последний открыл багажник и стал что-то доста-

вать, тем временем его спутники двинулись к джипу.

— Берем их, начали! — скомандовал Турецкий, понимая, что рано или поздно он чихнет.

— Ни с места! — завопил Денис, предвкушая хорошую потасовку. — Всем стоять лицом к стене! — В считанные секунды он скрутил сразу двоих.

— Кто тут у вас основной? Что вы тут делаете, а?! Говорить правду! Кто вас послал? — наседал Школьников, с удовольствием размахивая «макаровым». — Куда вы должны были отвезти джип?!

— Мы машину увидели...

Турецкий посветил себе фонариком и увидел, как трое молодых людей, из них двое — совсем подростки, лет, наверное, не больше шестнадцати, испуганно прижались к стене.

— Какого лешего вам здесь надо? — удивился Турецкий.

— Кто вас прислал?!

— Да мы... мы только... — стали всхлипывать мальчишки, — мы колеса хотели... снять...

— Да никто их не присылал, — сказал Турецкий, — что, не ясно разве, посмотри на их руки.

Школьников последовал совету коллеги и увидел, что шпана притащила с собой домкрат. Сплюнул с досады и коротко приказал калужскому знакомому:

— Забери их отсюда... да пошевеливайтесь.

— Да в машине ничего нет, кроме карты Москвы, — проинформировал Денис, уже успевший быстренько осмотреть свой автомобиль.

— Смешься?! Да в ней — все. Отгоним в Москву и разберем на части.

1 марта, раннее утро

Юрий Мефодьевич Малинин, механик—золотые руки уже махнул на это дело. Не раз и не два он обслуживал своего давнего клиента Сашку Турецкого. Все его ломаные-чиненные «жигуленки» прошли через руки Мефодыча и всегда после ремонта художественно бегали. Но эта просьба была из ряда вон. Разобрать на части такую отличную машину в поисках неизвестно чего?! Мефодыч справедливо негодовал, даже несмотря на то, что сперва был весьма польщен выбором Турецкого, который уже как огня боялся всех ведомственных специалистов и потому ни свет ни заря обратился к своему давнему знакомому — Мефодычу, стало быть.

Вначале под его чутким руководством все дружно снимали колеса. Потом — сиденья. Обшарили багажник, разобрали двигатель, раскурочили переднюю панель, вытащили магнитофон. Сделали распил в бамперах, продырявили днище где только можно — и все бесполезно.

Денис ожесточенно снимал покрышки. Школьников уже задремал в углу. Мефодыч категорически порекомендовал прекратить бесплодные поиски.

— В эту машину никто не лазил, никаких тайников здесь нет, наркотиков — тоже, — он почему-то был твердо убежден, что Турецкий ищет героин.

— Да не верю я в это, Мефодыч. Наркотики, тьфу ты, какие наркотики?! Тайник в машине есть.

Еще полтора часа ожесточенных поисков в самых укромных местах ничего не дали. Джип был подвешен в воздух, а Турецкий стоял под ним, все-

рьез обдумывая вероятность его падения. Школьников примостился в углу мастерской

У Турецкого опустились руки. Неужели просчитался? Проклятая спешка. «Не осталось времени на ошибки»... Вот непраха.

Он вышел на улицу, достал сигарету и остановился под навесом, потому что начавшийся было снег превратился в надоедливый веселый дождь. Это становилось похоже на весну. Турецкий чувствовал себя усталым и немолодым. Он знал, что второе дыхание открывается, только когда идешь по правильному пути, и чувствовал, что начинает задыхаться. Гонка последних дней могла доконать кого угодно, но дело было не в этом. Иллюзия слаженной команды, интенсивной и эффективной совместной работы стремительно улетучивалась. Икрыть было нечем. Турецкий чувствовал себя игроком в покер, который был опозорен неудачным блефом. Он пошел ва-банк и потерял все, даже то, чего по сути и не оставалось, — остатки самоуважения в этой стремительной гонке с выбыванием.

— Денис, будьте добры ваш техпаспорт... — попросил вдруг дремавший, казалось, Школьников.

Турецкий удивленно следил за непонятными действиями Школьниковова. Денис, кажется, тоже не мог понять, куда тот клонит. Школьников тщательно изучил техпаспорт и вдруг спросил у Мефодьича:

— Сколько весит машина?

— Тысяча сто пятьдесят девять килограммов.

— Вы уверены?

— А чего тут думать, — резонно возразил чудослесарь. — Вот весы, вот машина. Одну на другое погрузишь — будет тысяча сто пятьдесят девять, снимешь — ноль целых ноль десятых.

— А по техпаспорту — тысяча сто пятьдесят. Разница в девять килограммов. Откуда они взялись?!

Все остоленели.

— Мефодьич, — взревел Турецкий, — ты все проверил?!

— Конечно, все, кроме панелей под дверьми, — признался Мефодьич, — не портить же тачку окончательно.

— Да срывайте их к ядерной фене, — возмутился Денис. — Это все равно уже на машину не похоже!

— Не бойсь, малец, — завелся слесарь с пол-оборота, тут уже было задето его профессиональное достоинство, — все восстановим в лучшем виде.

В шесть рук они кинулись свинчивать болты и за полминуты сорвали крепко приваренную первую панель. И в узких пазах первой же панели, открывшейся после этой деструктивной операции, были плотно втиснуты три черных полиэтиленовых пакета. Еще по три оказалось спрятано в остальных панелях. Турецкий с удовлетворением подумал, что в данном случае пресловутый закон Мерфи не работал: все папки в стопке были искомыми.

МЕРКУЛОВ

1 марта, утро

Четверка матерых мужиков угрожающе надвигалась на него. Турецкий чувствовал, что надо чихнуть, единственно в этом было его спасение, если он чихнет, то проснется и кошмар исчезнет, он хотел чихнуть и не мог, а четверо уже придвинулись к нему вплотную. Турецкий успел хорошо разглядеть длинный нос первого из них, узкие глаза второго, квадратные плечи третьего и обесцвеченные

волосы последнего, вдруг откуда-то взялся пятый, он схватил Турецкого за волосы и что-то заорал в ухо...

— Совесть поимейте, Сан Борисыч, — укоризненно сказал Семен Школьников ему прямо в ухо. — Спать прямо на рабочем столе...

В нормальном виде архив Лозинского с трудом поместился в двух немаленьких чемоданах. В первый отсортировали только старые документы трех-летней и более давности. В таком виде этот чемодан вполне мог быть одним из тех одиннадцати, которыми некогда вице-президент Руцкой фигурально размахивал в Верховном Совете, грозя разоблачить всех и вся. Но информация эта уже изрядно устарела, и Турецкого гораздо больше интересовало содержимое второго чемодана с документами за последние годы.

Бумаг был целый ворох, но они оказались строго систематизированы, и потому разобраться было несложно. Банкир составлял досье на каждого из своих коллег отдельно, однако документы были еще снабжены перекрестными ссылками, благодаря которым вырисовывалась единая и полная картина слаженных и целенаправленных действий.

Турецкий рассказал наконец соратникам перипетии той памятной охоты. Видимо, Лозинский хотел заставить Грязнова охранять его архив, но так, чтобы бравый муровский сыщик об этом ничего не знал, а другим членам совета директоров, — Дуремару в первую очередь — не пришлось в голову искать бумаги у Грязнова. Лозинский не мог придумать, как это сделать, пока не услышал, что Грязнов собирается на охоту. Остальное уже было делом техники. Плюс удачное (для Лозинского) стечение обстоятельств — поломанные машины.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что и волк был радиоуправляемым? — ехидно поинтересовался Меркулов.

— Не хочу, — честно признался Турецкий и снова занялся своей частью работы.

Школьников, проглотив выделенную ему стопку финансовых отчетов, переходил от одного из коллег к другому, заглядывая через плечо и подхватывая освободившиеся листки, Турецкий с Меркуловым поминутно вздыхали и переглядывались — они разбирали компромат на своего Генпрокурора и то и дело натыкались на знакомые фамилии. А вот мелькнул и сам Парламентарий. Складывалось такое впечатление, что лидеры «Картеля» были просто «обручены» с боссами преступного мира! Причем если сперва лидер финансовой группы Лозинский контролировал ситуацию и на какой-то момент даже прибрал к рукам правоохранительные ветви власти, то в дальнейшем минюст, почувствовав вкус к самостоятельным действиям, готов был уже съесть Лозинского и остальных «партнеров» с потрохами.

— Откуда Лозинский все это взял? — недоумевал Школьников, которому по молодости просто еще не приходилось видеть столько дерьма одновременно.

— У него везде свои ноздри, — философски объяснил Турецкий, — и они постоянно что-то вынюхивают.

Генпрокурор выглядел на фоне своих собратьев по бизнесу довольно бледно — его досье было самым тонким. Но зато чего стоило, например, распоряжение Оренбургской прокуратуре оказывать всяческое содействие Лозинскому в его финансовой и экономической деятельности в приграничных

территориях и, наоборот, не оказывать никакого содействия казахской стороне, осуществляющей грубые и беспардонные нападки на честного российского бизнесмена.

Или образец заботы о подорванном здоровье известного лидера псковской группировки Малагина.

— Как же, помню, Коля-Самосвал, — воскликнул Турецкий, почти обрадовавшись, увидев такое знакомое имя, — популярный даже в столице «авторитет». Санкция на задержание пришла тогда из его родного Новгорода. Классический тип отрицательного персонажа — ранее судимый за разбой, проходивший по нескольким уголовным делам о бандитизме, был руководителем банды, на счету которой десять убийств.

— Ну и что было дальше? — заинтересовался Школьников.

— Дальше? Документы пришли, Колю задержал РУОП на тридцать суток, и стали ждать конвой из Новгорода. И тут приходит в РУОП вот это письмо, — Турецкий постучал по листкам, украшенным визой Генпрокурора Российской Федерации, — с просьбой отменить этапирование Малагина, мол, нужно еще проверить законность задержания, и к тому же состояние подорванного здоровья Самосвала-Малагина вызывает серьезные опасения медиков. Хорошо бы, дескать, изменить ему меру пресечения на подписку о невыезде.

— А что со здоровьем у него? — поинтересовался Школьников.

— Засопливел, бедняга.

Турецкий передернул плечами: перед ним лежали еще штук десять подобных образчиков эпистолярного жанра.

— Это еще что, — помахал Школьников доклад-

ной запиской министра юстиции первому вице-премьеру правительства РФ. — Цитирую: «...хочу также обратить Ваше внимание на совершенно неудовлетворительное положение, сложившееся в стране, с содержанием заключенных в тюрьмах и других исправительных учреждениях, а также с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, конституционные права которых откровенно попираются.

Для решения этих и ряда других проблем и был основан Общественный фонд социальной и гуманитарной поддержки лиц, отбывающих наказание и освобожденных из мест лишения свободы. В задачи которого входит оказание материальной и гуманитарной помощи колониям, а также оказание содействия отбывшим наказание в трудоустройстве, приобретении жилья и пр.

Эта организация с ее неформальными методами способна действовать параллельно с государственными структурами и будет способствовать лишь укреплению авторитета власти...» И так далее, в том же духе еще три машинописные страницы. Здорово?!

Но кроме копии докладной записки в запасниках Лозинского хранилась еще и финансовая документация вышеназванного фонда.

Меркулов, казалось, был потрясен сильнее всех:

— Для уголовных «авторитетов» это фактически узаконенный воровской общак, в то же время для меценатов и филантропов — неординарная возможность прославиться и заработать бесплатную «крышу»... Хотя кому теперь интересно, что ты поддерживаешь молодые дарования в области живописи или балета, другое дело — бедные, несчастные

зски... А для «Картеля» легальный банковский счет для перевода денег за «заказанные» дела.

— Разумеется, финансовая отчетность держалась в строжайшей тайне. — постукировал Турецкий.

— Сан Борисыч. — бурно отреагировал Школьников. — О чем вы говорите? Чья финансовая отчетность?! И перед кем?! То, что львиная доля средств осела в карманах руководителей «Картеля», — априори, иначе на черта бы он им сидел?! Вы мне лучше объясните, это что такое? — Он потряс в воздухе очередным эксклюзивным документом.

Это было распоряжение замминистра внутренних дел о выделении отряда ОМОН для оказания помощи в сборе средств для фонда.

— То есть создали спецподразделение по выколачиванию денег из неговорчивых меценатов? — недоумевал Школьников.

— А что мелочиться? — удивился Турецкий. — Уговаривать каждого, упрашивать? Поставить всех в одну шеренгу у стенки и объяснить популярно, как тяжело быть зеком... «Непосредственное руководство данным подразделением. — медленно, скрипя зубами, прочел Турецкий, — осуществлял помощник первого заместителя министра внутренних дел подполковник внутренней службы Бойко А. И.». — Он все еще немного жалел, что не удалось задушить Бойко собственными руками.

Но мафиози от Фемиды не ограничились упорядочиванием деятельности уже купленных чиновников. Планировались и проводились конкретные мероприятия по нейтрализации тех, кто не продавался. Обнаружился целый список и работников милиции и юстиции, которым за свою честность (или

несговорчивость) предстояло с треском покинуть ряды блюстителей порядка.

Турецкий просмотрел список.

— Надо же, еще один рейтинг... Ну конечно, опять САГ «Аист»... Оказывается, в милиции и органах прокуратуры во всей Москве, по мнению составителей, обнаружилось только сто четыре относительно честных человека.

— Смотри, нас не забыли, — с некоторым удовлетворением, но все же удивился Меркулов, подчеркивая в списке свою и Школьникову фамилии. А вот тебя с Грязновым, как ни странно, нет. — Меркулов подозрительно взглянул на подчиненного. — Интересно, вас уже купили или сочли, что дозреваете?

Турецкий вспомнил пробные шары Бойко и ухмыльнулся.

Некоторые фамилии из списка совсем недавно мелькали в ведомственных распоряжениях и газетах. Сразу же вспомнилось, что в последнее время действительно несколько человек были уволены из органов и осуждены за взяточничество.

— Что делать будем? — спросил Турецкий, обращаясь в первую очередь к Меркулову и преследуя при этом двойную цель. — У нас есть все факты, что эти уроды с помощью высокопоставленных юристов организовали своеобразную высшую судебную палату! Но не к генеральному же с этими бумагами идти, он против себя дело возбуждать не станет. — Турецкий последний раз отчаянно провоцировал Костю. Но тот все же не раскололся.

— Придумаем что-нибудь, — буркнул Константин Дмитриевич. — Копии снимите, документы под замок и никому ни слова. Все. — Он развернулся и ушел к себе придумывать выход из этой запертой

комнаты. И вдруг остановился и, иронично глядя на Турецкого поверх очков, сказал:

— Ну, теперь-то правда о генеральном не имеет большого значения, ронять его авторитет больше некуда.

Турецкий внутренне напрягся. Школьников тоже был наслышан о таинственном исчезновении главного прокурора страны.

— Генеральный болен, — сказал Меркулов. — То есть действительно был болен. Все это время он лежал в Институте проктологии. Вчера он мне достоверительно и с некоторой гордостью сообщил по телефону, что по качеству операций иссечения геморроидальных узлов Россия стоит на одном из первых мест в мире. И что в медицинских кругах поговаривают, что в СССР в шестидесятые годы тайно оперировали английскую королеву. Вот уж действительно встрял мужик на свою задницу.

Ожил телефон. Турецкий машинально посмотрел на часы — полдень — и включил динамик аппарата. Оттуда раздался встревоженный голос жены:

— Саша, ты слышал, что случилось?

— Все, что могло, давно уже случилось...

— Да включи хоть телевизор, что ли. Там, в Шереметьеве какая-то катастрофа опять, кажется...

Сыщики устало переглянулись. Хорошенькое начало месяца.

Турецкий с тяжелым сердцем включил «ящик». Действительно, шел прямой репортаж из Шереметьева. Понять, что происходит, было весьма затруднительно. Поломанные столики кафе, груды разбитого стронтового материала, пыль. Шум, крики. Где-то рядом мелькали отсветы коротких вспышек. Знакомая спортивная комментаторша НТВ захлебывалась от восторга:

— Не выдержав людского потока, рванувшего навстречу «отстойнику», рухнула плита перекрытия с потолка второго этажа... И вот — они все-таки здесь! Они с нами! Несмотря ни на что! Лучшие в мире хоккеисты! Профессионалы НХЛ! Четыре первые команды по итогам национального чемпионата! Приехали в Россию! Чтобы шесть месяцев без остановки играть в хоккей на наших площадках!

Съемочная группа сумела протиснуться, и на экране появились знаменитые физиономии, немного вытянутые и уставшие от длинного перелета.

Турецкий увидел длинный нос Уэйна Гретцки, узкие глаза Пола Карики, квадратные плечи Криса Челиоса и обесцвеченные волосы Джо Сакика. И вспомнил свой сон. Не такие уж они были страшные.

ТУРЕЦКИЙ

1 марта, день

Зам генерального Константин Дмитриевич достал из незакрытого сейфа традиционные две трети коньяка...

Они выпили, как водится, за успешное окончание безнадежного предприятия, за генеральские погонялы Турецкого, которых он никогда не получит, за российских проктологов, лучших проктологов в мире, за нового генерального, каким бы кретином он ни оказался, за дежурную медсестру второго хирургического отделения госпиталя МВД...

— Все очень просто, — объяснял Школьников, почему сумасшедшая идея Турецкого попала в «яблочко». — После того как Лозинский понял, что

минюст собирается «навечно зачислить его в списки части», он больше не мог доверять компьютерам и банковским сейфам, он изъясил всю бухгалтерию «Картеля» и решил держать ее под рукой, возможно, в качестве потенциального шантажа — как последнего аргумента в борьбе с минюстом. Ну а тут вся-ма кстати подвернулся джип Грязнова-младшего. Чужая разбитая машина на стоянке автосервиса — идеальный тайник.

— Но его же должны были починить буквально через несколько дней, — не слишком убежденно возразил Турецкий.

— Да, это Лозинский так вам обещал. Ну а на деле авторемонт мог тянуться сколько угодно, и при этом тайник всегда оставался у Лозинского под рукой...

— И это, кстати, единственный шанс того, что Лозинский еще в России или еще сюда вернется, — задумчиво заметил Меркулов.

— Лозинский занял деньги у Крэйга под проект «Хоккей третьего тысячелетия».

— У Крэйга?!

— Ну конечно, помните, Сан Борисыч, нашу первую встречу? Я еще тогда следил за перемещениями Крэйга, а когда он встретился с Лозинским, вы, наверно, решили, что я перебегаю вам дорогу...

Турецкий с досадой махнул рукой, дескать, что за чушь, продолжай давай скорей.

— Так вот, Лозинский якобы собирался для популяризации хоккея с шайбой привезти в Россию на год лучшие клубы НХЛ. То есть это совет директоров так считал, что — якобы. Министру юстиции и его партнеру даже в голову не могло прийти, что Лозинский настолько раскрутит эту идею, что она воплотится даже без его участия!

— Проект, конечно, потрясающий и в спортивном плане просто беспрецедентный, — не мог не признать Меркулов. — Только представьте, во сколько это обошлось: в каждой из этих команд до пяти игроков, получающих до пяти миллионов долларов в год, а еще жилье для них, а их семьи, а экипировка, а судьи, а рекламная кампания, а гонорары хозяевам клубов, а компенсационные выплаты заокеанским болельщикам, уже купившим абонементы на весь год?!

— Но где тут криминал? — не то поддакнул, не то возразил Школьников. — Мало ли кто и подо что выпрашивает у западных денежных мешков средства? А вот спортивную лотерею, этот «Всероссийский хоккейный заём», уже сварганил замминистра МВД, его детище. Никакой причастности Лозинского к этой обдиравке я не обнаружил.

Турецкий тем временем вспомнил утренний звонок Грязнова, когда он просил проверить свой выигрышный номер, и откровенно заржал. Школьников смотрел на него с недоумением, Меркулов — с некоторым сожалением.

— Ладно, — сказал Турецкий, ничего не объясняя. — Расскажи нам, Семен, финансовую подоплеку.

— Сама афера была проста, как пять копеек (что, кстати, в связи с деноминацией имеет смысл), и заключалась в следующем. Лозинский занял деньги у Крэйга, чтобы в свою очередь открыть кредит Казахстану. А казахи потом в счет долга, выставшего как на дрожжах, с радостью позволили Лозинскому приватизировать земельный участок, как только тот об этом заикнулся, причем на имя тещи-казашки Ширибаевой (что, кстати, заранее снимало возможные обвинения в непатриотизме).

— Это выглядит как-то... малоправдоподобно, — предположил Турецкий.

— Верно. Отдельные участки земли, первоначально никак не граничащие друг с другом, отдавались в обмен на колоссальные проценты, которые набегали с общей суммы долга.

— Минутку, — вмешался Меркулов. — Сколько же именно казахи заняли у «Артельбанка»?

— Полмиллиарда долларов.

— Да... Полмиллиарда — это неплохо. Очень неплохо. Самого миллиарда нет, а слово — звучит.

— Как только нарастали новые проценты с кредита, Лозинский получал очередной кусок земли, то есть якобы не он, а Ширинбаева. В конце концов, получилось так, что эти отдельные участки сложились в мозаику, в центре которой был ни больше ни меньше... космодром Байконур.

Воцарилась неловкая пауза.

— Ты шутишь, — пробормотал Меркулов.

— Да ничуть! — Школьниковым овладел какой-то спортивный азарт. — В том-то и дело, это был грандиозный по своему нахальству план, и он сработал. Сработал! Байконур был у Лозинского в кармане! А сам он потом якобы — на орбите!

— Похоже, он там решил устроить презентацию.

— Ну. После этого Лозинский уже землю в Казахстане не покупал, она ему была ни к чему, вот Байконур — это другое дело, тут он знает толк, теперь Центр подготовки космических полетов у него в руках. А вы представляете, какие это проекты, какие деньги?!

— Елки-палки, — не мог не признать Турецкий. — Теперь понятно, за каким чертом минюсту понадобилась эта афера с усыновлением дауна. Ока-

зывается, тут на наших глазах шла драка за Байконур...

— Но ведь проценты на кредит продолжали расти? — спросил Меркулов, он, казалось, уже ничему не удивлялся. — Или Лозинский их простил со свойственным, так сказать, «Артельбанку» благородством?

— В каком-то смысле да. Дело в том, что постепенно он просто монополизировал весь импорт из Казахстана. А какой там импорт — хлеб да уголь. Причем Лозинский купил казахов в своем стиле, — полностью на подставных лиц и с помощью вымышленных фирм. То есть факт его монополии на внешнюю торговлю с казахами остался скрыт.

— Я догадался, что последовало дальше. Лозинский наверняка заставил казахов продавать их по демпинговым ценам.

— Не совсем. По крайней мере, он всегда готов был это сделать. И эта угроза висела над казахами как дамоклов меч, да только дети степей того и не знали, так что спали они, в общем, спокойно.

— Я думаю, формально Лозинский не инициировал создание этого Картеля правосудия, по крайней мере в качестве штатного идеолога он в никаких документах не светится.

— А ты хотел, чтобы он хранил компромат на самого себя?

— Неплохо было бы, — мечтательно протянул Школьников. — Но он спровоцировал МВД, Министерство юстиции и уголовных «авторитетов» на объединение в такой своеобразный синдикат власти. Преследуя при этом, между прочим, исключительно личные цели, никак не связанные с интересами других членов совета директоров. Например, в

случае с казахским экспортом картель, уголовники и Фемида контролировали процесс, естественно, все получали свою долю. Но как человек чрезвычайно проницательный, Лозинский прекрасно понимал, кем детище будет использоваться. Ведь сам-то он был в первую очередь искусный жонглер и манипулятор огромными капиталами, землями и продуктами, причем все это к его собственности не имело ни малейшего отношения!

— Похоже, ты им восхищаешься, — хмуро заметил Турецкий.

— В конце концов, почему бы и нет. Лозинский — настоящий бизнесмен новой формации, изворотливый, хитрый, изобретательный, исправно уплачивающий в казну все налоги. Государство от него почти не страдало.

— Бросьте, Семен, — неожиданно резко оборвал его Меркулов. — Ничего нового и законопослушного в этом нет. Суть этого «Картеля» или совета директоров, называйте как хотите, стара как мир: все та же пресловутая борьба за власть, не за парламентское большинство, а за реальную власть, но только на этот раз их власть должна была базироваться на трех китах.

— Деньги, государственные органы правосудия плюс авторитеты преступного мира, — подсказал Турецкий.

— Верно. И этот симбиоз мог стать чрезвычайно опасным. Конечно, они изобрели велосипед: ведь и прежде десятилетиями миллионы миллионов долларов вкладывались в бизнес по всему миру. Мафиози, такие же лозинские и минюсты, оказывали влияние на международную политику, финансировали революции, избирали сенаторов и губернаторов, а

возможно, и президентов! Их боссы занимали ключевые позиции в промышленности и коммерции и при этом слыли порядочными людьми и филантропами, как ваш Крэйг. Обыватель уже не может сказать, где кончается легальное предпринимательство и начинается мошенничество. И знаете, что я думаю по этому поводу? На самом деле он просто не желает этого знать. И это, вероятно, величайшее «достижение» организованной преступности, которое нам не перечеркнуть никогда!

Турецкий удовлетворенно потер нос, но чихать не стал. Насморк кончился вместе с зимой.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
ВРЕМЯ ЧИХАТЬ
5

Часть вторая
ЖЕНСКАЯ УЧАСТЬ
189

Часть третья
ПАНТЕРА ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ
302

Часть четвертая
КОНЕЦ ЗАКОНА МЕРФИ
374

Литературно-художественное издание

Фридрих Евсеевич Незнанский

КАРТЕЛЬ ПРАВОСУДИЯ

Редактор *В. Викторов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *И. А. Герцев*
Технический редактор *Н. Сидорова*
Корректор *Е. Новикова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.05.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,2.
Доп. тираж 40 000 экз. Заказ № 1792.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

«Олимп».
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU.
E-mail: AST@POSTMAN.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

Незнанский Ф. Е.

Н 44 **Картель правосудия: Роман / Худож. М. Закиров. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — 480 с.— (Марш Турецкого).**

ISBN 5-7390-0790-9 («Олимп»)

ISBN 5-237-00932-8 (ООО «Фирма «Издательство АСТ»)

При загадочных обстоятельствах умирает Председатель Верховного Суда России. Но его смерть сопряжена с не менее драматическими событиями: исчезновением дочери, преуспевающей хозяйки ресторана, и гибелью крупнейшего уголовного «авторитета». По личному указанию Президента сформирована следственная бригада, возглавляемая «важняком» Александром Турецким, который приходит к выводу, что правоохранительная система и судебная власть, укрепляя свой авторитет, в союзе с банковским капиталом опираются на еще одну силу, страшную и преступную.

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус)6

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Махнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Kinga и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "РУССКАЯ БОЙНЯ"

Перестрелки и погони, бандиты и следователи, небывалые по жестокости преступления и кровавая месть, войны враждующих группировок и коррупция в коридорах власти, наемные убийцы и дерзкие ограбления - новая серия "Русская бойня" буквально потрясет вас!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

При загадочных обстоятельствах умирает Председатель Верховного Суда России. Но его смерть сопряжена с не менее драматическими событиями: исчезновением дочери, преуспевающей хозяйки ресторана, и гибелью крупнейшего уголовного «авторитета».

По личному указанию Президента сформирована следственная бригада, возглавляемая «важняком» Александром Турецким, который приходит к выводу, что правоохранительная система и судебная власть, укрепляя свой авторитет, в союзе с банковским капиталом опираются на еще одну силу, стро...

Картель правосудия